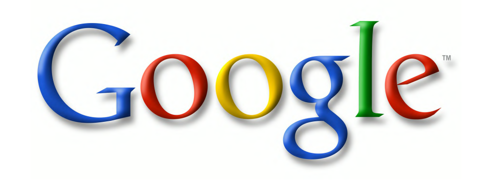

UC-NRLF
$B 82 245

М. Бубликовъ и Н. Гольденбергъ.

РУССКАЯ ШКОЛА.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ОБРАЗЦОВЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

ДЛЯ КЛАССНАГО и ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ.

Съ біографіями русскихъ писателей, матеріаломъ для письменныхъ упражненій и объяснительнымъ словаремъ.

Цѣна 80 коп.

Для старшихъ отдѣленій преимущественно тѣхъ училищъ, въ которыхъ обучаются не коренныя русскія дѣти.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена (въ 1-мъ изд.) въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки (см. Журналъ М. Н. Пр. за сентябрь 1902 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ **Т-ва М. О. Вольфъ**, Гостин. дв., № 18.

1903.

Тѣхъ же авторовъ: 1) „Русская Школа". Ч. I. Букварь и Первая послѣ букваря книга для чтенія Ц. 20 коп. 2) „Русская Школа". Ч. II. Книга для чтенія. Ц. 30 к. 3) „Русская Школа". Ч. III. Книга для „чтенія. Ц. 50 к. 4) „Русская Школа". Замѣтки для преподающихъ по книгѣ того же названія. Ц. 25 к.

Дозволено цензурою.--С.-Петербургъ 7-го февраля 1903 г.

Вильна, Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. домъ, № 88.

I. СКАЗКИ.

---

1. Три копеечки.

Жилъ былъ купецъ именитый; въ одно время приходитъ къ нему невѣдомый человѣкъ и нанимается въ работники. Проработалъ годъ и проситъ у купца расчета, тотъ ему даетъ заслуженное жалованье, а работникъ беретъ за свою работу только одну копеечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ въ воду. „Если, говоритъ, я служилъ вѣрой и правдой, то моя копейка не утонетъ!“ Копеечка утонула. Опять онъ пошелъ къ тому же купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ сколько надо, а работникъ опять беретъ одну копеечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ на старое мѣсто и бросаетъ въ воду. Копеечка утонула. Пошелъ третій годъ къ купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ еще больше прежняго за усердную его службу, а работникъ беретъ опять одну копеечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ ее въ воду; глядь—всѣ три копеечки поверхъ воды!

Онъ взялъ ихъ и пошелъ вдоль по дорогѣ въ свое мѣсто. Вдругъ ему попадается купецъ—къ обѣднѣ идетъ; онъ даетъ тому купцу копеечку и проситъ свѣчку образамъ поставить. Купецъ взошелъ въ церковь, вынулъ изъ кармана своего деньги на свѣчи и какъ-то обронилъ ту копеечку на полъ. Вдругъ отъ этой копеечки огонь возгорѣлся; люди въ церкви изумились, спрашиваютъ: „кто копеечку обронилъ?“ Купецъ говоритъ: „я обронилъ, а мнѣ ее далъ на свѣчу какой-то работникъ“. Люди взяли по свѣчѣ и зажгли отъ этой копеечки.

А работникъ тѣмъ временемъ продолжалъ свой путь впередъ. На дорогѣ попадается ему другой купецъ—на ярмарку ѣдетъ; работникъ вынимаетъ изъ кармана копеечку, отдаетъ купцу и говоритъ: „купи мнѣ на эту копеечку на ярмаркѣ товару“. Купецъ взялъ, накупилъ себѣ товару, думаетъ: чего бы еще купить? и вспомнилъ про копеечку. Вспомнилъ и не знаетъ, что бы на нее купить. Попадается ему мальчикъ, продаетъ кота и проситъ за него ни больше, ни меньше, какъ одну копеечку. Купецъ не нашелъ другого товара и купилъ кота. Потомъ поплылъ онъ въ чужое государство торгъ вести. А на то царство напало множество мышей. Стали корабли въ пристани. Котъ то-и-дѣло изъ корабля выбѣгаетъ и мышей поѣдаетъ. Узналъ про то царь, спрашиваетъ купца: „дорогъ ли этотъ звѣрь?“ Купецъ говоритъ: „не мой звѣрь; мнѣ велѣлъ его купить одинъ молодецъ“—и нарочно молвилъ, что стоитъ трехъ кораблей. Царь отдалъ три корабля купцу, а кота взялъ себѣ.

Воротился купецъ назадъ, а работникъ вышелъ на рынокъ, нашелъ его и говоритъ: „Купилъ ты мнѣ на копеечку товару?“ Купецъ отвѣчаетъ: „Нельзя потаить—купилъ три корабля“. Работникъ взялъ три корабля и поплылъ по морю. Долго ли, коротко ли—приплылъ къ одному острову; на томъ островѣ стоитъ большой городъ. Остановились корабли въ пристани, пошелъ работникъ въ городъ; а въ городѣ плачь великій: у царя дочь умираетъ. Вотъ работникъ пошелъ въ церковь, вынулъ изъ кармана послѣднюю копеечку и купилъ свѣчку,

съ тою свѣчкой пришелъ онъ во дворецъ къ царю и сказалъ, что царевна не умретъ. Царь привелъ его въ теремъ, гдѣ лежала больная царевна. Онъ зажегъ свѣчу, поставилъ ее къ образамъ, помолился Богу, и царевна на другой же день стала здорова. Царь такъ обрадовался, что наградилъ работника на всю жизнь.

Народная.

2. Сивка-бурка.

Было у старика трое сыновей: двое умныхъ, а третій—Иванушка-дурачокъ; день и ночь дурачокъ на печи.

Посѣялъ старикъ пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночамъ толочить и травить. Вотъ старикъ и говоритъ дѣтямъ: „Милыя мои дѣти, стерегите пшеницу каждую ночь, поочередно, узнайте, кто ее травитъ, и поймайте его“.

Приходитъ первая ночь. Отправился старшій сынъ пшеницу стеречь, да захотѣлось ему спать: забрался онъ на сѣновалъ и проспалъ до утра. Приходитъ утромъ домой и говоритъ: „всю ночь я не спалъ, иззябъ, а никого не видалъ“. На вторую ночь пошелъ средній сынъ и также всю ночь проспалъ на сѣновалѣ. На третью ночь приходитъ черёдъ дурачку итти. Взялъ онъ арканъ и пошелъ. Пришелъ на межу и сѣлъ на камень; сидитъ, не спитъ, дожидается, что будетъ.

Въ самую полночь прискакалъ на пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая—серебряная; бѣжитъ—земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ. И сталъ тотъ конь пшеницу ѣсть: не столько ѣстъ, сколько топчетъ. Подкрался Иванушка-дурачокъ на четверенькахъ къ коню и разомъ накинулъ ему на шею арканъ. Рванулся конь изо всѣхъ силъ—не тутъ-то было! Иванушка уперся, арканъ шею давитъ. И сталъ тутъ конь молить: „отпусти ты меня, Иванушка, а я тебѣ великую сослужу службу“. —Хорошо, отвѣчаетъ Иванушка-дурачокъ: да какъ я тебя потомъ найду?—„Выйди за околицу, говоритъ конь, свистни три раза и крикни: Сивка-бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!—я тутъ и буду“. Отпустилъ коня Иванушка-дурачокъ и взялъ съ него слово—пшеницы больше не ѣсть и не топтать.

Пришелъ Иванушка домой.—Ну, что видѣлъ? спрашиваютъ братья.—„Поймалъ я, говоритъ Иванушка, разношерстнаго коня; пообѣщался онъ больше не ходить въ пшеницу—вотъ я его и отпустилъ“. Посмѣялись вволю братья надъ дурачкомъ; но только ужъ съ этой ночи никто пшеницы не трогалъ.

Скоро послѣ этого стали по деревнямъ и городамъ бирючи отъ царя ходить, кличъ кликать: „Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мѣщане и простые крестьяне, всѣ къ царю на праздникъ, на три дня; берите съ собой лучшихъ коней, и кто на своемъ конѣ до царевнина терема доскачетъ и съ царевниной руки перстень сниметъ, за того царь царевну замужъ отдастъ“.

Стали собираться на праздникъ и Иванушкины братья: не то, чтобы ужъ самимъ скакать, а хоть на другихъ посмотрѣть. Уѣхали братья; а Иванушка-дурачокъ взялъ у невѣстокъ лукошко и пошелъ грибы брать. Вышелъ Иванушка въ поле, лукошко бросилъ, свистнулъ три раза и крикнулъ: „Сивка-бурка, вѣщій

коурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Конь бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валитъ; прибѣжалъ и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. „Ну, говоритъ: влѣзай мнѣ, Иванушка, въ правое ухо, въ лѣвое вылѣзай“. Влѣзъ Иванушка коню въ правое ухо, въ лѣвое вылѣзъ—и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Сѣлъ тогда Иванушка на коня и поскакалъ на праздникъ къ царю. Прискакалъ на площадь передъ дворцомъ, видитъ: народу видимо-невидимо; а въ высокомъ терему, у окна, царевна сидитъ: на рукѣ перстень—цѣны нѣтъ, собою красавица изъ красавицъ. Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ—только на три вѣнца до царевнина окна не допрыгнулъ. Удивился народъ, а Иванушка повернулъ коня и поскакалъ назадъ; братья его не скоро посторонились, такъ онъ ихъ шелковою плеткой хлеснулъ. Народъ кричитъ: „держи! держи его!“—а Иванушкинъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Выѣхалъ Иванъ изъ города, слѣзъ съ коня, влѣзъ къ нему въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ и сталъ опять прежнимъ Иванушкой-дурачкомъ. Отпустилъ Иванушка коня, набралъ лукошко мухоморовъ и принесъ домой: „Вотъ вамъ, хозяюшки, грибковъ!“ говоритъ. Разсердились тутъ невѣстки на Ивана: „Что ты за грибы принесъ? иль не видишь? развѣ тебѣ одному ихъ ѣсть?“ Усмѣхнулся Иванъ и опять залегъ на печь. Пришли братья домой и разсказываютъ отцу, какъ они въ городѣ были и что видѣли; а Иванушка лежитъ на печи да посмѣивается.

На другой день старшіе братья опять на праздникъ поѣхали, а Иванушка взялъ лукошко и пошелъ за грибами. Вышелъ въ поле, свистнулъ, гаркнулъ: „Сивка-бурка, вѣщій коурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Прибѣжалъ конь и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. Перерядился опять Иванъ и поскакалъ на площадь. Видитъ—на площади народу еще больше прежняго; всѣ на царевну любуются, а прыгать никто не думаетъ: кому охота шею ломать? Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ—и только на два вѣнца до царевнина окна не досталъ. Поворотилъ Иванушка коня, хлеснулъ братьевъ, чтобы посторонились, и ускакалъ. Приходятъ братья домой, а Иванушка уже на печи лежитъ, слушаетъ, что братья разсказываютъ, и посмѣивается.

На третій день опять братья поѣхали на праздникъ; прискакалъ и Иванушка. Стегнулъ онъ своего коня плеткой. Осерчалъ конь пуще прежняго; прыгнулъ и—досталъ до окна. Иванушка поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, схватилъ съ ея пальца дорогой перстень, повернулъ коня и ускакалъ. Тутъ ужъ и царь, и царевна стали кричать: „держи! держи его!“—а Иванушкинъ и слѣдъ простылъ.

Пришелъ Иванушка домой; одна рука тряпкой обмотана. „Что это у тебя такое?“ спрашиваютъ Ивана невѣстки.—Да вотъ, говоритъ, искавши грибовъ, сучкомъ накололся—и полѣзъ Иванъ на печь. Пришли братья, стали разсказывать, что и какъ было; а Иванушкѣ на печи захотѣлось на перстенекъ посмотрѣть; какъ приподнялъ онъ тряпку, избу такъ всю и осіяло. „Перестань ты тамъ съ огнемъ баловать!“ крикнули братья: „экій дурень! избу еще сожжешь; пора тебя совсѣмъ изъ дому прогнать!“

Дня черезъ три идетъ отъ царя кличъ, чтобы весь народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, собирался къ нему на пиръ, и чтобы никто не смѣлъ дома оставаться; а кто царскимъ пиромъ побрезгаетъ, тому будетъ худо. Нечего тутъ дѣлать; пришелъ на пиръ самъ старикъ со всей семьей. Пришли, за столы дубовые посадилися; пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ. Въ концѣ пира стала царевна медомъ изъ своихъ рукъ гостей обносить. Обошла всѣхъ, подходитъ къ Иванушкѣ послѣднему; а онъ-то хуже всѣхъ: платье въ заплаткахъ, самъ неумытый, одна рука тряпкой завязана... просто страсть! „Зачѣмъ это у тебя, молодецъ, рука обвязана? спрашиваетъ царевна: развяжи-ка!“ Развязалъ Иванушка; а на пальцѣ царевнинъ перстень — такъ всѣхъ и осіялъ. Взяла тогда царевна Иванушку за руку, подвела къ отцу и говоритъ: „вотъ, батюшка, мой суженый“.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одѣли въ царское платье, и сталъ онъ такимъ молодцомъ, что отецъ и братья глядятъ — и глазамъ своимъ не вѣрятъ. Сыграли свадьбу царевны съ Иванушкой и сдѣлали такой пиръ, что гости насилу домой воротились.

Народная.

3. Сказка о серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ.

Жилъ мужикъ съ женой и у нихъ было три дочери: двѣ нарядницы-затѣйницы, а третья дочь простовата и зовутъ ее сестры — а за ними отецъ и мать — дурочкой. Дурочку вездѣ толкаютъ, во все помыкаютъ, работать заставляютъ; она не молвитъ ни слова, на все готова: и траву полетъ, и лучину колетъ, коровушекъ доитъ, уточекъ кормитъ. Кто что ни спроситъ, все дура приноситъ; дура, поди; за всѣмъ, дура, гляди.

Ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ на ярмарку, обѣщаетъ дочерямъ гостинцевъ купить. Одна дочь проситъ: „купи мнѣ, батюшка, кумачу на сарафанъ“; другая дочь проситъ: „купи мнѣ алой китайки“, а дура молчитъ да глядитъ. Хоть дура, да дочь; жаль отцу, и ее спросилъ: „Что тебѣ, дура, купить?“ Дура усмѣхнулась и говоритъ: „Купи мнѣ, свѣтъ-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко“. — „Да на что тебѣ?“ сестры спросили. „Стану я катать яблочкомъ по блюдечку, да слова приговаривать, которымъ научила меня старушка за то, что я ей колачъ подала“. Мужикъ обѣщалъ и поѣхалъ; близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, былъ онъ на ярмаркѣ, сѣно продалъ, гостинцевъ купилъ: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафанъ, а дурѣ серебряное блюдечко да наливное яблочко. Возвратился домой и показываетъ. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смѣются, да ждутъ, что́ она будетъ дѣлать съ серебрянымъ блюдечкомъ, съ наливнымъ яблочкомъ. Дура не ѣстъ яблочка, а сѣла въ углу, приговариваетъ: „Катись, катись, яблочко, по серебряному блюдечку: показывай мнѣ города и поля, и лѣса, и моря, и горъ высоту, и небесъ красоту“. Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному; на блюдечкѣ всѣ города, одинъ за другимъ, видны, корабли на моряхъ и полки на поляхъ, и горъ высота, и небесъ красота; солнышко за солнышкомъ катится, звѣзды въ хороводъ собираются, такъ все красиво — на диво, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Заглядѣлись сестры, а самихъ зависть беретъ, — какъ бы выманить у дуры блюдечко; но

она свое блюдечко ни на что не промѣняетъ. Злыя сестры похаживаютъ, зовутъ, подговариваютъ: „Душенька-сестрица, въ лѣсъ по ягоды пойдемъ! земляничку сберемъ!“ Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да въ лѣсъ пошла; съ сестрами бродитъ, ягоду сбираетъ, и видитъ, что на травѣ заступъ лежитъ. Вдругъ злыя сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили, а къ отцу поздно пришли, говорятъ: „Дурочка отъ насъ убѣжала, безъ вѣсти пропала; мы лѣсъ обошли, ее не нашли! видно, волки съѣли!“ Жалко отцу,—хоть дура, да дочь. Плачетъ мужикъ по дочери; взялъ онъ блюдечко и яблочко, положилъ въ ларецъ да замкнулъ, а сестры слезами обливаются.

Водитъ стадо пастушокъ, трубитъ въ трубу на зарѣ и идетъ по лѣску овечку отыскивать; видитъ онъ бугорокъ подъ березкой въ сторонкѣ, а на немъ вокругъ цвѣты алые, лазоревые; надъ цвѣтами тростинка. Пастушокъ молодой срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ дудочку, и—диво дивное, чудо чудное! дудочка сама поетъ, выговариваетъ: „играй, играй, дудочка! потѣшай свѣта-батюшку, мою родимую матушку и голубушекъ сестрицъ моихъ; меня, бѣдную, загубили, со свѣта сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко“. Люди слышатъ—сбѣжались; вся деревня за пастухомъ оборотилась; пристаютъ къ пастуху, выспрашиваютъ: кого загубили? Отъ разспросовъ отбоя нѣтъ. „Люди добрые!“—пастухъ говоритъ,—„ничего я не вѣдаю; я въ лѣсу искалъ овечку—и увидѣлъ бугорокъ; на бугоркѣ цвѣточки, надъ цвѣточками тростинка; срѣзалъ я тростинку, сдѣлалъ себѣ дудочку; сама играетъ, выговариваетъ“. Случился тутъ отецъ дурочки, слышитъ пастуховы слова; схватилъ дудочку, а дудочка сама поетъ: „играй, играй, дудочка, родимому батюшкѣ, потѣшай его съ матушкой; меня, бѣдную, загубили, со свѣта сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко!“—„Веди насъ, пастухъ“, говоритъ отецъ, „туда, гдѣ срѣзалъ тростинку“. Пошелъ за пастухомъ онъ въ лѣсокъ, на бугорокъ, и дивится на цвѣты прекрасные, цвѣты алые, лазоревые. Вотъ начали разрывать бугорокъ и мертвое тѣло отрыли. Отецъ всплеснулъ руками, застоналъ, дочь несчастную узналъ,—лежитъ она убитая, невѣдомо кѣмъ загублена, невѣдомо кѣмъ зарытая. И добрые люди спрашиваютъ: кто убилъ-загубилъ ее? А дудочка сама играетъ, выговариваетъ: „свѣтъ мой, батюшка родимый! меня сестры въ лѣсъ зазвали, бѣдную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня отъ сна тяжкаго, пока не достанешь воды изъ колодезя царскаго“. Двѣ сестрицы-завистницы затряслись, поблѣднѣли, а душа, какъ въ огнѣ,—и признались въ винѣ; ихъ схватили, связали, въ темный погребъ замкнули, до царскаго указа, высокаго повелѣнья, а отецъ въ путь собрался, въ городъ престольный. Скоро ли, долго ли, прибылъ въ тотъ городъ; ко дворцу онъ приходитъ. Вотъ съ крыльца золотого царь-солнышко вышелъ; старикъ въ землю кланяется, царской милости проситъ. Возговорилъ царь-надёжа: „Возьми, старикъ, живой воды изъ царскаго колодезя. Когда дочь оживётъ, представь её намъ съ блюдечкомъ, съ яблочкомъ, съ лиходѣйками-сёстрами“. Старикъ радуется, въ землю кланяется, и домой везётъ скляницу съ живой водою; бѣжитъ онъ въ лѣсокъ, на цвѣтной бугорокъ, отрываетъ тамъ тѣло. Лишь онъ спрыснулъ водой, встала дочь передъ нимъ живой, и припала голубкой на шею отцу. Люди сбѣжались, наплакались. Поѣхалъ старикъ въ престольный городъ, привели его въ царскія палаты. Вышелъ царь-солнышко, видитъ старика съ тремя дочерьми: двѣ за руки связаны,

а третья дочь—какъ весенній цвѣтъ, очи—райскій свѣтъ, по лицу—заря, изъ очей слёзы катятся, будто жемчугъ падаютъ. Царь глядитъ, удивляется, на злыхъ сестёръ прогнѣвался, а красавицу спрашиваетъ: „Гдѣ жъ твоё блюдечко и наливное яблочко?“ Тутъ взяла она ларчикъ изъ рукъ отца, вынула яблочко съ блюдечкомъ, а сама царя спрашиваетъ: „Что ты, царь-государь, хочешь видѣть? Города ль твои крѣпкіе? Полки ль твои храбрые? Корабли ли на морѣ? Чудныя ли звѣзды на небѣ?“ Покатила наливнымъ яблочкомъ по серебряному блюдечку, а на блюдечкѣ-то одинъ за однимъ города выставляются: въ нихъ полки собираются, со знамёнами, со пищалями, въ боевой строй становятся; воеводы передъ строями, головы передъ взводами, десятники передъ десятками. И пальба, и стрѣльба, дымъ облако свилъ, всё изъ глазъ скрылъ. Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечкѣ море волнуется, корабли, какъ лебеди, плаваютъ, флаги развѣваются, съ кормы стрѣляютъ. И стрѣльба, и пальба, дымъ облако свилъ, всё изъ глазъ скрылъ. Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: въ блюдечкѣ всё небо красуется, солнышко за солнышкомъ кружится, звѣзды въ хороводъ собираются. Царь удивлёнъ чудесами, а красавица обливается слезами, передъ царемъ въ ноги падаетъ, проситъ помиловать: „Царь-государь!“—говоритъ она—„возьми моё серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестеръ моихъ, за меня не губи ты ихъ!“ Царь на слёзы ея сжалился, по прошенію помиловалъ; она въ радости вскрикнула, обнимать сестеръ бросилась. Царь глядитъ, изумляется; взялъ красавицу за руки, говоритъ ей привѣтливо: „Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мнѣ супругою, царству доброй царицею?“—„Царь-государь“,—отвѣчаетъ красавица:—„твоя воля царская, а надъ дочерью воля отцовская, благословеніе родной матери. Какъ отецъ велитъ, какъ мать благословитъ, такъ и скажу“. Отецъ въ землю поклонился; послали за матерью. Мать благословила дочь. „Ещё къ тебѣ слово“, сказала царю красавица: „не отлучай родныхъ отъ меня; пусть со мною будутъ и мать, и отецъ, и сёстры мои“. Тутъ сёстры ей въ ноги кланяются: „недостойны мы“, говорятъ онѣ.—„Всё забыто, сёстры любезныя“, говоритъ она имъ: „вы родныя мнѣ, не съ чужихъ сторонъ, а кто старое зло помнитъ, глазъ тому вонъ!“ Такъ сказала она, улыбнулась, и сестёръ поднимала, а сёстры въ раскаяніи плачутъ, какъ рѣка льётся, встать съ земли не хотятъ. Тогда царь имъ встать приказалъ, кротко на нихъ посмотрѣлъ, во дворцѣ остаться велѣлъ. Пиръ во дворцѣ! крыльцо всё въ огняхъ, какъ солнце въ лучахъ. Царь съ царицей сѣли въ колесницу, земля дрожитъ, народъ бѣжитъ: „здравствуй“, кричитъ, „на многіе вѣка царь съ царицей!“

Народная.

4. Сказочное царство.

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;

Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый;
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.

А. Пушкинъ.

5. Морозъ Ивановичъ.

Въ одномъ домѣ жили двѣ дѣвочки: рукодѣльница и лѣнивица. Рукодѣльница была умная дѣвочка: рано вставала, сама, безъ матери, одѣвалась и сейчасъ за дѣло принималась: печку топила, хлѣбы мѣсила, избу мела, пѣтуха кормила, и потомъ на колодецъ за водой ходила. А лѣнивица въ это время въ постелѣ лежала; ужъ давно къ обѣднѣ звонятъ, а она все еще потягивается, съ боку на бокъ переваливается; ужъ развѣ наскучитъ лежать, такъ скажетъ съ просонья: „Мама! надѣнь мнѣ чулочки... мама, застегни платьице“; а потомъ спроситъ: „нѣтъ ли булочки?“ Встанетъ, попрыгаетъ, да и сядетъ къ окну мухъ считать; а какъ всѣхъ пересчитаетъ, такъ ужъ и не знаетъ, за что приняться, и чѣмъ бы заняться: сидитъ да жалуется, что ей скучно. Между тѣмъ рукодѣльница воротится домой, воду процѣдитъ да въ кувшины нальетъ; а потомъ примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки кроить да шить, и никогда ей не было скучно.

Однажды съ рукодѣльницей бѣда приключилась: пошла она на колодецъ за водой, опустила въ колодецъ ведро, а веревка-то и оборвалась: упало ведро въ воду. Какъ тутъ быть?... Расплакалась она, да и пошла къ матери разсказать про свою бѣду. А мать только лѣнивицу баловала, съ рукодѣльницей же была строга; говоритъ: „сама бѣду сдѣлала, сама и поправляй; сама ведерко утопила, сама и доставай“. Нечего было дѣлать. Пошла бѣдняжка опять къ колодцу, ухватилась за веревку и спустилась по ней къ самому дну.

Только тутъ съ нею чудо случилось: едва спустилась, смотритъ—передъ ней печка, а въ печкѣ сидитъ пирожокъ, такой румяный, поджаристый; сидитъ, поглядываетъ да приговариваетъ: „Я совсѣмъ готовъ, подрумянился, сахаромъ да изюмомъ обжарился, кто меня изъ печи возьметъ, тотъ со мной и пойдетъ“. Рукодѣльница, ни мало не мѣшкая, схватила лопатку, вынула пирожокъ и положила его за пазуху. Идетъ она дальше; передъ нею садъ, а въ саду стоитъ дерево, а на деревѣ золотыя яблочки листьями шевелятъ и промежъ себя говорятъ: „Мы яблочки наливныя, созрѣлыя; корнемъ дерева питалися, студеной росой обливалися; кто насъ съ дерева стрясетъ, тотъ насъ себѣ и возьметъ“. Рукодѣльница подошла къ дереву, потрясла его сучокъ—золотыя яблочки такъ и посыпались къ ней въ передникъ. Идетъ она дальше, смотритъ—передъ ней сидитъ старикъ Морозъ Ива-

новичъ, сѣдой-сѣдой; сидитъ онъ на ледяной лавочкѣ да снѣжные комочки ѣстъ; тряхнетъ головой—отъ волосъ иней сыплется; духомъ дохнетъ—валитъ паръ густой.

„А!“ сказалъ онъ, „здорово, рукодѣльница! спасибо, что ты мнѣ пирожокъ принесла; давнымъ-давно ужъ я ничего горяченькаго не ѣлъ“. Тутъ онъ посадилъ ее возлѣ себя, и они вмѣстѣ пирожкомъ позавтракали и золотыми яблочками закусили. „Знаю я, зачѣмъ ты пришла“, говоритъ Морозъ Ивановичъ, „ты ведерко въ мой студенецъ уронила; отдать его тебѣ отдамъ, только ты мнѣ за то три дня прослужи; будешь прилежна—тебѣ лучше, будешь лѣнива—тебѣ же хуже. А теперь“, прибавилъ онъ, „мнѣ, старичку, и отдохнуть пора, поди-ка, приготовь мнѣ постель, да смотри—взбей хорошенько перину“.

Пошли они въ домъ. Домъ у Мороза Ивановича сдѣланъ былъ весь изо льда: и двери, и окошки, и полъ—ледяные, а по стѣнамъ все снѣжныя звѣздочки. На постелѣ у Мороза Ивановича, вмѣсто перины, лежалъ снѣгъ пушистый. Рукодѣльница принялась взбивать снѣгъ, чтобъ старику было мягче спать, и у ней, у бѣдняжки, руки окоченѣли, и пальчики покраснѣли. „Ничего!“ сказалъ Морозъ Ивановичъ, „это здорово. Я, вѣдь, старикъ добрый; посмотри, что у меня за диковина“.

Тутъ онъ приподнялъ свою снѣжную перину съ одѣяломъ, и рукодѣльница увидѣла, что подъ периною пробивается зеленая травка. Рукодѣльницѣ стало жаль травки. „Вотъ ты говоришь, что ты старикъ добрый“, сказала она, „а зачѣмъ ты зеленую травку подъ снѣжной периной держишь, на свѣтъ Божій не выпускаешь?“—„Не выпускаю потому, что еще не время; еще травка въ силу не вошла. Мужичокъ ее осенью посѣялъ, она и взошла, а кабы вытянулась, то зима бы ее захватила, и къ лѣту травка бы не вызрѣла. Вотъ я и прикрылъ молодую зелень моею снѣжною периной, да еще и самъ прилегъ на нее, чтобы снѣгъ вѣтромъ не разнесло; а вотъ придетъ весна, снѣжная перина моя растаетъ, травка заколосится, а тамъ выглянетъ и зерно, а зерно мужичокъ соберетъ да на мельницу отвезетъ; мельникъ зерна смелетъ, и будетъ мука, а изъ муки ты, рукодѣльница, хлѣбъ испечешь“.—„Ну, а скажи мнѣ, Морозъ Ивановичъ, зачѣмъ ты въ колодцѣ-то сидишь?“— „Я затѣмъ въ колодцѣ сижу, что весна подходитъ; мнѣ жарко становится. А ты знаешь, что и лѣтомъ въ колодцѣ холодно бываетъ; оттого и вода въ колодцѣ всегда студеная“.—„А зачѣмъ ты, Морозъ Ивановичъ, по улицамъ ходишь да въ окошко стучишь?“ спросила опять рукодѣльница.—„А затѣмъ въ окошко стучусь“, отвѣчалъ онъ, „чтобы не забыли печи топить да трубы вовремя закрывать. А затѣмъ еще я въ окошко стучусь, чтобы люди помнили, что они въ теплыхъ горницахъ сидятъ или надѣваютъ теплую шубу, и что есть на свѣтѣ нищіе, которымъ зимою холодно, которымъ помогать надо“. Тутъ Морозъ Ивановичъ погладилъ рукодѣльницу по головкѣ и легъ почивать. А рукодѣльница между тѣмъ все въ домѣ прибрала; пошла въ кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и бѣлье выштопала.

Старичокъ проснулся и былъ всѣмъ очень доволенъ. Такъ прожила рукодѣльница у Мороза Ивановича цѣлые три дня. На четвертый день Морозъ Ивановичъ сказалъ ей: „Спасибо тебѣ, умная ты дѣвушка; угодила ты мнѣ, старику, такъ и я у тебя въ долгу не останусь. Вотъ тебѣ твое ведерко, я въ него всыпалъ цѣлую горсть пятачковъ, да сверхъ того вотъ тебѣ булавочка съ алмазною голов-

кою—косыночку прикалывать". Рукодѣльница поблагодарила, приколола булавку, взяла ведерко, пошла опять къ колодцу, ухватилась за веревку и вышла на свѣтъ Божій. Только что она стала подходить къ дому, какъ пѣтухъ, котораго она всегда кормила, увидѣлъ ее, обрадовался, взлетѣлъ на заборъ и закричалъ: „Кукуреку, кукуреки! у рукодѣльницы въ ведеркѣ пятаки!"

Когда рукодѣльница пришла домой и разсказала, что съ нею было, мать очень обрадовалась, а потомъ приказала лѣнивицѣ также пойти къ старику послужить. Лѣнивицѣ это не по вкусу было; но пятачковъ и булавочку получить ей хотѣлось. И пошла она къ колодцу, спустилась въ него, да только назадъ оттуда уже болѣе не возвращалась.

Кн. В. Одоевскій.

6. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.

I.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зари до ночи:
Не видать милого друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый,
въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

II.

Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ, и всѣмъ взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила
И, красуясь, говорила:
„Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?"
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе".
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

III.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,

Нрава кроткаго такого.
И женихъ сыскался ей—
Королевичъ Елисѣй.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ
Да сто сорокъ теремовъ.

IV.

На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?"
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе".
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!..
„Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ—мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?" Зеркальце въ отвѣтъ:
„А царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе".
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Весть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя".
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Богъ съ тобой!"
А сама пришла домой.
„Что?" сказала ей царица:
„Гдѣ красавица дѣвица?"
— „Тамъ въ лѣсу стоитъ одна",
Отвѣчаетъ ей она:
„Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,—
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть".

V.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисѣй,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.
Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла—
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо

И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ;
Подъ святыми столъ дубовый;
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

VI.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался.
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: „Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый;
Коль старушка, будь намъ мать:
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица“.
И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Въ мигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

VII.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они.
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: „Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро; тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы рады,

Да нельзя; такъ Бога ради
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ—ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?"
— „Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные!"
Имъ царевна говоритъ:
„Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Вы удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому и навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисѣй".
Братья молча постояли
Да въ затылкѣ почесали.
„Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ",
Старшій молвилъ, поклонясь:
„Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ".—„Я не сержуся",
Тихо молвила она:
„И отказъ мой не вина".
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

VIII.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?"
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ:
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя *) дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй".
И царица налетѣла
На Чернавку: „Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!.."
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не житъ,
Иль царевну погубить.

IX.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко",
Ей кричитъ она въ окошко:
„Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу".
Отвѣчаетъ ей черница:
„Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ". Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣсного звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?

*) *Зеленыя*—старинная форма род. пад. ед. ч. жен. р.

„Видно, выспался онъ худо“,
Ей царевна говоритъ:
„На жъ, лови!“—и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
„Благодарствую“, сказала:
„Богъ тебя благослови!
Вотъ за то тебѣ, лови!“
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хвать—поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ“,
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ, и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою:
„Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ!“—и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда: не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

X.

Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ и ко двору
Путь имъ кажетъ. „Не къ добру!“
Братья молвили: „печали
Не минуемъ“. Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремлавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли—
И раздумали. Она,
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня; но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И, предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: „Спи во гробѣ!

Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному".

XI.

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?"
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты, царица, спору нѣтъ;
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе".

XII.

За невѣстою своей
Королевичъ Елисѣй
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ:
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется.
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ:
„Свѣтъ нашъ солнышко! Ты ходишь
Круглый годъ по небу; сводишь
Зиму съ теплою весной;
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей".— „Свѣтъ ты мой",
Красно солнце отвѣчало:
„Я царевны не видало.
Знать, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ".

Темной ночки Елисѣй
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
„Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокій,
И, обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей".—„Братецъ мой",
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:
„Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала".—„Какъ обидно!"
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
„Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай.
Не печалься же, прощай!"
Елисѣй, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, взывая:
„Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея".—„Постой",
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
„Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней—глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.

Не видать ничьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста“.

XIII.

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами
И, качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
„Какъ же долго я спала!“
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!.. и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И, бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!

XIV.

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачеха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: „Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, слова нѣтъ;
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе“.
Злая мачеха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала—
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисѣй;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

А. Пушкинъ.

7. Конекъ-Горбунокъ.

(Поѣздка Ивана).

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на окіянъ;
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ,
И еще на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ
И нигдѣ не отдыхалъ.
Подъѣзжая къ окіяну,
Говоритъ конекъ Ивану:
„Ну, Иванушка, смотри,
Вотъ минутки черезъ три
Мы пріѣдемъ на поляну
Прямо къ морю-окіяну;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-китъ.
Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
А доселева не знаетъ,
Чѣмъ прощенье получить.
Онъ учнетъ тебя просить,
Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ
Попросилъ ему прощенье;

Ты исполнить обѣщай,
Да, смотри-жъ, не забывай!“
Вотъ въѣзжаютъ на поляну
Прямо къ морю-окіяну;
Поперекъ его лежитъ—
Чудо-юдо рыба китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ-боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубровѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ проѣзжимъ говоритъ,
Ротъ широкій отворяя,
Тяжко-горько воздыхая:
„Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?“
—„Мы посланники царицы,
Ѣдемъ оба изъ столицы
(Говоритъ киту конекъ)
Къ солнцу прямо на востокъ,
Во хоромы золотыя“.
—„Такъ нельзя ль, отцы родные,
Вамъ у солнышка спросить:
Долго ль мнѣ въ опалѣ быть,
И какое повелѣнье
Мнѣ исполнить для прощенья!“
—„Ладно, ладно, рыба-китъ!“
Нашъ Иванъ ему кричитъ.
Тутъ конекъ подъ нимъ забился
И по берегу пустился;
Только видно, какъ песокъ
Бьется вихоремъ у ногъ,
Будто сдѣлалась погодка.
Ѣдутъ долго ли, коротко,
И увидѣли ль кого—
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки нá небо кладутъ.
Тутъ Иванъ на небо въѣхалъ,
Да по небу и поѣхалъ,
Избоченясь, будто князь,
Шапку на бокъ, подбодрясь.
„Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво
(Говоритъ коньку Иванъ,
Средь лазоревыхъ полянъ),
А какъ съ небомъ-то сравнится,
Такъ подъ стельку не годится.
Вѣдь у насъ земля черна,
И темна-то, и грязна;
Здѣсь земля-то голубая,
А ужъ свѣтлая какая!...
Посмотри-ка, горбунокъ,
Видишь, вонъ-гдѣ на востокъ,
Словно свѣтится гнилушка...
Чай, крестьянская избушка?
Что-то больно высока!“
(Такъ спросилъ Иванъ конька).
—„Это теремъ Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы
(Горбунокъ ему кричитъ);
По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
А какъ день-деньской приходитъ,
То сюда и мѣсяцъ входитъ“.
Подъѣзжаютъ къ воротамъ—
Сто столбовъ по сторонамъ!
Всѣ столбы тѣ голубые,
А верхушки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды;
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ
Православный русскій крестъ.

Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ:
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
Я—Иванушка Петровичъ...
Изъ далекихъ я сторонъ
И привезъ тебѣ поклонъ.
Я съ земли пришелъ землянской,
Изъ страны вѣдь христіанской,
Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
Нашей будущей царицы,
Чтобъ тебя отъ ней спрошать,
Послѣ ей пересказать:
Для чего, дескать, три ночи
Не показывалъ ты очи,
И зачѣмъ де ужъ три дня
Солнце скрылось отъ меня?“
—„А какая то царица?“
—„Это знаешь: Царь-Дѣвица...“
—„Царь-Дѣвица?... Такъ она
Что ль тобой увезена?“
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
Тутъ Иванушка Петровичъ
Говоритъ: „извѣстно, мной!
Вишь, я царскій стремянной“.

Тутъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дороженьку собрался.
Вдругъ онъ дважды привскочилъ:
„Эхъ, немножко не забылъ!
Есть къ тебѣ, родной, прошенье—
То о китовомъ прощеньѣ...
Есть, вишь, море; чудо-китъ
Поперекъ его лежитъ;
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты;
Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,
Чтобы я тебѣ сказалъ:
Скоро ль кончится мученье?
Чѣмъ сыскать ему прощенье?
И за что онъ тутъ лежитъ?“
Мѣсяцъ ясный говоритъ:
„Онъ за то несетъ мученье,
Что безъ Божьяго велѣнья
Проглотилъ онъ средь морей
Три десятка кораблей.
Если дастъ онъ имъ свободу,
То сниму съ него невзгоду“.
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.
На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на окіянъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
„Что, отецъ мой? Въ небѣ былъ ли?
Мнѣ прощенье испросилъ ли?“
Тутъ конекъ ему кричитъ:
„Погоди ты, рыба-китъ!“
Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужиковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Эй, послушайте, міряне,
Православны христіане!
Коль не хочетъ кто изъ васъ
Къ водяному сѣсть въ приказъ,
Убирайся вмигъ отсюда!
Здѣсь тотчасъ свершится чудо:
Море сильно закипитъ,
Повернется рыба-китъ...“
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіане,
Закричали: „быть бѣдамъ!“
И пустились по домамъ;
Всѣ телѣги собирали,
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто шелъ Мамай съ войной!
Тутъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаетъ
И, что мочи есть, кричитъ:

„Чудо-юдо, рыба-китъ!
Оттого твое мученье,
Что безъ Божьяго велѣнья
Проглотилъ ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты имъ свободу,
Не потерпишь ужъ невзгоду“.
И, окончивъ это вмигъ,
Горбунокъ на берегъ прыгъ—
И на немъ остановился.
Чудо-китъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами...
Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,
Въ трубы кованы трубили,
Бѣлый парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ:
„Какъ по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Въ отдаленьи отъ земли,
Выбѣгаютъ корабли...“
Волны моря заклубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись.
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкій отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
„Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
Чѣмъ за службу наградить?
Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ?
Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
Надо ль крупныхъ жемчуговъ?
Все достать тебѣ готовъ!“
—„Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
Крупныхъ жемчуговъ въ награду
(Говоритъ ему Иванъ);
Лучше перстень мнѣ достань,
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы“.
—„Ладно, ладно (рыба-китъ
Стремянному говоритъ):
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы“,
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.
Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Скрытый въ ящикѣ на днѣ.
Кто его достанетъ мнѣ,
Награжу того я чиномъ:
Будетъ думнымъ дворяниномъ;
Если жъ умный мой приказъ
Не исполните... я васъ!“...
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.
Черезъ нѣсколько часовъ
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
„Царь великій! не гнѣвись!
Мы все море ужъ, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А все перстня не видали.
Только ершъ одинъ изъ насъ—
Могъ исполнить твой приказъ:
Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужъ вѣрно перстень знаетъ;
Но его, какъ бы на зло,
Ужъ куда-то унесло“.
—„Отыскать его въ минуту
И послать въ мою каюту!“
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.
Осетры тутъ поклонились,
Въ земскій судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,

Именной писалъ указъ;
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ печать сложилъ
И печати приложилъ:
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени Царя
Всѣ объѣхали моря,
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.
Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услыхали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ...
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули,—
Глядь, въ прудѣ подъ камышомъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
„Смирно, важные бойцы!“
Закричали имъ гонцы.
—„Ну, а вамъ какое дѣло?
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло)
Я шутить вѣдь не люблю,
Разомъ всѣхъ переколю!“
—„Охъ ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ, и забіяка!
Все бы, вишь, тебѣ гулять,
Все бы драться да кричать!
Дома—нѣтъ, вѣдь не сидится...
Ну, да что съ тобой рядиться?
Вотъ тебѣ царевъ указъ,
Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ“.
Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Злой и дерзкій тотъ карась
Поносилъ меня вчерась
При честномъ при всемъ собраньи
Бусурманской разной бранью...“
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,—
И явились предъ царя.
—„Что жъ ты долго не являлся?
Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?“
(Китъ со гнѣвомъ закричалъ).
На колѣни ершъ упалъ
И, признавшись въ преступленьи,
Онъ испрашивалъ прощенья.
—„Ну, ужъ Богъ тебя проститъ
(Китъ державный говоритъ),
Но за это преступленье
Ты исполни повелѣнье“.
—„Все исполню, славный китъ!“
(На колѣняхъ ершъ пищитъ).
—„Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
Такъ, ужъ, вѣрно, перстень знаешь
Царь-Дѣвицы?...“—„Какъ не знать?
Можемъ разомъ отыскать“.
— „Такъ ступай же поскорѣе
Да неси его живѣе“...
Тутъ отдавъ царю поклонъ,
Ершъ пошелъ оттуда вонъ;
Съ полминуты порѣзвился,
Въ черный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучокъ—
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
„Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!“
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.
Сельди разомъ собралися,
Сундучокъ тащить взялися.
Только слышно и всего,

Что у-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Сундучка все не подняли.
Ершъ, не тратя много словъ,
Кликнулъ десять осетровъ.
Вотъ десятокъ подплываетъ
И безъ крика поднимаетъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучокъ.
„Ну, ребятушки, смотрите,
Вы къ царю теперь плывите,
Я пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сонъ одолѣваетъ,
Такъ глаза вотъ и смыкаетъ".
Осетры къ царю плывутъ;
Ершъ гуляка прямо въ прудъ
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины),
Чай, подраться съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь мы съ нимъ простимся
И къ Ивану возвратимся.
Тихо море-окіянъ,
На пескѣ сидитъ Иванъ,
Ждетъ кита изъ синя моря
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Вотъ ужъ солнышко спустилось,
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря;
А кита—не тутъ было.
„Что бъ тебя тамъ задавило!
Вишь, какой морской шайтанъ
(Говоритъ себѣ Иванъ):
Обѣщался до зарницы
Вынесть перстень Царь-Дѣвицы,
А доселѣ не сыскалъ,
Экій, право, зубоскалъ!
А ужъ солнышко-то сѣло,
И..." Тутъ море закипѣло:
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говоритъ:
„За твое благодѣянье
Я исполнилъ обѣщанье".
Съ этимъ словомъ сундучокъ
Брякнулъ крѣпко на песокъ.
„Если нуженъ буду я,
Позови опять меня;
Твоего благодѣянья
Не забыть мнѣ... До свиданья!"
Тутъ китъ-чудо замолчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

П. Ершовъ.

II. ИЗЪ ПРИРОДЫ и БЫТА.

8. Конь Чертопханова.

Съ самаго того дня (когда Чертопхановъ пріобрѣлъ коня) главнымъ дѣломъ, главной заботой, радостью въ жизни Чертопханова—сталъ Малекъ-Адель. Да и конь же былъ! Огонь, какъ есть огонь, просто порохъ, а степенство, какъ у боярина! Неутомимый, выносливый, куда хочешь его поверни, безотвѣтный; а прокормить его ничего не стоитъ: коли нѣтъ ничего другого, землю подъ собой гложетъ. Шагомъ идетъ—какъ въ рукахъ несетъ; рысью, что въ зыбкѣ качаетъ, а поскачетъ, такъ и вѣтру за нимъ не угнаться! Никогда-то онъ не запыхается: потому отдушинъ много. Ноги—стальныя; чтобы онъ когда спотыкнулся—и въ поминѣ этого не бывало! Перескочить ровъ ли, тынъ ли—это ему ни по чемъ; а ужъ умница какая! На голосъ такъ и бѣжитъ, задравши голову; прикажешь ему стоять и самъ уйдешь—онъ не ворохнется; только что станешь возвращаться, чуть-чуть заржетъ: „здѣсь, молъ, *я*". И ничего-то онъ не боится: въ самую

темять, въ метель дорогу сыщетъ; а чужому ни за что не дастся: зубами загрызетъ! И собака не суйся къ нему: сейчасъ передней ножкою ее по лбу—тюкъ! только она и жила. Съ амбиціей конь: плеткой развѣ что для красы надъ нимъ помахивай,—а сохрани Богъ его тронуть! Да что тутъ долго толковать: сокровище, а не лошадь!

Примется Чертопхановъ расписывать своего Малекъ-Аделя—откуда рѣчи берутся! А ужъ такъ онъ его холилъ и лелѣялъ! Шерсть на немъ отливала серебромъ—да не старымъ, а новымъ, что съ темнымъ глянцемъ; повести по ней ладонью—тотъ же бархатъ! Сѣдло, чапрачокъ, уздечка—вся какъ есть сбруя до того была ладно пригнана, въ порядкѣ, вычищена—бери карандашъ и рисуй! Чертопхановъ—чего больше? самъ, собственноручно, и чолку заплеталъ своему любимцу, и гриву и хвостъ мылъ пивомъ, и даже копыта не разъ мазью смазывалъ...

Бывало сядетъ онъ на Малекъ-Аделя и поѣдетъ, не по сосѣдямъ—онъ съ ними по-прежнему не знался—а черезъ ихъ поля, мимо усадебъ... Полюбуйтесь, молъ, издали, дураки! А то прослышитъ, что гдѣ-нибудь охота проявилась—въ отъѣзжее поле богатый баринъ собрался,—онъ сейчасъ туда—и гарцуетъ въ отдаленіи, на горизонтѣ, удивляя всѣхъ зрителей красотой и быстротой своего коня и близко никого къ себѣ не подпуская. Разъ какой-то охотникъ даже погнался за нимъ со всей свитой; видитъ, что уходитъ отъ него Чертопхановъ, и началъ онъ ему кричать изо всей мочи, на всемъ скаку: „Эй, ты! Слушай! Бери, что хочешь за свою лошадь! Тысячи не пожалѣю!.. Бери послѣднее!“

Чертопхановъ вдругъ осадилъ Малекъ-Аделя. Охотникъ подлетѣлъ къ нему.
—Батюшка! кричитъ, говори: чего желаешь? Отецъ родной!

— Коли ты царь, промолвилъ съ разстановкой Чертопхановъ,—подай мнѣ все твое царство за моего коня—такъ и того не возьму! Сказалъ, захохоталъ, поднялъ Малекъ-Аделя на дыбы, повернулъ имъ на воздухѣ, на однѣхъ заднихъ ногахъ, словно волчкомъ, и маршъ—маршъ! Такъ и засверкалъ по жнивью.

И. Тургеневъ.

9. Савраска.

Отецъ мой былъ родомъ швейцарецъ, изъ Санктъ-Гáлена, а въ Россіи принадлежалъ къ осколкамъ великой арміи... Послѣ разныхъ переворотовъ, онъ наконецъ поселился вблизи Петербурга, на Выборгской сторонѣ; здѣсь купилъ онъ десятинъ пятьдесятъ землицы, обзавелся скотомъ и сталъ торговать молокомъ и скóпами, а въ особенности масломъ. Дѣло шло порядочно, и мы начали жить хорошо.

Мнѣ было лѣтъ тринадцать, какъ мы однажды вечеромъ съ однимъ добрымъ пріятелемъ отца моего сидѣли у воротъ и смотрѣли на проѣзжихъ и прохожихъ. День былъ воскресный; хмельная чухна въ одноколкахъ своихъ возвращалась домой изъ столицы, и тутъ было много смѣшного, забавнаго.

Въ числѣ этой дикой, веселой братіи, между прочими, ѣхалъ также чухонецъ, сидя верхомъ и скорчась уточкой, потому что ногами уперся онъ въ оглобли; въ одноколкѣ его лежалъ жеребенокъ, подымалъ голову отъ каждаго толчка и, поравнявшись съ нами, жалобно заржалъ. Я вскочилъ и ребячески воскликнулъ: „Дядюшка (такъ привыкъ я называть нашего пріятеля), дядя, купи жеребенка!“.

Чухонецъ, услышавъ возгласъ мой, остановился и, продирая усиленно заволáкиваемые хмелемъ глазки, повторилъ: „купи жеребенка!“ Дядя вразумилъ было

меня, что это пустая затѣя: для чего покупать и куда дѣвать недѣльнаго жеребенка, которому пришлось бы нанять кормилицу; но чухонецъ уже свалился кулемъ съ лошади, подошелъ къ намъ и сталъ приставать, какъ банный листъ, повторяя: „купи!“ Дядя, желая отдѣлаться отъ неотвязнаго, махнулъ рукой и пошелъ во дворъ; но тотъ послѣдовалъ за нами, повторялъ неотступно свое, и наконецъ дружески поймалъ дядю за полу. Я также продолжалъ упрашивать, и дядя, чтобъ отвязаться, спросилъ: „А что просишь?“—Да что дашь?—„Четвертакъ“.—Давай деньги! И прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, чухонецъ передалъ мнѣ жеребенка съ рукъ на руки. Дядя отдалъ четвертакъ, чухонецъ уѣхалъ, а я въ восторгѣ понесъ жеребенка къ матушкѣ. Она до крайности изумилась и стала бранить дядю за эту выдумку; но онъ разсказалъ ей, какъ было дѣло, что вовсе не желалъ и не думалъ покупать находки этой, что она навязалась ему невѣдомо какъ, и что я всему этому былъ главный виновникъ. Матушка баловала меня; отецъ, пріѣхавъ домой, сперва было нахмурился, но, убѣжденный разными доводами и случайностію этого событія, почти неотвратимаго, также сдался на общія просьбы наши и позволилъ пріобщить рокового жеребенка къ домашней скотинѣ. Матушка опредѣлила въ кормилицы къ нему особую корову, и жеребенокъ зажилъ въ холѣ.

Я не могъ нарадоваться этому забавному животному, которое вскорѣ стало тѣшить все семейство наше и весь домъ. Жеребенокъ вышелъ саврасымъ, и потому получилъ кличку савраски. Онъ привыкъ къ рукамъ, какъ собачонка, шелъ на кличку, приходилъ за хлѣбомъ и сахаромъ въ комнаты, взбѣгалъ по ступенямъ крыльца, прыгалъ, рѣзвился, срывалъ по слову шапку съ головы, подавалъ поноску, какъ легавая, служилъ, какъ моська, ласкался и терся, какъ кошка, и шаловливо лягался, если его называли чухонцемъ.

Такимъ образомъ прошло два-три года, и савраска, къ общему удивленію, все еще оставался жеребенкомъ. Минуло ему и четыре года; онъ бойко и послушно ходилъ у меня подъ сѣдломъ; словомъ, лошадка вошла во всѣ года, а росту не прибываетъ; она оставалась прехорошенькимъ и презабавнымъ карликомъ, маштачкомъ.

Дядя вздумалъ объѣздить ее, и отецъ подарилъ мнѣ на елочку нарочно сдѣланную по савраскѣ упряжь и бѣговыя саночки. Савраску заложили, и оказалось, во-первыхъ, что объѣзжать его не нужно; онъ сразу пошелъ, какъ будто вѣкъ ходилъ въ хомутѣ; во-вторыхъ, что онъ былъ отличный рысачокъ и мчался въ саночкахъ вихремъ. Савраску стали закладывать чаще, и я катался на немъ въ одиночку день за день; при небольшой поѣздкѣ это вышелъ такой бѣгунъ, что на рысистомъ бѣгу, на Невѣ, обгонялъ многихъ, и всѣ диводались. Вообразите же лошаденку въ аршинъ съ четвертью, которая мчитъ за собою красивенькія салазки и легко обгоняетъ четырехвершковыхъ бѣгуновъ! Савраску стали замѣчать; охотники останавливались на улицахъ и смотрѣли за нимъ вслѣдъ; крошка мой не разъ тѣшилъ и забавлялъ праздную, гуляющую толпу Невскаго проспекта.

Однажды дядя поѣхалъ на савраскѣ въ городъ за дѣломъ, по хлопотамъ матушкинымъ. Отецъ мой уже скончался въ это время, и разныя дѣла, денежныя и долговыя, крѣпко заботили бѣдную мать.

Дядя забавлялся на обратномъ пути, пропуская мимо себя ухарскихъ ѣздоковъ разнаго рода, обгоняя ихъ затѣмъ шутя, осаживая и давая себя объѣхать

и снова опереживая ихъ. Савраска отличался; всѣ прохожіе и проѣзжіе не могли на него налюбоваться.

Вотъ, между прочимъ, ѣдетъ парная, щегольская коляска, и пара вороныхъ въ дышлѣ несется крупною, красивою рысью; кучеръ съ бородою во всю грудь, въ свѣтло-зеленомъ кафтанѣ съ галунами и въ золотомъ кушакѣ, сдерживаетъ ихъ бѣлыми, какъ снѣгъ, шелковыми вожжами; бѣлизна и блескъ ихъ почти не уступала блеску серебрянаго набора упряжи. Дядя пропустилъ коляску мимо себя и мигомъ обогналъ ее; баринъ внимательно смотрѣлъ на савраску и сказалъ что-то кучеру, который слегка оглянулся. Вскорѣ коляска опять объѣхала савраску, который былъ пущенъ шагомъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ опять помчался во всѣ лопатки. И баринъ и кучеръ глядѣли зорко на нашего котенка; шелковыя вожжи ослабли, вороныя постепенно прибавляли рыси, начинали ужъ фыркать и покручивать головой; но савраска ушелъ отъ нихъ, какъ отъ стоячихъ.

Дядя далъ ему опять вольно вздохнуть и ѣхалъ шагомъ. Коляска, нагнавъ его, скромно взяла поправѣе, кучеръ не кричалъ: „пади-ди, берегись-ся!“ а молча старался проѣхать нѣсколько саженъ рядомъ съ савраской, шагомъ. Наконецъ баринъ, облокотясь на поручень коляски и глядя на дядю, поднесъ руку къ шляпѣ, кивнулъ головою и спросилъ: „Чья это лошадь?“—„Моя“.—„А что она стóитъ?“—„Четвертакъ“. — „Дуракъ!“ Этимъ бесѣда на этотъ разъ кончилась. Дядя пріѣхалъ къ намъ, разсказалъ похожденія свои, и мы много смѣялись тому, что ему, какъ часто на свѣтѣ бываетъ, за правдивое слово сказали „дурака“. Разсудивъ однакожъ все спокойно, мы начали жалѣть о крутомъ, хотя и правильномъ отвѣтѣ дяди. Я сказалъ уже, что объ эту пору отца ужъ не было на свѣтѣ; матушка была очень озабочена и стѣснена мелочными долгами, непорѣшенными сдѣлками и расчетами. „Можетъ быть“, сказала матушка, „баринъ этотъ въ самомъ дѣлѣ далъ бы за савраску деньги; а намъ его скоро и дѣвать некуда; скотъ продается хорошо, а еслибъ случился покупщикъ на землю...“ „Какія жъ это деньги“, сказалъ дядя, „которыя вамъ выручитъ савраска? Да за него и тридцати цѣлковыхъ не дадутъ!“—„Что жъ“, отвѣчала озабоченная матушка, „и тридцать рублей—деньги; прежде сто рублей были большія деньги; это только со времени нашего счета на серебро, что тридцать цѣлковыхъ стали нипочемъ!“

Черезъ нѣсколько времени дядя опять ѣздилъ въ городъ на савраскѣ и воротился съ вѣстью, что его, не шутя, торгуютъ. Кучеръ въ зеленомъ кафтанѣ съ галунами, отколѣ ни взялся, выслѣдилъ пристанище дяди въ городѣ и явился туда съ вопросомъ отъ барина: „Чья лошадь?“—„Моя“, отвѣчалъ дядя. „А чего она стóитъ?“—„Четвертакъ“. —„Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, скажите безъ шутокъ“, просилъ кучеръ: „баринъ безпремѣнно приказалъ узнать; сдѣлайте милость!“—„Да я не шучу“, отвѣчалъ дядя: „она стóитъ четвертакъ: за эту цѣну я ее купилъ жеребенкомъ“.—„А вы-то что за нее возьмете?“—„Это другое дѣло: непродажному коню и цѣны нѣтъ“. Кучеръ разспросилъ, гдѣ найти савраску и хозяевъ его, и ушелъ.

Только что успѣлъ дядя воротиться къ намъ и разсказать новыя приключенія свои, а матушка потужить и пожалѣть, что онъ опять слишкомъ сухо обошелся съ покупателемъ и не торговался съ нимъ, какъ щегольская парная ко-

ляска съ зеленымъ кучеромъ и бѣлыми шелковыми вожжами остановилась у нашихъ воротъ. Мы бросились къ окну; дядя узналъ своего покупщика и вышелъ, взявъ на себя дѣло.

Савраску, по желанію посѣтителя, привели. „Что жъ ему цѣна будетъ?“ спросилъ онъ. „Я вамъ сказалъ истину“, отвѣчалъ дядя: „четвертакъ“. Но тому было не до шутокъ: большіе господа не всегда любятъ это. Онъ посмотрѣлъ на дядю, сморщился было, но, вспомнивъ зависимость свою, или причудъ своихъ, отъ воли незамысловатаго шутника, принялъ опять спокойный видъ и сказалъ: „За моремъ телушка—полушка, да рубль перевозу. Что вы возьмете за клепера?“—„Непродажному коню и цѣны нѣтъ“, отвѣчалъ дядя пословицей на пословицу. „Какъ же такъ“, продолжалъ тотъ: „неужто вы въ самомъ дѣлѣ не возьмете никакихъ денегъ за эту лошадку?“—„По крайней мѣрѣ торговаться не стану. Я сказалъ вамъ, что она не продажна“. —„Однако?“—„Шестьсотъ цѣлковыхъ!“ отвѣчалъ дядя, съ рѣшительнымъ взглядомъ, но не совсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ: ему самому показалось, что онъ въ запросѣ превзошелъ всякую мѣру. Незнакомый обратился къ запяточнику своему и сказалъ ему: „Возьми савраску и отведи ее домой“; полѣзъ въ карманъ, досталъ бумажникъ, вынулъ и отсчиталъ деньги и, подавая ихъ дядѣ, сказалъ: „Пожелайте, чтобъ ко двору пришлась“. Мы не успѣли опомниться, какъ коляска ужъ скрылась изъ виду.

В. Даль.

10. Валетка Ермолая.

Была у Ермолая легавая собака, по прозванью Валетка, преудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. „Стану я пса кормить“, разсуждалъ онъ, „притомъ песъ—животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье“. И, дѣйствительно, хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ и долго жилъ; даже, несмотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанія покинуть своего хозяина. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ обыкновенно сидѣлъ, подвернувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался (извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться и даже очень мило улыбаться). Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые сейчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и съ бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ, по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью и чутье имѣлъ порядочное; если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ разстояніи отъ Ермолая.

И. Тургеневъ.

11. Емеля-охотникъ.

...Три дня бродилъ Емеля по лѣсу съ Лыскомъ и все напрасно: оленя съ теленкомъ не попадалось. Старикъ чувствовалъ, что выбивается изъ силъ, но вер-

нуться домой съ пустыми руками не рѣшался. Лыско тоже пріунылъ и совсѣмъ отощалъ, хотя и успѣлъ перехватить пару молодыхъ зайчатъ.

Приходилось заночевать въ лѣсу у охотника третью ночь. Но и во снѣ старый Емеля все видѣлъ желтенькаго теленка, о которомъ его просилъ Гришукъ *); старикъ долго выслѣживалъ свою добычу, прицѣливался, но олень каждый разъ убѣгалъ отъ него изъ-подъ носу. Лыско тоже, вѣроятно, бредилъ оленями, потому что нѣсколько разъ взвизгивалъ и принимался глухо лаять.

Только на четвертый день, когда и охотникъ, и собака совсѣмъ выбились изъ силъ, они совершенно случайно напали на слѣдъ оленя съ теленкомъ. Это было въ густой еловой заросли на скатѣ горы. Прежде всего Лыско отыскалъ мѣсто, гдѣ ночевалъ олень, а потомъ разнюхалъ и запутанный слѣдъ въ травѣ.

„Матка съ теленкомъ", думалъ Емеля, разглядывая на травѣ слѣды большихъ и маленькихъ копытъ. „Сегодня утромъ былъ здѣсь... Лыско, ищи, голубчикъ!" День былъ знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву съ высунутымъ языкомъ; Емеля едва таскалъ ноги. Но вотъ знакомый трескъ и шорохъ... Лыско упалъ въ траву и не шевелится. Въ ушахъ Емели стоятъ слова внучка: „Дѣдка, добудь теленка... И непремѣнно, чтобы былъ желтенькій". Вонъ и матка... Это былъ великолѣпный олень-самка. Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса и пугливо смотрѣлъ прямо на Емелю. Кучка жужжавшихъ насѣкомыхъ кружилась надъ оленемъ и заставляла его вздрагивать.

„Нѣтъ, ты меня не обманешь"... думалъ Емеля, выползая изъ своей засады...

Олень давно почуялъ охотника, но смѣло слѣдилъ за его движеніями.

„Это матка меня отъ теленка отводитъ", думалъ Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старикъ хотѣлъ прицѣлиться въ оленя, онъ осторожно перебѣжалъ нѣсколько саженъ далѣе и опять остановился. Емеля снова поползъ съ своей винтовкой. Опять медленное подкрадываніе, и опять олень скрылся, какъ только Емеля хотѣлъ стрѣлять.

„Не уйдешь отъ теленка", шепталъ Емеля, терпѣливо выслѣживая звѣря въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Эта борьба человѣка съ животнымъ продолжалась до самаго вечера. Благородное животное десять разъ рисковало жизнью, стараясь отвести охотника отъ спрятавшагося теленка; старый Емеля и сердился, и удивлялся смѣлости своей жертвы. Вѣдь все равно, она не уйдетъ отъ него... Сколько разъ приходилось ему убивать такимъ образомъ жертвовавшую собою мать. Лыско, какъ тѣнь, ползалъ за хозяиномъ, и когда тотъ совсѣмъ потерялъ оленя изъ виду, осторожно ткнулъ его своимъ горячимъ носомъ. Старикъ оглянулся и присѣлъ. Въ десяти саженяхъ отъ него, подъ кустомъ жимолости стоялъ тотъ самый желтенькій теленокъ, за которымъ онъ бродилъ цѣлыхъ три дня. Это былъ прехорошенькій олененокъ, всего нѣсколькихъ недѣль, съ желтымъ пушкомъ и тоненькими ножками: красивая головка была откинута назадъ, и онъ вытягивалъ тонкую шею впередъ, когда старался захватить вѣточку повыше. Охотникъ съ замиравшимъ сердцемъ взвелъ курокъ винтовки и прицѣлился въ голову маленькому беззащитному животному...

---

*) Гришукъ—внукъ Емели.

Еще одно мгновеніе, маленькій олнененокъ покатился бы по травѣ съ жалобнымъ предсмертнымъ крикомъ; но именно въ это мгновеніе старый охотникъ припомнилъ, съ какимъ геройствомъ зашищала теленка его мать, припомнилъ, какъ мать его Гришутки спасла сына отъ волковъ своимъ тѣломъ... Точно что оборвалось въ груди у стараго Емели, и онъ опустилъ ружье. Олененокъ по-прежнему ходилъ около куста, общипывая листочки и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнулъ—маленькое животное скрылось въ кустахъ съ быстротой молніи.

„Ишь, какой бѣгунъ"... говорилъ старикъ, задумчиво улыбаясь. „Только его и видѣлъ: какъ стрѣла... Вѣдь убѣжалъ, Лыско, нашъ олененокъ-то! Ну, ему, бѣгуну, еще надо подрасти... Ахъ ты, какой шустрый!"...

Старикъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все улыбался, припоминая бѣгуна.

На другой день Емеля подходилъ къ своей избушкѣ.

— А... дѣдка, принесъ теленка? встрѣтилъ его Гриша, ждавшій все время старика съ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ, Гришукъ... видѣлъ его...

— Желтенькій?

— Желтенькій самъ, а мордочка черная. Стоитъ надъ кустикомъ и листочки ощипываетъ... Я прицѣлился...

— И промахнулся?

— Нѣтъ, Гришукъ: пожалѣлъ малаго звѣря... матку пожалѣлъ... Какъ свистну, а онъ, теленокъ-то, какъ стреканетъ въ чащу—только его и видѣлъ. Убѣжалъ...

Старикъ долго разсказывалъ мальчику, какъ онъ искалъ теленка по лѣсу три дня, и какъ тотъ убѣжалъ отъ него. Мальчикъ слушалъ и весело смѣялся вмѣстѣ съ старымъ дѣдомъ.

— А я тебѣ глухаря принесъ, Гришукъ, прибавилъ Емеля, кончивъ разсказъ: этого все равно волки бы съѣли...

Глухарь былъ ощипанъ, а потомъ попалъ въ горшокъ. Больной мальчикъ съ удовольствіемъ поѣлъ глухариной похлебки и, засыпая, нѣсколько разъ спрашивалъ старика:

— Такъ онъ убѣжалъ, олененокъ-то?

— Убѣжалъ, Гришукъ...

— Желтенькій?

— Весь желтенькій, только мордочка черная да копытца.

Мальчикъ такъ и уснулъ и всю ночь видѣлъ маленькаго желтаго олененка, который весело гулялъ по лѣсу съ своей матерью; а старикъ спалъ на печкѣ и тоже улыбался во снѣ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

12. Голуби.

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною—то золотымъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая. Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло, но тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темносиняя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду... и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ, сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю... и только пухла да темнѣла.

И вотъ по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно: ни дать ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ.

То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже два платка мелькаютъ, два комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ два бѣлыхъ голубя.

И вотъ наконецъ сорвалась буря—и пошла потѣха!

Я едва домой добѣжалъ. Визжитъ вѣтеръ, мечется, какъ бѣшеный; мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака; все закрутилось, смѣшалось; захлесталъ, закачался столбами рьяный ливень, молніи слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ, какъ изъ пушки, отрывистый громъ, запахло сѣрой!...

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краишкѣ слухового окна, рядышкомъ, сидятъ два бѣлыхъ голубя—и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ, и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ быть, спасъ.

Нахохлились оба—и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ...

И. Тургеневъ.

13. Садъ Плюшкина.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетнолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревьевъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревьевъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее, какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть

мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густою щетиной вытыкавшійся изъ-за ивы, изсохшій отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединятся вмѣстѣ...

Н. Гоголь.

14. Старый тополь и черемуха.

1. Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ. Я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами, и самъ сталъ работать съ ними въ саду. Мы вырубали и вырѣзывали сушь и дичь, и лишніе кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья—тополь и черёмуха. Тополь идётъ отъ корней, и его нельзя вырыть, а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный въ два обхвата тополь. Вокругъ него была полянка, она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось, чтобы мѣсто было веселѣе, а главное, мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что я подумалъ — всѣ эти молодыя деревья отъ него идутъ и отъ него тянутъ сокъ. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землёю ихъ сочные коренья, какъ потомъ вчетверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополёкъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно, нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ.

Потомъ уже, когда было поздно,—я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ. Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а вышло наоборотъ. Когда я рубилъ ихъ, старый тополь уже умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился въ два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ то же лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это и передалъ свою жизнь въ отростки. Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить—и побилъ всѣхъ его дѣтей.

2. Одна черёмуха выросла на дорожкѣ и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я—рубить или не рубить её; мнѣ жаль было. Черёмуха эта росла не кустомъ, а деревомъ, вся извилистая, кудрявая и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ ея, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ: вырубить всю черёмуху) безъ меня началъ рубить её. Когда я пришёлъ, ужъ онъ врубился въ неё вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. „Нечего дѣлать, видно, судьба“, подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать, весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше, и дальше врубаться въ дерево. Я совсѣмъ забылъ о черёмухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить её. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, упёрся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой, и посыпались бѣлые душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева. Мы налегли, и какъ будто заплакало—затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

„Эхъ, штука-то важная!“ сказалъ мужикъ. „Живо жалко!“ А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошёлъ къ другимъ рабочимъ.

Графъ Л. Толстой.

15. Именинникъ.

Уже вечерѣло, когда принялись накладывать послѣдніе снопы.

— „Готово?“ спросилъ Демьянъ, затягивая конецъ верёвки, которую перекинулъ ему сынъ черезъ возъ, навьюченный до верху.

— Готово.

— „Съ Богомъ! да смотри, Петруха, какъ станемъ изъ рощи спускаться, поддерживай лѣвый бокъ. Трогай: пора, пойдёмъ, старуха!.. Эй, ребята, полно вамъ баловать съ жеребёнкомъ; домой! вишь, всѣ убираются съ поля“...

И въ самомъ дѣлѣ, по всѣмъ концамъ необозримой лощины тянулись высокіе возы съ рожью; за ними брели толпы поселянъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, съ граблями и косами на плечахъ. Солнце медленно спускалось за рощу, обливая поля, народъ, подводы, всю окрестность пурпуровымъ свѣтомъ. По всей лощинѣ неслась звонкая пѣсня, начинавшаяся у рощи, куда отовсюду стекались бабы и дѣвки. Пѣсня съ каждой минутой раздавалась громче и громче. Толпа, собравшаяся у рощи, видимо сгущалась вокругъ возовъ, которые постепенно останавливались одинъ за другимъ.

— „Ай да дѣвки! какъ знатно пѣсни играютъ!“ воскликнулъ Демьянъ, выравниваясь съ толпою и останавливаясь подлѣ возовъ, которые захватывали весь просёлокъ.

Посреди кружка, пестрѣвшаго шитыми рубахами, платками, передниками, стоялъ высокій возъ съ рожью, перетянутый крестъ-на-крестъ верёвками и запряжённый двумя лошадьми. Подлѣ него нѣсколько разряженныхъ бабъ и дѣвокъ съ визгомъ и хохотомъ возились вокругъ тучнаго снопа: кто повязывалъ его макушку платкомъ, кто натягивалъ на него рубаху. Это былъ именинникъ, какъ называютъ въ простонародьѣ снопъ, связанный изъ послѣднихъ пучковъ ржи, собранныхъ въ полѣ.

— „Кому садиться на возъ? дѣвки, ступайте всѣ сюда!“ кричала Домна, суетясь съ огромнымъ вѣнкомъ, сплетённымъ изъ колосьевъ, цвѣтовъ и травы: „кому на возъ? выходите!.. чего заспесивились?“

— Ступайте, дѣвки... что жъ вы, эй! Пора, не ночи здѣсь ждать, заговорило нѣсколько голосовъ.

— „Ну, чего прячетесь? экія!“ продолжала Домна: „э, коли спесивитесь, пустите меня: я сяду...“

— Нѣтъ, нѣтъ, Карпову Парашу пустите, Карпову Парашу на возъ къ имениннику! отозвалось разомъ нѣсколько тоненькихъ голосковъ.

И почти въ ту же минуту дѣвки съ крикомъ вытащили на середину кружка стройную, осанистую дѣвушку, въ синемъ сарафанѣ, съ алымъ платкомъ на головѣ.

— „Нѣтъ, дѣвки, пустите меня, я не хочу, пусть Домна сядетъ“, говорила Параша, выбиваясь изъ рукъ подругъ, которыя тащили ее силой къ возу.

— Садись, садись! закричалъ весь кружокъ:—садись!.. Домна, надѣвай ей вѣнокъ на голову! тащите именинника на возъ; тащи его, ну, дружнѣй! Держи его, держи, смотри, крѣпче, Параша, не то свалится на косогорѣ... держи, не урони! кричали отовсюду, махая руками дѣвушкѣ, которая усаживалась на макушкѣ воза, придерживая одной рукой пестрый вѣнокъ, другою—наряженный снопъ.

— Ну, трогай, что ли, съ Богомъ! о-о-о!..

И возъ, поскрипывая и покачиваясь изъ стороны въ сторону, покатился по проселку; впереди его, словно лебединое стадо, плавно выступали бабы, парни и дѣвки, съ граблями, вилами и косами, сверкавшими, какъ золото, на заходящемъ солнцѣ; громкая пѣсня ихъ, посреди которой мѣрно звякали удары въ обломокъ косы, далеко огласила окрестность. По сторонамъ бѣжали, хлопая въ ладоши, съ приплясомъ и кривляньемъ, ватаги мальчишекъ и дѣвчонокъ, размахивая пучками цвѣтовъ и колосьевъ; позади, за другими возами, тащились, припадая съ ноги на ногу, отцы, сѣдые старики-дѣды и люди степенные. Смуглыя лица ихъ, покрытыя потомъ и морщинами, сіяли довольствомъ и радостію. И какъ не радоваться! Не даромъ молвится: мужичокъ пашетъ плачучи, а жнетъ скачучи!

Д. Григоровичъ.

16. Огородъ.

Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрѣли круглые, блѣдно-зеленые кочаны капусты; хмель винтами обвивалъ высокія тычинки; тѣсно торчали на грядахъ бурые прутья, перепутанные засохшимъ горохомъ; большія плоскія тыквы словно валялись на землѣ; огурцы желтѣли изъ-подъ запыленныхъ угловатыхъ листьевъ; вдоль плетня качалась высокая крапива; въ двухъ или трехъ мѣстахъ кучами росли татарская жимолость, бузина, шиповникъ. Возлѣ небольшой сажалки, наполненной красноватой и слизистой водой, виднѣлся колодезь, окруженный лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли въ этихъ лужицахъ; собака, дрожа всѣмъ тѣломъ и жмурясь, грызла кость на полянѣ; пѣгая корова тутъ же лѣниво щипала траву, изрѣдка закидывая хвостъ на спину.

И. Тургеневъ.

17. Тульскіе луга.

Мнѣ пришло въ голову съѣздить въ Тулу. Выкатили тарантасъ, набили сѣномъ. Филоѳей, въ высокомъ гречневикѣ и смазныхъ сапогахъ, взобрался на козлы.

Ночь была тихая, славная, самая удобная для ѣзды. Мѣсяцъ стоялъ высоко и ясно озарялъ окрестность. Я растянулся на сѣнѣ... но не могъ заснуть: ужъ очень красивыми мѣстами намъ приходилось ѣхать! То были раздольные, про-

странные, поемные, травянистые луга, со множествомъ небольшихъ лужаекъ, озерецъ, ручейковъ, заводей, заросшихъ по концамъ ивнякомъ и лозами, прямо русскія, русскимъ людомъ любимыя мѣста, подобныя тѣмъ, куда ѣзживали богатыри нашихъ древнихъ былинъ стрѣлять бѣлыхъ лебедей и сѣрыхъ утицъ. Желтоватой лентой вилась наѣзженная дорога, лошади бѣжали легко—и я не могъ сомкнуть глазъ: любовался! И все это такъ мягко и стройно плыло мимо, подъ дружелюбной луной. Филоѳея *)—и того проняло.

— Эти у насъ луга Святоегорьевскими прозываются, обратился онъ ко мнѣ. А за ними—такъ Великокняжескіе пойдутъ. Другихъ такихъ луговъ по всей Росѣи нѣту... Ужъ на что красиво!.. Вотъ скоро сѣнокосы начнутся, и что тутъ этого самаго сѣна нагребутъ—бѣда! А въ заводяхъ рыбы тоже много. Лещи такіе!—прибавилъ онъ нараспѣвъ.—Одно слово, умирать не надо!

И. Тургеневъ.

18. Лѣсъ.

Жара заставила насъ войти въ рощу. Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки, легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стекляно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень. Гдѣ-нибудь, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя, круглыя облака, и вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ,—все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее, трепещущее лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь, вы глядите: и нельзя выразить словами, какъ радостно, и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей, проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собою въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины...

И. Тургеневъ.

19. Лѣсной пожаръ.

Солнце багровѣло все больше и больше; сѣрожелтый туманъ застилалъ лазурь небеснаго свода и съ каждымъ часомъ больше и больше темнѣлъ. И на землѣ затуманились дальніе предметы: перелѣсокъ и строенья ровно въ дыму закутались. Гарью запахло, значитъ пожаръ разгорался не на шутку, но гдѣ, близко ль, да-

*) Филоѳей—имя ямщика, крестьянина Тульской губерніи.

леко ли, не знаетъ никто. Во время лѣсныхъ пожаровъ сухой туманъ и запахъ гари распространяются иногда на сотни верстъ отъ горѣлаго мѣста. Оттого всѣ и были спокойны,—никто не тревожился; „горитъ гдѣ-то далеко, до насъ не дойдетъ"... Больше двадцати верстъ надо было проѣхать сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ. Дальше начинались жилыя мѣста, окруженныя обширными пашнями и чищобами; тамъ бы совершенно было безопасно отъ лѣсного пожара. А покамѣстъ дорога шла узкая, извилистая; чуть не на каждомъ шагу пересѣкалась она корневищами. Съ обѣихъ сторонъ сумрачными великанами высились громадныя ели и лиственницы; межъ нихъ во всѣ стороны разросся густой непроходимый чапыжникъ. Узкая полоса дневного свѣта тянулась надъ вершинами непроглядной лѣсной чащи, и хоть далеко было еще до вечера, а въ лѣсу было ужъ темно, какъ въ осенніе сумерки. Конюхъ Дементій ѣхалъ впереди поѣзда; онъ не жалѣлъ лошадей: то-и-дѣло стегалъ ихъ по непривычнымъ къ сильнымъ ударамъ бедрамъ. Другіе возчики отъ Дементья не отставали. Жирные выхоленные кони, сроду не знавшіе скорой ѣзды, мчались во весь опоръ. Проскакали полдороги. Верстъ одиннадцать или двѣнадцать осталось до рѣки. Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленіи необычайный, несмолкаемый трескъ... Съ каждой минутой онъ возрасталъ, обдавая странниковъ ужасомъ. Свистъ и визгъ разносились по лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственницъ; то стадо бѣлокъ, спасаясь отъ огня, перелетало съ дерева на дерево. Почуявъ недоброе, лошади закусили удила и помчались, сломя голову; запрыгали повозки по толстымъ корневищамъ: того и гляди либо ось пополамъ, либо все на боку.

Огонь идетъ! вскрикнулъ Дементій. И отчаянный крикъ его едва слышенъ былъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана. Всѣ крестились, творили молитвы, женщины плакали навзрыдъ. Вдругъ смолистымъ дымомъ пахнуло, —и по узкой свѣтовой полосѣ, что высилась надъ дорогой, какъ громадныя огненныя птицы, стаями понеслись горящія лапы, осыпая дождемъ искръ весь поѣздъ. Вой урагана превратился въ одинъ нескончаемый оглушающій раскатъ грома. Ему вторили, какъ пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ деревьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей. Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрѣе вихря пронеслись лѣсныя птицы. Багрово-синими, какъ бы кровавыми волнами заклубился надъ лѣсомъ дымъ. Палящій огнедышащій вѣтеръ понесся низомъ межъ деревьями, разстилался надъ землей удушающій смрадъ. Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственницъ подернулись пламеннымъ покровомъ. Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненныя струйки. Вдругъ передняя пара лошадей круто поворотила направо, и во весь опоръ помчалась по прогалинѣ, извивавшейся средь чапыжника. За передней парою кинулись остальныя.—Куда ты, куда, Дементьюшка?.. „Кони лучше нашего знаютъ куда", молвилъ Дементій, опуская вожжи. И, снявъ шапку, сталъ креститься. „Слава тѣ, Господи! Слава Тебѣ, Царю Небесному!" говорилъ онъ. Не прошло трехъ минутъ, какъ лошади изъ пылающаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото.

П. Мельниковъ.

20. Хвойныя деревья.

Всѣ наши большіе лѣса состоятъ изъ елей и сосенъ, а на сѣверо-востокѣ Россіи—также изъ кедровъ, пихтъ и лиственницъ. Кто видѣлъ эти деревья, тотъ, вѣроятно, и самъ подумалъ, что всѣ они сродни другъ другу. Высокій, стройный стволъ, смолистая кора и древесина, а болѣе всего иглистые листья и всегдашняя зелень, остающаяся почти у всѣхъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, соединяютъ всѣ эти деревья въ одно семейство и въ то же время отличаютъ ихъ отъ прочихъ деревьевъ. Такія деревья называются хвойными, потому что острые, какъ иглы, листочки ихъ называются хвоями. Русскій народъ любитъ свои родные хвойные лѣса и называетъ ихъ красными, т. е. прекрасными, въ отличіе отъ тѣхъ лѣсовъ, которые, состоя изъ лиственныхъ деревъ, на зиму теряютъ свою листву и остаются черными, почему ихъ называютъ чернымъ лѣсомъ, или просто чернолѣсьемъ. Хвойные лѣса въ прежнія времена покрывали собою всю среднюю и сѣверную полосу Россіи; но съ размноженіемъ народонаселенія количество лѣсовъ очень уменьшилось. Впрочемъ, и теперь еще въ нашихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, особенно въ Вологодской и Архангельской, тянутся непроглядные хвойные лѣса на многія сотни верстъ. На самомъ сѣверѣ, въ климатѣ самомъ холодномъ, хвойныхъ лѣсовъ не бываетъ: тамъ держится только одна кривая березка.

Хвойные лѣса очень полезны для человѣка: они даютъ ему огромныя и крѣпкія бревна для различнаго рода построекъ, очень хорошій матеріалъ для топлива, смолу, деготь и скипидаръ; а кедры доставляютъ еще лакомство—кедровые орѣхи. Тѣ изъ хвойныхъ деревьевъ, которыя по прямизнѣ и высотѣ могутъ итти на постройку корабельныхъ мачтъ, называются мачтовыми и цѣнятся дорого.

Въ нашихъ лѣсахъ часто ель и сосна стоятъ вмѣстѣ. Ель узнать не трудно: она гораздо ряснѣе сосны. Это зависитъ отъ того, что у ели между главными вѣтками выростаетъ еще множество мелкихъ вѣточекъ, на которыхъ гораздо больше зеленыхъ иглъ, чѣмъ на главныхъ. Кромѣ того, иглы или листики на ели короче и расположены поодиночкѣ, а на соснѣ всегда по два листочка разомъ; основанія каждыхъ двухъ листковъ обняты бѣловатою пленочкою. Если ель растетъ въ тѣснотѣ, между другими деревьями, то нижніе сучья ся опадаютъ; если же на свободѣ, какъ напр. въ садахъ, то длинные, нѣсколько обвисшіе книзу сучья ели начинаются у самой земли и идутъ пирамидою кверху. У сосны нижніе сучья всегда усыхаютъ, а верхніе часто располагаются зонтикомъ; кора на стволѣ имѣетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, а на старыхъ сучьяхъ этотъ оттѣнокъ усиливается. По свойству древесины сосна и ель еще сильнѣе различаются: дерево сосны имѣетъ красноватый оттѣнокъ, твердо, ровно, слоисто, пропитано смолою, а потому превосходно для всякаго рода прочныхъ построекъ и даетъ жаркій и продолжительный огонь въ печи; еловая древесина бѣловата, дрябла, мягка, легко гніетъ, сучковата; а въ печкѣ— сырая только трещитъ, а сухая же сгораетъ, какъ солома, доставляя мало жару. Сосна любитъ по преимуществу почву сухую, песчаную; ель, напротивъ, растетъ на почвахъ влажныхъ, глинистыхъ. Сосна и ель достигаютъ огромной высоты, двѣнадцати и болѣе саженъ, а въ толщину бываютъ иногда до двухъ аршинъ въ діаметрѣ.

Иглы свои и ель, и сосна мѣняютъ точно такъ же, какъ и лиственныя деревья мѣняютъ листья; подъ каждымъ хвойнымъ деревомъ вы найдете множество

красноватыхъ, отжившихъ уже и отпавшихъ иголъ. Но тогда какъ на лиственныхъ деревьяхъ всѣ листья опадаютъ осенью и появляются вновь весною, слѣдовательно держатся на деревьяхъ только лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ теплое время года, хвои держатся на вѣтвяхъ по нѣскольку лѣтъ: у сосны напр. два года, а у ели семь лѣтъ. Поэтому новыя хвои весной появляются, а старыя еще держатся на вѣткахъ. Вотъ почему оба эти дерева круглый годъ зелены.

Сибирскій кедръ тоже принадлежитъ къ роду сосенъ, только иголки на немъ расположены не попарно, а по пяти, и за чешуйками шишекъ образуются у него вкусные орѣхи. Лиственница—самое высокое и самое прочное изъ хвойныхъ деревьевъ. Иглы на лиственницѣ мягки, ярко зеленаго цвѣта, сидятъ пучками и на зиму опадаютъ; потому, быть можетъ, народъ и далъ этому дереву названіе лиственницы, что она теряетъ зимою свои хвои, какъ лиственное дерево теряетъ листья. По своему пирамидальному виду лиственница походитъ на ель; древесина ея гораздо тверже, тяжелѣе и крѣпче даже, чѣмъ у сосны. Въ водѣ лиственница не гніетъ, и потому ее употребляютъ на постройку кораблей и на сваи, которыя должны находиться подъ водою. Изъ лиственницы же добывается лучшій скипидаръ, а кора ея употребляется при выдѣлкѣ кожъ. Это полезное дерево растетъ у насъ въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Оренбургской и по всей Сибири.

Къ семейству хвойныхъ деревьевъ принадлежатъ также пихта, кипарисъ, дающій пахучее желтоватое и прочное дерево, на которомъ часто пишутъ иконы и которое идетъ на обдѣлку карандашей, можжевельникъ, вѣтки и плоды котораго употребляются для окуриванія, и нѣкоторыя другія.

К. Ушинскій.

21. Береза.

У каждаго дерева есть своя особая физіономія. Толстый, коренастый дубъ, съ твердыми сучьями, на которыхъ даже сильный вѣтеръ шевелитъ только тоненькими вѣточками, напоминаетъ сильнаго богатыря, смѣло и упорно подставляющаго невзгодамъ свою могучую грудь; отъ сосны и елки, отъ ихъ неумирающей на зиму, колючей, темной зелени вѣетъ грустью; роскошная, пахучая липа, въ безчисленныхъ листьяхъ и душистыхъ цвѣтахъ которой гудитъ цѣлый рой золотистыхъ пчелъ,—богатая хлѣбосольная хозяйка; дуплистая ива, шелестя своими длинными висячими космами, навѣваетъ задумчивость; стройная, трепещущая, робкая осина хороша только осенью, когда холода уберутъ ее пурпуромъ и золотомъ. Но нѣтъ у насъ дерева веселѣй и привѣтливѣй, милѣе стройной, кудрявой березки: ея длинный, гибкій стволъ покрытъ опрятной бѣлой корой; ея яркая, кудрявая зелень весною первая радуетъ наши глаза, утомленные однообразнымъ видомъ снѣга. Если было бы нужно съ чѣмъ-нибудь сравнить березку, то я сравнилъ бы ее съ хорошенькой дѣвочкой, въ бѣломъ платьѣ, въ зеленомъ передничкѣ, когда она утромъ, умывшись холодною водою, выбѣжитъ въ садъ: отъ нея такъ и дышитъ свѣжестью, чистотою и весельемъ.

Листья березы мелкіе, яйцевидные, заостренные вверху, съ зазубринами по краямъ. Они особенно милы весною, когда только-что развернутся: тогда они имѣютъ блескъ, смолистый запахъ и липнутъ къ рукамъ. Кромѣ листьевъ, вы, вѣроятно, замѣтили на березовыхъ вѣткахъ хорошенькія длинныя сережки: это

цвѣты березы. Такихъ сережекъ на каждой березѣ два сорта: въ тѣхъ сережкахъ, которыя подлиннѣе и красноватаго цвѣта, находятся тычинки, и въ нихъ приготовляется плодотворная пыль; въ другихъ, которыя покороче и зеленаго цвѣта, находится масса плодничковъ, готовыхъ подхватить эту пыль.

Сережки, какъ и листья, подготовляются березою еще съ осени и начинаютъ распускаться весною, одновременно съ листьями. При малѣйшемъ вѣтрѣ, изъ вызрѣвшихъ пыльниковъ летитъ желтая, едва примѣтная для глаза, цвѣточная пыль. Безчисленное множество этихъ пылинокъ слетитъ съ березы на землю, но много ихъ попадаетъ и на липкіе плоднички.

Получивъ цвѣточную пылинку, плодничекъ начинаетъ приготовлять сѣмячко, которое мы можемъ назвать крылатымъ, потому что у каждаго дозрѣвшаго сѣмени березы есть два крылышка, и каждое крылышко гораздо больше самаго сѣмени. Осенью, когда сѣмена дозрѣютъ и выпадутъ изъ сережки, вѣтеръ подхватитъ ихъ и понесетъ въ разныя стороны. Безчисленные милліоны этихъ сѣмянъ, падая на воду, на песокъ, погибаютъ; но многія найдутъ себѣ удобную почву и прорастутъ. Впрочемъ, сѣмя березы самое неприхотливое въ выборѣ мѣста; оно можетъ прорасти и на крышѣ стараго дома, и на вершинѣ старинной колокольни, куда нанесло нѣсколько горстей пыли, и на любомъ островкѣ, и на вершинѣ скалистой горы. Береза по преимуществу сѣверная красавица и менѣе всѣхъ прочихъ деревьевъ боится холода: она растетъ даже на сибирскихъ тундрахъ, невдалекѣ отъ Ледовитаго океана, гдѣ уже ни одно дерево не можетъ выносить мертвящей стужи; березка, правда, гнется, изъ стройнаго дерева дѣлается маленькимъ, кривымъ кустарникомъ, но все еще держится.

На постройки береза употребляется рѣдко, но для топлива это лучшее и наиболѣе употребительное дерево. Вы, вѣроятно, замѣтили, какъ весело трещитъ и пылаетъ на огнѣ кора березы; это потому, что въ корѣ березы, или берестѣ, какъ ее называютъ, много горючаго, липкаго и душистаго смолистаго вещества. Изъ бересты гонятъ деготь, для чего складываютъ ее въ большую кучу, насыпаютъ сверху землю, чтобы береста не могла горѣть пламенемъ, и, приготовивъ стокъ для дегтя, поджигаютъ. Подъ землею береста тлѣетъ медленно, выпуская изъ себя жидкую смолу—деготь. Берестою же, такъ какъ она, по обилію смолы, очень трудно гніетъ, обкладываютъ иногда столбы, которымъ назначено долго простоять въ землѣ. Молодыя липкія почки и душистые листья настаиваютъ въ спиртѣ и приготовляютъ изъ нихъ такимъ образомъ лѣкарство. Стволъ березы часто кривъ, сучковатъ и мало годенъ для построекъ, но древесина ея бѣла, крѣпка, и слои ея очень красивы, а потому изъ березы дѣлаютъ иногда мебель. Изъ бугорчатыхъ наростовъ на корнѣ и стволѣ березы вырѣзывается, такъ называемая, корельская береза, которая, по красотѣ и очень прихотливой неправильности древесныхъ слоевъ, цѣнится дорого столярами и токарями.

Весною, когда соки дерева, разогрѣтые лучами солнца, бѣгутъ вверхъ, кору березы пробуравливаютъ и вставляютъ въ дырочку желобокъ, по которому течетъ изъ дерева сладкій, душистый сокъ. Въ Троицынъ день губятъ много молодыхъ березокъ, убирая ими комнаты, крыльца и крыши.

Различаютъ нѣсколько видовъ березъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ два: одну кудрявую, веселую, обыкновенную березу, и другую, которая, подобно плакучей

ивѣ, опускаетъ къ землѣ свои длинныя космы, точно роняетъ слезы; такая грустная березка называется плакучею.

К. Ушинскій.

22. Осина.

Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину, съ ея блѣдно-лиловымъ стволомъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ; или когда, въ ясный вѣтреный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль.

И. Тургеневъ.

23. Гроза.

Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становится душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава—все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ. Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное, безобразное пятно, съ мѣднымъ отливомъ по краямъ, и быстро надвигалось на село и на рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все тосковало въ природѣ. Коровы понурили головы; лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами. Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло, какъ будто ожидало чего-нибудь небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолвствовало. И бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями; они выпрямились; только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шепотомъ о близкой опасности. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во время по домамъ. Наступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія. Отъ лѣсу, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо путнику, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты. Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется, только глупый баранъ не предчувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ жвачку, стоя посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги, да перышко съ соломинкой, кружась по дорогѣ, силятся поспѣть за вихремъ.

Упали двѣ-три крупныя капли дождя—и вдругъ блеснула молнія. Старикъ всталъ съ завалинки и поспѣшно повелъ маленькихъ внучатъ въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно прокатился въ воздухѣ. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ поле: тщетно преслѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплетъ, такъ и сѣчетъ, все чаще и чаще, и дробитъ въ кровли и окна сильнѣе и сильнѣе. Бѣленькая ручка боязливо высовываетъ на балконъ предметъ нѣжныхъ заботъ—цвѣты.

И. Гончаровъ.

24. Осень.

Осень, глубокая осень! Сѣрое небо; низкія, тяжелыя, влажныя облака; голы и прозрачны становятся сады, рощи и лѣса. Все видно насквозь въ самой глухой древесной чащѣ, куда лѣтомъ не проникалъ глазъ человѣческій. Старыя деревья давно облетѣли, и только молодыя отдѣльныя березки сохраняютъ еще свои увядшіе желтоватые листья, блистающіе золотомъ, когда тронутъ ихъ косые лучи невысокаго осенняго солнца. Ярко выступаютъ сквозь красноватую сѣть березовыхъ вѣтвей вѣчно-зеленыя, какъ будто помолодѣвшія ели и сосны, освѣженныя холоднымъ воздухомъ, мелкими, какъ паръ, дождями и влажными ночными туманами. Устлана земля сухими, разновидными и разноцвѣтными листьями: мягкими и пухлыми въ сырую погоду, такъ что не слышно шелеста отъ ногъ осторожно ступающаго охотника, и жесткими, хрупкими въ морозы, такъ что далеко вскакиваютъ птицы и звѣри отъ шороха человѣческихъ шаговъ. Если тихо въ воздухѣ, слышны на большомъ разстояніи осторожные прыжки зайца и бѣлки и всякихъ лѣсныхъ звѣрьковъ, легко различаемые опытнымъ и чуткимъ ухомъ звѣролова.

Синицы всѣхъ родовъ, не улетающія на зиму, кромѣ синицы придорожной, которая скрылась уже давно, пододвинулись къ жилью человѣческому, особенно синица-московка. Звонкій, пронзительный ея свистъ уже часто слышенъ въ домѣ сквозь затворенныя окна. Снѣгири также выбрались изъ лѣсной чащи и появились въ садахъ и огородахъ, и скрипучее ихъ пѣнье, не лишенное какой-то пріятной мелодіи, тихо раздается въ голыхъ кустахъ и деревьяхъ.

Еще не улетѣвшіе дрозды, съ чоканьемъ и визгомъ собравшись въ большія стаи, улетаютъ въ сады и уремы, куда манятъ ихъ ягоды бузины, жимолости и, еще болѣе, красныя кисти рябины и калины. Любимыя ими ягоды черемухи давно высохли и свалились; но онѣ не пропадутъ даромъ: всѣ будутъ подобраны съ земли жадными гостями.

Вотъ шумно летитъ станица черныхъ дроздовъ и прямо въ паркъ. Одни разсядутся по деревьямъ, а другіе опустятся на землю и распрыгаются во всѣ стороны. Сначала притихнутъ часа на два, втихомолку удовлетворяя своему голоду, а потомъ, насытясь, набивъ свои зобы, соберутся въ кучу, усядутся на нѣсколькихъ деревьяхъ и примутся пѣть, потому что это пѣвчіе дрозды. Хорошо поютъ не всѣ, а, вѣроятно, старые; иные только взвизгиваютъ; но общій хоръ очень пріятенъ: изумитъ и обрадуетъ онъ того, кто въ первый разъ его услышитъ, потому что давно замолкли птичьи голоса, и въ такую позднюю осень не услышишь прежняго разнообразнаго пѣнья, и только крики птицъ и то большею частью дятловъ, снѣгирей и синицъ.

Рѣка приняла особенный видъ: какъ будто измѣнилась, выпрямилась въ своихъ изгибахъ, стала гораздо шире, потому что вода видна сквозь голые сучья наклонившихся ольховыхъ вѣтвей и безлистные прутья береговыхъ кустовъ, а еще болѣе потому, что пропалъ отъ холода водяной цвѣтъ и что прибрежныя травы, побитыя морозомъ, завяли и опустились на дно. Въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, имѣющихъ глинистое и особенно песчаное дно, вода посвѣтлѣла и стала прозрачна, какъ стекло; но рѣки и рѣчки припруженныя, текущія медленно, получаютъ голубовато-зеленый, непріятный, какъ будто мутный цвѣтъ. Впрочемъ, это оптическій обманъ: вода въ нихъ совершенно свѣтла, но дно покрыто осѣвшею шмарою, мелкимъ, зеленымъ мохомъ, или коротенькимъ водянымъ шелкомъ—и вода получаетъ зеленоватый цвѣтъ отъ своей подкладки, точно, какъ хрусталь или стекло, подложенное зеленой фольгой кажется зеленымъ.

С. Аксаковъ.

25. Дорога.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ *дорога*! и какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... Покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся въ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота, и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся и „Не бѣлы снѣги“, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши въ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви съ старинными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ—будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души—все спитъ. Одинъ-одинешенекъ развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—что до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься, и храпишь—и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся—и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего; вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ. Покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ!.. Толчокъ—и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. „Полегче! легче!“ слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій, ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хороша подчасъ, далекая, далекая дорога!..

Н. Гоголь.

26. Зайцы.

1. Наружность зайца извѣстна всѣмъ; но онъ имѣетъ въ себѣ замѣчательную особенность: это—устройство его заднихъ ногъ, которыя гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно эластическими, крѣпкими, сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ, и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Присѣвъ на заднія ноги, т.-е. сложивъ ихъ на сгибѣ, упершись въ какое-нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротой и силой разогнуть ихъ, что буквально бросаетъ на воздухъ все свое тѣло: едва обопрется онъ о землю передними лапками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчокъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіей, вытянутою въ воздухѣ.

Заяцъ—самое робкое и беззащитное твореніе. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицей: „Труслив, какъ заяцъ“. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зорямъ выходитъ изъ своего дневного убѣжища. Ночь для него совершенно замѣняетъ день: въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ и *жируетъ*, т.-е. рѣзвится. Съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своею мордочкой, опушенною рѣдкими, но довольно длинными, бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи заяцъ исходитъ, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько верстъ.

2. Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза, большіе, темные, на выкатѣ—не косы; это знаетъ каждый; но, будучи пугливъ, тороплив и не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника или на пенекъ; оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ неловкихъ движеній назвали его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго второпяхъ мимо того предмета, который онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: „Эхъ ты, косой заяцъ!“ или: „Куда забѣжалъ скосу?“ Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно, это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ.

Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя и легавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летаютъ и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба—готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое логово; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется, въ чистыхъ поляхъ), то непремѣнно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ,—увидитъ и, зашумѣвъ, какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца

внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями.

С. Аксаковъ.

27. Лисица.

1. Лисица, или лиса, слыветъ самымъ хитрымъ и догадливымъ животнымъ; хитрость ея на всѣхъ почти языкахъ обратилась въ пословицу; на всѣхъ языкахъ сложили объ ней притчи, сказки, присказки, басни и прибасенки.

Лиса водится во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Австраліи, или Океаніи. Настоящій цвѣтъ, или масть, ея—рыжій, красноватый съ различными оттѣнками; но бываютъ лисицы бурыя, чернобурыя и чалыя. Мѣхъ чернобурыхъ лисицъ самый дорогой. Мясо лисье, должно быть, слишкомъ дурно и безвкусно, потому что его нигдѣ не ѣдятъ.

Лисицу ловятъ и бьютъ тѣми же средствами, какъ и волка; но она очень рѣдко бываетъ обманута капканомъ, а загонять ее на лошади очень трудно, потому что она почти всегда найдетъ средство скрыться. Въ волчью яму она попадаетъ изрѣдка, случайно; на стрѣлковъ облавою выгнать ее затруднительно; она обрыщетъ сперва весь кругъ, и если не глазами, то чутьемъ разберетъ тотчасъ, откуда предстоитъ ей опасность, и прокрадется втихомолку подлѣ неопытнаго охотника. Если лиса разъ только слышала выстрѣлъ и понюхала издали пороху, то она знаетъ и помнитъ это навсегда и слышитъ чутьемъ охотника на большомъ разстояніи. Она подбѣгаетъ къ чащѣ лѣса, останавливается, поднявъ лапку и вздернувъ мордочку, а потомъ вдругъ кидается въ сторону, подставляя стрѣлку только пушистый хвостъ, который машетъ во всѣ стороны, а сама бѣжитъ, притаившись вровень съ землею. Иногда лиса обмочитъ свой хвостъ въ грязи и обваляетъ его пескомъ; такимъ снарядомъ она отмахивается очень искусно и засыпаетъ собакамъ глаза. Если ей нѣтъ спасенья, то она прикидывается мертвою и мститъ злобно тому, кто ей повѣритъ.

2. Лиса роетъ себѣ глубокую, просторную нору съ нѣсколькими выходами, которые искусно скрываетъ подъ корнемъ дерева, подъ камнемъ или кустомъ. Если она слышитъ какой-нибудь шумъ, то не выходитъ иначе, какъ обнюхивая и посматривая осторожно на всѣ стороны; въ случаѣ опасности, быстро уходитъ и пробирается самымъ дальнимъ и скрытнымъ ходомъ. Выжить ее изъ норы не легко; когда ее выкуриваютъ сѣрой или другими веществами, то она, осмотрѣвъ всѣ выходы и найдя ихъ заставленными, нерѣдко остается въ норѣ и задыхается.

Лиса хлѣбнаго корма не ѣстъ: она душитъ все живое, что ей попадается; подстерегаетъ лѣтомъ птицъ на землѣ и на низкихъ гнѣздахъ; осенью удачно охотится на выводковъ, а зимой кормится мышами и кротами, если не удастся придушить зайца или птицы и зарыть остатки такого лакомаго стола въ снѣгъ. Если добычи нѣтъ, то лиса и лѣтомъ довольствуется насѣкомыми всякаго рода; охотно ѣстъ рыбу, хотя не умѣетъ сама поймать ее, а отбиваетъ у чайки, кинувшись внезапно на птицу, занятую своей добычей. Лиса роскошествуетъ, забравшись въ курятникъ или на птичій дворъ; она спѣшитъ перевернуть шею всей крикливой стаѣ, чтобъ предупредить тревогу. Крикъ и стонъ курицъ и отчаянное гагаканье

гусей и кваканье утокъ въ это время превосходятъ всякое описаніе. Опустошеніе бываетъ велико, и говорятъ, будто куры съ испуга перестаютъ нестись, что и подало поводъ къ поговоркѣ, заключающей въ себѣ страшную угрозу: „Гдѣ я лисой пройду, тамъ три года куры не несутся“. Лису труднѣе застать и убить на воровствѣ, чѣмъ волка: сѣрый наглѣе и проще, а лиса до крайности осмотрительна. Она не полѣзетъ черезъ тынъ, не вломится въ ворота, а выберетъ какую-нибудь продушину, трещину, или подроется подъ стѣну, и при первой тревогѣ туда же выскочитъ.

3. Всѣ движенія и пріемы лисы тонки, ловки и, можно сказать, нѣжны. Какъ она хитро и умильно садится иногда на заднія лапки, распустивъ по землѣ пушистый хвостъ, надувъ мягкую шерсть на спинѣ, сгорбившись немного, поднявъ тонкую мордочку, навостривъ уши и облизываясь! Лисята бываютъ такъ же забавны, какъ котята, но въ неволѣ дичатся. Мать нерѣдко играетъ съ ними сама, какъ кошка, и забавляетъ ихъ прыжками и побѣгушками. Она приноситъ имъ полуживую мышь или птицу, заставляя ихъ гоняться за добычей и ловить ее; но если птица начнетъ при этомъ громко кричать, то лиса поспѣшно свертываетъ ей шею.

Что лиса одно изъ самыхъ хитрыхъ животныхъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но въ ней нѣтъ такого ума, добронравія, послушанія, такой разсудительности и понятливости, какъ у собаки, лошади и слона. Всѣ умственныя способности лисицы заключаются въ одной хитрости; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ она не возвысилась до многихъ животныхъ. Она стоитъ по своимъ умственнымъ качествамъ выше волка, но ниже собаки.

Голосъ лисы не звученъ, но довольно разнообразенъ; смотря по обстоятельствамъ, она урчитъ, ворчитъ и фыркаетъ, когда сердится; лаетъ отрывисто и сипло, когда голодна; особымъ же глухимъ лаемъ сзываетъ она лисятъ, а играя съ ними, тоже лаетъ и урчитъ, только иначе. Боль рѣдко вызываетъ у ней голосъ, и она умираетъ такъ же, какъ и волкъ, молча.

В. Даль.

28. Изъ жизни воробьевъ.

Вотъ наконецъ насталъ желанный день. Дѣтки выросли, оперились, вылетѣли изъ гнѣздышка. Веселой кучкой сидятъ они на заборахъ, въ аллеяхъ садика, между грядокъ огорода, чирикаютъ безъ умолку, а какъ только увидятъ отца или мать, откроютъ желтые рты, зачирикаютъ еще пуще—значитъ, пожалуйте червячка!

Хитрые старики заведутъ воробьятъ въ такое мѣстечко, гдѣ они легче всего могутъ избѣгнуть враговъ. А для этого нѣтъ имъ лучше притона, какъ песчаная дорожка въ садикѣ, окаймленная кустами акаціи. Заведутъ они туда своихъ воробьятокъ, а сами начнутъ промышлять кормъ для нихъ.

Иногда на одной дорожкѣ соберется нѣсколько выводковъ, и она сдѣлается настоящимъ *воробьинымъ* дѣтскимъ садомъ, а должность гувернера исполняетъ одинъ изъ старшихъ воробьевъ по очереди. Молодые воробушки беззаботно чиликаютъ, купаются въ пескѣ, прыгаютъ по дорожкѣ, а старый воробей усядется на самую высокую вѣтку акаціи и зорко смотритъ во всѣ стороны; въ это время прочіе воробьи торопливо таскаютъ гусеницъ и кормятъ своихъ дѣтенышей.

Воробей-сторожъ невозмутимъ: онъ не бросится даже на самую жирную гусеницу, хотя бы она ползла по самой ближайшей вѣткѣ; это самый примѣрный часовой. Но зато его и слушаются всѣ. Закричитъ онъ: чр-ррр... чр-ррр!.. и все, что беззаботно скакало по дорожкѣ, чиликало и прыгало, съ шумомъ бросается въ самую чащу кустовъ акаціи или сирени. Въ минуту все смолкнетъ. Ни звука, ни шелеста. Только часовой сидитъ на вершинѣ; онъ закричалъ, но не пошевелился: онъ увидалъ врага и слѣдитъ за нимъ. А этотъ врагъ лютый, злой, безпощадный—это ястребъ-перепелятникъ. Давно еще запримѣтилъ его воробей; еще тамъ вдали, когда онъ неслышнымъ полетомъ вывернулся изъ-за крайней избы и направился по задворкамъ. Сущій разбойникъ! Перья сѣрыя, неблестящія, въ которыхъ лучше всего укрываться вору, а укрываться онъ и безъ того мастеръ. Онъ летитъ около заборовъ, между деревьевъ; свернетъ вдругъ въ сторону; взмахнетъ кверху и оглянетъ все быстро своими желтыми глазами. Горе зазѣвавшейся птичкѣ! Стрѣлой налетитъ на нее разбойникъ, вседитъ когти и—пропала бѣдняга. Но не таковъ нашъ воробей, чтобы поддаться ястребу. Изъ сотни разныхъ птицъ едва ли удастся ему схватить хотя одного воробья. Уменъ и остороженъ нашъ плутъ. Да, кромѣ того, у него есть кума-ласточка востроглазая, быстрокрылая; воробей знаетъ, какъ она крикнетъ, если увидитъ ястреба. Но вотъ онъ и самъ увидѣлъ его. Ястребъ ближе, ближе; воробей все сидитъ. Воробьята ни гугу, какъ будто и нѣтъ ихъ; а часовой все сидитъ на вѣткѣ. Замѣтилъ его ястребиный глазъ, взмахнулъ лѣсной разбойникъ крыльями: разъ, два, только бы вотъ впустить когти—анъ воробья уже нѣтъ. Камнемъ упалъ онъ въ кустъ акаціи, а на его мѣстѣ очутился ястребъ. Сидитъ дуракъ-дуракомъ; вцѣпились когти въ зеленую вѣтку и замерли. Досада гложетъ хищника, а ласточки еще издѣваются: *чивитъ... чивитъ...* и одна за другой подлетаютъ къ нему. Зло смотрятъ на нихъ кругомъ желтые глаза; знаетъ ястребъ, что тутъ цѣлыя сотни воробьевъ сидитъ въ чащѣ вѣтвей, да гдѣ жъ ихъ достать? Встряхнулся и полетѣлъ дальше. Если бы онъ оглянулся назадъ—на его мѣстѣ опять сидитъ часовой-воробей, а на дорожку съ шумомъ высыпала изъ зеленой листвы цѣлая толпа воробьятъ.

Не даромъ я назвалъ эту аллейку воробьинымъ дѣтскимъ садомъ. Когда-нибудь присмотритесь къ воробьятамъ въ то время, какъ они только что покинутъ гнѣздо. Какіе это простаки, неловкіе, довѣрчивые, крикливые! И ноги и крылышки еще плохо служатъ имъ. Это такіе же увальни, какъ наши Коли и Мити, когда тѣ только что начинаютъ ходить. Но посмотрите на воробьятъ три, четыре дня спустя, въ ихъ дѣтскомъ саду. Вотъ они роются на дорожкѣ въ пескѣ. Это уже не увальни, не простаки. Чуть раздастся крикъ ихъ часового, полюбуйтесь, какъ они ловко шнырнутъ въ кусты, спрячутся тамъ и замолкнутъ.

Въ эти немногіе дни они, лучше насъ съ вами, выучили азбуку воробьиной жизни. Пройдетъ еще нѣсколько дней—старые воробьи и воробьихи научатъ ихъ всему, что нужно знать образованному воробью. Они выведутъ ихъ на лужайку и научатъ ловить жуковъ, бабочекъ, гусеницъ. Они вызовутъ ихъ изъ кустовъ на проѣзжую дорогу и научатъ разыскивать хлѣбныя зернышки. Они поведутъ ихъ въ садъ, въ огородъ, на гумно, покажутъ имъ, какъ тамъ нужно хозяйничать, растолкуютъ, кого бояться, гдѣ прятаться.

Наконецъ ученье кончено: молодые выросли: ихъ не отличишь отъ старыхъ. Тогда собирается семейный совѣтъ. Старики прощаются съ дѣтками и говорятъ: „Вы теперь большіе, живите, какъ хотите, мы всему васъ научили“,—и воробьиная семья разлетается врозь.

Богдановъ.

29. Охота на утокъ.

1. — Поѣдемте-ка во Льговъ,—сказалъ мнѣ однажды Ермолай:—мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно плѣнительнаго, но, за неимѣніемъ пока другой дичи (дѣло было въ началѣ сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бѣгать по полямъ за куропатками мнѣ надоѣло), я послушался моего охотника и отправился во Льговъ.

Льговъ—большое степное село съ весьма древней каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка, верстъ за́ пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кой-гдѣ по серединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по орловскому—майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затишьяхъ, между тростниками, выводилось и держалось безчисленое множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ. Небольшія стаи то и дѣло перелётывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у!

Мы пошли было съ Ермолаемъ вдоль пруда; но, во-первыхъ, у самаго берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошного ма́йера наши собаки не были въ состояніи: несмотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоцѣнные носы́ объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ, промолвилъ, наконецъ, Ермолай: дѣло не ладно: надо достать лодку... Пойдемте назадъ во Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу изъ-за густой ракиты выбѣжала довольно дрянная легавая собака, и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать пять.

— Позвольте себя рекомендовать, началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: я здѣшній охотникъ Владиміръ... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Я согласился на его предложеніе. Мы дошли до Льгова. И Владиміръ, и Ермолай—оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка́ есть дощаникъ, замѣтилъ Владиміръ: да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому? спросилъ я.

— Здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ, что буду ждать ихъ у церкви.

2. Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка со страннымъ прозвищемъ Сучокъ— прервалъ мои размышленія.

Босонóгій, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? спросилъ я.

— Лодка есть, отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась, да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда! подхватилъ Ермолай: паклей заткнуть можно.

— Извѣстно, можно, подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это, ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, съ важностью прибавилъ мой охотникъ.

— Ну, сказалъ я Ермолаю: поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А вѣдь этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ? сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, замѣтилъ Сучокъ: да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже колдóбины.

— Однакоже, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ: такъ грести нельзя будетъ.

— Да кто жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шéстикъ, а то и лопатой можно.

— Лопатой не ловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, сказалъ Владиміръ.

— Оно, правда, что не ловко.

Я присѣлъ въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ руки за спиной.

3. Черезъ четверть часа мы уже сидѣли на дощаникѣ Сучка. Намъ не очень было ловко, но охотники народъ неразборчивый. У тупого задняго конца стоялъ Сучокъ и „пихался“; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки. Ермолай помѣстился спереди, у самаго носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ;

сплошные круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, „срывались“ съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними, и эти кургузыя птицы кувыркались на воздухѣ и тяжко шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли; иныя, убитыя наповалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но все-таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно, я—довольно плохо, по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ и изрѣдка кричалъ: „вонъ, вонъ еще утица!“

Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ.

4. Мы собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника,—какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, къ счастію, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно; черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть, по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тфу ты пропасть! пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду: какая оказія. А все ты! прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку: что это у тебя за лодка?

— Виноватъ! пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: чего смотрѣлъ? чего не черпалъ?

Но Владиміру было уже не до возраженій: онъ дрожалъ какъ листъ,—зубъ на зубъ не попадалъ,—и совершенно безсмысленно улыбался.

Дощаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда

первый страхъ прошелъ, я оглянулся: кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали надъ ихъ верхушками виднѣлся берегъ. „Плохо!“ подумалъ я.

— Какъ намъ быть? спросилъ я Ермолая.

— А вотъ посмотримъ; не ночевать же здѣсь, отвѣтилъ онъ. На, ты, держи ружье! сказалъ онъ Владимиру.

Владимиръ безпрекословно повиновался.

— Пойду, сыщу бродъ, продолжалъ Ермолай съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непремѣнно долженъ существовать бродъ,—взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы; наконецъ умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межъ собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами; иныя собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, „колóмъ“, и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу; бродъ нашелъ... Пойдемте.

Мы хотѣли было тотчасъ же отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана верёвку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владимиръ за нимъ, я за Владимиромъ, Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухсотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно, лишь изрѣдка покрикивая: „лѣвѣй, — тутъ направо колдобина!“ или „правѣй,—тутъ налѣво завязнешь...“ Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлёбывался и пускалъ пузыри. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ и собирались ужинать.

И. Тургеневъ.

30. Журавль.

Журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи; и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки: иногда въ началѣ августа, иногда въ исходѣ сентября; летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго, по большей части, гораздо длиннѣе.

Журавль довольно осторожная птица, и къ журавлиной стаѣ подъѣхать и даже подкрасться очень мудрено; но въ одиночку или въ парѣ, особенно, если найдешь ихъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣваютъ гнѣздо, журавли гораздо смирнѣе, и на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ иногда можно подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Можно также, узнавъ предварительно, куда летаютъ журавли кормиться, гдѣ проводятъ полдень, гдѣ ночуютъ и чрезъ какія мѣста пролетаютъ на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное мѣсто и ожидать въ немъ журавлей на перелетѣ, на корму или на ночевкѣ.

Ночевку журавли выбираютъ на мѣстахъ открытыхъ, даже иногда близъ проѣзжей дороги; обыкновенно всѣ спятъ стоя, заложивъ голову подъ крылья, вытянувшись въ одинъ или два ряда и выставивъ по краямъ одного или двухъ сторожей, которые только дремлютъ, не закладывая головъ подъ крылья, дремлютъ чутко, и какъ скоро замѣтятъ опасность, то зычнымъ крикомъ разбудятъ товарищей, и всѣ улетятъ.

Весьма естественно, что журавль—сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ съ твердыми ногтями, и наконецъ въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, легко раненый журавль дѣлается опасною птицей для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь—и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его: скорость своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваньемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, онъ, на всемъ бѣгу, бросается на спину и начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой обороны: одного криваго охотника и одну кривую собаку; и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля.

Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ ничего нѣтъ смѣшного; но какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки: до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзвое движеніе! Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали, или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка.

С. Аксаковъ.

31. Лѣсная сказка *).

I.

Только что оконченный посадкою молоденькій „новый“ лѣсъ выглядывалъ, точно садъ; въ немъ и чисто было такъ же, какъ въ хорошо содержимомъ саду, потому что все постороннее изъ него изгонялось: всякій, даже самый незначительный кустикъ орѣшника, можжевельника, дикой малины, вырубался и выкорчевывался до послѣдняго корешка...

Но не такъ думалъ Лѣсной Царь, верховный владыка лѣсовъ, повелитель Зеленаго Царства.

Онъ сидѣлъ на тронѣ; тронъ этотъ опирался на могучіе сучья столѣтняго дуба, который возвышался надъ старымъ лѣсомъ, покрывавшимъ окрестные холмы. Его длинная, густая, зеленая борода, перевитая сѣдыми мхами, свѣшивалась

*) Молодому лѣсничему было поручено развести лѣсъ, и онъ, по заранѣе составленному плану, правильными рядами, разсадилъ молодыя деревья, вывезенныя изъ питомника.

до самой земли. По обѣимъ сторонамъ его трона, на вѣткахъ дуба, сидѣли два огромные старые филина. Сначала лѣсной владыка съ удовольствіемъ смотрѣлъ на происходившія приготовленія къ разведенію лѣса, радуясь расширенію своихъ владѣній; но вотъ стали появляться правильные ряды деревецъ, а склоны холмовъ и низменности долины стали раздѣляться правильными рядами на клѣтки, подобно шахматной доскѣ; когда же онъ увидѣлъ, что въ одномъ мѣстѣ садятъ все одну только сосну, въ другомъ одинъ только дубъ, въ третьемъ—одну только ель, въ четвертомъ—одну только ольху и т. д.,—чело его начало хмуриться, и чѣмъ дальше, тѣмъ оно все больше хмурилось. По окончаніи работъ, лѣсничій отдалъ приказаніе сторожамъ внимательно смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ разведенныхъ лѣсныхъ участкахъ отнюдь не появлялись постороннія деревья. Услышавъ это приказаніе, Лѣсной Царь грозно сдвинулъ брови и, тряхнувъ своей бородой такъ, что съ нея посыпался цѣлый дождь сѣдыхъ мховъ, повелѣлъ филинамъ облетѣть весь лѣсъ и собрать къ его трону старѣйшихъ отъ всѣхъ породъ деревъ и отъ тѣхъ породъ птицъ, которыя кормятся и сѣменами, и ягодами лѣсныхъ деревъ и кустарниковъ.

Въ ночь на Ивана Купала собрались вкругъ трона своего повелителя старѣйшіе дубы, клены, ясени, осины и другія лиственныя деревья, между которыми возвышались хвойные великаны—сосны и ели. Когда всѣ эти деревья размѣстились по своимъ мѣстамъ, со всѣхъ сторонъ начали слетаться разныя птицы и въ почтительномъ молчаніи разсаживались по деревьямъ. Когда слетѣлись всѣ птицы, и водворилась торжественная тишина, тогда владыка лѣсовъ обратился къ собранію со слѣдующею рѣчью:

„Куда дѣвалась красота моего лѣса?!“ Онъ сказалъ, и слова его пронеслись бурнымъ порывомъ между вершинами... У пугливой осины всѣ листики затрепетали. „Люди расчерчиваютъ землю прямыми линіями въ клѣтки, точно шахматную доску. Все должно расти прямолинейно, по ихъ желанію и предназначенію; я же не терплю прямыхъ линій—въ нихъ нѣтъ красоты... Взгляните на нашу молодежь, разсаженную тамъ лѣсничимъ въ прямые ряды и клѣтки: имъ предназначена печальная участь вѣчной разлуки съ ихъ друзьями и подругами изъ другихъ древесныхъ породъ. Восхитительная прелесть пестраго разнообразія моего лѣса исчезаетъ, и куда я ни взгляну, повсюду вижу одно лишь печальное однообразіе. Воспряньте, дѣти мои! Для чего даны вашимъ сѣменамъ крылья и легкій пушокъ, какъ не для того, чтобы вы могли, весело путешествуя по воздуху, селиться, гдѣ вамъ вздумается? И для чего даны въ избыткѣ плоды и ягоды вамъ, птицы, какъ не для того, чтобы, лакомясь ими, вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и разносили ихъ въ разныя стороны? Надѣюсь, вы меня поняли... Ступайте жъ и исполните вашъ долгъ.“

Такъ говорилъ повелитель лѣсовъ. Деревья и птицы поняли его и—исполнили свой долгъ...

II.

Еще не успѣли распуститься въ саду у лѣсничаго розы, какъ уже тронулись въ путь снимаемыя шаловливымъ вѣтеркомъ съ деревьевъ серебристыя облачка свѣжихъ, пушистыхъ сѣмянъ осинъ, тополей и ивъ. Они плавно пролетали надъ

„новымъ лѣсомъ“, какъ бы высматривая наиболѣе подходящія для себя мѣста. Ивовыя и тополевыя сѣмена опустились на сырыя низменности, частію между ясенями. Ихъ налетѣло сюда такъ много, что вся земля между рядами насаженныхъ лѣсничимъ деревецъ почти сплошь покрылась, точно снѣгомъ, серебристымъ пушкомъ. Осиновыя сѣмена протянули немного далѣе, къ дубкамъ, и частію насѣялись между ними, частію же пріютились по краямъ дорожныхъ канавъ.

Еще не окончилось лѣто, какъ приготовились уже въ путь и сѣмена веселыхъ березокъ. Безчисленнымъ множествомъ крошечныхъ, буренькихъ бабочекъ неслись и кружились они надъ „новымъ лѣсомъ“; значительная часть ихъ спустилась къ своимъ подругамъ-елкамъ; остальныя же разсѣялись повсюду, гдѣ для другихъ деревьевъ было не достаточно хорошо: вѣдь березки очень невзыскательны и неприхотливы въ своихъ желаніяхъ.

Къ тому времени, какъ пожелтѣли и зарумянились листья, научились также летать и тяжелыя сѣмена кленовъ и ясеней; но, хорошо зная, что имъ не такъ легко перелетѣть въ „новый лѣсъ“, какъ осиновому и ивовому пушку, они были удержаны своими родными деревьями до наступленія времени осеннихъ бурь. Цѣлыми кистями снимали ихъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ съ деревьевъ бурные порывы вѣтра и относили все дальше и дальше, по направленію къ „новому лѣсу“, такъ что, ко времени наступленія зимы, они уже успѣли добраться до ближайшаго дубоваго участка, гдѣ и размѣстились, вперемежку съ ранѣе налетѣвшими туда вязовыми сѣменами.

Съ наступленіемъ зимы все успокоилось, но лишь только деревья начали пригрѣваться первыми теплыми лучами февральскаго солнца, какъ ольхи начали раскрывать чешуйки своихъ жесткихъ, чернобурыхъ шишечекъ и ронять изъ нихъ свои мелкія, безкрылыя сѣмена, покрывая снѣгъ безчисленнымъ множествомъ черныхъ точечекъ. Когда снѣгъ началъ таять, и вешнія воды струйками побѣжали по покатостямъ, онѣ подхватили съ собой и ольховыя сѣмена, которыя, достигнувъ такимъ образомъ „новаго лѣса“, пристроились въ немъ въ разныхъ мѣстахъ и, преимущественно, вдоль канавъ и по сырымъ низинамъ, вперемежку съ ясенями, ивами и тополями.

Наконецъ, почти одновременно съ появленіемъ вешнихъ водъ, раскрылись тысячи сосновыхъ и еловыхъ шишекъ; тогда высвободившіяся изъ-подъ ихъ чешуекъ крошечныя, снабженныя крылышками сѣмена безчисленными буренькими волчками закружились въ воздухѣ и понеслись, гонимыя вѣтромъ, по направленію къ „новому лѣсу“. Они, конечно, уже не стали спрашивать, будетъ ли имъ дозволено поселиться въ „новомъ лѣсу“, а спокойно опускались, гдѣ имъ вздумалось, между своими друзьями и родственниками.

Не менѣе дѣятельны были также и птицы въ исполненіи возложеннаго на нихъ Лѣснымъ Царемъ порученія. Правда, легкомысленныя, голубокрылыя сойки не особенно много нароняли дубовыхъ желудей во время своихъ перелетовъ надъ „новымъ лѣсомъ“; но зато тѣмъ болѣе натаскали туда рябиновыхъ, черемуховыхъ, калиновыхъ, бузинныхъ, крушинныхъ и разныхъ другихъ ягодъ прилежныя птицы. Нѣкоторые смѣльчаки были настолько даже дерзки, что таскали въ „новый лѣсъ“ изъ сада лѣсничаго самыя вкусныя вишни и, полакомившись сочною мякотью, бросали косточки на землю, зная очень хорошо, что изъ нихъ на бу-

дущій годъ вырастутъ новыя вишневыя деревца. Лѣсной орѣшникъ насѣяла во многихъ мѣстахъ маленькая грызунья-бѣлочка. У нея была привычка, наѣвшись досыта вкусныхъ орѣховъ, прятать остатки отъ обѣда въ разныхъ мѣстахъ, подъ мохомъ; конечно, она часто забывала про нихъ или не могла ихъ найти, и такимъ образомъ изъ нихъ повыросли кой-гдѣ кусты орѣшника.

Такъ дѣлали въ порядкѣ свое дѣло деревья, птицы и даже животныя, какъ этого желалъ и требовалъ повелитель Зеленаго Царства. Но была птица—клестъ, которая ухитрилась сдѣлать даже нѣчто совсѣмъ необыкновенное: однажды, плотно покушавъ вкусныхъ еловыхъ зернышекъ на старой елкѣ, кривоносый клестъ прилетѣлъ въ „новый лѣсъ“ и, усѣвшись на росшую при дорогѣ, давно уже сломанную до половины бурею старую иву (которая однако продолжала ежегодно зеленѣть своими боковыми вѣтвями), сталъ чистить свой замазанный въ еловой смолѣ клювъ, къ которому оказалось случайно приставшимъ одно еловое сѣмечко. Послѣдствіемъ этого было то, что на сгнившей макушкѣ обломанной ивы выросла молоденькая елочка, пустившая свои корешки въ землистую гниль ивы, и мало-помалу стала стройнымъ деревцомъ, даже болѣе высокимъ, чѣмъ сама ива.

III.

Прошло около десяти лѣтъ съ того времени, какъ деревья и птицы начали исполнять приказаніе своего повелителя, и до того времени, когда посѣянная клестомъ на старой ивѣ елка выросла въ стройное деревцо. Нужно ли говорить, что твореніе лѣсничаго стало неузнаваемо! Куда дѣвались прямые ряды деревьевъ? Куда дѣвалось скучное однообразіе участковъ?... Повелитель Зеленаго Царства попрежнему сидѣлъ на своемъ тронѣ, на старомъ дубѣ, но уже не хмурился, а самодовольно улыбался, любуясь на красивыя, разнообразно-смѣшанныя группы деревьевъ.

А лѣсничій? Разумѣется, сначала онъ ужасно сердился на незваныхъ налетныхъ гостей; много березокъ и елокъ было вырвано съ корнемъ, по его приказанію, но затѣмъ онъ махнулъ рукой и предоставилъ расти, гдѣ чему нравилось. Мало-по-малу онъ свыкся съ незваными пришлецами и даже сталъ радоваться, видя, какъ насаженныя имъ деревца бодро и весело растутъ, въ сообществѣ со своими друзьями изъ другихъ древесныхъ породъ, съ которыми они привыкли вмѣстѣ расти на свободѣ, въ лѣсу. Наконецъ, съ каждымъ новымъ годичнымъ побѣгомъ, который заканчивали сосны и ели, лѣсничій нашъ становился годомъ старше, а съ годами человѣкъ дѣлается терпѣливѣе и благоразумнѣе.

Когда однажды заѣзжій изъ сосѣдняго городка художникъ, любуясь съ балкона домика лѣсничаго на живописный видъ „новаго лѣса“, началъ высказывать похвалы лѣсничему, знанію и умѣнью котораго онъ все это приписывалъ, лѣсничій отвѣтилъ: „Благодарю васъ. Мнѣ, дѣйствительно, стоило много труда и заботъ разведеніе этого лѣса; но, скажу вамъ правду, то, что вамъ именно больше всего нравится въ немъ—его живописная красота—въ этомъ менѣе всего я повиненъ: это—произведеніе природы, дѣло рукъ Божіихъ... Врядъ ли росли бы посаженныя мною деревца (въ каждомъ участкѣ отдѣльными породами) такъ же хорошо, какъ они растутъ теперь, и хотя не мало существуетъ хорошихъ искусственно-разведенныхъ лѣсовъ, деревья которыхъ стоятъ правильными рядами; но они, конечно, много уступаютъ въ красотѣ этому лѣсу, которымъ вы теперь любуетесь“...

Такъ говорилъ лѣсничій. Художникъ одобрительно кивалъ ему головой. Повелитель Зеленаго Царства, до котораго крылатый вѣтеръ донесъ слова лѣсничаго, милостиво улыбался съ высоты своего трона на старомъ дубѣ...

Д. Кайгородовъ.

32. Исторія капельки воды.

1. На просторѣ Атлантическаго океана, въ яркихъ лучахъ солнечнаго свѣта, прыгало и играло безчисленное множество маленькихъ водяныхъ капель, подобно рѣзвымъ, веселымъ дѣтямъ.

Одна изъ этихъ капель была особенно шаловлива. Она то старалась подпрыгнуть выше всѣхъ своихъ сестеръ, то вскакивала на спину дельфина и быстро неслась на немъ нѣкоторое разстояніе, то летѣла по воздуху на плавникѣ летучей рыбки. Но этого всего было слишкомъ мало для маленькой капли. Ей хотѣлось отправиться куда-нибудь подальше, въ далекое путешествіе, подняться къ облакамъ и оттуда посмотрѣть на море и землю.

И вотъ она стала просить у солнца, чтобы оно сжалилось надъ ней, подняло ее хоть разъ на высоту. Ясному солнцу понравилась такая смѣлость малютки, и оно исполнило ея просьбу. Не медля, оно послало къ ней нѣсколько своихъ лучей. Лучи мгновенно долетѣли до поверхности моря и подняли каплю высоко, высоко въ воздухѣ. А чтобы ей не было скучно путешествовать одной, лучи захватили также еще множество другихъ капелекъ.

Все это общество маленькихъ путешественницъ было превращено въ невидимый паръ, и море не замѣтило, какъ много его дочекъ улетѣло отъ него.

Быстро полетѣли всѣ капельки вверхъ, въ голубой воздухъ. Здѣсь ихъ подхватилъ вѣтеръ, и онѣ понеслись надъ моремъ. Въ нѣсколько часовъ онѣ пролетѣли тысячу верстъ. И какъ было имъ пріятно мчаться быстрѣе птицы все дальше и дальше! Какъ удивилась наша капелька, когда увидала подъ собою, вмѣсто моря, лѣса, поля, города и деревни! Все было для нея ново, и она не могла наглядѣться на землю.

Капелька такъ засмотрѣлась на невиданный еще ею міръ, что и не замѣтила, какъ солнце спустилось къ западу и стало заходить. Наступила ночь. Бѣдной капелькѣ сдѣлалось холодно въ воздухѣ. Гдѣ было ей найти пріютъ и пристанище въ воздушномъ пространствѣ? Не найдя его тамъ, она задумала спуститься на землю, на цвѣты, которые, словно улыбаясь, дружески манили ее къ себѣ.

Задумано—сдѣлано.

Тихо и невидимо слетѣла капелька на землю, и чѣмъ ниже она опускалась, тѣмъ становилась тяжелѣе. Вотъ она почувствовала, что изъ невидимаго пара она превратилась въ видимую каплю воды и очутилась въ саду, на розовомъ кустѣ. Нѣжный полураспустившійся розанъ принялъ ее на себя, и она легла на лепестокъ этого душистаго цвѣтка. Тутъ она и провела ночь. Когда занялось утро, то наша капелька, уже бодрая, веселая, стала съ любопытствомъ осматривать мѣсто своего ночлега на лепесткахъ розы, озаренныхъ теперь румянымъ свѣтомъ зари. Свѣжая и веселая, поднялась она съ своей душистой постельки и сѣла на краю лепестка. Когда солнце поднялось выше и тихо поплыло по ясному небу, малютка пожелала ему добраго утра и весело крикнула: „Милое солнышко! возьми меня съ собой опять

и дозволь поплавать съ тобою высоко надъ землей!“ И только она сказала это, какъ лучи солнца опять превратили ее въ невидимый паръ, и она снова понеслась надъ равнинами и горами, надъ селами и городами.

Когда день сталъ жарокъ и душенъ, наша шалунья совсѣмъ выбилась изъ силъ. Ей хотѣлось отдохнуть хоть немного, но на пути не было ничего, гдѣ можно было бы полежать. И капля взмолилась солнцу: „пусти меня, солнце, на землю или къ моей матери—морю!“ Едва капелька сказала это, какъ услыхала тысячи тоненькихъ голосковъ вокругъ себя; голоса кричали то же самое, что кричала она. Это были ея сестрицы, плававшія вмѣстѣ съ нею. Солнце сжалилось надъ дѣтьми, и вотъ всѣ малютки стали собираться тѣснѣе, тѣснѣе, и образовали тучу. Въ густомъ туманѣ сестры жались и тѣснились одна къ другой и не знали, что съ ними будетъ. Но внезапно онѣ превратились въ видимыя капли и, схватившись за руки, полетѣли внизъ.

То-то былъ шумъ, плесканье и шлепанье, когда маленькая толпа прибыла на землю! Но люди сказали только: „дождь пошелъ“.

Наша капелька упала на большой камень, но это не причинило ей никакой боли. Бодро и весело спрыгнула она съ камня и слилась съ своими сестрами, и ихъ было такъ много, что онѣ составили большой шумный лѣсной ручей. Быстро понеслась капелька все дальше и дальше. Въ это время пришла на берегъ женщина съ ведромъ въ рукѣ и, наклонившись къ потоку, зачерпнула воды, а съ нею захватила и нашу капельку. Этою водой она спрыснула полотно, которое было разостлано на лугу для бѣленія. Солнце согрѣло полотно, и капелька снова превратилась въ невидимый паръ и снова понеслась по воздуху, по волѣ вѣтра.

И много странствовала она такимъ образомъ. Наконецъ, солнце задумало надолго успокоить ее.

2. Вѣтеръ помчалъ нашу капельку все дальше и дальше на востокъ. Летѣла она, летѣла и наконецъ очутилась надъ огромной бѣлой равниной. Эта равнина была Россія. Въ то время у насъ стояла зима и все было покрыто снѣгомъ.

Холодно было капелькѣ, такъ холодно, что она стала замерзать. Еще немного,—и съ ней совершилось чудесное превращеніе: она сдѣлалась бѣлой, блестящей, серебристой звѣздочкой, необыкновенно красивой, нѣжной и легкой. Тысячи, милліоны такихъ звѣздочекъ полетѣли, рѣзвясь и мелькая, внизъ, на землю, перескакивая другъ черезъ друга. Люди сказали: „пошелъ снѣгъ; снѣжинка за снѣжинкой гоняется съ дубинкой“.

Наша маленькая путешественница, превращенная въ снѣгъ, упала на большое, пустынное поле. Подобно мягкому пуху, улеглись теперь бѣлыя, блестящія звѣздочки на поляхъ и покрыли землю, защищая отъ холода ростки и корни полевыхъ растеньицъ. Наша капелька теперь ничего не чувствовала, не видѣла и не слышала. Она не чувствовала мороза и стужи, не слыхала суроваго вѣтра, который завывалъ надъ снѣжною равниной. Она заснула долгимъ и глубокимъ сномъ. Солнце свѣтило ясными, но холодными лучами на спящихъ малютокъ, а онѣ были такъ же прекрасны, такъ же искрились и сверкали, какъ драгоцѣнные камни.

Около полугода пролежала капелька въ своемъ сонномъ оцѣпенѣніи, но мало-по-малу солнце стало подниматься выше на небѣ, и дни стали длиннѣе. Подулъ и теплый, весенній вѣтеръ.

— Вставайте вы, сони, и готовьтесь въ походъ! — сказало солнце капелькамъ, превращеннымъ въ снѣжинки. Встрепенулись снѣжинки и снова стали маленькими капельками воды. Капельки соединились вмѣстѣ и съ веселымъ шумомъ, съ веселою болтовней побѣжали внизъ по лощинамъ и оврагамъ. А имъ навстрѣчу еще громче, еще веселѣе звучали тысячи голосовъ изъ мутной рѣчки. „Здравствуйте, сестрицы! побѣжимте вмѣстѣ!“ — крикнули капельки и слились съ рѣчкой. Изъ каждой лощины къ нимъ прибавлялись новыя толпы капелекъ, и ручей становился все больше и больше. Тутъ слышалась болтовня, журчаніе, ропотъ и шумъ: капельки радовались свиданію, узнавали другъ друга и весело болтали.

Толпа маленькихъ скакуновъ возрастала съ каждою минутой, и вдругъ передъ ними показалась огромная, широкая рѣка. Наша капелька прыгнула отъ радости и, ловко перескочивъ черезъ своихъ подругъ, первая вбѣжала въ пышную красавицу рѣку. Рѣка же и сама была рада, увидавъ, какое множество народа бодраго, молодого и свѣжаго стремится въ нее со всѣхъ сторонъ и тѣмъ увеличиваетъ ея силу и красоту.

И понеслась наша капелька среди полей и лѣсовъ, мимо городовъ и селъ. И вотъ исчезла земля изъ вида. Огромныя волны прибѣжали навстрѣчу маленькимъ рѣчнымъ волнамъ. Эти волны были горько-соленыя. Съ радостнымъ шумомъ море встрѣтило родныхъ своихъ дѣтей. Такъ наша капелька опять очутилась дома. Сколько интересныхъ разсказовъ принесла она роднымъ своимъ сестрамъ!

Когда тебѣ, читатель, приведется стоять на берегу моря, и ты услышишь смутный ропотъ и таинственный шумъ морскихъ волнъ, то знай, что это капельки воды разсказываютъ другъ другу исторіи своихъ путешествій.

С. Мечъ.

33. Рыбы.

Рыба живетъ въ водѣ; назначеніе рыбы — плавать въ водѣ, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушённымъ хвостомъ. Для погруженія себя въ воду и стоянія на всѣхъ ея глубинахъ имѣетъ она во внутренности своей пузырь, лежащій вдоль спинного хребта, наполненный воздухомъ и перетянутый на двѣ неравныя половинки: должно предположить, что посредствомъ сжиманья этого пузыря рыба погружается внизъ или поднимается вверхъ.

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же водѣ: для однѣхъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и тинистое. Большая часть рѣкъ начинаются холодными, какъ ледъ, ключами; протекая на открытомъ воздухѣ, прогрѣваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками — онѣ постепенно теплѣютъ. Въ самой головѣ такихъ ключей или родниковъ живетъ форель, то-есть пеструшка, кутема́ и локъ, или красуля; за ними лошекъ, голе́цъ и налимъ. Потомъ появляются головль, плотва, окунь, щука и пескарь; далѣе — уклейки, ельцы, ерши, язи́, судаки и жерихи, если вода велика, наконецъ — лещи, лини́, карпы и караси́. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ породъ, какъ то: гольцы и караси могутъ жить и водиться въ водахъ самыхъ холодныхъ и самыхъ теплыхъ, въ самыхъ чистыхъ и въ самыхъ грязныхъ. Разумѣется, точность такого порядка иногда нарушается.

Итакъ, всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же рѣкѣ, если теченіе ея продолжительно, только однѣ выше, гдѣ вода холоднѣе и чище, а другія ниже, гдѣ вода теплѣе и мутнѣе.

Хищныя породы рыбъ питаются мелкою рыбешкой; нехищныя—глотають все, что ни попало; тѣмъ не менѣе питанье этихъ послѣднихъ—иногда дѣло загадочное. Въ прудахъ, озерахъ и рѣкахъ, поросшихъ водяными травами и растеніями, рыба кормится ими и водящимися около нихъ водяными насѣкомыми и гадами. Это понятно, и всѣ рыбаки знаютъ, что самую питательную пищу представляетъ рыбѣ молодой камышъ, первые побѣги котораго на вкусъ сладки. Если подойти тихонько къ пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься—какой странный и неумолкаемый шумъ, даже чавканье производитъ рыба, кушая траву. Но чѣмъ питается нехищная рыба въ большихъ рѣкахъ, текущихъ всегда въ берегахъ песчаныхъ, на которыхъ не растетъ ни одной былинки, дно которыхъ также песчано и чисто, и гдѣ очень мало водится водяныхъ насѣкомыхъ? Наконецъ, чѣмъ питается рыба въ деревянныхъ сажалкахъ, съ деревяннымъ дномъ, называемыхъ прорѣзами (потому что онѣ прорѣзаны, или просверлены), въ которыхъ обыкновенно рыбаки держатъ пойманную рыбу иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, и иногда ее не кормятъ? На эти вопросы я отвѣчать утвердительно не умѣю. Поневолѣ надобно согласиться съ мнѣніемъ рыбаковъ, которые говорятъ, что рыба, кромѣ всякой другой пищи, питается тиною, иломъ, землею, пескомъ и даже одной водой.

Рыба имѣетъ тонкій слухъ и острое зрѣніе, особенно форель; но кажется, рыба больше вообще боится стука, чѣмъ вида человѣка или животнаго,—по крайней мѣрѣ, скоро къ нимъ привыкаетъ; но къ звуку она чувствительна до невѣроятности, звукомъ можно ее оглушить до безпамятства, чему служитъ доказательствомъ всѣмъ извѣстное оглушенье рыбы ударами дубинки по тонкому, осеннему льду. Рыбаки знаютъ, что на рыбу сильно дѣйствуетъ самый слабый звукъ. Кому изъ нихъ не случалось смирно стоять или сидѣть близъ закинутыхъ удочекъ, ожидая крупной рыбы, и видѣть, какъ мелкая, поднявшись вверхъ, покрываетъ и рябитъ всю поверхность воды около его поплавковъ? Вдругъ рыбакъ кашлянетъ или чихнетъ, и, какъ брызги, во всѣ стороны разсыплются серебряныя стайки мелкихъ рыбокъ, точно мгновенный дождь спрыснулъ воду.

С. Аксаковъ.

34. Щука.

При всемъ моемъ усердіи, не могу доискаться, откуда происходитъ имя щуки. Эта рыба по преимуществу хищная: длинный, брусковатый станъ, широкія хвостовыя перья для быстрыхъ движеній, вытянутый впередъ ротъ, огромная пасть, усѣянная внизу и вверху сплошными острыми, скрестившимися зубами, изъ коихъ не вырвется никакая добыча, широкое горло,—все это вмѣстѣ даетъ ей право называться царицею рыбъ, обитающихъ въ прѣсныхъ водахъ обыкновенныхъ рѣкъ и озеръ. Щука имѣетъ большіе, темные, зоркіе глаза, которыми издалека видитъ свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вся пятнами и крапинами темно-зеленоватаго цвѣта; брюхо имѣетъ бѣлое, хвостъ и плавательныя перья зеленовато-сѣрые съ темными, извилистыми каемками.

Я слыхалъ, что щука можетъ жить очень долго, до ста лѣтъ, въ чемъ будто удостовѣрились опытами, пуская небольшихъ щурятъ, съ замѣтками на хвостѣ или перьяхъ, въ чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали ихъ; слыхалъ, что будто щуки вырастаютъ до двухъ аршинъ длины и до двухъ съ половиною пудъ вѣсу; все это, можетъ-быть, и правда, но чего не знаю, того не утверждаю. Самая большая щука, какую мнѣ удалось видѣть, вѣсила одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ; длиною она была аршинъ и семь вершковъ; шириною въ спинѣ и бокахъ въ четверть аршина, но зато, почти во всю длину, была ровной квадратной толщины.

Щука преимущественно питается рыбой, но по алчности своей она глотаетъ также и лягушекъ, крысъ и утятъ, отъ чего большую щуку называютъ „утятницей". Щука водится только въ водахъ чистыхъ и появляется въ рѣкахъ вмѣстѣ съ плотвою и окунями, и вмѣстѣ съ ними дохнетъ, если вода въ прудѣ или озерѣ отъ чего-нибудь испортится. Она мечетъ икру въ самомъ началѣ апрѣля, а иногда, если весна ранняя, въ исходѣ марта. Гдѣ много всякой рыбы, тамъ и щуки разводятся и держатся во множествѣ. Щука очень охотно беретъ на удочку, крючокъ которой насаженъ какою-нибудь мелкой рыбкой. Уженье щукъ очень веселое, потому что, какъ скоро вы закинете удочку, и по близости есть щука, то она не замедлитъ явиться; равно и потому, что нерѣдко берутъ щуки очень большія. Присутствіе щукъ легко можно угадать по внезапному прекращенію клева плотвы и другой некрупной рыбы, и еще вѣрнѣе — по выпрыгиванью изъ воды мелкой рыбешки, которая, какъ дождь, брызжетъ во всѣ стороны, когда щука съ быстротою стрѣлы пролетитъ подъ водою. Выудивши щуку, много двѣ, на одномъ мѣстѣ, надобно перейти на другое, на третье мѣсто и такъ далѣе; то же должно сдѣлать, ежели пройдетъ съ полчаса, и щуки не берутъ: это вѣрный знакъ, что ихъ нѣтъ по близости. Нѣкоторые охотники страстно любятъ уженье щукъ и предпочитаютъ его всѣмъ другимъ уженьямъ; не раздѣляя этого мнѣнія, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить съ мѣста на мѣсто, а напротивъ скучно сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, напрасно ожидая клева порядочной рыбы; кто любитъ скорое рѣшеніе: будетъ или не будетъ брать; кто любитъ повозиться съ рыбой проворной, живой, быстрой въ своихъ движеніяхъ, которая выкидываетъ иногда необыкновенные, неожиданные скачки,—тому уженье щукъ и вообще хищныхъ рыбъ должно преимущественно нравиться.

За щуками, особенно небольшими, водится странная продѣлка: по недостатку мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться, щука становится возлѣ берега, плотины, древеснаго пня, торчащаго въ водѣ, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоитъ иногда очень близко къ поверхности воды, цѣлые часы неподвижно, точно спящая или мертвая, такъ что не вдругъ ее примѣтишь; даже мелкая рыба, безъ опасенья, около нея плаваетъ: цѣль очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простираетъ до неразумнаго излишества. Стоящихъ въ такомъ очарованномъ положеніи щукъ и щурятъ не только стрѣляютъ изъ ружей, но даже бьютъ, или, правильнѣе сказать, глушатъ дубинами, какъ глушатъ всякую рыбу по тонкому льду; даже наводятъ на нихъ волосяной силокъ, навязанный на длинной лутошкѣ, и выкидываютъ на берегъ. Я имѣлъ случай убить изъ ружья стоящую въ такомъ положеніи щуку въ девять фунтовъ. Мало этого: при моихъ глазахъ, мой това-

рищъ-рыбакъ, сидѣвшій и удившій со мною въ одной лодкѣ, крѣпко привязанной къ кольямъ, примѣтивъ щуку, стоящую подъ кормою лодки, схватилъ ее рукою... Она вѣсила слишкомъ два фунта.

С. Аксаковъ.

35. Ершъ.

Имя ерша, очевидно, происходитъ отъ его наружности: вся его спина, почти отъ головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собою тонкою перепонкою; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда вытащишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной хребетъ и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ его увидѣлъ человѣкъ. Ершъ, въ этомъ видѣ, быстро выхваченный изъ воды, не покажется даже рыбой, а чѣмъ-то круглымъ и мохнатымъ; даже на подъемѣ онъ покажется тяжелѣе, чѣмъ другія рыбки, равной съ нимъ величины. Русскій народъ любитъ ерша; его именемъ, какъ прилагательнымъ, называетъ онъ всякаго невзрачнаго, задорнаго человѣка, который сердится, топорщится, ершится. По-моему, ершъ—лучшая рыба изъ всѣхъ, не достигающихъ большого роста. Складомъ своимъ онъ совершенно сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длины; но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я самъ видалъ ихъ слишкомъ въ четверть аршина. Слыхалъ я также объ огромныхъ сибирскихъ ершахъ. Ершъ имѣетъ необыкновенно большіе, на выкатѣ, темносиніе глаза; отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, идетъ у него жесткій гребень, почти въ вершокъ вышиною; онъо канчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это мѣсто занято у него другимъ небольшимъ гребешкомъ, уже мягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавательное рыбье перо; ершъ колется, какъ окунь, если взять его неосторожно; онъ весь пестрый, кромѣ брюшка, но пестрины какого-то темноватаго, неопредѣленнаго цвѣта; онъ весь блеститъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густой слизью въ такомъ изобиліи, что ершъ превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима; хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія перья бѣловатосѣрыя. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ или глинистыхъ, также и озерахъ, заливаемыхъ полою весеннею водою. Ерши въ исходѣ апрѣля набиты икрой до безобразія, и въ маѣ ее мечутъ.

Для человѣка ершъ составляетъ превосходную добычу. Уха изъ ершей самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они—особенно если крупны—приготовленные на холодное подъ желе, которое бываетъ необыкновенно густо. По моему мнѣнію, ничто не можетъ сравниться съ деликатнѣйшимъ вкусомъ этого блюда.

С. Аксаковъ.

36. Какъ роился улей.

Каждый разъ клала царица (пчелиная матка) по тысячѣ, по двѣ яицъ, и изъ всѣхъ-то, одна за одной, выползали молодыя пчелки. Тѣсно стало вдругъ всѣмъ имъ въ одномъ ульѣ: надо было раздѣлиться на двѣ семьи, на два роя, надо было отроиться. И вотъ въ одномъ углу улья раздалось робкое кваканье:

„ква-ква-ква!“ Въ отвѣтъ съ другого конца пронеслось сердитое тюканье: „тю-тю-тю!“ Всѣ пчелы бросили работу, заметались, замѣшались; весь улей затрубилъ, загудѣлъ. Но сквозь этотъ шумъ и гамъ явственно слышалось по-прежнему съ одного конца кваканье, съ другого тюканье. Что жъ это такое было? А вотъ что. Квакала изъ своей колыбельки молодая, вновь народившаяся матка: и хотѣлось-то ей выйти оттуда, и не смѣла она носу показать; тюкала же старая матка: очень ужъ ей досадно было, что молоденькая царевна ея мѣсто занять хочетъ: вмѣстѣ двѣ матки въ одномъ ульѣ вѣдь никакъ не уживутся: которой-нибудь надо уйти.

— Пустите меня къ ней, пустите!—тюкала внѣ себя старая матка.—Вотъ я ее проучу!

Но трутни и рабочія пчелы загородили ей дорогу.

— Кто за меня,—сказала старая матка —за мной!

И она стрѣлой вылетѣла изъ улья. Но крылья у пчелиныхъ матокъ не столько для летанія, сколько для красы—коротенькія. Пролетѣла царица нѣсколько шаговъ—и устала; присѣла отдохнуть на ближнемъ деревѣ. А пчелы, что постарше, всѣ кинулись за нею, облѣпили вѣтку вокругъ царицы.

Скоро ужъ и мѣста не стало: пчела садилась на пчелу, и повисли онѣ на вѣткѣ черною кистью, отъ которой вѣтку къ землѣ пригнуло; вотъ-вотъ обломится... Но ей не дали обломиться. Кто жъ не далъ?—А пчеловодъ, сѣдой добрый старичокъ, котораго Мохнатка (пчела) въ первый разъ такъ испугалась. Сидѣлъ онъ неподалеку подъ своимъ шалашомъ; когда же пчелы зароились, онъ проворно накинулъ на голову проволочную сѣтку, на руки надѣлъ рукавицы, за пазуху сунулъ деревянную ложку—черпакъ и взялъ въ охапку одинъ изъ пустыхъ ульевъ, что стояли у него тутъ же наготовѣ. Поставивъ улей подъ самымъ роемъ, онъ еще ниже пригнулъ вѣтку—и черпакомъ сталъ огребать пчелъ, какъ деготь или патоку какую. Неохотно шли пчелы съ черпака въ новый улей: матки-царицы еще не было тамъ. Но пчеловодъ привычнымъ глазомъ скоро высмотрѣлъ ее среди мелкихъ рабочихъ пчелъ.

— А, вотъ ты гдѣ, сударыня!—сказалъ онъ, бережно сгребъ ее черпакомъ и подставилъ къ летку.

Матка, задыхаясь въ густомъ клубѣ пчелъ, вползла въ улей. Увидѣвъ то, и другія пчелы живо туда же полѣзли; черпнулъ еще пчеловодъ разъ и два—и весь рой былъ въ ульѣ. Тогда пчеловодъ перенесъ улей на болѣе удобное мѣсто, гдѣ было просторнѣй и больше солнца.

— Богъ помочь!—сказалъ онъ и перекрестился.

А Мохнатка!—Мохнатка, вылетѣвъ въ общемъ роѣ за царицей, попала въ тотъ же улей вмѣстѣ съ другими. Прошлась она теперь взадъ и впередъ по новому дому. Ай, какъ пусто, какъ неуютно! Ни улицъ, ни кладовыхъ, ни одного даже горшочка съ медомъ. Ну, что же дѣлать! Надо работать, работать и работать, чтобы въ новомъ домѣ стало столь же мило, какъ въ старомъ. Точно чудомъ въ сказкѣ волшебной, и новый пустой улей наполнился скоро сотами, а соты—душистымъ золотистымъ медомъ.

Въ чемъ же скрывалась тайна ихъ успѣха?—

Въ томъ, что всѣ работали одинаково прилежно, одинаково дружно. Весь успѣхъ работы зависѣлъ отъ пчелинаго закона: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“.

В. Авенаріусъ.

37. Бабочка.

Изъ всѣхъ насѣкомыхъ, населяющихъ Божій міръ, изъ всѣхъ мелкихъ тварей, ползающихъ, прыгающихъ и летающихъ, —бабочка лучше, изящнѣе всѣхъ. Это поистинѣ „порхающій цвѣтокъ“,—или расписанный чудными, яркими красками, блестящими золотомъ, серебромъ и перламутромъ, или испещрённый неопредѣленными цвѣтами и узорами, не менѣе прекрасными и привлекательными; это милое, чистое созданіе, никому не дѣлающее вреда, питающееся сокомъ цвѣтовъ.

Какъ радостно первое появленіе бабочекъ весною! Обыкновенно это бываютъ бабочки кропивныя, бѣлыя, а потомъ и желтыя. Какое одушевленіе придаютъ онѣ природѣ, только что просыпающейся къ жизни послѣ жестокой, продолжительной зимы, когда почти нѣтъ еще ни зеленой травы, ни листьевъ, когда видъ голыхъ деревьевъ и увядшей прошлогодней осенней растительности былъ бы очень печаленъ, если бы благодатное тепло и мысль, что скоро все зазеленѣетъ, зацвѣтетъ, что жизненные соки уже текутъ изъ корней вверхъ по стволамъ и вѣтвямъ древеснымъ, что ростки молодыхъ травъ и растеній уже пробиваются изъ согрѣтой влажной земли,—не успокоивали, не веселили сердца человѣческаго.

С. Аксаковъ.

38. Микроскопическій міръ.

Много разнообразныхъ животныхъ и растеній видимъ мы на землѣ, отъ самыхъ большихъ, напримѣръ, кита, слона, до самыхъ мелкихъ, едва замѣтныхъ; но существуютъ животныя и растенія до того малыя, что ихъ нельзя видѣть простымъ глазомъ. Чтобы разсмотрѣть ихъ, надо взять микроскопъ, приборъ, состоящій изъ сильныхъ увеличительныхъ стеколъ, который показываетъ предметы въ нѣсколько сотъ разъ больше ихъ настоящей величины.

Возьмемъ каплю воды изъ болота или пруда; капля на видъ совершенно прозрачна, безцвѣтна, и, сколько бы мы ни всматривались въ нее, мы ничего не различимъ въ ней, кромѣ обыкновенной воды. Положимъ ее въ микроскопъ и станемъ разсматривать: мы увидимъ, что капля воды полна живыми существами самой разнообразной формы: одни изъ этихъ крошечныхъ живыхъ существъ покрыты рѣсничками, которыми они быстро гребутъ въ водѣ, какъ веслами; другія представляютъ крошечный шарикъ съ однимъ или нѣсколькими длинными волосками, которые помогаютъ имъ плавать. Нѣкоторыя совершенно прозрачны и напоминаютъ по формѣ раковъ или рыбъ; многія имѣютъ тоненькія, очень красивыя раковинки. Они собираются стаями на поверхности капли, кружатся, вертятся, грѣются на солнечномъ свѣтѣ: капля воды для нихъ глубокое море. На днѣ капли, по стеклу микроскопа, ползетъ какой-то крошечный комочекъ живой слизи, постоянно мѣняющій свою форму, то удлиняясь, то сокращаясь; по пути ему попался кусочекъ растенія или другое крошечное животное: бѣловатая слизь вытягивается, обволакиваетъ его и втягиваетъ въ себя. Такимъ образомъ этотъ живой комочекъ принимаетъ пищу. Когда онъ достаточно подрастетъ, его тѣльце раздѣляется на двѣ части, и, вмѣсто одного, получается два животныхъ. Есть много такихъ существъ, о которыхъ трудно сказать, животныя они или растенія. Нѣкоторыя, напримѣръ, имѣютъ видъ колокольчика, усаженнаго рѣсничками, и сидятъ на тоненькихъ стебелькахъ, какъ цвѣты; мимо плыветъ крошечный кусочекъ водоросли, колокольп-

чикъ загоняетъ воду рѣсничками, и кусочекъ вмѣстѣ съ водою попадаетъ къ нему въ ротъ. Но вотъ проплывающее мимо животное задѣло рѣснички колокольчика, и онъ быстро сжимается, стебелекъ свертывается.

Эти крошечныя животныя, цѣлыя сотни которыхъ свободно помѣщаются въ одной каплѣ воды, называются инфузоріями, т. е. наливочными животными, потому что особенно много такихъ животныхъ появляется въ водѣ, настоенной на сѣнѣ, листьяхъ и т. п. Стоитъ, напримѣръ, вода въ ямѣ или натекла на низкое мѣсто; на днѣ лежатъ остатки растеній, животныхъ; все это гніетъ, разлагается; перегнившія вещества разносятся водою—они нужны для другихъ растеній и животныхъ, они ихъ пища. Появляются скоро зеленыя водоросли; появляются инфузоріи, во множествѣ прыгаютъ кругомъ, вертятся, снуютъ, питаются и размножаются.

Инфузоріи очень живучи; высыхаетъ или замерзаетъ вода, инфузоріи на время перестаютъ жить; ихъ крошечное тѣльце сжимается, оболочка стягивается, и они носятся въ воздухѣ въ видѣ тончайшихъ пылинокъ, пока не попадутъ куда-нибудь въ каплю воды, гдѣ снова оживаютъ.

Инфузоріи и имъ подобныя существа живутъ не только въ прѣсной водѣ; если возьмемъ каплю морской соленой воды, то и тамъ найдемъ самый разнообразный міръ микроскопическихъ, т. е. видимыхъ только съ помощью микроскопа, существъ. Многія изъ нихъ снабжены тоненькой известковой раковинкой или скорлупкой; такія микроскопическія существа называются корненожками. Корненожки умираютъ; цѣлая масса скорлупокъ постоянно опускается на дно и, накопляясь все больше и больше, образуетъ на днѣ моря известковый слой. Впродолженіе тысячелѣтій скорлупки опускаются на дно морское и образуютъ огромные новые слои, воздвигаются на днѣ моря цѣлыя горы извести; страшной тяжестью надавливаютъ они на нижніе слои, заставляя ихъ уплотняться: изъ рыхлаго известковаго ила получается отъ сильнаго давленія твердый известнякъ и мѣлъ. Втеченіе длиннаго ряда вѣковъ, вслѣдствіе различныхъ переворотовъ на земномъ шарѣ, мѣловыя и известковыя горы, создавшіяся въ глубинѣ океана, выдвинулись изъ воды и появились на поверхности земли. Возьмемъ такую тоненькую пластинку мѣла, чтобы она просвѣчивала, и положимъ подъ микроскопъ; мы увидимъ, что мѣлъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ мельчайшихъ раковинокъ. Такимъ образомъ, цѣлые пласты земной коры, громадные мѣловые утесы, высокія горы и горныя цѣпи образованы крошечными микроскопическими существами.

Микроскопическія существа наполняютъ воздухъ, воду и землю; они насъ окружаютъ, мы ихъ вдыхаемъ. Зародыши ихъ носятся въ воздухѣ въ видѣ тончайшей пыли; они переносятся вѣтромъ и водою на громадныя разстоянія. Эти зародыши микроскопическихъ существъ, благодаря своей незначительной величинѣ, проникаютъ туда, куда не заходитъ никакое другое живое существо, а они тамъ находятъ всѣ необходимыя условія для своего питанія и развитія. Многія такія микроскопическія существа, носящіяся въ воздушной пыли, попадая въ кровь животнаго, быстро развиваются, размножаются и вызываютъ въ организмѣ болѣзнь. Такія микроскопическія существа называются бактеріями или микробами. Теперь, послѣ многихъ микроскопическихъ изслѣдованій, ученые нашли, что всѣ заразительныя, такъ называемыя эпидемическія болѣзни, напримѣръ, тифъ, оспа, скарлатина, дифтеритъ, сибирская язва и многія другія, происходятъ оттого, что бак-

теріи, или микробы, попадаютъ въ кровь и очень быстро размножаются тамъ. Такъ, напримѣръ, въ крови животныхъ, зараженныхъ сибирской язвой, найдены крошечныя тѣльца въ видѣ палочекъ. Эти палочки и есть причина болѣзни. Если впустить ихъ въ кровь совершенно здороваго животнаго, то оно заболѣваетъ такою же болѣзнью, и въ его крови появляется множество такихъ палочекъ. Наблюденія и опыты показали, напримѣръ, также, что существуютъ холерные микробы, вызывающіе заболѣваніе холерой, и другіе. Не только болѣзни людей и домашнихъ животныхъ, но и болѣзни насѣкомыхъ, напримѣръ, шелковичнаго червя, а также растеній, какъ напримѣръ, картофеля, винограда, происходятъ отъ развитія микроскопическихъ организмовъ.

Такимъ образомъ, микроскопъ открылъ человѣку совершенно новый міръ, невидимый простымъ глазомъ, но могущественный, всюду распространенный и имѣющій огромное вліяніе на жизнь человѣка. Не проходитъ года, чтобы не дѣлалось учеными какого-либо новаго открытія въ микроскопическомъ мірѣ: открываются все новые микробы, служащіе причиною болѣзней, отыскиваются средства помѣшать ихъ распространенію; и только тогда, когда человѣкъ хорошо изучитъ микроскопическій міръ, онъ найдетъ способы для борьбы со своими страшными врагами—микробами.

Изъ „Книги взросл.“.

39. Металлы и сплавы.

1. Если мы по куску желѣза ударяемъ молотомъ, то оно не ломается на кусочки, не разсыпается, какъ камень, а сплющивается подъ ударами молота или, какъ говорятъ, куется. Если мы станемъ нагрѣвать кусокъ желѣза на сильномъ огнѣ, то оно раскаляется добѣла, размягчается, и тогда его очень легко ковать, т. е. ударами молота придавать ему различную форму. Нагрѣтое желѣзо легко можно вытянуть въ тонкую проволоку, слѣдовательно, желѣзо тягуче. Оно твердо, непрозрачно, тонетъ въ водѣ, потому что гораздо тяжелѣе ея, тяжелѣе даже камней, которые тоже тонутъ въ водѣ. Такія тѣла, которыя, какъ и желѣзо, непрозрачны, ковки, тягучи, называются металлами. Таковы, напримѣръ, золото, серебро, мѣдь, свинецъ, олово, цинкъ и мн. др. Всѣ металлы блестятъ, и блескъ у нихъ особенный, какого не бываетъ у камней. Такой блескъ называется металлическимъ.

Нѣкоторые металлы встрѣчаются на землѣ почти въ чистомъ видѣ, иногда крупинками, иногда цѣлыми кусками, напримѣръ, золото. Такъ, у насъ на Уралѣ былъ найденъ кусокъ золота, вѣсомъ немного болѣе 2 пудовъ. Но не всегда металлы находятся на землѣ въ такомъ чистомъ или, какъ говорятъ, самородномъ видѣ: чаще они встрѣчаются въ видѣ руды, т. е. въ соединеніи съ другими тѣлами. Руда обыкновенно лежитъ въ землѣ, прикрытая глиной, пескомъ и разными каменными породами; она залегаетъ или въ видѣ пласта, или въ видѣ жилы, т. е. трещины между каменными породами, наполненной рудой.

И по своему виду, и по свойствамъ руда сильно отличается отъ металла, который можно получить изъ нея. Незнающій человѣкъ пройдетъ мимо такой руды, не подозрѣвая даже, что въ ней есть металлъ. Вотъ почему въ прежнія далекія времена люди совсѣмъ не знали многихъ металловъ, не умѣли добывать и ковать ихъ. Неизвѣстно, кто и когда сдѣлалъ это открытіе, но, вѣроятно, оно бы-

ло сдѣлано случайно, какъ и многія другія открытія. Много вѣковъ прошло, много труда потратили люди, пока научились добывать изъ земли такіе самые употребительные и распространенные теперь металлы, какъ мѣдь, желѣзо и т. п.

Если мы станемъ разсматривать различные металлы, то мы легко замѣтимъ, что многіе изъ нихъ на сыромъ воздухѣ скоро теряютъ свой блескъ, тускнѣютъ. Желѣзо, напримѣръ, при этомъ скоро покрывается красновато-бурой ржавчиной, а если оно долго будетъ лежать на воздухѣ, то совсѣмъ насквозь проржавѣетъ. Если бы мы свѣсили такой проржавѣвшій кусокъ желѣза, то мы бы замѣтили, что, покрывшись ржавчиной, онъ сталъ тяжелѣе, и чѣмъ больше будетъ ржавчины, тѣмъ больше прибавится въ немъ вѣсу. Значитъ, изъ воздуха что-то прибавилось, присоединилось къ желѣзу. Дѣйствительно, ученые нашли, что ржавчина на желѣзѣ образуется отъ соединенія кислорода воздуха съ желѣзомъ. Но не одно только желѣзо соединяется на воздухѣ съ кислородомъ и покрывается ржавчиною. Если подержать чисто вытертую мѣдную монету надъ пламенемъ спиртовой лампы, то монета покроется чѣмъ-то чернымъ; это ржавчина мѣди. Нѣкоторые металлы (таковы золото, серебро и платина) не тускнѣютъ, не ржавѣютъ на воздухѣ и потому называются благородными металлами. Благородные металлы нерѣдко встрѣчаются на землѣ въ самородномъ видѣ; они мало распространены въ природѣ и потому цѣнятся очень высоко, особенно золото и платина.

2. Платина имѣетъ серебристый цвѣтъ и встрѣчается очень рѣдко и то только въ самородномъ видѣ. Наибольшее количество ея добывается въ Сибири. Изъ платины дѣлаютъ небольшіе сосуды для такихъ работъ и опытовъ, при которыхъ нуженъ очень сильный жаръ и употребляютъ ѣдкія кислоты; платина меньше всѣхъ другихъ металловъ портится отъ этого.

Серебро встрѣчается въ природѣ гораздо чаще и въ самородкахъ, и въ видѣ рудъ, больше всего въ соединеніи съ сѣрой. Оно бѣлаго блестящаго цвѣта, очень ковко и не ржавѣетъ, употребляется на приготовленіе всевозможныхъ предметовъ и на чеканку монеты. Чистое серебро, такъ же, какъ и золото, очень мягко, а потому, чтобы оно не гнулось, не скоро стиралось, его употребляютъ въ видѣ сплава съ мѣдью. Такъ какъ мѣдь гораздо дешевле серебра, то прибавленіе мѣди удешевляетъ серебряную вещь. Покупателю очень важно знать, сколько въ ней того и другого металла, чтобы судить о стоимости ея. Для этого у насъ въ Россіи, на серебряныя издѣлія ставится проба, т. е. выбита цифра, показывающая, сколько въ нихъ чистаго серебра. У насъ серебряныя вещи дѣлаются 84-ой пробы, т. е. въ нихъ заключается на фунтъ сплава 84 золотника серебра и 12 золотниковъ мѣди. Серебро добывается изъ рудъ различными способами. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ добываніи при помощи другого металла—ртути.

Ртуть сама блеститъ, какъ серебро. Это единственный металлъ, встрѣчающійся въ природѣ въ жидкомъ видѣ. Если налить немного ртути на столъ, то она разбѣгается во всѣ стороны маленькими серебристыми шариками; твердѣетъ ртуть только при очень сильномъ морозѣ, въ 40 градусовъ. Въ природѣ ртуть чаще всего встрѣчается въ соединеніи съ сѣрой, въ видѣ руды, которая называется киноварью. У насъ, въ Россіи, залежи киновари найдены въ Екатеринославской губерніи, въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Ртуть въ большомъ количествѣ идетъ для наполненія термометровъ и барометровъ; она очень ядовита и, такъ какъ даже при не-

большомъ нагрѣваніи она даетъ пары, то всякая работа съ нею вредна и даже опасна для жизни. Вездѣ, гдѣ приходится работать со ртутью, стараются всякими средствами предохранить рабочихъ отъ вдыханія ядовитыхъ паровъ ртути. Ртуть очень легко соединяется со свинцомъ, цинкомъ, оловомъ, золотомъ и серебромъ. Этимъ ея свойствомъ пользуются для добыванія серебра и золота.

Чтобы добыть серебро изъ руды при помощи ртути, истолченную серебряную руду обжигаютъ съ солью, потомъ долго мѣшаютъ съ водою, съ кусками желѣза и ртутью; серебро соединяется съ ртутью. Такія соединенія двухъ металловъ называются сплавами; сплавы и своимъ видомъ, и свойствомъ значительно отличаются отъ тѣхъ металловъ, изъ которыхъ они получились. Сплавъ, который получается отъ соединенія металла и ртути, называется амальгамой. Этотъ сплавъ нагрѣваютъ; ртуть отъ жара легко превращается въ пары и улетучивается, а чистое серебро остается въ печи.

3. Часто вмѣстѣ съ серебромъ встрѣчается свинецъ; такія руды называются серебро-свинцовыми; изъ нихъ добываютъ и серебро, и свинецъ. Нерѣдко свинецъ встрѣчается также въ видѣ руды въ соединеніи съ сѣрой. Если кусокъ свинца разрубить, то онъ въ изломѣ блеститъ, но затѣмъ отъ дѣйствія воздуха тускнѣетъ и принимаетъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Свинецъ легко плавится, мягче всѣхъ другихъ металловъ, такъ что даже рѣжется обыкновеннымъ ножомъ, легко расплющивается въ тонкіе листы и вытягивается въ проволоку. Изъ соединенія свинца съ другими веществами приготовляютъ краски: красную—сурикъ и бѣлую—свинцовыя бѣлила. Много свинца идетъ на приготовленіе дроби и пуль. Это дѣлаютъ такъ: расплавленный свинецъ выливаютъ въ желѣзное рѣшето, свинецъ проходитъ сквозь отверстія рѣшета и падаетъ съ высоты ста аршинъ въ воду. Во время паденія капли свинца застываютъ въ видѣ шариковъ и, попадая въ воду, охлаждаются. Отъ величины отверстій въ рѣшетѣ зависитъ величина дроби.

Одинъ изъ распространенныхъ металловъ на землѣ—мѣдь. Самородная мѣдь встрѣчается рѣдко, чаще ее добываютъ изъ рудъ. Мѣдь блестящаго красноватаго цвѣта, довольно тверда, но настолько ковка и тягуча, что легко вытягивается различными машинами въ самую тонкую проволоку и самые тонкіе листы. Мѣдь въ большомъ употребленіи повсюду: изъ нея чеканятъ монету, приготовляютъ посуду, покрываютъ крыши, обиваютъ для прочности пароходы, употребляютъ на сплавы, которые тоже идутъ на приготовленіе всевозможныхъ предметовъ. Такъ, сплавъ мѣди съ оловомъ и цинкомъ называется бронзою. Изъ бронзы отливаютъ статуи, бюсты, подсвѣчники, лампы и мн. др. Изъ колокольной бронзы льютъ колокола. Сплавъ мѣди съ цинкомъ называется латунью. Латунь свѣтло-желтаго цвѣта и тверже мѣди; ее часто употребляютъ на приготовленіе посуды, самоваровъ, булавокъ и другихъ предметовъ. Если въ сплавѣ цинка меньше, чѣмъ въ латуни, то такой сплавъ называется томпакомъ. Томпакъ золотистаго цвѣта; изъ него, кромѣ разной посуды и домашнихъ вещей, дѣлаютъ поддѣльныя золотыя вещи; онѣ кажутся золотыми, пока новыя, но отъ времени тускнѣютъ и ржавѣютъ; на такихъ вещахъ пробы, какъ на золотыхъ, нѣтъ. Сплавъ мѣди, цинка и металла никкеля называется мельхіоромъ; изъ него дѣлаютъ ложки, ножи, вилки и другія вещи; онѣ блестятъ, какъ серебряныя, но послѣ долгаго употребленія желтѣютъ. Мѣдная долго нечищенная посуда отъ дѣйствія воды, воздуха и кислотъ покрывается очень ядовитымъ

зеленымъ порошкомъ. Чтобы предохранить людей отъ отравы, мѣдную посуду внутри лудятъ. Для этого ее тщательно чистятъ, нагрѣваютъ, а затѣмъ натираютъ расплавленнымъ оловомъ; олово покрываетъ тонкимъ серебристымъ слоемъ стѣнки посуды; тогда уже зеленый налетъ не появится.

Олово—серебристо-бѣлаго цвѣта съ синеватымъ оттѣнкомъ. Это одинъ изъ самыхъ мягкихъ металловъ, такъ что онъ, какъ и свинецъ, рѣжется ножомъ. Изъ олова дѣлаютъ посуду, ложки, приготовляютъ тончайшіе листики, которыми обвертываютъ конфекты, сигары и проч. Олово совсѣмъ не ржавѣетъ, и потому имъ часто покрываютъ желѣзные листы. Такіе листы называются жестью. Изъ олова съ примѣсью цинка дѣлаютъ поддѣльныя серебряныя вещи, напр., чайныя ложки; сплавъ этотъ называется британскимъ металломъ. Олово также употребляется для припаиванія металлическихъ вещей и для приготовленія зеркалъ. Для этого тонкіе оловянные листы разстилаютъ на столѣ и наливаютъ на нихъ ртуть. Долго и тщательно растираютъ эту ртуть, при чемъ она постепенно соединяется съ оловомъ и образуетъ амальгаму. Затѣмъ на амальгаму накладываютъ толстое стекло, которое черезъ нѣкоторое время пристаетъ къ ней, и зеркало готово.

Самый полезный и распространенный металлъ на землѣ—желѣзо. Человѣкъ научился добывать и ковать желѣзо гораздо позднѣе, чѣмъ многіе другіе металлы. Въ настоящее время въ разныхъ странахъ его добывается огромное количество, которое идетъ на постройки, на приготовленіе земледѣльческихъ орудій и многихъ другихъ предметовъ, а также перерабатывается въ чугунъ и сталь.

Въ недавнее время въ продажѣ появились всевозможныя вещи (портмоне, портсигары, подносы, корзиночки, рамки, ручки для перьевъ и мн. др.) изъ серебристаго и очень легкаго металла. Этотъ металлъ называется алюминіемъ. Добывать этотъ металлъ выгодно и дешево научились очень недавно, а между тѣмъ это самый распространенный металлъ на земной поверхности, такъ какъ онъ входитъ въ составъ обыкновенной глины.

Изъ „Книги взросл.“

40. Поваренная соль.

Соль есть единственный минералъ, употребляемый человѣкомъ въ пищу: въ лѣкарствахъ же употребляются нѣкоторые другіе. Она не только улучшаетъ вкусъ многихъ блюдъ, но полезна и даже необходима для здоровья; кромѣ того, солью же сохраняютъ въ прокъ мясо, сало, рыбъ, птицъ, грибы, огурцы и многія другія органическія тѣла.

Какого цвѣта соль—вы это знаете; по цвѣту трудно отличить ее иногда отъ сахара, зато по вкусу мы можемъ узнать вездѣ присутствіе соли. Соль совершенно распускается въ водѣ, причемъ вода пріобрѣтаетъ соленый вкусъ. Но вода не можетъ распускать въ себѣ сколько угодно соли, а только опредѣленное количество, смотря по количеству самой воды, и если переложить соли, то вода перестанетъ ее распускать; тогда говорятъ, что вода *насытилась* солью.

Распустивъ соль въ водѣ, можно снова добыть ее оттуда; стоитъ только воду, насыщенную солью, кипятить до тѣхъ поръ, пока вся вода, превращаясь постепенно въ паръ и испаряясь въ воздухъ, выкипитъ: соль останется тогда на днѣ сосуда. Налейте соленой воды на плоское чайное блюдечко и поставьте его

куда-нибудь на нѣсколько дней: вода мало-по-малу испарится, а на днѣ блюдечка появится множество маленькихъ шестигранныхъ кристалликовъ, у которыхъ всѣ шесть площадокъ равны между собою и которые называются *кубиками*. Соляные кристаллы прозрачны и блестятъ.

Соль добываютъ, или выкапывая изъ земли, какъ множество другихъ камней и металловъ, или доставая изъ водъ, насыщенныхъ солью, напримѣръ, изъ озеръ, въ которыхъ соль осѣдаетъ на дно кристаллами, или изъ морской воды. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ морѣ вода вездѣ, хотя не въ одинаковой степени, напитана солью; но въ морской водѣ, кромѣ соли, есть и другія примѣси, такъ что вкусъ этой воды горько-соленый, и она для питья не годится.

Твердую, каменную соль добываютъ у насъ въ Илецкой защитѣ (въ Оренбургской губерніи). Кромѣ того, у насъ есть множество пересыхающихъ лѣтомъ озеръ, въ которыхъ соль толстыми пластами осѣдаетъ на дно, откуда ее и достаютъ. Самое большое изъ такихъ озеръ, Эльтонъ, находится въ Саратовской губерніи. Есть у насъ и соляные источники, вода которыхъ пріобрѣтаетъ соль, пробираясь въ глубинѣ земли между пластами каменной соли: изъ такой воды соль вываривается въ *соляныхъ варницахъ*.

К. Ушинскій.

41. Известь.

Каждый изъ насъ видѣлъ бѣлый каменный домъ; онъ бѣлый оттого, что красный кирпичъ покрытъ *известковою* штукатуркою. Известковаго камня, известняка, есть цѣлыя горы въ природѣ. Въ землѣ почти всегда есть известнякъ, а если его много, то онъ образуетъ *известковую почву*; на известковой почвѣ хорошо растутъ горохъ, бобы, табакъ.

Для того, чтобы получить чистую известь изъ известковаго камня, его обжигаютъ. Если такую обожженную известь полить водою или выставить на сырость, то известь дѣлается горячею и разсыпается въ бѣлый порошокъ. Плохо мужику, который, наваливъ *негашеной* извести на телѣгу и не укрывъ ея, попадаетъ подъ дождь; телѣга можетъ загорѣться, и часть извести придется бросить дорогой, потому что известь, распускаясь въ порошокъ, утроится въ объемѣ. Изъ гашеной извести или известковаго порошка и воды приготовляютъ тѣсто, въ которое подбавляютъ песку тѣмъ больше, чѣмъ онъ мельче; такимъ тѣстомъ штукатурятъ и на немъ же кладутъ кирпичныя стѣны. Известковое тѣсто скоро высыхаетъ и такъ крѣпко связываетъ кирпичи, что ихъ потомъ легче поломать, чѣмъ отдѣлить кирпичъ отъ кирпича. Для известковаго тѣста нужна прѣсная вода; если же попадетъ въ него соленая вода, известь засохнувъ будетъ крошиться и можетъ повредить стѣнамъ.

Известь есть не только въ землѣ, но также въ костяхъ животныхъ и въ яичной скорлупѣ; еслибы куры не ѣли извести, то онѣ несли бы яйца безъ скорлупы. Въ раковинахъ столько извести, что въ приморскихъ странахъ изъ нихъ выжигаютъ известь, такъ же какъ мы добываемъ ее изъ известковаго камня. Известь—весьма полезный матеріалъ: ею удобряютъ болотистую почву; жидкимъ растворомъ извести, на кожевенныхъ заводахъ, вытравляютъ шерсть на сырыхъ кожахъ; она нужна и при приготовленіи мыла. Если хочешь, чтобы куча сорныхъ

травъ скорѣе погнила, то посыпь ее известью. Тогда получится *перегной*—самая лучшая почва.

Известь бываетъ разныхъ видовъ. *Мѣлъ*, которымъ мы пишемъ въ школѣ—это одинъ видъ извести; *алебастръ*—другой видъ извести; *мраморъ* и *гипсъ*—также виды извести. Изъ мѣла можно строить тѣ части зданія, которыхъ не касается сырость, имъ бѣлятъ стѣны, чистятъ металлы; его мѣшаютъ въ краску; изъ мѣла и масла или сала составляютъ замазку. Алебастромъ штукатурятъ и изъ него дѣлаютъ статуи. Изъ жженаго гипса также дѣлаютъ статуи. Мраморомъ называется такой твердый известнякъ, который можно полировкою довести до блеска; изъ мрамора дѣлаютъ доски на столы, ступени на лѣстницы, статуи; иногда строятъ церкви и дворцы.

Баронъ Н. Корфъ.

III. Дома и на чужбинѣ.

42. Зимовка на Ледовитомъ морѣ.

Однажды наши промышленники отправились съ берега въ Ледовитое море бить тюленей. Такъ какъ у ближнихъ береговъ звѣря встрѣчалось мало, то они пустились въ край, мало доступный, на большой островъ Новую Землю, который лежитъ ближе къ Сибири. Лѣтомъ на судахъ они кое-какъ перебрались мимо льдовъ, пристали къ далекому берегу и завлеклись охотою. Суда, съ которыми они пріѣхали, спѣшили вернуться къ твердой землѣ, запасшись жиромъ и шкурами моржей и тюленей; но наши удальцы остались на промыслѣ, надѣясь, что зима позамедлитъ и придетъ еще какое-нибудь суденышко. Но никакого судна болѣе не являлось: скоро и вѣтеръ сталъ дуть противный, съ самаго сѣвера. Море побѣлѣло отъ льду; кругомъ трещали и стонали льдины, напирая одна на другую. Промышленники повѣсили голову: приходилось зимовать на Новой Землѣ. Помѣстились они въ плохой избенкѣ, сколоченной изъ прогнившихъ бревенъ, которыя нанесло моремъ изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, сидѣли они да дули въ кулаки отъ холода. Но къ ноябрю избенку почти совсѣмъ занесло снѣгомъ, и тогда въ ней стало теплѣе. Продѣлали въ снѣгу узкій выходъ; потомъ безъ дѣла коротали время около ночника съ тюленьимъ жиромъ, который теперь ужъ не такъ трещалъ и брызгалъ отъ сырости.

Солнце между тѣмъ совсѣмъ скрылось; чайки, утки улетѣли, моржи пропали: ни реву, ни свисту. Приходили только бѣлые медвѣди воровать запасы: одинъ было совсѣмъ залѣзъ въ избу, да его убили, и мясо пригодилось на кормъ собакамъ. Наконецъ и бѣлый медвѣдъ зарылся въ снѣгъ до весны. Настала темень; придумали считать день по времени, въ какое догоритъ ночникъ; зажгутъ другой,—значитъ, началась ночь, и такъ досчитались до Рождества. Плохо было встрѣчать праздникъ: вышелъ весь запасъ рыбы и птицы. Лица осунулись, съ голоду всѣхъ тошнило; во рту горечь такая, словно смолу ѣли, а десны стали припухать, значитъ, пристала такая болѣзнь—цынга. Въ этой бѣдѣ одинъ изъ товарищей, Тимоша, пришелъ съ шуткою: „Хотите помирать? Могилы вырылъ!“ А на дѣлѣ

онъ принесъ дикаго оленя, еще теплаго. Всѣ съ жадностью принялись пить его кровь, а мясо сырымъ съѣли; но отъ этого лишь пуще разболѣлась голова. Тимошка все шутилъ, смѣялся, бѣгалъ, да вдругъ и задумался; рѣшили, что онъ дурилъ съ тоски, надѣясь избавиться отъ цынги. Скоро онъ слегъ, ослабъ, сталъ охать сильнѣе; во рту горечь; плюнулъ такою чернетью, словно изъ печной трубы; десны въ два пальца раздуло; дотронулись до нихъ—кровь пошла. Скоро и ноги его загноились, сталъ онъ терять память; на минуту опомнится,—и проситъ свезти домой дѣткамъ родительское благословенье.

Такъ скончался бѣдняга. Товарищи, горько плача, схоронили его въ снѣгу и потомъ старались, сколько могли, развеселить себя, чтобы цынга не пристала: пѣли, плясали, катались съ горы; да все-таки двое еще померли отъ этой болѣзни, а одинъ заблудился и замерзъ на охотѣ. Около 8-го января на часокъ занялась заря, и въ началѣ февраля солнце въ первый разъ выглянуло: всѣ такъ ему обрадовались, что стали плясать и цѣловаться. Въ мартѣ на снѣгу показались проталинки, и мохъ закудрявился. Къ концу апрѣля ручьи побѣжали съ горъ, хотя снѣгъ и оставался тамъ все лѣто. Наконецъ, въ началѣ іюня налетѣли гуси, гагары, утки, лебеди, чайки; сильные вѣтры понесли ледъ въ океанъ; показались и растенія: щавель на горахъ, мелкая травка, звѣробой, малый кустарникъ. Глядь, вдали забѣлѣлъ парусокъ—одинъ, другой... ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать той радости, какъ встрѣтились со своими.

С. Максимовъ.

43. Сѣверное сіяніе.

Морозъ крѣпчалъ и становился едва выносимымъ: то щипнетъ онъ лицо и заставитъ спрятать его подъ куколь шубы, то пропуститъ холодную струю подъ теплый мѣхъ малицы и пробѣжитъ мелкими струйками по всему тѣлу. Но ни малѣйшаго вѣтра; къ тому же и самый воздухъ какъ будто застылъ сплошной ледяной массой, и страшно холодно, и попрежнему сосредоточенно-молчаливо, поталкивая другъ друга въ бокъ, бѣгутъ олени въ неоглядную даль, разстилающуюся передъ ними, и попрежнему безпрестанно толкаетъ проводникъ палкой то того въ бокъ, задъ или ногу, то другого, третьяго и четвертаго. На подорожной кочкѣ тряхнетъ насъ сильно и свалитъ въ рыхлый, мягкій снѣгъ; проводникъ при этомъ посовѣтуетъ спустить ноги внизъ и крѣпче держаться за ременную петельку, и ничего не скажетъ, когда вывалитъ насъ обоихъ, когда лягутъ санки наши на бокъ, и спутается веревочная упряжь ихъ.

„Сполохъ играетъ!“ давно уже и нѣсколько разъ повторилъ между тѣмъ проводникъ мой. Я инстинктивно обернулся назадъ, къ сѣверной сторонѣ неба; но тамъ уже прежній мракъ, кромѣшный мракъ, словно мрачное, дождевое ненастливое облако залегло и ширилось на всю четверть круга видимаго горизонта, какъ бы нарочно заслоняя отъ насъ такъ сильно нахваленное и такъ давно выжидаемое мною сѣверное сіяніе. И гдѣ же лучше, думалось мнѣ, видѣть его, какъ не здѣсь, у океана, въ безбрежной степи, въ какихъ нибудь 400—500 верстахъ отъ всѣмъ страшной Новой Земли? Становилось не шутя и обидно, и досадно. Я покручинился ямщику, и тотъ отвѣчалъ успокоительно:

„Теперь непремѣнно взыграетъ, благо началъ. Вонъ любуйся“, прибавилъ онъ потомъ и еще что-то и много чего-то.... Но уже я изъ всего этого ничего не слышалъ:

я былъ прикованъ глазами къ чудному, невиданному зрѣлищу, открывшемуся изъ темнаго облака. Оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засіяло ослѣпительными цвѣтами, цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, которые переливались изъ одного въ другой, и какъ будто искры сыпались безконечно сверху, искры снизу, искры съ боковъ... Ничего не разберешь, ничего не сообразишь, все мѣшается и путается... въ глазахъ рябитъ и становится больно. Какъ будто огромная всемірная кузница пущена теперь передъ вами въ ходъ, и только не видишь рабочихъ, не слышишь молотовъ за дальностью, близорукостью; видишь одинъ громадный горнъ, бѣгающія въ немъ искры—и все это горитъ такимъ общимъ свѣтомъ, какой едва ли придется видѣть въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ изъ чудныхъ зрѣлищъ чудной природы, кромѣ сѣвернаго сіянія.

С. Максимовъ.

44. Финляндія.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, гдѣ природа бѣдна и угрюма. Я видѣлъ Финляндію. Здѣсь земля повсюду имѣетъ видъ опустошенія и безплодія. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна нерѣдко принимаетъ видъ мрачной осени. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь или воды, или камни.

Въ концѣ апрѣля здѣсь начинается весна: снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и пѣной низвергаются въ озера. Если озеро тихо, то высокіе пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ воды. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилась какъ отъ сна. Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ.

Финляндскіе лѣса непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ и дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сихъ пространныхъ вертепахъ путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукой всесокрушающаго времени; или ревъ источника, который стрѣлою протекаетъ по каменистому дну между скалъ гранитныхъ, быстро превозмогаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и камни. Путешественникъ невольно содрагается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Здѣсь царство зимы. Въ началѣ октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину, иней падаетъ въ видѣ густого облака; деревья, при первомъ утреннемъ морозѣ, блистаютъ радугою, отражая солнечные лучи тысячью пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце едва явится—и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ, въ теченіи всей ночи, изливаетъ серебряные лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не колеблетъ деревьевъ, обѣленныхъ инеемъ. Повсюду безмолвіе! Робкая лань торопливо пробирается въ чащу, отряхая съ роговъ своихъ оледенѣлый снѣгъ; стая тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь природа улыбается веселой, но краткой улыбкой. Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтерка и яркихъ лучей солнца, когда воды съ шумомъ утекли въ моря,—тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво,—завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ великолѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапно румяными лучами. Птицы радостно отряхаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на отлогомъ берегѣ; большія рыбы плещутъ среди озера золотыми чешуями.

К. Батюшковъ.

45. Петербургъ.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

А. Пушкинъ.

46. Полѣсье.

Проѣхавъ версты двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я наконецъ по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ; я вылѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ. Полѣсье приняло насъ въ свои

нѣдра! Съ окраины, ближе къ лугу росли березы, осины, липы, клены и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной надвинулся густой ельникъ; далѣе закраснѣли голые стволы сосенника, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухой, рябиной и крупными сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушки деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое-гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами.

Птицъ почти не было слышно—онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; только по временамъ раздавался заунывный троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки, или сойки; молчаливый, всегда одинокій сивоворонокъ пролеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистою лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. Иногда деревья рѣдѣли, разступались, впереди свѣтлѣло, тарантасъ въѣзжалъ на расчищенную песчаную поляну: жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдные колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенка съ покривившимся крестомъ надъ колодцемъ; невидимый ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкими звуками, какъ-будто втекая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегораживала недавно обрушившаяся береза, и лѣсъ стоялъ кругомъ до того старый, высокій и дремучій, что даже воздухъ казался спертымъ. Мѣстами просѣка была вся залита водой; по обѣимъ сторонамъ разстилалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшанникомъ; утки взлетывали попарно—и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами.

— „Га, га, га, га“, неожиданно поднимался протяжный крикъ: то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась, какъ вкопанная, на краю просѣки, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мною собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расползался вдали круглыми струйками по блѣдносинему лѣсному воздуху: знать, мужичокъ промышлялъ уголь на стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору всегда тихо; только идетъ тамъ высоко надъ головой какой-то дикій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ... Ѣдешь, ѣдешь, не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молва, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выйти поскорѣе на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью—и давитъ его эта пахучая сырость и гниль...

И. Тургеневъ.

47. Волга.

Широко раскинулась рѣчная область нашей матушки Волги, захвативъ сѣтью своихъ притоковъ пространство безъ малаго въ 30.000 кв. миль. Начинаясь недалеко отъ Балтійскаго моря, она пробѣгаетъ около $3^1|_2$ тысячъ верстъ, а своими устьями черезъ Каспійское море открываетъ доступъ къ западнымъ окраинамъ Средней Азіи. 21 губернія расположены по ея системѣ; болѣе 1.000 поселковъ, 39 городовъ и 6 посадовъ сидятъ на ея берегахъ. Безчисленное множество разныхъ судовъ бороздятъ ея воды, передвигая многомилліонные грузы вверхъ и внизъ по рѣкѣ.

По своему значенію въ жизни русскаго народа, Волга безспорно занимаетъ первое мѣсто между рѣками Россіи. Она служитъ большой дорогой для передви-

женія избытковъ народнаго труда, прокармливаетъ милліоны людей и соединяетъ азіатскій Востокъ съ европейскимъ Западомъ. Въ глухомъ лѣсномъ и болотистомъ углу Осташковскаго уѣзда, Тверской губерніи, лежитъ бѣдная деревушка Волгино-Верховье или, по мѣстному говору, Волговерховье. Пашни, вперемежку съ тонкими болотистыми порослями, окружаютъ небольшую горку, на которой пріютилась деревенька. Подъ горкой, тотчасъ же за деревней, среди небольшого болотца, стоитъ деревянная часовенка. Въ ней все пусто, только въ правомъ углу виситъ, безъ всякихъ украшеній, образъ Спасителя. Посреди часовни помѣщается небольшой колодезный срубъ; вязкое илистое дно его покрыто небольшимъ слоемъ воды, чистой и пріятной на вкусъ. Это и есть начало Волги. У мѣстныхъ крестьянъ ключъ этотъ называется „Іорданъ“ и слыветъ святымъ. Чистымъ, но едва замѣтнымъ ручейкомъ выбѣгаетъ великая русская рѣка изъ-подъ деревяннаго сруба и, теряясь въ болотистой поросли, уходитъ въ еловый лѣсъ. Здѣсь русло ея обозначается уже довольно ясно. Частью расплываясь въ болота, частью разливаясь озерками, рѣка пробиваетъ себѣ дальнѣйшій путь среди лѣсныхъ и плоскихъ береговъ. По выходѣ изъ послѣдняго своего верхового озера Волго, рѣка имѣетъ уже значительную ширину и полноводна, чему однако много способствуютъ устроенныя ниже запруды. За этими запрудами Волга уже нигдѣ ничѣмъ не преграждается на всемъ своемъ пути.

На правомъ берегу Волги находится древній Угличъ, въ которомъ былъ убитъ въ 1591 году Димитрій Царевичъ. Недалеко отъ пароходной пристани стоитъ домикъ, извѣстный подъ именемъ „Дворца Царевича“; вблизи красуется старинная церковь, воздвигнутая, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, на мѣстѣ убіенія Царевича.

У города Рыбинска Волга достигаетъ 200 саженъ ширины. Здѣсь въ весеннее время стоитъ надъ рѣкой неумолчный шумъ большого торговаго центра. Суда вплотную покрываютъ Волгу во всю ея ширину; массы рабочихъ движутся вдоль берега; ихъ крики смѣшиваются со свистомъ многочисленныхъ пароходовъ, а вдали подтягиваются караваны все новыхъ и новыхъ судовъ. Общее число волжскихъ судовъ, приходящихъ къ Рыбинску, преимущественно съ хлѣбомъ изъ низовыхъ пристаней, достигаетъ до 5,000 и болѣе.

За Рыбинскомъ расположены Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ. Ярославль, основанный Ярославомъ Мудрымъ, съ Волги очень красивъ. По высокому берегу тянется длинный бульваръ, усаженный липами. Золотыя главы многочисленныхъ церквей блестятъ на солнцѣ. На высокомъ мысу стоитъ старый златоглавый соборъ и прекрасное зданіе Демидовскаго лицея. Въ 60 верстахъ отъ Ярославля, на лѣвомъ берегу Волги, раскинулась Кострома. Съ парохода виденъ Ипатьевскій монастырь; тамъ доселѣ существуютъ покои, въ коихъ проживалъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своею матерью, когда получилъ вѣсть объ избраніи на царство. На главной площади красуется памятникъ крестьянину Ивану Сусанину, принявшему мученическую кончину ради спасенія новоизбраннаго царя. Нижній-Новгородъ— это важнѣйшій торговый центръ на всей Волгѣ. Съ перенесеніемъ знаменитой въ свое время Макарьевской ярмарки въ Нижній, этотъ городъ сталъ быстро богатѣть. Стягивая къ себѣ товары Азіи и Европы, онъ сдѣлался важнѣйшимъ торговымъ городомъ, а обороты ежегодной ярмарки считаются сотнями милліоновъ рублей. Красивы съ Волги древнія стѣны и башни Нижегородскаго кремля. Здѣсь много

совершилось замѣчательнаго въ жизни русскаго народа. Въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ стоитъ гробница Минина. Посѣтивъ соборъ, Петръ Великій до земли поклонился гробницѣ и сказалъ: „Здѣсь лежитъ избавитель Россіи". Съ Кремлевской горы видъ на Волгу очарователенъ: не наглядишься на синюю даль, на этотъ голубой просторъ воды двухъ обнявшихся рѣкъ.

Величественной, полной рѣкой продолжаетъ Волга свой путь до Казани, сопровождаясь всюду справа нагорнымъ берегомъ, а слѣва, за немногими исключеніями,—низменнымъ луговымъ. На этомъ протяженіи теченіе ея быстро, непокойно и постоянно мѣняется; частые перекаты затрудняютъ судоходство. Кама со своими притоками, зачинаясь въ нѣдрахъ рудоноснаго Пріуралья, несетъ къ Волгѣ свои дорогіе товары и ставитъ на ея низовья тѣ громадныя волжскія суда, изъ которыхъ каждое поднимаетъ болѣе 100.000 пудовъ груза.

За Камою Волга течетъ на югъ до Царицына, только разъ измѣняя прямоту пути, для обхода Жигулей у Самары. На этомъ протяженіи Волга такъ близко подходитъ къ Дону, что не разъ возникала мысль соединить каналомъ обѣ рѣки. Земледѣльческія села, хлѣбныя пристани, да рѣдкіе города еще достаточно оживляютъ ея правый берегъ на этомъ протяженіи. Лѣвый же, луговой, кажется довольно пустыннымъ, такъ какъ весенніе разливы далеко отодвинули поселки въ глубь страны. Не слышно болѣе шума верховыхъ промысловыхъ селъ, но сама рѣка все еще оживлена. Безконечные караваны хлѣбныхъ грузовъ тянутся вверхъ на встрѣчу лѣсному товару, идущему на ея безлѣсныя низовья. Между всѣми городами Волги Саратовъ, или, какъ его называютъ, „хлѣбный царь", по своимъ оборотамъ далеко оставляетъ за собою всѣ остальные. Здѣсь же начинается въ обширныхъ размѣрахъ и рыбная промышленность Волги. Въ Самарской и Саратовской губерніяхъ этой промышленностью кормятся десятки тысячъ людей. Вдоль береговъ часто попадаются тони, заводи и пруды, въ которыхъ сохраняется уловъ до времени отправки во внутренніе большіе города Россіи. Степные луга кормятъ большія стада мериносовъ и другихъ породъ овецъ, а многочисленныя салотопни доставляютъ значительный заработокъ мѣстному населенію.

За Царицынымъ Волга въ послѣдній разъ мѣняетъ и свое направленіе, и свой характеръ. Разбившись на рукава, рѣка въ юго-восточномъ направленіи бѣжитъ до самаго моря. Въ весеннее время главный рукавъ Волги сливается съ Ахтубой, и вся рѣка представляетъ обширную массу водъ въ нѣсколько десятковъ верстъ ширины. На этомъ протяженіи оба берега низменны, всюду неоглядная степь, невоздѣланная и ненаселенная. Только во время лѣтнихъ и зимнихъ перекочевокъ берега низовой Волги оживляются калмыцкими стадами и становищами; во все же остальное время на ея берегахъ все тихо и безлюдно.

48. Заволжскіе промыслы.

Верховое Заволжье—край привольный. Тамъ народъ досужій, смышленый и ловкій. Таково Заволжье сверху отъ Рыбинска внизъ до устья Керженца. Въ лѣсистомъ Верховомъ Заволжьѣ деревни малыя, зато частыя, одна отъ другой на версту, на двѣ. Земля холодна, неродима, своего хлѣба мужику развѣ до Масляной хватитъ и то въ урожайный годъ. Какъ ни бейся на надѣльной полосѣ, сколько страды на ней не принимай, круглый годъ хлѣбомъ себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на мѣстѣ заволжанина давно бы съ голоду померъ, но онъ не лежебокъ, человѣкъ досужій. Чего земля не дала, умѣньемъ за дѣло взяться беретъ; не побрелъ заволжскій мужикъ на заработки въ чужудальню сторону, и дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ. Вареги зачалъ вязать, поярокъ валять, шляпы да сапоги изъ него дѣлать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть не на всю Русь дѣлать.

Лѣса заволжанина кормятъ. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанинъ точитъ да краситъ; гребни, донца, веретена и другой щепной товаръ работаетъ, ведра, ушаты, кадки, лопаты, коробья, весла, лейки, ковши, все что изъ лѣсу можно добыть, рукъ его не минуетъ.

Живетъ заволжанинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Съ-изстари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы въ котахъ. Лаптей видомъ не видано, хоть слыхомъ про нихъ и слыхано. Развѣ гдѣ такой дѣдушка есть, что съ печки уже лѣтъ пятокъ не слѣзаетъ, такъ онъ, скуки ради, лапотки иной разъ ковыряетъ, нищей братьѣ подать, либо самому обуться, какъ станутъ его въ домовину обряжать. Таковъ обычай: лѣтомъ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, на тотъ свѣтъ въ лапоткахъ..

Заволжанинъ безъ горячаго спать не ложится, по воскреснымъ днямъ хлебаетъ мясное, изба у него пятистѣнная, печь съ трубой: о черныхъ избахъ да соломенныхъ крышахъ онъ только слышалъ, что есть такія гдѣ-то на горахъ. А чистота какая въ заволжскихъ домахъ!

Волга рукой подать. Что мужикъ въ недѣлю наработаетъ, тотчасъ на пристань везетъ, а полѣнился—на сосѣдній базаръ.

Посуду круглую: чашки, плошки, блюда въ Заволжьѣ на станкахъ точатъ— одинъ работникъ колесо вертитъ, другой точитъ. Къ такому станку много рукъ надо, но смышленый заволжанинъ придумалъ, какъ дѣлу помочь. Его сторона мѣсто ровное, болотное, рѣчекъ многое-множество. Въ песчаныхъ ложахъ заволжскихъ рѣчекъ воды круглый годъ вдосталь, есть такія, что и зимой не мерзнутъ: лѣтомъ въ нихъ вода студеная, рука не терпитъ, зимой паръ отъ нея. На такихъ-то рѣчкахъ и настроили заволжскіе мужики токаренъ: поставитъ у воды избенку вѣнцовъ въ пять-шесть, запрудитъ рѣченку, водоливное колесо приладитъ, приводъ веревочный пристегнетъ, и вертитъ себѣ такая меленка три-четыре станка заразъ. Работа не въ примѣръ спорѣе.

По лѣвому берегу Волги есть и безлѣсныя полосы верстъ на 20—25 шириной. И здѣсь встарину былъ лѣсъ, но онъ давно или вырубленъ, или истребленъ пожарами и буреломами. Эта полоса зовется чищею. А занимаются по тѣмъ мѣстамъ дѣломъ валенымъ. Кто ѣзжалъ зимней порой по той сторонѣ, тотъ видалъ, что тамъ въ каждомъ дому по скатамъ тесовыхъ кровель, лицомъ къ сѣверу, рядами разложены сотни, тысячи бѣлыхъ валенокъ, а передъ домомъ стоитъ множество „суковатокъ“ *), у каждой десятка по два рогулекъ, и на каждой рогулинѣ по валенку виситъ. Это—мягкій товаръ промораживаютъ, чтобы бѣло да казисто на покупателя смотрѣлъ. За сотню деревень такимъ промысломъ кормятся.

П. Мельниковъ.

*) *Суковатка*—молодая елочка, у которой облуплена кожа и окорочены сучья, въ видѣ рогулекъ.

49. Москва.

Но вотъ ужъ близко. Передъ нами
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ окруженъ своей дубравой
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою;
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы;
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Болконы, львы на воротахъ.
И стаи галокъ на крестахъ...

А. Пушкинъ.

50. Фабрика.

1. На краю села стоитъ большое каменное трехъ-этажное зданіе, неуклюжее, съ гладкими стѣнами, безъ малѣйшихъ украшеній. Около этого главнаго зданія по широкому двору тянутся другія постройки, меньшія размѣромъ, но такія же некрасивыя. Всѣ онѣ вмѣстѣ съ дворомъ обнесены высокимъ заборомъ съ воротами. Посреди двора поднимается отъ самой земли высокая, какъ каланча, каменная труба. Въ главномъ домѣ весь день и всю ночь непрерывный гамъ, шумъ, стукъ и трескъ, среди котораго отъ времени до времени вырывается и разносится по воздуху пронзительный свистъ паровика. Изъ большой трубы постоянно поднимаются облака густого чернаго дыма. По ночамъ всѣ окна трехъ-этажнаго зданія ярко освѣщаются изнутри огнями; изъ трубы вмѣстѣ съ дымомъ вылетаютъ иногда снопы огненныхъ искръ, которыя мгновенно вспыхиваютъ на темномъ небѣ и также быстро погасаютъ; все спитъ кругомъ въ селеніи; на поляхъ, въ лѣсу, во всей природѣ, вездѣ тишина, спокойствіе, безлюдье, а шумъ и стукъ въ освѣщенномъ зданіи не умолкаютъ и еще рѣзче, чѣмъ днемъ, слышатся въ окрестностяхъ. Только въ ночь съ субботы на воскресенье и весь праздничный день до вечера все затихаетъ въ этомъ большомъ домѣ; огонь внутри его не замѣчается, и высокая труба среди двора не дымитъ, точно все здѣсь засыпаетъ и отдыхаетъ отъ недѣльнаго безостановочнаго движенія и шума.

2. Но прошелъ этотъ суточный отдыхъ, и зданіе какъ будто вдругъ оживаетъ: паровикъ начинаетъ шипѣть и пыхтѣть, приводы, ремни, колеса, которыми напол-

нено зданіе, двигаться; поднимается обычный шумъ, стукъ, движеніе; снова на цѣлую недѣлю опять идетъ непрерывный, однообразный, тяжелый трудъ...

Грозно пыхтитъ и клокочетъ на фабрикѣ раскаленный паровикъ: невидимыми путями уходитъ изъ него паръ и приводитъ въ движеніе рычаги, колеса, ремни, всю сложную систему фабричныхъ машинъ.

Подъ его невидимымъ давленіемъ, точно какою-то волшебною силою, двигаются челноки и берда на ткацкихъ станкахъ, вертятся сновальники и спицы съ початками и цѣвками, крутятся одинъ около другого громадные мѣдные цилиндры, высушивая и разглаживая сырые, только что вымытые миткали или отпечатывая на нихъ цвѣтные узоры, послѣ чего они превращаются въ ситцы, поднимаются вверхъ и падаютъ тяжелые песты, выравнивающіе и разглаживающіе готовыя штуки товара.

Много чудесъ на фабрикѣ творитъ водяной паръ—эта грубая, разрушительная стихійная сила, покоренная человѣческимъ разумомъ, превращенная въ послушное орудіе, которымъ управляетъ человѣкъ по своему усмотрѣнію.

Вы, конечно, видали, съ какою скоростью паръ заставляетъ двигаться громадные, наполненные пассажирами и тяжестями суда и вагоны, и вы удивлялись въ этомъ случаѣ его могуществу, его силѣ. Но, присматриваясь къ фабричному производству, вы изумились бы еще болѣе, видя, на какую часто мелкую, тонкую работу употребляетъ человѣкъ эту могучую силу: никакія самыя искусныя человѣческія руки не сдѣлаютъ того, что производятъ машины съ помощью пара. Здѣсь вы видите величайшее торжество человѣческаго ума, человѣческой изобрѣтательности.

А. Потѣхинъ.

51. Изъ путешествія Наслѣдника Цесаревича (въ 1863 г.).

Дорога наша отъ Костромы до села Иванова, на 113 верстъ протяженія, была непрерывнымъ торжественнымъ шествіемъ, непрерывнымъ рядомъ такихъ впечатлѣній, которыхъ до того времени не доводилось испытывать... Все населеніе поднялось навстрѣчу Царскому Сыну и Наслѣднику, обступило всю дорогу и окружило весь путь Его заявленіями горячаго чувства. Это чувство выражалось съ такою младенческою простотою, что самое холодное сердце не могло оставаться равнодушнымъ.

Первыя селенія за Костромою украшены были на городской образецъ подобіемъ флаговъ: на длинныхъ шестахъ крестьяне развѣшивали лучшіе платки свои и куски цвѣтныхъ матерій. Еще нѣсколько верстъ—вышло все населеніе изъ сосѣднихъ деревень и построило ворота изъ бревенъ и жердей, украсило ихъ цвѣтами и надпись сдѣлало наверху воротъ, а крестьянскія дѣвушки стоятъ съ пучками цвѣтовъ и бросаютъ ихъ въ коляску и по дорогѣ. Все населеніе вразсыпную бѣжитъ за экипажами; бросаютъ шапки вверхъ, хватаются за коляску Царскаго Сына и кричатъ „ура!“ разными голосами.

Ѣдешь по селу: у каждаго домика поставленъ столъ, покрытый бѣлою скатертью; на столѣ круглый хлѣбъ съ солонкой, а предъ хлѣбомъ каждый поставилъ свою завѣтную икону, и хозяева стоятъ, каждый у своего столика, и кланяются. У иного домика стоитъ одна старуха: видно, не изъ чего ей было снарядить столъ; она держитъ въ рукахъ своихъ икону на бѣлой подстилкѣ.

Проѣзжаемъ полемъ: въ сторонѣ, за лѣскомъ, нѣсколько старухъ вышли изъ сосѣдней деревни и стоятъ со своею иконой; посреди поля, съ клюкой, на колѣняхъ—слѣпой старикъ кланяется въ землю. Словомъ сказать, на каждой верстѣ представлялись намъ новыя группы, новыя изъявленія чувства народнаго. Нельзя было равнодушно смотрѣть на лица, обступавшія насъ на дорогѣ; то были чистыя, каждому русскому родныя и пріятныя черты великороссійскаго племени.

Не доѣзжая села Иванова, мы остановились въ Вознесенскомъ посадѣ, въ домѣ купца Зубкова, приготовленномъ для Его Высочества. Когда стемнѣло, когда зажгли предъ домомъ богато-украшенные щиты и засверкали вдали огоньки иллюминаціи,—стало такъ хорошо, что не хотѣлось отойти отъ окна!

Мы тронулись—и опять ожидали насъ толпы народныя и семейныя группы на встрѣчу и на проводы. Въ селахъ изъ церквей выходили на дорогу процессіи съ иконами и хоругвями, изъ домовъ выставляли хлѣбъ-соль. У одного изъ столиковъ Его Высочество остановился и отломилъ кусочекъ хлѣба къ неописанной радости хозяевъ. Въ коляску и на дорогу бросали вѣнки и связки изъ васильковъ и полевыхъ фіалокъ; въ одномъ селеніи дорога, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, была утыкана цвѣтами, которые нарочно насажали стеблемъ въ песокъ.

Еще верста: помѣщичій домикъ стоитъ у самой дороги, и вся семья выходитъ навстрѣчу. Старый хозяинъ остался дома и смотритъ намъ вслѣдъ, прислонясь къ забору своего садика; двѣ барышни съ маленькими дѣтьми прошли впередъ по дорогѣ; онѣ шли тихо, но вотъ экипажи неожиданно остановились у церкви; изъ церкви показалась процессія съ иконами и хоругвями. Великій Князь вышелъ и пошелъ въ церковь; барышни бросаются впередъ бѣгомъ; видно, какъ онѣ рады и какъ боятся опоздать. Онѣ не опоздали, и, раскраснѣвшись отъ бѣга, довольныя, оправляются у паперти. Народъ повалилъ въ церковь; осталась только кучка стариковъ и старухъ у ограды въ ожиданіи выхода. Мы къ нимъ подходимъ; два старика плачутъ отъ радости, что дождались и увидали Наслѣдника. Старуха вынесла на рукахъ малолѣтнюю внучку. Вотъ повалилъ народъ изъ церкви съ крикомъ. У коляски дожидается пожилой крестьянинъ; онъ принесъ армякъ и бережно разостлалъ его по дорогѣ у самой подножки и, наклонившись, расправляетъ его ровнѣе по землѣ, чтобы дорогой Гость прошелъ чрезъ армякъ его, когда сядетъ въ коляску.

К. Побѣдоносцевъ и В. Бабстъ.

52. Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко освѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ гля-

нуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею — напрасно: нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ! Синій, синій, ходитъ онъ плавнымъ разливомъ; — и середь ночи, какъ середь дня, виденъ застолько въ даль, засколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему, въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила, и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Н. Гоголь.

53. Малороссія.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи!
Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеютъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?

Графъ А. Толстой.

54. Лѣтній день въ Малороссіи.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто

умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрые скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... какъ полно нѣги малороссійское лѣто!

Н. Гоголь.

55. Украинская ночь.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе: горитъ и дышитъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ—и прохладно душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь!

Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь!

И вдругъ—все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья—и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посереди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

Н. Гоголь.

56. Украинская степь.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустыней. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній, одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ

былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястреба, распластавъ крылья и неподвижно устремивъ глаза въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ вѣсть на какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною точкою! Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ!..

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась. Все пестрое пространство ея охватилось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выползывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву: весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ.

Н. Гоголь.

57. Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“
— „Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей“.
— „Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей“.
— „Край мой — теплый брегъ Эвксина.“
— „Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.
— „Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!“
— „Мнѣ отчизна старый Псковъ“.
— „Я отъ Ладоги холодной“.
— „Я отъ синихъ волнъ Невы“.
— „Я отъ Камы многоводной“.
— „Я отъ матушки Москвы“.
Слава, Днѣпръ — сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ — чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Хомяковъ.

58. Поѣздка въ цыганскій таборъ.

Цыгане совершали свой обычный походъ по деревнямъ съ козою и барабанщикомъ, непремѣнными спутниками медвѣдей. Завидѣвъ, какъ они спускаются со степи въ яръ, гдѣ обыкновенно расположены украинскія слободы, толпа мальчишекъ и дѣвчонокъ бѣжала къ нимъ за версту навстрѣчу и съ ликованіемъ возвращалась вмѣстѣ съ ихъ пестрой толпой внизъ, въ слободу, гдѣ начиналось самое торжество.

Да, это было торжество! Они останавливались у кабака или у какой-нибудь хаты побогаче, а гдѣ была помѣщичья усадьба, то передъ панскимъ домомъ, и начиналось представленіе, лѣченье, торговля и мѣна, гаданье, ковка лошадей и починка телѣгъ, и чего-чего тутъ не было въ долгій лѣтній день до самаго вечера, когда цыгане уходили за слободу, на толоку, растягивали тамъ свои палатки или просто натягивали холстину на оглобли, зажигали костры и готовили себѣ ужинъ. И до поздней ночи вокругъ табора стояла любопытная толпа.

— Ну, пора, пора,—говоритъ мнѣ, маленькому мальчику, отецъ.

— Еще немножечко, еще немножечко.

И отцу самому не хотѣлось уѣзжать.

Мы сидѣли съ нимъ на бѣговыхъ дрожкахъ; старый меринъ Васька, повернувъ голову къ огнямъ и настороживъ уши на медвѣдей, стоялъ смирно, изрѣдка фыркая; огни табора бросали дрожащій красный свѣтъ и неопредѣленныя, колеблющіяся тѣни; мягкій туманъ поднимается изъ лощины сбоку насъ, а за таборомъ разстилалась степь. Темныя крылья вѣтряной мельницы рисовались на небѣ; за нею уходило безграничное таинственное пространство, окутанное серебристо-сѣрымъ сумракомъ. Шумъ табора не заглушалъ тихихъ и чистыхъ звуковъ степной ночи; то донесется изъ далекаго пруда торжественный, звонкій хоръ лягушекъ, то звенящимъ трескомъ раздается мѣрный и торопливый крикъ дергача, то перепелы начнутъ кричать свое „пить пойдемъ! пить пойдемъ!“, то откуда-то долетятъ непонятные, невѣдомые звуки, слабые и гармоничные. Что это? звукъ ли далекаго колокола, принесенный легкимъ вѣтеркомъ, или голосъ природы, языка которой мы не понимаемъ?..

Но въ лагерѣ все успокаивается; понемногу тушатъ огни; медвѣди, ворочаясь, звякаютъ своими цѣпями и изрѣдка глухо рычатъ подъ телѣгами, къ которымъ прикованы; цыгане укладываются спать. Одинъ изъ нихъ отошелъ въ сторону и горловымъ теноромъ запѣлъ старинную пѣсню на родномъ языкѣ, своеобразную, дикую, заунывную, чуждую для уха, донесшуюся откуда-то изъ неизвѣданной темноты... Никто не знаетъ, когда сложена она, какія степи, лѣса и горы породили ее; она осталась живымъ свидѣтелемъ старины, забытой и тѣмъ, кто поетъ ее теперь подъ чужимъ, горящимъ звѣздами небомъ, въ чужихъ степяхъ...

— Поѣдемъ,—говоритъ отецъ.

Застоявшійся Васька бодро трогается съ мѣста и дрожки катятся по извилистой дорогѣ внизъ, въ лощину; легкая пыль слабо извивается изъ-подъ колесъ и тутъ же, будто сонная, падаетъ на слегка росистую траву.

— Папа, знаетъ ли кто-нибудь по-цыгански?

—Сами они, конечно, знаютъ, а изъ другихъ я не видалъ никого, кто умѣлъ бы говорить съ ними.

— Я хотѣлъ бы научиться. Я хотѣлъ бы знать, что онъ пѣлъ... Папа, они язычники? Можетъ быть, онъ пѣлъ про своихъ боговъ? Какъ они жили, какъ воевали...

Мы возвратились домой, и я лежу подъ одѣяломъ, а воображеніе все еще работаетъ и создаетъ странные образы въ маленькой головѣ, уже склонившейся на подушку.

В. Гаршинъ.

59. У моря.

Такъ вотъ оно море!.. Горитъ
бирюзой,
Жемчужною пѣной сверкаетъ!..
На влажную отмель волна за волной
Тревожно и тяжко взбѣгаетъ...

Взгляни, онъ живетъ, этотъ зыбкій
хрусталь,
Онъ стонетъ, грозитъ, негодуетъ...
А даль-то какая!.. О, какъ эта даль
Усталые взоры чаруетъ!..

Сынъ края мятелей, тумановъ и вьюгъ,
Сынъ хмурой и блѣдной природы,
Какъ пылко, какъ жадно я рвался на югъ,
Къ вамъ, мѣрно шумящія воды.

С. Надсонъ.

60. Крымъ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью
природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды
И пышные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы подъ лавровые своды
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,

Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи
Среди заботъ и съ дружбою взаимной
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.
Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ;
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ;
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ вино-
града
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

А. Пушкинъ.

61. Буранъ въ Оренбургскихъ степяхъ.

1. Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней, проселочной, неторной дорожкѣ или, лучше сказать, слѣду, недавно проложенному по необозримымъ снѣжнымъ пустынямъ. Обозъ ѣхалъ съ хлѣбомъ въ Оренбургъ. Переѣздъ былъ длиненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминучая...

Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока, и, когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца, уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка.

— Поздно, ребята! — закричалъ старикъ. — Стой, нечего гнать и мучить лошадей понапрасну. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги, авось, Богъ помилуетъ.

— Петровичъ, — сказалъ онъ, обратясь къ высокому, плотному мужику, также немолодому, — поѣзжай сзади: твой Гнѣдко хоть не боекъ, за то нестомчивъ, не отстанетъ, да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ, да въ сторону по дровяной или сѣнной дорогѣ не отбился; а я поѣду передовымъ.

Съ большимъ трудомъ перетащили стариковъ возъ впередъ; а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сторону, объѣхали; потомъ вытащили ее изъ сугроба,

и Петровичъ сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысій малахай, помолился Богу и, сѣвъ на возъ: „Ну, Сѣрко!“ сказалъ хотя не веселымъ, но твердымъ голосомъ: „выручалъ ты меня не одинъ разъ, послужи и теперь, не сшибись съ дороги...“ И обозъ поѣхалъ шагомъ.

2. Снѣговая бѣлая туча, огромная какъ небо, обтянула весь горизонтъ и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь... Наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратились въ пучину кипящаго снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханіе, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь стынетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время бурановъ значительно уменьшается. Такъ ужасенъ видъ возмущенія зимней сѣверной природы. Человѣкъ теряетъ память, присутствіе духа, безумѣетъ... и вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ.

3. Долго тащился нашъ обозъ со своими двадцатипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди, по большей части, шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу; наконецъ, всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и, хотя его Сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги,—старикъ остановилъ обозъ.

— Други,—сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ:—дѣлать нечего. Надо отдаться на волю Божію, надо здѣсь ночевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ кружкомъ. Оглобли свяжемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашомъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось не всѣ замерзнемъ.

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ: но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенію. Но, къ несчастію, въ обозѣ были люди молодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе пристала, не захотѣлъ послушаться старика.

— Полно, дѣдушка!—сказалъ онъ:—Сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ околѣвать съ тобою! Ты ужъ пожилъ на бѣломъ свѣту, тебѣ все равно; а намъ еще пожить хочется. До умета верстъ семь, больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! пусть дѣдушка остается съ тѣми, у кого совсѣмъ лошади стали. Завтра, Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ.

Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что Сѣрко истомился менѣе другихъ; напрасно поддерживалъ его Петровичъ и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ, на двѣнадцати подводахъ, пустились далѣе.

Буранъ свирѣпѣлъ часъ-отъ-часу. Бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день такъ, что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми. Наконецъ стало понемногу затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и

тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ, улеглись снѣга. Степи представляли видъ бурнаго моря, внезапно оледенѣвшаго. Выкатилось солнце на ясный небосклонъ; заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись пережидавшіе буранъ обозы и всякіе проѣзжіе.

4. По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на стогъ сѣна или копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣломъ, принялись отрывать, чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича и двоихъ ихъ товарищей: всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обталялъ, и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который точно былъ не далеко. Свѣжій морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза; но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія.

Въ уметѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали вина и потомъ уложили спать на полати. Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы. Шестеро смѣльчаковъ или, лучше сказать, глупцовъ, послушавшихся молодого удальца, вѣроятно, скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самаго умета.

С. Аксаковъ.

62. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной.

А. Пушкинъ.

63. Среди кавказской природы.

Тихо все было на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, при-

поднимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣзокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкою бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, т.-е. я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли...

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ,—сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, т.-е. привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно пріятно, только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите,—прибавилъ онъ, указывая на востокъ:—что за край!

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую,—и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остался жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особое вниманіе. „Я говорилъ вамъ“, воскликнулъ онъ, „что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ-уздцы и начали спускаться. Направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки. Я содрогнулся, подумалъ, что часто здѣсь въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій, ярославскій мужикъ, другой—осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ-уздцы со всѣми возможными предосторожностями,—а нашъ беспечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ

бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: „И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые“—и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали...

„Вотъ и Крестовая!“ сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чортову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо него вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извозчики объявили, что обвалъ еще не былъ, и, сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами труды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали;—налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяною корою, то съ пѣною прыгая по черным камням. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору,—двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи сгустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свистѣлъ, какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока....

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобы достигнуть станціи Коби. Лошади намучились, мы продрогли; мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная, только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, изгнанница“, думалъ я, „плачешь о своихъ широкихъ раздольныхъ степяхъ? Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки“.

— Плохо! говорилъ штабсъ-капитанъ:—посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ и снѣгъ; того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться!—Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на краснорѣчіе кнутовъ. „Ваше благородіе“, сказалъ наконецъ одинъ, „вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ: не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется—вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку“, прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя! сказалъ штабсъ-капитанъ.—Ужъ эти бестіи! рады придраться, чтобы сорвать на водку.

— Признайтесь однако,—сказалъ я,—что безъ нихъ намъ было бы хуже.

— Все такъ, все такъ,—пробормоталъ онъ:—ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно пользоваться; будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоящаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею...

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать, мятель утихла; небо прояснилось, и мы отправились.

М. Лермонтовъ.

64. Въ рудникѣ.

Тихъ и пустыненъ Артемьевскій рудникъ, когда внизу подъ землею кипитъ работа. Сто лѣтъ разрабатываютъ руду въ Артемьевской котловинѣ. На поверхности земли трудъ—игрушка для ребятишекъ, зато внутри,—очень тяжелый! Блуждающій лучъ ручной лампочки освѣщаетъ только часть пространства передъ рудокопомъ, чаще неровную стѣну, изъ которой сочатся подземные ключи. Новичку особенно жутко; къ вечеру перваго дня работы онъ начинаетъ ожесточенно бить кайломъ (инструментъ полегче кирки) въ рудяную массу, точно отъ этого зависитъ возможность вырваться на волю изъ этой тяжелой тьмы. На другихъ мракъ и подавляющее однообразіе рудника съ железистыми изломами и сѣровато-металлическими пятнами подъ тусклымъ мерцаніемъ лампочки дѣйствуютъ притупляющимъ образомъ. Мысль замираетъ, чувство страха молчитъ, только руки живой машины работаютъ, врываясь все глубже и глубже въ эту громадную могилу.

Глухо и медленно прозвонилъ колоколъ.

— Эй... Третья артель!—крикнулъ штейгеръ.

Федька кинулся тоже на зовъ. Онъ значился въ третьей артели.

Онъ уже не въ первый разъ опускался въ рудникъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ онъ не могъ совладать со страхомъ, охватывавшимъ его всякій разъ, когда онъ останавливался надъ чернымъ отверстіемъ. Сюда выходила лѣстница. Онъ поползъ по ней внизъ. Она оканчивалась платформой, въ которой было отверстіе,—пришлось проскочить въ него, чтобы попасть на вторую лѣстницу.

На ступеняхъ масса вязкой глины. Съ боковъ течетъ. Какая-то струйка воды съ жалобнымъ стономъ пробивается въ скважины чернаго камня. Входъ въ шахту вверху чуть-чуть сѣрѣетъ. Точно въ могилу спускаешься, такъ и кажется завалятъ тебя сверху каменьями, и останешься ты тутъ на вѣки вѣчные. Внизу тьма, тяжелый воздухъ, пропитанный испареніями глубоко раненой здѣсь земли, запахомъ желѣза, влажнымъ паромъ ручьевъ, струящихся гдѣ-то далеко-далеко подъ этими глыбами. Огонекъ въ лампѣ начинаетъ тухнуть, точно ему стало страшно этого мрака, соперничать съ которымъ у него не хватило бы силъ. Тутъ ужъ нельзя было итти: Федькѣ ползти пришлось. Ползъ-ползъ, какъ червь въ орѣхѣ, и, наконецъ, выползъ. Бревенчатая кладка кончилась. Черный, адскій гротъ. Слышенъ торопливый стукъ кирокъ. Видны тусклые огоньки, точно окутанные душнымъ паромъ. Черные изломы камня, раковины желѣзной породы будто слезятся при этомъ свѣтѣ. Направо и налѣво—такіе же, словно проточенные червями, ходы, какимъ и Федька добрался сюда. Сквозь эти жилы слышится глухой говоръ такихъ же кирокъ. Порою подъ желѣзными ломами, трескаясь, раскалывается горная порода. Изъ другихъ штоленъ доносится тягучее, какъ колокольный

ударъ, громыханье, точно земля простонетъ и смолкнетъ. Рвутъ пороховыя мины. Вмѣстѣ со звукомъ разрыва что-то шуршитъ. Отдѣленная отъ родныхъ скалъ руда падаетъ и ударяется о стѣны подземныхъ проходовъ.

В. Немировичъ-Данченко.

65. Нефтяные источники.

Утромъ 30-го марта, въ 8 часовъ, съ духовымъ своимъ оркестромъ во главѣ, отправились мы къ желѣзнодорожному вокзалу въ Баку. Здѣсь скоро намъ подали экстренный поѣздъ, и мы покатили вдоль берега моря къ станціи „Сабунчи". Быстро пронеслись мы мимо „Чернаго городка", совсѣмъ потонувшаго въ дыму и копоти, и съ каждымъ мгновеніемъ подходили все ближе и ближе къ цѣли. Каждый изъ насъ съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ по сторонамъ, стремясь поскорѣе увидѣть эти замѣчательныя мѣста. Долго ждать не пришлось, и вотъ скоро нетерпѣливому взору представился цѣлый лѣсъ вышекъ, расположенныхъ по небольшому косогору. Совершенно голая, обнаженная песчаная мѣстность, полное отсутствіе какой бы то ни было растительности,—ни цвѣтка, ни деревца; но за то цѣлыя озера нефти съ ея тяжелымъ, но здоровымъ для груди запахомъ. Нефть и нефть повсюду—вотъ картина Балахано-Сабунчинскихъ промысловъ.

Наконецъ мы въ Сабунчахъ! Быстро выскочили всѣ изъ вагоновъ и построились въ двѣ шеренги. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы со станціи, мы подошли къ вышкѣ, гдѣ насъ любезно встрѣтилъ инженеръ, производившій здѣсь работы.

Выборъ мѣста для добыванія нефти опредѣляется обыкновенно естественными признаками: или выходящими на земную поверхность горючими газами, или появленіемъ нефтяныхъ пленокъ и пятенъ на поверхности водъ или, наконецъ, присутствіемъ твердой нефти въ видѣ асфальта, и т. п. Разъ эти признаки на-лицо и даютъ поводъ предполагать значительное количество нефти въ данномъ мѣстѣ, то приступаютъ къ извлеченію ея на свѣтъ Божій, на пользу и потребу человѣка. Для этого прежде всего строятъ деревянное грубо сколоченное зданіе въ видѣ башни, такъ называемую „буровую вышку" (вышка эта представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ высокой усѣченной четырехъугольной пирамиды). Когда вышка готова, начинается буреніе: посредствомъ особаго прибора пробиваютъ землю и камень до того слоя, подъ которымъ находится нефть. Тогда начинается добыча нефти изъ пробуренныхъ скважинъ, на мѣстномъ языкѣ „тартаніе" нефти. Вотъ въ чемъ состоитъ эта процедура. Когда достигли буромъ подземныхъ нефтехранилищъ, то нефть обыкновенно подымается вверхъ или въ видѣ фонтановъ, или наполняя только до извѣстной высоты буровую скважину. Теперь долота и буры уже не нужны, ихъ замѣняютъ длинныя металлическія ведерки съ клапаномъ на днѣ, открывающимся только вверхъ—„желонки". Желонка опускается на канатѣ въ скважину, зачерпываетъ тамъ нефть, затѣмъ вытягивается и опоражнивается въ близъ находящійся резервуаръ. Иногда при подобномъ тартаніи изъ скважины вдругъ начинаетъ бить порядочный фонтанъ. Фонтаны эти совсѣмъ не рѣдкость въ Баку. Обыкновенно появленіе фонтана предвѣщается извѣстными признаками. Такъ изъ буровой скважины начинаетъ выдѣляться въ сильной степени газъ, замѣчается нѣкоторый подземный гулъ, иногда даже слабое колебаніе почвы, и затѣмъ уже начинается фонтанированіе. Но иногда фонтанъ появляется совершенно неожиданно,

Намъ разсказывалъ нашъ руководитель по Балаханамъ, что ему пришлось разъ быть свидѣтелемъ поразительнаго появленія фонтана. Рабочіе той скважины, гдѣ открылся фонтанъ, не подозрѣвали возможности образованія его здѣсь и продолжали бурить, какъ вдругъ какая-то страшная, невѣроятная сила выбросила весь буровой снарядъ изъ скважины вверхъ, пробила имъ верхушку буровой башни и подкинула его вертикально на ужасающую высоту. Снарядъ, во много саженей длины, казался небольшимъ перышкомъ. Въ то же время нефть фонтаномъ хлынула изъ скважины, увлекая съ собою большое количество песку.

Мы осматривали работы шагъ за шагомъ въ строгой послѣдовательности и ознакомились съ добываніемъ сырой нефти. Однако время подходило къ обѣду и нашъ руководитель напомнилъ намъ о необходимости возвращенія на ферму, гдѣ мы условились собраться къ четыремъ часамъ.

Изъ „Нов. хрестом."

66. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь покоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время,
Бранное житье,
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнёшь рукой...
Сколько горькихъ слёзъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

М. Лермонтовъ.

67. Закавказье.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи...

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ — и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстукъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ, и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было, не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что, слава Богу, былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: „Это Араратъ“. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана и голубицу, излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. „Вотъ и Арпачай!“ сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырвался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ: я все еще находился въ Россіи.

А. Пушкинъ.

---

68. Очерки Швецiи.

1. Швецiя, если судить по тому, что намъ удалось видѣть во время нашего путешествiя, есть гранитное царство. Вездѣ слой земли, болѣе или менѣе тонкiй, покрываетъ гладкую площадь гранитную, и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые всѣ вообще имѣютъ круглую форму, подобно камнямъ, скопляющимся на днѣ быстрой рѣки, которая силой воды мчитъ ихъ и мало-по-малу округляетъ. Иногда, посреди широкаго зеленаго поля, лежитъ огромная скала, совершенно голая, слегка подернутая мохомъ, какъ желѣзо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо не составляетъ продолженiя той поверхности, на коей лежитъ, а только едва къ ней прикасается. Иногда множество гранитныхъ обломковъ лежитъ кучею, подобно зернамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда. Иногда эти крупные и мелкiе обломки разсыпаны по плоскому мѣсту и составляютъ лабиринтъ скалъ, подобный Алупкинскому саду въ Крыму, съ тою только разницею, что здѣсь камни голы, зеленый плющъ ихъ не одѣваетъ, и между ними не пробиваются лавры. Промежутки между этими камнями покрыты пашнями, которыя во время нашего путешествiя (отъ долговременной засухи) не представляли большой надежды на богатую жатву.

Хижины поселянъ разсѣяны по полямъ и не составляютъ, какъ у насъ, отдѣльныхъ селенiй. Въ нихъ вообще видна опрятность. Но архитектура ихъ не живописна и не имѣетъ никакого особеннаго характера; крутыя кровли (соломенныя или тесовыя); стѣны изъ обтесанныхъ бревенъ; довольно большiя окна, отъ которыхъ внутри хижинъ должно быть всегда свѣтло и слѣдственно весело,—и вообще всѣ стѣны, снаружи выкрашенныя темнокирпичною краскою (сберегающею ихъ отъ дѣйствiя внѣшней темперарyры), отчего хижины мало отдѣляются отъ окружающаго ихъ ландшафта и тогда только бываютъ очень замѣтны, когда на нихъ ярко свѣтитъ солнце. Жители этихъ хижинъ вообще красивой наружности. Они привѣтливы. Въ ихъ обращенiи чувствительно какое-то непринужденное доброжелательство и простодушiе (сколько можно судить объ этомъ тому, кто, не зная ихъ языка, не могъ съ ними завести разговора). Особенно между женщинами множество прекрасныхъ, бѣлокурыхъ, съ голубыми, часто весьма выразительными глазами.

Между скалами, по полямъ и лѣсамъ, проложены прекрасныя дороги. Ихъ содержать въ исправности нетрудно. Матерiалъ для этого почти вездѣ подъ рукою. Но онѣ вездѣ очень узки и отъ неровности мѣста, отъ множества камней, повсюду разбросанныхъ, вьются, какъ змѣи. По этимъ излучистымъ, узкимъ дорогамъ, на коихъ нигдѣ нѣтъ перилъ, маленькiя шведскiя лошади несутся съ тобою во весь опоръ, и подъ гору быстрѣе, нежели по ровному мѣсту.

Особенную красоту шведской природы составляютъ великолѣпныя озера, тамъ повсюду разсыпанныя. Зрѣлище, представляющееся на этихъ озерахъ, весьма сходно съ тѣмъ, которое представляетъ вся окружающая ихъ сторона. Вмѣсто зеленыхъ полей вообразите только равнину водъ, и вы увидите надъ водами тѣ же группы камней и скалъ, которыя являются между полями, составляя ва сушѣ каменныя, покрытыя елями и соснами возвышенiя, отдѣльные голые или лѣсистые холмы—или просто отвалившiяся, Богъ знаетъ откуда, скалы, а посреди озера

большіе и малые острова, то отлогія, то крутыя, то лѣсистыя, то голыя и торчащія изъ водъ скалы, или отдѣльныя, или набросанныя странными грудами. Эти озера прелестны; но ихъ нельзя сравнить ни съ озерами Швейцаріи и Тироля, ни съ озерами Италіи.

2. Озеро Меларнъ самое живописное изъ большихъ озеръ Швеціи. Особенную прелесть даютъ ему излучины его гранитныхъ береговъ, покрытыхъ елями, соснами и березами, не крутыхъ и даже не разнообразныхъ, но придающихъ озеру какую-то оригинальную живописность тѣмъ, что они то стѣсняются — и озеро представляетъ тогда широкую рѣку между лѣсистыми берегами, то расходятся — и тогда передъ глазами прекрасная равнина водъ, усыпанная большими и малыми островами, которые своими живописными группами составляютъ отличительный характеръ Меларна передъ другими большими озерами Швеціи. При свѣтѣ солнца, особливо въ тихую погоду, эти острова составляютъ зрѣлище очаровательное. Повсюду по берегамъ, входящимъ въ озеро длинными мысами или принимающимъ его въ себя глубокими заливами, мелькаютъ замки, церкви, крестьянскіе домы.

На берегу Меларна, во глубинѣ одного изъ заливовъ, весьма живописно лежитъ старинный замокъ Грипсгольмъ, замѣчательный и своею архитектурою, и своими историческими воспоминаніями. Мы пріѣхали въ него почти въ семь часовъ вечера. На пути туда преслѣдовала насъ ужасная гроза съ проливнымъ дождемъ. Но она утихла скоро; и небо было ясно, когда мы вступали въ древнія стѣны Грипсгольма. Наконецъ я глазами увидѣлъ одинъ изъ тѣхъ шведскихъ замковъ, о которыхъ такъ много было разсказано моему воображенію *во время оно*. Шведскіе замки, возвышающіеся на берегу озеръ, посреди лѣсистыхъ скалъ, имѣютъ особенную репутацію: въ каждомъ гнѣздится привидѣніе. Грипсгольмъ по своей наружности болѣе другихъ достоинъ былъ такой славы. Стѣны его составляютъ неправильный многоугольникъ. По угламъ возвышаются башни. Внутри стѣнъ два тѣсныхъ двора также неправильной фигуры. Внѣшній дворъ замѣчателенъ для насъ особенно тѣмъ, что посреди его стоятъ двѣ пушки, отнятыя шведами у русскихъ въ 1581 году и вылитыя русскимъ мастеромъ Андреемъ Чоховымъ, одна въ 7085, а другая въ 7087 году отъ сотворенія міра. Подъ сводомъ воротъ, ведущихъ на этотъ дворъ, есть тѣсная дверь, черезъ которую спускаешься въ мрачное подземелье. Тамъ въ стѣнѣ есть узкая, низкая, совершенно темная келья съ тяжелою дверью. Въ этой кельѣ умеръ отъ голода брошенный въ нее епископъ. Какъ его звали, теперь не вспомню.

Мы всѣ собрались въ старинной залѣ, въ которой, во время Густава Вазы, построившаго замокъ (т. е. въ половинѣ XVI вѣка), собирались сановники Швеціи, гдѣ король пировалъ съ многочисленными гостями, и гдѣ вокругъ стола его, великолѣпно убраннаго, тѣснилась, по тогдашнему обычаю, толпа зрителей. Эта палата имѣла для моего воображенія особенную прелесть тѣмъ, что въ ней все сохранилось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при Великомъ Густавѣ: огромныя окна съ широкими простѣнками; деревянныя панели, весьма высокія, окружающія всю залу; стѣны, обвѣшанныя портретами королей шведскихъ во весь ростъ; мѣсто для оркестра и для буфета; штучный деревянный рѣзной потолокъ. Посреди этихъ древностей, мы, молодые и старые, пировали весело, и, можетъ

быть, изъ насъ кто-нибудь сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три вѣка передъ симъ старикъ Ваза пилъ изъ своего кубка, сидя между своими двумя сыновьями. Вотъ мы отужинали. Мы разстались, и я пришелъ въ свою комнату.

В. Жуковскій.

69. Рейнскій водопадъ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась, и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ.

Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ — ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: Она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою.

Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ серединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ; а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ, кругомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева. Все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся, но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. Лодочникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его; но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

Н. Карамзинъ.

70. На Альпійскихъ горахъ.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею, пошелъ, съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ и скинулъ съ себя теплый сюртукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои—и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится съ симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо и принесъ жертву сердечнаго моленія Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!..

Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды, забываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую. Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ, потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ.

Н. Карамзинъ.

71. Парижъ.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его. Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!.. Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. „Вотъ онъ“, думалъ я: „вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ; котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными

и неучеными, философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ; котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!.. Вотъ онъ!.. я его вижу и буду въ немъ!“ Ахъ, друзья мои, сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ... Мы выѣхали на берегъ Сены... Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ привели меня въ нѣкоторое изумленіе. Мнѣ казалось, что я, какъ маленькая песчинка, попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ.

Замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга, ловятъ, хватаютъ мысли, угадываютъ, что вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая странная противоположность, напримѣръ, съ важными швейцарцами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А парижскій житель хочетъ всегда отгадывать: вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностью!..

Н. Карамзинъ.

72. Соляныя копи Велички.

Величка знаменита своими соляными копями, богатѣйшими во всей Австро-Венгріи. Копи, пролегая подъ городомъ, образуютъ какъ бы второй подземный городъ, гораздо большій, чѣмъ сама Величка. Весь пластъ каменной соли, глубиною до 400 метровъ, простирается съ востока на западъ на 3200 метровъ и съ юга на сѣверъ на 400 метровъ. 11 шахтъ, изъ которыхъ двѣ находятся въ городѣ, открываются на поверхности земли. Чрезъ одну изъ городскихъ шахтъ, глубиною всего въ 66 мет., туристъ вступаетъ въ копи, разрабатываемыя въ 4 яруса. Цѣлый лабиринтъ галлерей, связанныхъ мостиками, расходится по всѣмъ направленіямъ. Потолки галлерей, проложенныхъ въ недавнее время, поддерживаются столбами соли; въ старыхъ же они обиты досками. Отсутствіе сырости,— несмотря на 16 подземныхъ прудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые очень велики,— одинъ изъ отличительныхъ признаковъ копей. Разработанныя камеры частью засыпаются, частью оставляются подъ склады. въ числѣ которыхъ 70 довольно значительной величины. Осмотръ этихъ громадныхъ углубленій представляетъ цѣль для всѣхъ посѣтителей копей. Особенно интересна часовня. Въ глубинѣ громадной пещеры, высѣченной въ глыбѣ каменной соли, поставленъ алтарь, на ступеняхъ котораго помѣщены фигуры двухъ монаховъ, преклонившихся передъ Христомъ и Божіей Матерью. Всѣ фигуры и алтарь очень чисто высѣчены изъ каменной соли. Не менѣе интересно такъ называемое „большое зало“, такой величины, что здѣсь могла бы легко помѣститься сельская церковь. Зало слу-

житъ музеемъ находокъ въ копяхъ и образцовъ производства. Здѣсь помѣщены окаменѣлости, пласты каменной соли въ постепенной обработкѣ ихъ, болѣе интересные кристаллы, орудія обработки и т. п. Въ залѣ съ потолка спускаются люстры изъ соли; подсвѣчники того же матеріала разставлены среди него, а въ задней стѣнѣ высѣчены хоры для музыкантовъ. При полномъ освѣщеніи все пріобрѣтаетъ какой-то сказочный видъ.

Не лишены интереса и шахты, еще разработываемыя. Здѣсь слышенъ звукъ пороховыхъ взрывовъ, производимыхъ для отдѣленія кусковъ соли отъ стѣнъ, стучитъ молотъ и ломъ, тачки отвозятъ куски соли и т. д. Работаютъ, конечно, при искусственномъ освѣщеніи, придающемъ всей картинѣ фантастическій оттѣнокъ. Еще надолго хватитъ здѣсь работы, и этотъ подземный городъ разрастется до громадной величины. Есть въ немъ и постоянные жители—это лошади, приводящія въ движеніе машины. Разрастутся копи—придется строить дома для рабочихъ, и тогда это будетъ первый въ мірѣ подземный городъ въ полномъ значеніи слова.

А. Воронецкій.

73. Въ Италіи.

1. Въ Италіи много большихъ старинныхъ городовъ; встрѣчается много остатковъ прежнихъ памятниковъ и произведеній искусствъ; въ музеяхъ собраны драгоцѣнныя коллекціи картинъ и статуй, которыя привлекаютъ со всѣхъ концовъ міра художниковъ, писателей, ученыхъ, музыкантовъ, любителей и знатоковъ древности. Особенно много замѣчательныхъ, величественныхъ памятниковъ старины собрано въ столицѣ Италіи—Римѣ. Римъ расположенъ на холмахъ на берегу Тибра. Съ его высотъ раскидывается чудная панорама. Выше всего поднимается куполъ величайшей въ мірѣ церкви св. Петра. Болѣе трехъ столѣтій строился этотъ храмъ; геніи разныхъ временъ трудились надъ его украшеніемъ. Исполинскіе размѣры храма, роскошь и красота его отдѣлки поражаютъ каждаго. Огромная крыша его населена жителями—сторожами, которые и охраняютъ его. На вершину храма можно даже въѣхать по отлогой террасѣ. Отсюда разстилается чудный видъ на Римъ и его окрестности.

Храмъ св. Петра примыкаетъ къ Ватиканскому дворцу, который походитъ на цѣлый городъ; онъ имѣетъ до 20-ти дворовъ и больше 11-ти тысячъ комнатъ, въ которыхъ хранится много старинныхъ сокровищъ и рѣдкостей. Въ Ватиканскомъ дворцѣ съ давнихъ поръ живетъ папа—глава католической церкви. Итальянцы—всѣ католики.

Въ Римѣ сохранилось также много памятниковъ отъ прежняго языческаго времени: таковъ, напримѣръ, Пантеонъ, построенный двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и посвященный всѣмъ богамъ языческаго міра. Сохраняется до сихъ поръ и колизей—римскій циркъ, въ которомъ въ прежнія времена устраивались всевозможныя игры, зрѣлища, травли дикихъ звѣрей, бой гладіоторовъ. Страсть къ зрѣлищамъ, къ театрамъ, ко всевозможнымъ процессіямъ и играмъ и теперь еще сильна въ римскомъ народѣ: нерѣдко послѣдніе гроши тратятся на зрѣлища и увеселенія. Между праздниками самый веселый, самый любимый итальянцами—карнавалъ или масляница. Всѣ надѣваютъ тогда маски, толпятся на улицахъ, осыпаютъ другъ друга цвѣтами, всевозможными сластями, бѣлой чечевицей въ мукѣ. Балконы ярко

разукрашены и переполнены зрителями; грохотъ экипажей, смѣхъ, шутки, остроты сыплются отовсюду. Вся улица, какъ снѣгомъ, покрывается мукой. Самыя забавныя, самыя необычайныя процессіи масокъ вызываютъ всеобщій восторгъ, осыпаются цвѣтами. Трудно представить себѣ болѣе шумное веселье.

2. Одинъ изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ городовъ Италіи—Венеція, вся расположенная на островкахъ, съ каналами вмѣсто улицъ; кругомъ море, ни растеній, ни деревьевъ. По зеленоватымъ водамъ каналовъ безшумно скользятъ черныя гондолы. Огромныя зданія, мраморные дворцы какъ бы всплыли изъ моря; часто стѣна дома погружается сразу въ воду, нѣтъ даже самой узкой полоски земли, и съ крыльца надо садиться прямо въ гондолу. Необыкновенно тихо въ этомъ большомъ городѣ, не слышно стука колесъ и грохота экипажей по каменной мостовой. Можно обойти весь городъ съ помощью улицъ и мостовъ, но до того узкихъ, что двигаться по нимъ можно только пѣшкомъ. Чудное зрѣлище представляетъ собой Венеція при яркомъ лунномъ свѣтѣ. Небо серебрится и сверкаетъ, усыпанное звѣздами, серебрится и зеленоватая вода въ каналахъ; бѣлые мраморные дворцы съ изящными рѣзными украшеніями вырисовываются на темномъ небѣ. Вотъ отдѣлилась длинная тѣнь, и красная точка побѣжала по каналу, это—гондола съ фонаремъ. Раздается серенада, и далеко разносятся мелодичные звуки въ ночномъ воздухѣ.

Одна изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей въ Италіи—неаполитанскій заливъ съ городомъ Неаполемъ. „Видѣть Неаполь—и умереть“, говорятъ путешественники. Весь городъ, расположенный полукругомъ на берегу залива, утопаетъ въ лимонныхъ и померанцевыхъ рощахъ; повсюду свѣшиваются гирлянды розъ; ароматъ жасминовъ, олеандровъ и другихъ цвѣтущихъ растеній наполняетъ воздухъ. Неаполитанскій заливъ—одинъ изъ самыхъ красивыхъ во всемъ мірѣ. Надъ живописными берегами величественно возвышается дымящійся Везувій со своими двумя верхушками. Небольшой городокъ населенъ преимущественно рыбаками. Жизнь здѣсь бьетъ ключомъ, движеніе и шумъ, говоръ и крики не замолкаютъ даже ночью. Толпы полунагихъ смуглыхъ дѣтей снуютъ по улицамъ, плещутся и ныряютъ въ синихъ волнахъ залива, наполняя воздухъ своимъ крикомъ и гамомъ; всѣ здѣсь живутъ больше на улицѣ, чѣмъ дома. Окрестности Неаполя великолѣпны, и много путешественниковъ ежегодно стекается отовсюду, чтобы полюбоваться ими; многіе неаполитанцы исключительно живутъ тѣмъ, что сопровождаютъ иностранцевъ, показывая имъ все замѣчательное.

Изъ „Книги взросл.“

74. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..
Заботой тайною хранима,
Передъ иконой святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Л. Лермонтовъ.

75. Львиныя ночи.

(Разсказъ русскаго путешественника).

1. Валлахи (клянусь Богомъ)—ты не знаешь, господинъ, что такое львиныя ночи!

Такъ сказалъ мнѣ мой проводникъ-арабъ, когда мы ѣхали съ нимъ по густому лѣсу въ горахъ Атласа.

— Одному Богу все вѣдомо, отвѣчалъ я ему.

— Такъ слушай же! Премудрый Аллахъ, создавшій человѣка и льва, далъ одному поля и луга, а другому—горы и лѣсъ, чтобы они жили мирно. Но человѣку стало тѣсно, и онъ пошелъ во владѣнія льва. Тогда началась у нихъ борьба не на жизнь, а на смерть. Человѣкъ тѣснитъ могучаго звѣря въ его логовищѣ, въ горахъ, и левъ бѣжитъ отъ него дальше въ пустыню, чтобы тамъ выкормить своихъ дѣтенышей. Но Аллахъ керимъ (Богъ милосердъ), онъ даетъ иногда и льву побѣду надъ человѣкомъ и отступается на время отъ людей. Въ это время бываютъ „львиныя ночи". Раббена шаликъ эфенди (Господь да сохранитъ насъ, господинъ)!

Долго ѣхали мы въ густой чащѣ лѣса, по узкой тропинкѣ. Наконецъ передъ нами открылась поляна, а посреди нея небольшая деревушка арабовъ. Это былъ кружокъ изъ жалкихъ хижинъ, сдѣланныхъ изъ тростника и соломы и обмазанныхъ глиною.

Собаки бѣшено бросились на насъ съ громкимъ лаемъ. Вслѣдъ за ними показались и хозяева ихъ, въ однѣхъ голубыхъ, длинныхъ рубахахъ, подпоясанныхъ поясомъ изъ верблюжьей шерсти. Эти бѣдняки, все имущество которыхъ состояло изъ небольшого стада овецъ, козъ и коровъ, были напуганы посѣщеніями льва, повадившагося являться къ нимъ каждую ночь. Вотъ почему они обрадовались намъ, какъ своимъ избавителямъ и защитникамъ.

Не успѣли еще мы отдохнуть, какъ старшина деревни повелъ насъ въ дзерибу, гдѣ по ночамъ разбойничалъ левъ. Дзерибой въ Африкѣ называютъ мѣсто, огороженное живою, колючею изгородью, чаще всего кактусами, для загона на ночь скота. Дзерива этой деревни представляла собою кругъ саженъ въ 10—15 шириною, огороженный высокою оградою изъ широколистыхъ, колючихъ кактусовъ, образовавшихъ высокую стѣну, въ щели которой едва ли могъ бы пролѣзть даже заяцъ. Могучій левъ предпочиталъ поэтому перепрыгивать черезъ ограду, чтобы сразу очутиться посрединѣ перепуганнаго стада.

Солнце было близко къ закату и золотило зубцы поднимавшихся къ небу горъ. Легкая прохлада тянула изъ горнаго ущелья, захватывая по дорогѣ въ лѣсу благоуханіе мирта и олеандра. Птичій хоръ, словно провожая солнце, переливался на всѣ лады, то серебристыми колокольчиками, то звучной флейтой. Попрятались юркія ящерицы, живѣе заползали змѣи, а изъ-подъ соломенныхъ крышъ вырвались и быстро понеслись по воздуху африканскія летучія мыши.

— Идемъ, эффенди! проговорилъ старый Исафетъ,—обращаясь ко мнѣ. У ногъ его вертѣлась небольшая собака, а въ рукахъ было старинное ружье, заряженное „заколдованною“ пулей.

— Впередъ, во имя Божіе, мои друзья!—проговорилъ я, какъ можно громче, и пошелъ къ засадѣ, гдѣ мы должны были караулить льва.

Громъ добрыхъ пожеланій и благословеній раздался мнѣ вслѣдъ, и, увлеченный моимъ примѣромъ и ободренный именемъ Божіимъ, Исафетъ быстро послѣдовалъ за мною.

Все успокоилось. Толпа разошлась по своимъ хижинамъ, а мы усѣлись въ свой тѣсный шалашъ, приготовили ружья и стали ждать.

2. Ночь уже наступила. На темной лазури неба уже заблистали прекрасныя созвѣздія. Чудною, какою-то непостижимой жизнью, казалось, жило небо, и частыя падучія звѣзды придавали ему особенное очарованіе. Бороздя его свѣтящимися дугами, онѣ казались свѣтлыми духами, летающими по небу.

— Падающія звѣзды—это духи, убѣгающіе отъ меча Аллаха!—тихо проговорилъ Исафетъ, который тоже молча и задумчиво глядѣлъ на небо.

Внезапно двѣ звѣздочки почти рядомъ покатились по небу, оставляя длинный горящій слѣдъ на темной лазури. Встрепенулся Исафетъ и, приподнявшись, протянулъ руки къ небу.

— Аллахъ посылаетъ намъ удачу, прошепталъ онъ. Теперь приходи, проклятый,—прибавилъ онъ, указывая пальцемъ въ темную даль,—тебя ждетъ пуля человѣка... береги свое сердце!

Словно какое-нибудь предсказаніе, дико звучали эти слова, обращенныя, разумѣется, къ тому, кого мы ждали во маркѣ ночи, направивъ свои ружья на мирную дзерибу. Я поглядѣлъ вокругъ, какъ бы ожидая врага, но тихо было все вокругъ. Засыпала деревушка, засыпало и стадо, запертое въ дзерибѣ. Изъ-за зубчатой линіи горъ выглянулъ серебристый серпъ луны, робко поднялся на небѣ и тихо поплылъ по своему лазурному пути. Надъ сонной деревней летали съ слабымъ пискомъ летучія мыши, ловя широкими ртами ночныхъ бабочекъ, проносившихся надъ верхушками кактусовъ. Гдѣ-то вдали разъ-другой жалобно хныкнулъ шакалъ, ему отвѣчала гіена, и снова все смолкло.

Погрузившись въ свои думы, сидѣли мы, вперивъ глаза въ ограду дзерибы, слегка посеребренную луной. Прошелъ часъ, другой, третій. Желанный гость все медлилъ являться на пиръ, къ которому мы столько готовились. Но вотъ, кажется, и онъ... и отъ сердца какъ будто что-то оторвалось.

Лежавшая у нашихъ ногъ собака вдругъ вскочила, повела короткими ушами, потянула мокрымъ носомъ и попыталась заворчать, но звукъ, казалось, застрялъ у нея въ горлѣ, и она, поджавъ хвостъ, забилась къ нашимъ ногамъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ, и вдругъ раздался словно оглушительный раскатъ грома. То было рыканіе льва, „возмутителя ночи“, какъ зовутъ его арабы. Что-то совсѣмъ не звѣриное, могучее, дикое, потрясающее было въ этомъ звукѣ, не подходившемъ ни подъ какія описанія. Онъ казался ужаснѣе грома, потому что исходилъ изъ груди живого существа.

— Эль эседъ (левъ)! прошепталъ Исафетъ,—крѣпко сжимая мою руку. Кто знаетъ, можетъ быть, сегодня львиная ночь, можетъ быть, сегодня левъ ищетъ человѣка, и Аллахъ далъ ему волю пить людскую кровь!

Далеко вокругъ разносило эхо львиный рыкъ. Отдаваясь, перекатываясь и замирая въ горныхъ ущельяхъ, онъ получалъ еще болѣе ужасающій, громовой характеръ, передъ которымъ казались ничтожными всѣ другіе звуки. Только ревъ бури можетъ сравниться съ гремящимъ въ горахъ львинымъ рыкомъ. Другого сравненія я не знаю.

3. „Все живое трепещетъ, когда идетъ левъ“, говорятъ арабы, и дѣйствительно, смертельный страхъ напалъ на всѣхъ животныхъ, столпившихся въ дзерибѣ. Нѣсколько минутъ казалось, что они замерли, прижавшись другъ къ другу, но потомъ вдругъ бѣшено заметались во всѣ стороны, словно ища выхода. Я никогда еще не видалъ животныхъ въ такомъ ужасномъ состояніи. Убѣдившись въ невозможности уйти изъ ограды, они съ жалобными криками снова столпились въ безпорядочную кучу на дальнемъ концѣ дзерибы. Молодой быкъ хотѣлъ также отойти отъ кактусовой ограды въ кругъ столпившихся животныхъ, но силы измѣнили ему отъ ужаса, ноги подкосились, и онъ припалъ къ землѣ.

И мы сами съ глубокимъ страхомъ ждали появленія нашего противника. Но онъ медлилъ итти на бой. Грозный ревъ его сталъ слабѣть, прерываться. Въ горлѣ могучаго звѣря какъ будто начались спазмы. Ревъ перешелъ въ стонъ, хрипѣніе, кашель, злобное ворчаніе и наконецъ замолкъ совершенно.

— Эль-эседъ (левъ) идетъ, прошепталъ арабъ,—онъ уже близко!

Что было со мною въ эту минуту, я не припомню теперь; я знаю только, что я готовъ былъ на все. Судорожно и крѣпко сжали руки надежный штуцеръ; осторожно, но быстро я поставилъ его на взводъ и, затаивъ дыханіе, ждалъ.

Направо отъ насъ, за кактусовой оградой дзерибы, послышались тихіе, но тяжелые шаги, какъ будто кто-то, ступая бережно, подкрадывался къ нашему шалашу. Хрустнула вѣтка подъ невидимой ногою; что-то похожее на тяжелое сопѣніе послышалось оттуда. Ружье Исафета повернулось по направленію звука, слегка повернулось туда же и мое. Луна блеснула на нихъ, и мы поспѣшно втянули ихъ къ себѣ въ шалашъ.

Тяжелые шаги послышались еще ближе къ намъ, но уже не справа, а прямо впереди насъ. Ружья наши слѣдовали машинально по направленію звука. Прошли еще двѣ-три страшныя, потрясающія минуты. Левъ ходилъ вокругъ насъ, отыскивая мѣсто, гдѣ бы ему удобнѣе перемахнуть черезъ кактусовую ограду прямо въ дзерибу, среди которой столпилась въ смертномъ страхѣ его живая добыча. Я сильно напрягалъ зрѣніе, чтобы не просмотрѣть могучаго прыжка, но все было напрасно. Левъ не показывался, хотя временами, казалось, колыхались слегка кактусы, образующіе живую изгородь загона. Въ мертвомъ молчаніи сидѣли мы, наводя свои ружья по направленію тихаго шума, слыша біеніе сердца своего сосѣда, не только что жужжаніе комара.

Звуки львиныхъ шаговъ замолкли... еще мгновеніе... и огромная масса съ легкимъ шумомъ, словно гигантскій мячъ, перескочивъ черезъ ограду, ринулась съ вершинъ кактусовъ въ середину дзерибы и грузно упала на что-то мягкое, живое. Страшная роковая минута наступила. Дикій, пронзительный крикъ раздался вслѣдъ затѣмъ, толпившееся среди загона стадо шарахнулось въ сторону, и нашимъ глазамъ, саженяхъ въ десяти отъ насъ, представился огромный левъ, сидѣвшій на поваленномъ его сильнымъ прыжкомъ молодомъ быкѣ.

Сердце во мнѣ судорожно сжалось не столько отъ страха, сколько отъ внезапности появленія могучаго звѣря на аренѣ боя. Мнѣ все еще казалось дотолѣ невозможнымъ, чтобы такое грузное животное, какъ левъ, перелетѣло, словно клубокъ, черезъ полуторасаженную колючую ограду съ такой легкостью и не производя ни малѣйшаго шума.

Луна какъ-то ярче освѣтила ужасное, потрясающее зрѣлище, которое мы видѣли въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Словно на окровавленномъ тронѣ сидѣло могучее животное на опрокинутой добычѣ, терзая ея шею, грудь и бока страшными когтями, глубоко впившимися въ живое мясо. Огромная голова, казавшаяся еще громаднѣе отъ длинной, темной гривы и озаренная двумя фосфорически блестѣвшими точками, метавшими по временамъ искры; могучія, словно рычаги работавшія лапы, и все, дышавшее силой, гибкое, упругое тѣло съ длиннымъ, крѣпкимъ хвостомъ, ударявшимъ о крутые бока—вотъ что представлялъ въ эти минуты левъ. Занятый работой челюстей, онъ только ворчалъ, не то отъ гнѣва, не то отъ наслажденія, и его окровавленная пасть, дико блестѣвшіе на лунѣ глаза и колыхавшаяся грива дѣлали его ужаснымъ не царемъ, а тираномъ звѣрей.

4. Внезапно вспыхнули огоньки на кончикахъ нашихъ ружей, вздрогнула вся стѣнка шалаша отъ грома двухъ выстрѣловъ, густой пороховой дымъ закрылъ отъ насъ на время и льва, и дзерибу, и метавшееся въ ужасѣ стадо. Пять-шесть секундъ прошло всего въ это время, но цѣлая буря ощущеній успѣла промелькнуть въ моей головѣ. Мнѣ казалось, что мы промахнулись, что левъ сейчасъ бросится на насъ, казалось, что я слышу уже его горячее дыханіе, чувствую его когти на плечахъ моихъ.

Сквозь густую пелену порохового дыма сперва не было ничего видно, и слышались только страшные звуки, похожіе не то на ворчанье, не то на глухое хрипѣніе. Потомъ изъ разсѣявшейся мглы показалась фигура льва, уже не лежавшаго на своей добычѣ, но гордо выпрямившагося во весь свой ростъ и грозно глядѣвшаго прямо на насъ, словно вызывая насъ ближе на бой, лицомъ къ лицу, а не изъ тайной засады. Насколько позволялъ слабый свѣтъ луны, видно было, что широкій, покатый лобъ и грудь страшнаго звѣря были облиты кровью, и онъ не могъ двинуться съ мѣста.

— Левъ не уйдетъ, эффенди, произнесъ громко Исафетъ,—смерть его удѣлъ! Стрѣляй еще!

Мой быстро заряжающійся штуцеръ и запасное ружье Исафета дали еще залпъ въ широкій лобъ льва, гордо и презрительно смотрѣвшаго въ лицо смерти. Сколько жизни и энергіи еще виднѣлось въ этихъ горѣвшихъ отъ ярости и боли глазахъ, сколько силы еще таилось въ этихъ какъ бы изъ стали вылитыхъ членахъ, еще вонзавшихъ свои длинные когти въ мясо повергнутой во прахъ послѣдней жертвы!

Когда разсѣялся пороховой дымъ, гордый левъ лежалъ возлѣ трупа быка, и кровь его смѣшивалась съ кровью роковой добычи. Все было кончено. Могучій левъ не существовалъ больше. Маленькая собачка наша, словно понимая случившееся, выбѣжала изъ-подъ ногъ и съ громкимъ, побѣднымъ лаемъ бросилась къ убитому льву. Осторожно подлетѣла она, боясь даже бездыханнаго трупа того, кто потрясалъ четверть часа тому назадъ своимъ рыкомъ и землю, и лѣсъ, и горы, окрестъ лежащія. Долго лаяла она на неподвижнаго звѣря и, наконецъ, вѣроятно, убѣдившись въ его смерти, стала робко обнюхивать его. Тогда уже стало несомнѣнно даже для труса, что левъ убитъ.

Я подошелъ къ окровавленному, распростертому труну царя звѣрей.

Арабы высыпали изъ своихъ жилищъ. Видя бездыханнымъ своего ужаснаго врага и разорителя, они дико выражали восторгъ свой. Несмотря на глухую полночь, даже женщины и дѣти столпились вокругъ трупа льва.

Съ полчаса продолжалось бѣшеное ликованье. Съ полчаса простояли и мы, почти не шевелясь. Исафетъ первый нарушилъ это ликованье, приказавъ убрать трупъ изъ дзерибы. Съ дикимъ шумомъ и гикомъ подняли на шестахъ льва, и человѣкъ двадцать потащили его.

Забравшись въ свою хижину и покрывшись длинною арабскою гандурой, я притаился, чтобы заснуть, но сонъ бѣжалъ отъ меня. Почти рядомъ лежавшій трупъ льва долго мерещился мнѣ. Нѣсколько разъ я вскакивалъ съ своего жесткаго ложа и прислушивался къ тихимъ звукамъ ночи, словно ожидая новаго львинаго рыка, но „возмутитель ночи“ лежалъ бездыханнымъ возлѣ дзерибы.

А. Елисѣевъ.

76. Смерчъ.

Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ верхней каютѣ на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь—свѣтло. Спрашиваю, который часъ. Шестой, говорятъ. „Зарядить пушку ядромъ!“ кричитъ вахтенный. „Что это? кого тамъ?“ подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что виденъ пароходъ, не пароходъ, а Богъ знаетъ что. Я бросился наверхъ, вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится на насъ въ самомъ дѣлѣ „Богъ знаетъ что“: черный крутящійся столпъ съ дымомъ, похожій, пожалуй, и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса, будто рукавъ; все ближе, ближе. „Готова ли пушка?“ закричалъ вахтенный. „Готова!“ отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться и вскорѣ, саженяхъ въ ста-пятидесяти отъ насъ, пропала безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи или водяные столпы разбиваютъ ядрами съ кораблей, иначе они, налетѣвъ на судно, могутъ сломать мачту или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ.

И. Гончаровъ.

77. Подъ экваторомъ.

Дни текли однообразно. Въ этомъ спокойствіи, уединеніи отъ цѣлаго міра, въ теплѣ и сіяніи, фрегатъ нашъ принимаетъ видъ какой-то отдаленной степной русской деревни. Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ

въ силахъ души, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣжей головой и аппетитомъ, выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды прямо изъ океана—и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь за работу. Солнце уже высоко; жаръ палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ ни рожь посмотрѣть, ни на гумно. Вы сидите подъ защитой маркизы на балконѣ, все прячется подъ кровъ, даже птицы, только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями. И мы прячемся подъ растянутымъ тентомъ, отворивъ настежь окна и двери каютъ. Вѣтерокъ чуть-чуть вѣетъ, ласково освѣжая лицо и открытую грудь. Матросы ужъ отобѣдали (они обѣдаютъ рано, до полудня, какъ и въ деревнѣ послѣ утреннихъ работъ) и группами сидятъ или лежатъ между пушекъ. Иные шьютъ бѣлье, платье, сапоги, тихо мурлыча пѣсенку; съ бака слышатся удары молотка по наковальнѣ. Пѣтухи поютъ, и далеко разносится ихъ голосъ среди ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какіе-то фантастическіе звуки, какъ будто отдаленный, едва уловимый ухомъ звонъ колоколовъ...

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослѣпнешь на минуту отъ нестерпимаго блеска неба, моря; отъ мѣди на кораблѣ, отъ желѣза отскакиваютъ снопы лучей; палуба, и та нестерпимо блещетъ и уязвляетъ глазъ своей бѣлизной.

Послѣ обѣда, часу въ третьемъ, вызывались музыканты на ютъ, и мотивы Верди и Беллини разносились по океану. Но послѣ обѣда лѣниво слушали музыку, и музыканты вызывались больше для упражненія, чтобъ протверживать свой репертуаръ.

Природа, между тѣмъ, доживала знойный день: солнце клонилось къ горизонту. Смотришь далеко, и все ничего не видно вдали. Мы прилежно смотрѣли на просторную гладь океана и молчали, потому что нечего было сообщить другъ другу. Выскочитъ развѣ стая летучихъ рыбъ и, какъ воробьи, пролетитъ надъ водой: мгновенно всѣ руки протянутся, глаза загорятся. „Смотрите, смотрите!“ закричатъ всѣ, но всѣ и безъ того смотрятъ, какъ стадо бонитовъ гонится за несчастными летуньями, играя фіолетовой спиной на поверхности. Исчезнетъ это явленіе, и все исчезнетъ, и опять хоть шаромъ покати. Сонъ и спокойствіе объемлютъ небо и море. „Что-то плыветъ!“ вдругъ однажды сказалъ одинъ изъ насъ, указывая въ даль, и всѣ стали смотрѣть, по указанному направленію. Нѣкоторые сбѣгали за зрительными трубами. „Да, подтвердилъ другой: я вижу черную точку“. Молчаніе. Точка увеличивалась. „Ящикъ какой-то“, говорятъ потомъ. „Ящикъ... Боже мой! что въ немъ?“ Дыханіе замираетъ отъ ожиданія. Воображеніе рисуетъ, Богъ знаетъ что. Ящикъ все ближе и ближе... Долго потомъ провожали мы глазами проплывшій мимо насъ ящикъ, догадываясь и разсуждая, брошенъ ли онъ, какъ ни на что не нужный, съ какого-либо судна, или это обломокъ сокрушившагося корабля.

Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ и сьесты, общество плавателей выходило наверхъ освѣжиться, и тутъ-то широко распахивалась душа для нѣжныхъ впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія. Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ, безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ лежали цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей—все изъ облаковъ. Вотъ,

смотрите, громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять все тихо отливается въ форму горы, островов, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; на нее напираетъ и поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ...

Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидятъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

Оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища—все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко, какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди и — засіялъ вечерній пиръ! Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ.

Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ. Хлынулъ по морю и небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра.

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ, или подъ кормой плеснетъ волна—и опять все торжественно и прекрасно-тихо!

И. Гончаровъ.

78. Въ жаркихъ странахъ.

I. Африка.

Изъ всѣхъ частей свѣта Африка наименѣе представляетъ удобствъ для историческаго развитія гражданскихъ обществъ.

Средина этого громаднаго материка едва обитаема. Къ югу она состоитъ изъ горныхъ высотъ, палимыхъ лучами тропическаго солнца и бѣдныхъ водою. Спускаясь къ сѣверу, эти высоты образуютъ песчаную степь Сахару, отмѣченную почти совершеннымъ отсутствіемъ всякой животной и растительной жизни. Только рѣдкіе, разбросанные на обширномъ пространствѣ Сахары оазисы представляютъ возможность существованія человѣку и звѣрю.

Зато прибрежная, довольно узкая полоса, лежащая между моремъ и высотами средней Африки, изобилуетъ на большей части своего протяженія дарами южной

природы. Рѣки, сбѣгающія водопадами и стремительными потоками съ сосѣднихъ вершинъ, медленно текутъ по плоской равнинѣ, отдѣляющей ихъ отъ устьевъ. Разливами своими онѣ сообщаютъ почвѣ изумительное плодородіе. Но чрезмѣрная расточительность природы обращается здѣсь во вредъ человѣку. Одни привыкшіе къ нему туземцы въ состояніи выносить губительный климатъ цвѣтущихъ низменностей западнаго и восточнаго берега; иностранецъ обыкновенно дѣлается жертвою болѣзней, происходящихъ отъ соединенія нестерпимаго дневного зноя съ ночною сыростію и отъ злокачественныхъ испареній разлагающихся въ огромномъ количествѣ органическихъ веществъ. Число вредныхъ гадовъ и пресмыкающихся весьма велико.

Море, со всѣхъ сторонъ, омывающее берега африканскаго материка, не можетъ имѣть на судьбы его обитателей того живительнаго вліянія, которое оно обнаруживаетъ вообще на дѣятельность народовъ и государствъ: берега этого великаго материка тянутся въ однообразно прямомъ направленіи, не представляя тѣхъ изгибовъ и выемовъ, посредствомъ которыхъ море какъ бы вторгается въ сушу и вызываетъ ее на дружное, совокупное дѣйствіе; въ Африкѣ нѣтъ большихъ, глубоко вдающихся въ нее заливовъ, мало бухтъ и хорошихъ гаваней. То же самое можно сказать о водныхъ путяхъ внутренняго сообщенія: судоходныхъ рѣкъ весьма немного; только Нилъ и Нигеръ въ сѣверной половинѣ африканскаго материка могутъ выдержать сравненіе съ великими рѣками, которыми такъ богаты Европа и Азія.

Коренное, туземное населеніе состоитъ изъ черныхъ племенъ. Характеръ негра отличается странною смѣсью дѣтскаго добродушія, безпечности и веселости со способностью на звѣрскіе поступки и притворство.

Т. Грановскій.

II. Корабль пустыни.

Видъ верблюда характеренъ и живописенъ до высокой степени. Это *сѣдло-звѣрь, вьюкъ-звѣрь*. Передъ вами живое, неутомимое, движущееся сѣдло на четырехъ ногахъ. Только пустыня, не знающая границъ, могла породить этого работника, не знающаго устали. Онъ рожденъ работникомъ.

Работа—его органическое призваніе и его гордость. Стоитъ только разсмотрѣть его наружность, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Силища, не мѣряющая себя, не усчитывающая, глядитъ во всякомъ членѣ; размѣры всего какіе-то чудовищные. Верблюдъ въ одно и то же время напоминаетъ овцу и медвѣдя. Его шерсть и неуклюжесть медвѣжьи, лицо овечье; оно совсѣмъ голое; уши и волоса, какъ у человѣка.

Шея верблюда страшной силы и длины—просто устроена для ярма; она спущена глубоко внизъ на самой срединѣ. То положеніе, которое даетъ шеѣ всякое животное и человѣкъ, усиливаясь тащить тяжесть, заранѣе дано верблюду самою природою: ему незачѣмъ больше нагибаться. Онъ, такъ сказать, застылъ въ работящей позѣ. Какъ горбы его просятъ вьюка, такъ шея его проситъ ярма. Но, при этомъ устройствѣ вѣчнаго работника, голова верблюда сохраняетъ свою полную самостоятельность. Ярмомъ согнутая шея не препятствуетъ глазамъ смотрѣть прямо и свободно впередъ, ушамъ—слышать, длиннымъ ноздрямъ—обонять.

Но въ чемъ особенно высказывается страшная рабочая сила верблюда—это въ его ногахъ; переднія ноги, обросшія космами шерсти, мозолистыя, кудрявыя — не ноги, а просто толкачи—мѣсить песокъ. Копыта на нихъ—цѣлыя блюда. Не знаю, чего не раздавитъ такая пара ногъ, и когда она утомится! Заднія ноги худѣе и выше. Онѣ толкаютъ, какъ рессоры, высоко подобранный задъ, весьма усиливая этимъ размѣръ и быстроту шага. Переднія, ломовыя тащатъ; заднія подталкиваютъ.

Вся снасть верблюда подходяща къ ногамъ: языкъ и губы жестки, какъ мозоли,—способны съ наслажденіемъ жевать тѣ колючки, которыя бы въ кровь изодрали пасть всякаго другого животнаго; такой-же терпкій желудокъ. Обшитъ верблюдъ тепло и дешево, не промокаетъ отъ дождя; крѣпко сколоченъ и свинченъ; машина надежная, заведенная надолго: шагать — прошагаетъ двое сутокъ; голодать — проголодаетъ хоть шестеро; телѣгу подавайте въ двѣ сажени длины; возъ сѣна на телѣгу — цѣлый стогъ.

Этотъ горбатый уродъ—охотникъ только до жесткаго, до тяжелаго; онъ, по своему странному нраву, любитъ именно все то, что составляетъ муку остальному живущему. Въ этомъ неоцѣненное достоинство верблюда. Любо смотрѣть, какъ проходятъ они мимо, пара за парой; дружно, серьезно и увѣренно поднимаютъ они свои могучія лапы, безучастно поглядывая своими физіономіями на проѣзжихъ, а за ними легко, какъ пустая телѣжка, катится огромная телѣга, буквально съ горою сѣна.

Е. Марковъ.

79. Баобабъ.

Баобабъ — древнѣйшій жилецъ міра. Баобабу, находящемуся на одномъ изъ островов Зеленаго мыса, Гумбольдтъ *) считаетъ гораздо за 5000 лѣтъ. Толщина его, около 30 фут. въ діаметрѣ, безобразна: онъ не имѣетъ соотвѣтствующаго роста, стройности, граціозности вѣтвей, ихъ густоты, роскоши и соразмѣрности частей; это огромная масса, оканчивающаяся тонкими вѣтвями; это слонъ, мамонтъ растительности. Цвѣтъ его коры красивый, металлическій, стальной.

Особенно поражаетъ въ баобабѣ то, что въ одно время видите въ немъ распускающіеся листья, цвѣты и плоды. Зелень довольно мелкая, жидкая; цвѣты бѣлые, прелестные: средина цвѣтка махровая, какъ у штокъ-розы; края загнуты назадъ, какъ у лиліи; запахъ тонкій, миндальный. Плодъ — кокосовый орѣхъ; скорлупа довольно тонкая; подъ нею мучнистое вещество, пріятное, кисловатое, очень прохладительное, и множество косточекъ, которыя арабы иногда пережигаютъ вмѣсто кофе.

Баобабъ большею частью дуплистъ: внутри его свободно укрывается нѣсколько человѣкъ отъ солнечныхъ лучей и отъ непогоды во время періодическихъ дождей. Къ нему всегда приплетаются стволами и даже совсѣмъ въ него врастаютъ нѣсколько другихъ деревьевъ, особенно много ползучихъ растеній и паразитовъ**),

*) Знаменитый нѣмецкій естествоиспытатель.

**) Паразиты—растенія, живущія на другихъ растеніяхъ.

и увеличиваютъ его тѣнь. Въ пустыняхъ Кордофанской и Дарфурской кочующіе арабы высматриваютъ баобабы, гдѣ водятся пчелы и вынимаютъ медъ, предоставляя дупло дальнѣйшей обработкѣ періодическихъ дождей. Дожди въ короткое время производятъ разрушеніе въ деревѣ, образуя настоящіе колодцы, въ которыхъ сохраняется вода въ самое сухое время. Такое дерево составляетъ предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду.

Е. Ковалевскій.

80. Три пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы бесплодной
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ?..
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ!...“

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой;
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ шумя караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ,
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти;
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный,
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ:
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ;
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

М. Лермонтовъ.

81. Тропическій лѣсъ.

Мы вышли на довольно широкую дорогу и очутились въ непроходимомъ тропическомъ лѣсу, окруженные блестящею декораціею кокосовыхъ пальмъ, которыя то тянулись длиннымъ строемъ, то, сбившись въ кучу, вмѣстѣ съ кустами представляли непроницаемую зеленую чащу.

Мы остановились и озирались кругомъ, нѣмѣя отъ изумленія, отъ восторга; не вѣрили глазамъ, не вѣрили себѣ, что мы не во снѣ и не на сценѣ видимъ эту картину, что мы въ центрѣ чудесъ природы. Что шагъ, то новый роскошный и невиданный для сѣверныхъ глазъ ландшафтъ.

Нельзя богаче и нарядпѣе одѣть землю, какъ она одѣта здѣсь. Право, глядя на эти лѣса, не повѣришь, чтобъ случай игралъ здѣсь группировкой деревьевъ. Купы пальмъ такъ необыкновенно гармонируютъ съ кустами; тамъ прижались другъ къ другу, а тамъ, какъ будто съ умысломъ, оставлена лужайка или небольшое болото, поросшее тѣмъ крупнымъ, крѣпкимъ, желтымъ тростникомъ, изъ котораго у насъ дѣлаютъ такія славныя трости.

Посмотришь ли на каждую пальму отдѣльно: какая оригинальная красота! Она граціозно наклонилась; листья—какъ длинные, правильными прядями расчесанные волосы; надъ ними висятъ тяжелыя кисти огромныхъ орѣховъ. Все будто убрано заботливою и терпѣливою рукою человѣка, который долго и съ любовью трудился надъ отдѣлкою каждой вѣтки, листка, всякой мелкой подробности. А между тѣмъ это дикіе лѣса. Человѣкъ почти не касался этихъ чудесъ.

Бѣдный малаецъ только что врубается въ чащу, отнимая пространство у звѣрей. Мы видѣли новыя, заброшенныя въ глушь лѣса, еще строящіяся хижины подъ пальмами и изъ пальмъ, крытыя пальмовыми же листьями. Къ этимъ хижинамъ едва-едва протоптаны свѣжія дорожки.

Мы шли, прислушиваясь къ каждому звуку, къ крику насѣкомыхъ, неизвѣстныхъ намъ птицъ, и пугали другъ друга. „Тигръ!“ скажетъ кто-нибудь. „Змѣя!“ говоритъ другой; прочіе невольно быстро оглянутся и потомъ засмѣются сами надъ собой.

И. Гончаровъ.

82. Югъ и сѣверъ.

Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ въ сумракѣ садовъ уединенныхъ,
Сіяющей луной осеребренныхъ,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтана дождь надъ сочною травой;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ рощи кипарисной;
Гдѣ все быстрѣй и зрѣетъ, и цвѣтетъ;
Гдѣ жизнь безпечнѣе идетъ.

Но мнѣ милѣй роскошной жизни Юга
Сѣдой зимы полуночная вьюга,
Морозъ и вѣтръ, и грозный шумъ лѣсовъ,
Дремучій боръ по скату береговъ,
Просторъ степей, и небо надъ степями
Съ громадой тучъ и яркими звѣздами.
Глядишь кругомъ,—все сердцу говоритъ:
И деревень однообразный видъ,
И городовъ обширныя картины,
И снѣжныя, безлюдныя равнины.
Глядишь вокругъ,—и на душѣ легко,
И зрѣетъ мысль такъ вольно, и широко,
И сладко пѣснь въ честь родины поется,
И кровь кипитъ, и сердце гордо бьется,
И съ радостью внимаешь звуки словъ:
„Я—Руси сынъ! Здѣсь край моихъ отцовъ!“

И. Никитинъ.

IV. Изъ прошлаго Россіи.

83. Древніе славяне.

Обитатель южнаго пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится,—слабѣетъ въ нѣгѣ и въ праздности. Но житель полунощныхъ земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою, любитъ дѣятельность, привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха и терпѣніемъ укрѣпляется.

Таковы были древніе славяне, по описанію современныхъ историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду, питались самою грубою сырою пищей, удивляли грековъ своею быстротою, съ чрезвычайною легкостію всходили на крутизны, спускались въ разсѣлины, смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая, безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, славяне мало пеклися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту, хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ европейцамъ.

Историки пишутъ, что славяне, сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. Древнее оружіе славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ, намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ. Они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю или выкупить себя и возвратиться въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Столь же единогласно хвалятъ лѣтописи общее гостепріимство славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и донынѣ весьма обыкновенное во всѣхъ славянскихъ; такъ слѣды древнихъ обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ вѣковъ, и самое отдаленное потомство наслѣдуетъ нравы своихъ предковъ. Всякій путешественникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ; встрѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію, провожали съ благословеніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за безопасность чужеземца, и кто не умѣлъ сберечь гостя отъ бѣды или непріятности, тому мстили сосѣди за сіе оскорбленіе, какъ за собственное. Славянинъ, выходя изъ дому, оставлялъ дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посѣщали славянъ, между которыми не было для нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ; но бѣдному человѣку, не имѣвшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у сосѣда богатаго; важный долгъ гостепріимства оправдывалъ и самое преступленіе.

Н. Карамзинъ.

84. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ;
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣсу навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,—
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

—„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня“.

—„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могучему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего!“

Олегъ усмѣхнулся,—однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

—„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай—ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ-уздцы отведите,—
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите“.
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ,
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утреній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

—„А гдѣ мой товарищъ? промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье,
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!—
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ—на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

85. Богатырь Вольга и оратай Микулушка.

. . . Народился въ Кіевѣ молодой богатырь, Вольга Святославовичъ. Сталъ Вольга расти, матерѣть; захотѣлося ему много мудрости: щукой-рыбой ходить въ глубокихъ моряхъ, птицей-соколомъ летать подъ облаками, сѣрымъ волкомъ рыскать въ чистыхъ поляхъ. Уходили отъ Вольги всѣ рыбы въ синія моря, улетали отъ него всѣ птички за облака, убѣгали всѣ звѣри въ темные лѣса. Набралъ себѣ Вольга дружинушку храбрую: тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ Вольга тридцатый.

Пожаловалъ Вольгѣ родной его дядюшка, ласковый Владиміръ—князь стольный, кіевскій—три города и съ крестьянами. Вотъ и собрался Вольга-богатырь съ своей дружинушкой храброй ѣхать въ тѣ города за получкою.

Выѣхалъ Вольга въ чистое поле и услышалъ въ полѣ ратая: оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, сошка у ратая поскрипываетъ, омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.

Захотѣлось Вольгѣ поѣхать посмотрѣть на оратая. Ѣдетъ Вольга съ своею дружиною день, ѣдетъ другой, и только на третій день къ обѣду доѣхали до ратая: оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ; въ одинъ край уйдетъ, другого не видать; коренья, каменья вывертываетъ, а большіе всѣ камни въ борозду валитъ. Кобылка у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые.

И сталъ говорить Вольга: „Божья-те помощь, оратаюшка! орать, да пахать, да крестьянствовати, съ края въ край бороздки пометывати, каменья, коренья вывертывати!“

Отвѣчалъ ратай Вольгѣ: „Спасибо тебѣ, Вольга Святославовичъ, съ своею дружинушкой храброю; а мнѣ надобна Божья помощь крестьянствовати. Далеко ль ты, Вольга, ѣдешь? куда путь держишь со своею дружинушкою храброй?

— Ѣду я, отвѣчаетъ Вольга,—къ своимъ городамъ за получкою.

— Былъ я третьяго дня въ твоихъ городахъ, говоритъ ратай,—ѣздилъ на своей кобылѣ соловой; увезъ я оттуда только соли два мѣха, въ каждомъ мѣхѣ по сорока пудъ; а живутъ въ твоихъ городахъ все разбойники, просятъ съ проѣзжихъ людей деньги подорожныя; была со мной палочка подорожная, и расплатился я съ ними, какъ слѣдуетъ.

— Ай да оратай-оратаюшка, говоритъ Вольга:—поѣдемъ со мной въ товарищахъ.

Вотъ оратай гужики шелковые повыстегнулъ, кобылку изъ сошки повывернулъ; сѣли они на борзыхъ коней, поѣхали. Вдругъ остановился оратай на дорогѣ и говоритъ: „Оставилъ я, Вольга, сошку въ бороздочкѣ, не для ради прохожаго, проѣзжаго, а для ради мужика деревенщины. Вотъ кабы ту сошку мнѣ изъ земельки повыдернуть, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть и бросить бы сошку за ракитовъ кустъ“.

Пріѣхали къ сошкѣ пять молодцовъ могучихъ: сошку за обжи вокругъ вертятъ, а не могутъ сошки изъ земли выдернуть, не то, чтобы ужъ бросить за ракитовъ кустъ.

Посылаетъ тогда Вольга богатырей своихъ цѣлый десяточекъ. Пріѣхали богатыри: сошку за обжи вокругъ вертятъ, не могутъ ее отъ земли поднять, не то, чтобы ужъ бросить за ракитовъ кустъ.

Посылаетъ Вольга всю свою дружинушку храбрую: стала вся дружина сошку за обжи вертѣть, а сошка сидитъ на землѣ и не двинется.

Подъѣхалъ оратай-оратаюшка, на своей кобылкѣ соловенькой; взялъ онъ сошку одной рукой, изъ земельки ее повыдернулъ, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали. Кобылка-то оратая рысью идетъ, а Вольгинъ конь отстаетъ; у оратая кобылка грудью пошла, а Вольгинъ конь все отстаетъ позади. Сталъ Вольга ему кричать да колпакомъ махать: „Постой-ка, оратай-оратаюшка! если бы эта кобылка была конькомъ, за эту кобылку дали бы пятьсотъ рублей“.—„Глупый ты Вольга Святославовичъ!“ говоритъ ему оратай: „взялъ я кобылку жеребенкомъ изъ-подъ матери и заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей: если бы эта кобылка была конькомъ, ей бы цѣны не было“.

Сталъ тутъ Вольга Святославовичъ оратая разспрашивать: „Скажи ты мнѣ, оратай-оратаюшка! какъ тебя по имени звать, какъ величать по отечеству?“

Отвѣчалъ оратай Вольгѣ Святославовичу: „Какъ я ржи напашу, да во скирды сложу, домой выволочу, да дома вымолочу, да дровъ нарублю, да и пива наварю, да и мужичковъ напою,—станутъ мужички меня покликивать: „Здравствуй на многія лѣта, молодой Микулушка Селяниновичъ!“ *Изъ народной былины.*

86. Изъ „Поученія дѣтямъ“ Владиміра Мономаха.

Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, по словамъ лѣтописца, освѣтилъ, какъ солнце, Русскую землю; слава о немъ разошлась по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ половцамъ; это былъ братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за русскую землю. Вотъ какое наставленіе оставилъ онъ дѣтямъ:

1. Господь нашъ указалъ намъ избавленіе отъ грѣха и побѣду надъ нимъ тремя добрыми дѣлами—покаяніемъ, слезами и милостынею: такъ вотъ, дѣти мои, не тяжка заповѣдь Божія, если этими тремя дѣлами можно избавиться отъ грѣховъ своихъ и не лишиться Царства Небеснаго. Умоляю васъ, ради Бога не лѣнитесь, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ: они не тяжки; это не одиночество, не черничество или голодъ, какъ иные добрые терпятъ, но дѣла не трудныя, которыми вы можете снискать милость Божію.

2. Что знаете добраго, того не позабывайте; чего не знаете, тому учитесь. Лѣность—всему мать: что умѣетъ, то забудетъ, чего не умѣетъ, тому не научится.

3. Если хотите быть добрыми, не могите лѣниться ни на что доброе, и прежде всего къ церкви: да не застанетъ васъ солнце въ постели: такъ дѣлалъ отецъ мой блаженный и всѣ добрые христіане. Воздавъ утреннюю хвалу Богу, потомъ, когда увидите восходящее солнце, опять прославьте Бога съ радостью. Потомъ садитесь думать съ дружиною, или судить людей, или отправляйтесь на охоту, или по своимъ землямъ; а въ полдень ложитесь спать: полуденное спанье присуждено отъ Бога: въ эту пору почиваютъ и звѣри, и птицы, и люди.

4. Всего же прежде—убогихъ не забывайте, но по силѣ-возможности кормите ихъ, надѣляйте сироту, вдовицу судите сами, а не давайте сильнымъ погубить человѣка.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не повелѣвайте убивать: если и будетъ повиненъ смерти, все-таки души христіанской не губите.

5. Вотъ какъ я трудился на охотѣ: коней дикихъ въ лѣсныхъ дебряхъ вязалъ своими руками, по десяти и по двадцати живыхъ коней; два буйвола метали меня на рогахъ вмѣстѣ съ конемъ; бодалъ олень; два лося — одинъ ногами топталъ, а другой билъ рогами; кабанъ съ бедра мечъ сорвалъ; медвѣдь у колѣна подкладъ прокусилъ; волкъ вскочилъ на меня и опрокинулъ коня вмѣстѣ со мною,— и Богъ невредимо меня сохранилъ... Много разъ падалъ съ коня, дважды разбивалъ голову, ранилъ руки и ноги, и вообще въ юности много разъ ранилъ себя, не берегъ жизни и не щадилъ головы своей.

6. Во время объѣзда земель своихъ не позволяйте безчинствовать ни своимъ, ни чужимъ слугамъ ни въ селахъ, ни на поляхъ; напротивъ, куда пойдете и гдѣ остановитесь,—напойте и накормите нуждающихся; особенно же чтите иноземнаго гостя, откуда бы онъ ни пришелъ и кто бы онъ ни былъ: простой ли человѣкъ, или ратный, или посолъ: если не можете почтить его подаркомъ, то хоть купаньемъ или питьемъ: странствуя по всѣмъ землямъ, гости разносятъ о насъ или добрую, или худую славу.

7. На войну вышедъ, не лѣнитесь и не полагайтесь на воеводъ; не предавайтесь ни питью, ни ѣдѣ, ни спанью; стражу разставляйте сами; оружія и на ночь не торопитесь снимать съ себя: нерѣдко погибаетъ человѣкъ по собственной оплошности.

8. Всѣхъ походовъ я совершилъ 83 большихъ, а прочихъ, меньшихъ, не упомню; заключилъ 19 мировъ съ половецкими князьями.

9. Въ дому своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ наблюдайте сами... Что нужно было дѣлать моему слугѣ, то дѣлалъ я самъ, на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ зной и холодъ, не давая себѣ покоя; всѣ распорядки въ дому чинилъ самъ, и самъ наблюдалъ за конюшнями, за псовой, соколиной и ястребиной охотой.

10. Не боясь смерти ни на войнѣ, ни отъ звѣря, дѣлайте, дѣти, свое мужеское дѣло, какое пошлетъ вамъ Богъ: и какъ я—и на войнѣ, и отъ звѣря, и отъ воды подвергался опасности и съ коня падалъ, но невредимъ остался,—такъ изъ васъ никто не можетъ ни пострадать, ни погибнуть, если не будетъ повелѣно отъ Бога; будетъ назначена смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья отнять изъ рукъ ея не могутъ: хорошо беречься самому, но еще лучше полагаться на Бога.

87. Осада и взятіе Кіева татарами.

Ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Воевода Димитрій бодрствовалъ и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами монгольскими. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лядскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: стрѣлы омрачали воздухъ, копья трещали и ломались, мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ; но татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости, отступили къ церкви Десятинной и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ, и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копье и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ монголы отдыхали на развалинахъ стѣны; утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владимира и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ россійскому: „Дарую тебѣ жизнь!“ Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезнымъ для отечества.

Монголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владимира? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго. Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его; монголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ

златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясенія и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества, о гибели городовъ и большей части народа, прибавляютъ: „Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ: искали заступниковъ между иновѣрными, и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими. Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ“.

Н. Карамзинъ.

88. Куликовская битва.

Шестого сентября 1380 года войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать монголовъ или итти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства, что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка, и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ.

Великій князь рѣшился и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Яйгала. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ!“ 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты.

Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ... Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ; слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству,—Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ, и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли

впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя", говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды". Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ". Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: Богъ намъ прибѣжище и сила, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ, наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „Теперь наше время!" Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ, терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!" и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы; со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?"—Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живого или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!" Димитрій всталъ; видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца, цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ

на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ. Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей, и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провожаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Н. Карамзинъ.

89. Начало книгопечатанія въ Москвѣ.

1. Царь Іоаннъ IV строилъ много церквей въ Москвѣ, и въ Казани, и по всей Руси. Потребовалось много книгъ, и царь велѣлъ скупать ихъ на базарахъ, брать лишнія изъ монастырей. Книгъ собрали мало, да и тѣ были и дороги, и неисправны. Царь Иванъ любилъ книжное ученіе и самъ давно зналъ, что книги на Руси дороги, и много въ рукописныхъ книгахъ ошибокъ. Онъ много разъ приказывалъ старательно выправлять книги, а неисправныя отбирать для исправленія. Но трудно было исправить всѣ книги; нельзя было и углѣдить, чтобы новыя переписывались безъ ошибокъ.

Иванъ Васильевичъ слышалъ, что у нѣмцевъ книги печатаютъ, и что печатныя книги и лучше, и дешевле рукописныхъ. И задумалъ царь печатать книги въ Москвѣ, чтобъ скорѣе можно было изготовлять ихъ, и исправлять въ нихъ ошибки, и дешевле продавать.

Митрополитъ Макарій сказалъ, что эта мысль внушена царю Самимъ Богомъ. Приказалъ тогда царь построить въ Москвѣ типографію. Первыми печатниками въ Москвѣ были діаконъ Иванъ Өедоровъ и Петръ Мстиславцевъ.

2. Горестна была судьба первыхъ печатниковъ: имъ пришлось пострадать за святое дѣло отъ людей невѣжественныхъ и своекорыстныхъ.

Въ Москвѣ жило не мало переписчиковъ, которые кормились отъ этого дѣла, а книгопечатаніе лишало ихъ работы, и доходовъ. Чтобы погубить новое дѣло, пустили слухъ, что печатники—еретики, вѣдаются съ нечистою силой,—такъ надо ихъ извести вмѣстѣ съ ихъ печатнымъ дѣломъ. Глупые люди повѣрили злой сказкѣ. Разъяренная толпа сожгла типографію. Печатники разбѣжались.

Діаконъ Иванъ Өедоровъ покинулъ родную землю и убѣжалъ въ Литву. Здѣсь его радушно принялъ гетманъ Хоткевичъ и устроилъ для него типографію въ своемъ имѣніи. Въ награду за труды Хоткевичъ подарилъ Өедорову деревню во владѣніе, чтобы онъ до смерти своей безъ горя и нужды прожилъ. Но Өедоровъ деревни не взялъ:—„хочу до конца жизни своей разсѣвать по землѣ вмѣсто житныхъ сѣмянъ сѣмена духовныя". Такъ и жилъ до самой смерти своей печатникъ Өедоровъ на чужбинѣ. Умеръ онъ въ нищетѣ. Но вѣчно будетъ жить добрая слава о страдальцѣ за святое дѣло.

Д. Тихомировъ.

90. Кулачный бой.

(Изъ 3-й пѣсни про „Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“).

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Съ боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ.
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!“
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ:
„Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку“.
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде Царю грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могучія плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было и чѣмъ похвастаться“.
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ.
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный,
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,

Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ;
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся.
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!“
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ-корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?“
—Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому,
Прикажи меня казнить и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...
„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому, широкому,
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью“...
Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:
„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе,
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться;
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,

Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!“
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

М. Лермонтовъ.

91. Козьма Захарьевичъ召Мининъ-Сухорукъ.

(Дѣйствіе происходитъ на площади Нижегородскаго Кремля подлѣ собора. Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы).

Проходятъ двое—1-й. Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й. Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что ли! (*Проходятъ*).

Старикъ и женщина.—Старикъ. Гибнетъ, говорятъ, все наше государство, гибнетъ вѣра православная! Легко сказать: гибнетъ вѣра православная! Скажи ты мнѣ, каково слышать?

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ: этакъ не то, что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь. (*Проходятъ*).

Проходятъ четверо—1-й. Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й. Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й. Безпремѣнно.(*Проходятъ*).

(Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: воевода, Аксеновъ (богатый торговый человѣкъ). Поспѣловъ (боярскій сынъ), Темкинъ, Губанинъ (торговые люди).

Поспѣловъ. Выходишь отъ обѣдни, помолясь съ усердіемъ и досыта поплакавъ, и такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ: и подъ ногами ты земли не чуешь и ногъ не слышишь; и заря-то ярче горитъ на небѣ; точно сладкій медъ, пьешь воздухъ утренній. Такое диво! Какая легкость для души молитва! Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ! а день придетъ—забота за заботой навалится, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ. Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче, пока не заболтался въ суетѣ; и разумъ крѣпче, да и воля тверже, и особливо, помолясь усердно. Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ сказать народу, чтобъ не расходился. Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь, да и сердца-то огрубѣть успѣютъ. Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ онъ ангелу-хранителю, Козьмѣ Безсребреннику. Вы поговорите съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу—одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

Темкинъ. Почтенные! маленько подождите: Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ. Коли не въ трудъ, повремените малость: Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора).

Мининъ (*съ лобнаго мѣста*). Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ, молятъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошенье! Поможемъ родинѣ святой! Что жъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли? Не всѣ ль мы дѣти матери одной? Не всѣ ли братья отъ одной купели?

Голоса. Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ. И аще, братья, похотимъ помочь, не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и домы. А будетъ мало—женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса. Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ. Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ! Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы: изыщемъ, братья, честнаго мужа, которому то дѣло за обычай—вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ?

Голоса. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій!—Князь Пожарскій! Другого намъ не надо!

Мининъ. Воля Божья! Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа—гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и кланяться, чтобы шелъ къ намъ на-спѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ, на дѣло земское, на помощь ратнымъ. Я, Господи, благослови начало! свои копленыя и трудовыя, всѣ до послѣдняго рубля кладу.

Нѣсколько голосовъ. И мы, и мы всѣ за тобою готовы отдать свою копейку трудовую!

Другіе голоса. Что деньги! Деньги дѣло наживное: какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ. Да изъ собора я послалъ Нефеда, чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизи и серьги; весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтные, камку и бархатъ, соболь и лисицу; да и взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ривы золотыя. Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса. Все отдадимъ!—Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мірская ходитъ! (*Начинаются приношенія*).

Мининъ. Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну. Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то, постой у денегъ. Принимайте вмѣстѣ.

(Аксеновъ и старикъ всходятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи).

Губанинъ (*Темкину*). Пойти домой, принесть свое хоботье. Оставлю чашку щей да хлѣба на день, съ меня и будетъ.

Темкинъ. Погоди, успѣешь! Мы первые пошли на это дѣло—не спятимся.

(Входитъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ).

Колзаковъ (*Минину*). А я что дамъ? До нитки промотался! А надо бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь

людямъ завидно. Не то завидно, милый человѣкъ, что хорошо живутъ да чисто ходятъ, а то завидно, что добро несутъ, а мнѣ вотъ нечего. И одежонка вся тутъ. Да! погоди! Тѣльникъ на шеѣ, серебряный, большой. Ну, слава Богу! Нашлось-таки что Господу отдать. (*Снимаетъ*). Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни пойдетъ на дѣло и моя копейка.

(Входитъ Татьяна Юрьевна, жена Минина, и сынъ Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ларцы).

Нефедъ. Какъ, батюшка, изволилъ приказать, такъ точно мы, по твоему приказу, и сдѣлали: все принесли сюда.

Мининъ. Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ! Кладите въ кучу— послѣ разберетъ.

Татьяна Юрьевна. Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарьичъ, ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ, прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья, и съ камешками перстеньки, и всю забаву нашу бабью. Я не знаю, на что тебѣ; я все въ ларецъ поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ, ты слово твердое—такъ что намъ думать!

Мининъ. Сама Петру Аксенычу отдай.

Татьяна Юрьевна. Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Уходитъ. Входитъ Марѳа Борисовна, богатая вдова; за нею несутъ сундуки и ларцы).

Марѳа Борисовна. Богатое наслѣдство мнѣ осталось отъ мужа моего и господина. Отцы и дѣды прежде накопили, а онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много къ отцовскому наслѣдію прибавилъ и умеръ въ раннихъ лѣтахъ: не судилъ ему Господь плоды трудовъ увидѣть, покрасоваться нажитымъ добромъ. Благословенья не было отъ Бога мнѣ на дѣтей—однимъ-одна осталась хозяйкою несчетнаго добра, добра чужого,—я съ собою мало въ домъ принесла. Искала я родныхъ, родни его ни близкой не осталось, ни дальней. Вздумала я, догадалась раздать казну за упокой души—и весело мнѣ стало, что заботу такую дорогую Богъ послалъ. И вотъ, благословясь, я раздавала по храмамъ Божьимъ, на поминъ души, и нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу, убогимъ, и слѣпымъ, и прокаженнымъ, сиротамъ, и въ убогіе дома, колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ, въ обители—и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ, на Бѣлоозеро, въ Галичъ, и въ Поморье, и въ Грецію и на Святую Гору,—и не могла раздать. Все прибавлялось,—то долгъ несутъ, то кортому съ угодій. И не внуши вамъ Богъ такого дѣла, ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ. Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте! На добрыя дѣла, на обиходъ еще немного у меня осталось. Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмите. А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно—однихъ угодій хватитъ на прожитокъ. (*Отходитъ къ сторонѣ. Народу все больше прибываетъ на площадь*).

Одинъ изъ толпы. Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

Другой. Зипунишко. (*Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами*).

Голоса. Вотъ наши деньги изъ квасного ряду!—Изъ рукавичнаго!—Отъ ярославцевъ!—Костромичи собрали—принимайте! Стрѣльцы Колзакова Баима сотни!

Поспѣловъ. Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ. И я смотрю, душа во мнѣ растетъ. Не явно ли благословенье Божье! Теперь у насъ и войско, и казна, и полководецъ. Недалеко время, когда вооружась

и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы, помчимся и грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ вооружаемъ; не страшенъ намъ злохитрый ковъ его! За насъ молитвы цѣлаго народа, дѣтей, и женъ, и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнье иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадилъ! За насъ угодники и чудотворцы, и легіоны грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ, и Божья благодать!

А. Островскій.

92 Отъѣздъ въ Сѣчь.

Бульба былъ упрямъ страшно. Онъ былъ одинъ изъ числа коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Онъ любилъ простую жизнь казаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма. Самъ съ своими казаками производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ правиломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважали въ чемъ старшинъ и стояли передъ ними въ шапкахъ; когда глумились надъ православіемъ и не чтили обычая предковъ, и, наконецъ, когда враги были бусурманы и турки, противъ которыхъ онъ считалъ, во всякомъ случаѣ, позволительнымъ поднять оружіе во славу христіанства.

Теперь онъ тѣшилъ себя заранѣе мыслію, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими въ Сѣчь и скажетъ: „Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ“! какъ представитъ ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ, товарищамъ; какъ поглядитъ на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ. Онъ уже хлопоталъ и отдавалъ приказы, выбиралъ коней и сбрую для молодыхъ сыновей, навѣдывался и въ конюшни и въ амбары, отобралъ слугъ, которые должны были завтра съ ними ѣхать.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! — „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?“ говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное, когда-то, лицо ея. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ,

со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея,—берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ они будутъ убиты татариномъ, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ“.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-по-малу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.— Ну хлопцы, полно спать, пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (Такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великъ!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ переобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковками; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканые турецкіе пистолеты засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли, молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками, съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, а слезы остановились на глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! Нечего мѣшкать,—произнесъ наконецъ Бульба.— Теперь по обычаю христіанскому нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!—сказалъ Бульба:—моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову. Подойдите, дѣти, къ матери; молитва матери и на водѣ, и на землѣ спасаетъ!

Мать, слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.—Пусть хранитъ васъ Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать... пришлите хоть вѣсточку о себѣ... далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдемъ, дѣти!—сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипла къ сѣдлу его и, съ отчаніемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразно лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю: только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они когда-то лазили, какъ бѣлки; еще остался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

Н. Гоголь.

93. Императоръ Петръ I.

Императоръ Петръ Первый былъ слишкомъ двухъ аршинъ 14 вершковъ, и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Саардамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ ее вверхъ, кортикомъ прорубилъ оную въ воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобы лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность, но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные

шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой, изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы были подбиты соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ—родъ сапоговъ изъ шкуры сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь неохотно разставался съ сею простотою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодости Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣрѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной портупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, онъ вошелъ у парижанъ въ моду. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностью: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи Императрицы Екатерины онъ имѣлъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ. „Смотри, Катенька“, сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки: „слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата“.

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 966 душъ крестьянъ въ Новгородской губерніи? „Мнѣ мотать не изъ чего“, говаривалъ онъ: „жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ отдать во всемъ отчетъ Богу“.

Та же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ, господствовала и въ его обращеніи. „Если хотите остаться моими друзьями“, говорилъ онъ Саардамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году: „то обходитесь со мною не какъ съ царемъ, иначе я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи: мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго требуетъ свѣтъ“. Указомъ отъ 30 декабря 1701 года рабское обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами было замѣнено поклономъ. Запрещено было въ письмахъ къ Государю называться словомъ „холопъ“, давать себѣ уменьшительныя имена Ивашки, Митьки и т. п., или снимать шапки передъ царскимъ дворцомъ, какъ сіе водилось встарину.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто задумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. „За признаніе—прощеніе, за утайку—нѣтъ помилованія“, повторялъ онъ часто: „лучше грѣхъ явный, нежели тайный“.

Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. „Князь Яковъ въ сенатѣ“, отзывался онъ о Долгоруковѣ: „прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, несмотря на лицо“. Случалось иногда, что въ пылу гнѣва, увлеченный пламеннымъ характеромъ, Петръ обнаруживалъ негодованіе противу тѣхъ, которые безъ покрова открывали ему истину; но зато какое раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ щедро награждалъ потерпѣвшихъ въ такомъ случаѣ отъ его горячности!

2. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три часа утра и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время „С.-Петербургскія Вѣдомости“, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по-латыни, по-нѣмецки и по-голландски, и понималъ французскій языкъ, хотя не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ утра Петръ, безъ чаю и кофею, отправлялся съ тростью въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, въ адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ бранденбургскому посланнику Фонъ-Принцу пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была, вѣрно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что онъ не оподдаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. „Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ“, сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ, по веревочной лѣстницѣ, взбираться на гротъ-мачту, и Государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія подъ открытымъ небомъ, на корабельной мачтѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или, въ хорошую погоду, въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій: и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простого званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ.

Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному денщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть передъ царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашомъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ; сюда приходили къ нему по дѣламъ. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль и, удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

3. Море было любимою стихіею Петра. Одинъ голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда Государь объявилъ, что предпринимаетъ катанье по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: „нѣтъ, царь, ты не забудешь: я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ“. Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лѣкарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, то приказывалъ переносить его на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани. Въ Петергофѣ онъ говаривалъ, что ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на голландскій образецъ, напоминалъ ему время его молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшаны были картины работы Адама Сило, учителя его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды голландскихъ приморскихъ городовъ; между прочимъ на одной изображенъ быль самъ Царь на верфи остъ-индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ со зрительною трубкою въ Монплезирѣ или Екатерингофскомъ дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу; выѣзжалъ навстрѣчу тѣмъ, которыя приходили къ Кронштадту, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань. Онъ позволялъ иноземнымъ шкиперамъ свободный къ себѣ доступъ; охотно слушалъ разсказы о ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю, и не разъ проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фанъ-деръ-Гейдена; трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ, безъ ропота

исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры. Вотъ тому доказательство. Герцогу Мальборугу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Ло въ Амстердамъ и явился для этого къ хозяину, у котораго Царь былъ въ ученіи. Домъ сего мастера находился на берегу залива Эй; передъ окнами между плотниками работалъ Петръ. „Я назову его по имени, сказалъ мастеръ Мальборугу: онъ оборотится, и вы успѣете свободнѣе разсмотрѣть его“. Въ это время нѣсколько человѣкъ пронесли на плечахъ большое бревно. „Петръ изъ Саардама, что жъ ты зѣваешь? поди помогать другимъ“, продолжалъ мастеръ, обратясь къ Царю. Государь тотчасъ всталъ, бросилъ топоръ и, поставивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ другими въ надлежащее мѣсто. Въ другой разъ, въ Саардамѣ, въ сентябрѣ того же года, случилось ему проходить мимо пильной мельницы. Петру показалось, что она дѣйствуетъ медленно, онъ хотѣлъ что-то въ ней поправить; но оттого ли, что забылъ опустить щиты и тѣмъ остановить воду, или что захотѣлъ сдѣлать это слишкомъ поспѣшно, чуть было не испортилъ колесъ и самъ не попалъ подъ оныя. „Лучше бы тебѣ оставаться въ своей Московіи, нежели пріѣзжать сюда мѣшаться не въ свое дѣло и причинять убытокъ честнымъ людямъ“, сказалъ ему подоспѣвшій хозяинъ мельницы. Царь, не отвѣчавъ ни слова, ушелъ съ потупленнымъ взоромъ; но черезъ нѣсколько дней прислалъ мельнику богатый подарокъ съ просьбою быть къ нему впередъ снисходительнѣе.

Токарное искусство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцовъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату Государь называлъ мѣстомъ отдыха и, чтобъ избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: *кому не приказано или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но и служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное*. Здѣсь, вручая инструкціи отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь онъ изливалъ милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Петръ работалъ за токарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нартова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ потомству драгоцѣнные плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ изъ кости, заключается въ паникадилахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другого рода. Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ.

И. Корниловичъ.

94. Пиръ Петра Великаго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пёстрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ.
Въ царскомъ домѣ пиръ весёлый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадры на рѣкѣ?
Озарёнъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣждёнъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошёлъ навстрѣчу дѣда
Всей семьёй нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ! онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадры на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ весёлый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко потрясена.

А. Пушкинъ.

95. На ассамблеѣ.

Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ Ибрагимъ, что время ѣхать. Ассамблея была —дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу. „Такъ рано?“ сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его.—„Помилуй!“ отвѣчалъ тотъ: „ужъ половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ“.

К. засуетился, сталъ звонить изъ всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ; его принесли; К. всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы—и они поѣхали въ Зимній дворецъ. К. осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу.

Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы,

блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ—свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: „Арапъ, арапъ, царскій арапъ!“ Онъ поскорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. К. остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при безпрестанномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ. Молодыя убраны были со всей роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимою стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, лакей подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться. „Что все это значитъ?“ спрашивалъ онъ вполголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь былъ такъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись; дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ на лѣво, тамъ опять прямо, опять направо и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около полчаса, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна въ особенности ему понрави-

лась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея разрѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на середину залы и важно сказалъ: „Государь мой, ты провинился: во-первыхъ, подошедъ къ сей молодой персонѣ, не отдалъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взялъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру: сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ—именно: долженъ выпить „кубокъ большого орла“. К. часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. „Ага!“ сказалъ Петръ, увидя К., „попался, братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться“. Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу... К. хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи.

Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблучками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. К. не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Р., подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: „Проклятая ассамблея!.. проклятый кубокъ золотого орла!..“ но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головной болью, смутно помня шарканье, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большого орла.

А. Пушкинъ.

96. Пріѣздъ Александра I въ Москву.

12-го іюля 1812 года, едва лишь стала заниматься заря надъ Москвою, народъ кипучею волною хлынулъ на Красную площадь. Никто не объявилъ, но уже всѣ знали о пріѣздѣ Государя. Съ восходомъ солнца, сіявшаго ярко въ сей торжественный день, весь Кремль наполнился русскими, жаждавшими видѣть Царя своего. Александръ Первый вышелъ изъ дворца въ девять часовъ утра, и въ то же мгновеніе раздался гулъ колоколовъ, загремѣло „ура!“ Тысячи людей воскликнули: „Веди насъ, куда хочешь! веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ, или побѣдимъ!“ Если бы Наполеонъ могъ быть свидѣтелемъ встрѣчи Россійскаго Императора съ народомъ въ Москвѣ, то, конечно, усомнился бы въ надеждѣ покорить своей волѣ

благословенную страну, гдѣ преданность къ Царю, подобію Бога на землѣ, соединяетъ стремленіе многихъ милліоновъ къ благой цѣли. Александръ, умиленный, растроганный зрѣлищемъ, напоминавшимъ времена Минина и Пожарскаго, остановился на нѣсколько мгновеній на Красномъ крыльцѣ; казалось, въ его свѣтломъ взорѣ отражалась любовь къ нему народныхъ сонмовъ. Между тѣмъ продолжался благовѣстъ. Государь шествовалъ къ Успенскому собору, сопровождаемый кликами: „Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Господь Богъ!“ У вратъ собора преосвященный викарій Московскій Августинъ, привѣтствуя Монарха краткимъ словомъ, въ заключеніе сказалъ: „Съ нами Богъ!“ По окончаніи обѣдни, было совершено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю извѣстія о ратификаціи мира съ турками, полученнаго Государемъ еще во время пребыванія его въ Смоленскѣ.

15-го іюля, по призыву Царя, собрались дворянское и купеческое сословія въ обширныхъ залахъ Слободского дворца. Еще до прибытія Государя главнокомандующій графъ Растопчинъ явился въ обоихъ собраніяхъ, приказалъ прочесть Высочайшій манифестъ и пламенною рѣчью призывалъ всѣхъ и каждаго къ живому участію въ великомъ дѣлѣ защиты отечества. Немедленно было рѣшено дворянами, выставя десятаго человѣка, по примѣру смолянъ, собрать ополченіе въ 80 тысячъ человѣкъ; купцы положили сдѣлать общій сборъ и независимо отъ того открыть подписку на частныя пожертвованія. Загремѣлъ общій голосъ: „Государь! Возьми все — и имущество, и жизнь нашу!“ Между тѣмъ Государь находился въ Слободской дворцовой церкви, гдѣ совершалось молебствіе, а потомъ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ лицъ духовенства, прибылъ въ залу дворянскаго собранія. Встрѣченный тамъ съ восторгомъ, Императоръ въ краткихъ словахъ объяснилъ положеніе государства—котораго войска при всей своей „храбрости и самоотверженіи не могли отстоять отъ несоразмѣрно превосходныхъ силъ вражескихъ“, — напоминалъ, что уже не разъ государство обязано было своимъ спасеніемъ усиліямъ дворянскаго сословія, и кончилъ рѣчь свою, сказавъ: „Я твердо рѣшился истощить всѣ усилія моей обширной Имперіи прежде, нежели покоримся высокомѣрному непріятелю.“

Слова Государя нашли отголосокъ въ сердцахъ московскихъ дворянъ. Они изъявили готовность свою выставить по десяти ратниковъ со ста душъ для образованія ополченія въ 80 тысячъ человѣкъ, обмундировать ихъ, снабдить провіантомъ и даже по возможности оружіемъ. Императоръ Александръ съ признательностью принялъ это пожертвованіе. „Иного я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать; вы оправдали мое о васъ мнѣніе“, сказалъ онъ. Затѣмъ, перейдя въ залу, гдѣ были собраны купечество и мѣщанство, Государь объяснилъ имъ, какъ отецъ преданнымъ дѣтямъ, опасность, угрожавшую государству; не скрылъ отъ нихъ, что для отраженія врага, угрожавшаго общему благосостоянію, необходимы были значительныя денежныя средства; объявилъ о заключеніи союза съ шведами и мира съ Турціею; о предстоявшемъ возобновленіи дружественныхъ сношеній съ Англіею, готовою открыть свои гавани русской торговлѣ; замѣтилъ, что всѣмъ надеждамъ на благосостояніе страны угрожаетъ вражеское нашествіе и повторилъ, что, будучи увѣренъ въ содѣйствіи своихъ вѣрныхъ подданныхъ, станетъ сопротивляться непріятелю до послѣдней крайности. Отвѣтомъ Царю были слова, сказанныя отъ души

всѣми, имѣвшими счастіе слышать рѣчь его: „Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, имуществомъ и собою.“ По отбытіи Государя, началась подписка на пожертвованія, и въ продолженіи двухъ часовъ предложено полтора милліона рублей. Но это было только началомъ жертвъ, принесенныхъ москвитянами на искупленіе отечества.

М. Богдановичъ.

97. Опустѣвшая Москва.

Въ 10 часовъ утра 2-го сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26-го августа и по 2-е сентября, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли, стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной; когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ; когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній, пахучій воздухъ; когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба, безпрестанно пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2-го сентября въ 10 часовъ утра была такая погода. Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами и, казалось, жила своей жизнью, трепеща, какъ звѣзды, своими куполами въ лучахъ солнца.

При видѣ страннаго города съ невиданными формами необыкновенной архитектуры, Наполеонъ испытывалъ то нѣсколько завистливое и безпокойное любопытство, которое испытываютъ люди при видѣ формъ не знающей о нихъ, чуждой жизни. Очевидно, городъ этотъ жилъ всѣми силами своей жизни. По тѣмъ неопредѣленнымъ признакамъ, по которымъ, на дальнемъ разстояніи, безошибочно узнается живое тѣло отъ мертваго, Наполеонъ съ Поклонной горы видѣлъ трепетаніе жизни въ городѣ.

Ему странно было самому, что наконецъ свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

„Но развѣ могло быть иначе?“ подумалъ онъ. „Вотъ она, эта столица, у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей“...

—Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ! обратился онъ къ свитѣ. Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло часа два. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ на Поклонной горѣ, ожидая депутаціи...

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями (какъ ни важно казалось это событіе), пугало ихъ; но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ то страшное, называемое французами ridicule (смѣшнымъ)

положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что бы то ни стало, собрать хоть какую-нибудь депутацію; другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо, осторожно и умно приготовивъ императора, объявить ему правду.

— А все-таки надо ему сказать... говорили господа свиты.—Но, господа... Положеніе было тѣмъ тяжелѣ, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Но это невозможно... пожимая плечами, говорили господа свиты, не рѣшаясь выговорить подразумѣваемое страшное слово: „смѣшно". Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія и своимъ актерскимъ чутьемъ чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишкомъ долго, начинаетъ терять свою величественность, подалъ рукою знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву черезъ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью, двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливающимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніемъ войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

Москва между тѣмъ была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста, какъ бываетъ пустъ домирающій, обезматочившій улей...

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безпокойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръ-коллежскаго вала, ожидая того хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій—депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безсмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что они дѣлали.

Когда Наполеону съ должной осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и, отвернувшись, продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ, сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье.

— Пустая Москва! Какое неправдоподобное событіе! говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постоялномъ дворѣ Дорогомиловскаго предмѣстья.

Графъ Л. Толстой.

98. Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый! то-то диво!

Смотрите: лѣпится, какъ ракъ!
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень... Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять!
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!"
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась;
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

И. Крыловъ.

99. Извѣстіе о выходѣ французовъ изъ Москвы.

Кутузовъ, какъ и всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ; но ночью онъ, не раздѣваясь, лежа на своей постели, большей частью не спалъ и думалъ. Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую, изуродованную голову на пухлую руку, и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь въ темнотѣ.

Онъ придумывалъ всякаго рода движенія Наполеоновской арміи, всей или частей ея, къ Петербургу, на него, въ обходъ его, придумывалъ (чего онъ больше всего боялся) и ту случайность, что Наполеонъ станетъ бороться противъ него его же оружіемъ, что онъ останется въ Москвѣ, выжидая его. Кутузовъ придумывалъ даже движеніе Наполеоновской арміи назадъ на Медынь и Юхновъ; но одного, чего онъ не могъ предвидѣть, это того, что совершилось, того безумнаго, судорожнаго метанія войска Наполеона въ продолженіи первыхъ 11-ти дней его выступленія изъ Москвы,—метанія, которое сдѣлало возможнымъ то, о чемъ все-таки не смѣлъ еще тогда думать Кутузовъ: совершенное истребленіе французовъ. Извѣстія отъ партизановъ о бѣдствіяхъ арміи Наполеона, слухи о сборахъ къ выступленію изъ Москвы—все подтверждало предположеніе, что французская армія разбита и сбирается бѣжать; но это были только предположенія, казавшіяся важными для молодежи, но не для Кутузова. Онъ съ своей 60-ти-лѣтней опытностію зналъ, какой вѣсъ надо приписывать слухамъ, зналъ, какъ способны люди, желающіе чего-нибудь, группировать всѣ извѣстія такъ, что они какъ будто подтверждаютъ желаемое, и зналъ, что въ этомъ случаѣ охотно упускаютъ все противорѣчащее. И чѣмъ больше желалъ этого Кутузовъ, тѣмъ меньше онъ позволялъ себѣ этому вѣрить. Но погибель французовъ, предвидѣнная имъ однимъ, была его душевнымъ единственнымъ желаніемъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелилось, и послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди. Что новенькаго? окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь разсказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ? спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своей холодной строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость.

— Позови, позови его сюда!

— Скажи, скажи, дружокъ, сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ, старческимъ голосомъ.—Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки? А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ? Воистину такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи души, перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказаній.

Толь началъ было говорить что-то; но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сощурилось, сморщилось; онъ махнулъ рукою на Толя, повернулся въ противоположную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей... дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки. Спасена Россія! Благодарю Тебя, Господи!

И онъ заплакалъ.

Графъ Л. Толстой.

100. Ко гробу Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой;
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ:
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“—ты всталъ и спасъ.

А. Пушкинъ.

101. На войну (1853—1856 г.).

...Огоньки свѣтятся въ окнахъ избушекъ—большихъ двухъэтажныхъ и крохотныхъ, покачнувшихся. Дымъ несется изъ всѣхъ трубъ. Отрывочный людской говоръ слышится на улицахъ. Вотъ у одной избы столпилась кучка людей. Они проходятъ на дворъ, входятъ въ избу...

— Бабушка Лукерья, Матрена! кричатъ люди, — чай не спите. Эстафета пріѣхала. Письмо привезли.

И вся кучка людей входитъ въ избу, тускло освѣщенную лучиной.

И всѣ крестятся, молятся на передній уголъ, уставленный образами. Посреди избы стоитъ вдова, солдатка Матрена, хозяйка избы. Съ полатей слѣзаетъ сынъ Митя, 20-лѣтній малый, съ добрымъ румянымъ лицомъ, съ ясными голубыми глазами. Съ печи лѣзетъ бабушка Лукерья, старая-старая, носъ крючкомъ, спина дугой, сѣдыя космы торчатъ изъ-подъ высоко повязаннаго платка, черные блестящіе глаза глядятъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Слѣзла, спустилась, стучитъ подожкомъ,

ковыляетъ-идетъ—и всѣ передъ ней разступаются и всѣ ей кланяются. Всѣ въ цѣлой деревнѣ, въ цѣломъ околоткѣ знаютъ и слушаютъ бабушку Лукерью.

Перекрестились, помолились. Нарочный подалъ эстафету, письмо...

— Отъ Микиты! вскрикнула Матрена.—Сердце чуетъ—отъ него, и слезы въ два ручья побѣжали изъ ея глазъ.

Распечатали письмо, выступилъ впередъ Васька, паренекъ грамотный, по двѣнадцатому годку, и сталъ читать:

„Матушкѣ любезной нижайше кланяюсь и слезно прошу родительскаго благословенія. Пишу изъ госпиталя подъ Епаторіей. Сила на насъ поднялась великая. Хранцузъ, и турокъ, и англичанинъ съ ими; берутъ силомъ русскую землю. Погибнетъ наша земля, въ полонъ возьмутъ ее басурманы и нехристи. Матушка родимая, посылай на мое мѣсто Митьку; ему дѣлать около тебя нечего, а я совсѣмъ не гожусь: извели меня нехристи; обѣ ноги отрѣзали, руку повредили, искалѣчили. Завтра, баютъ, помирать буду за царя, за вѣру православную, за землю родимую. Прости, моя матушка родимая, не печалуйся, благослови!“...

Страшный, раздирающій душу крикъ раздался изъ груди матери. Обмерла она, опрокинулась; подхватили ее, положили на лавку.

Перекрестилась бабушка Лукерья; головой затрясла, выступила впередъ.

—Митя! позвала она твердымъ, мужскимъ голосомъ.

Выступилъ къ ней блѣдный Митя.

—Слышалъ, что ль?

—Слышалъ-ста! прошепталъ Митя.

—За Русь, за землю родимую, за вѣру православную хочешь ли умереть?

Краска медленно разлилаь по лицу Мити; глаза загорѣлись и засверкали.

— Хочу! вскричалъ онъ и ударилъ себя въ грудь кулакомъ.

— Благословляй, бабушка Лукерья, завтра иду... за вѣру, за Русь родимую!

— Подайте образъ! властно, повелительно сказала бабушка.

И тотчасъ нѣсколько рукъ бросаются и берутъ образъ и подаютъ бабушкѣ Лукерьѣ. Бабушка Лукерья медленно, истово креститъ, благословляетъ своего внука и, благословивъ, цѣлуетъ его троекратно, а слезы сами собой катятся, бѣгутъ изъ глазъ бабушки и внука...

Н. Вагнеръ.

102. Въ Севастополѣ.

Чтобы итти на 4-ый бастіонъ, возьмите направо, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. На траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ быть, опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводника минъ, землянки, въ грязи которыхъ, согнувшись, могутъ влѣзать только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ Черноморскихъ батальоновъ, которые тамъ переобуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ ту же вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею, на площадку, изрытую и обставленную турами, насыпанными землей, орудіями на платформахъ и земляными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ бруствврами, и морского офицера, который, замѣтивъ

въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что для васъ можетъ быть занимательнымъ. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папироску изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно говоритъ съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно разспрашиваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ—но только, если вы его разспросите—про бомбардированіе 5-го числа, разскажетъ, какъ на его батареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изо всей прислуги осталось 8 человѣкъ, и какъ все-таки на другое утро, 6-го, *онъ* (непріятель) палилъ изо всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ, изъ амбразуры, батареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30, въ 40 саженяхъ.

Даже очень можетъ быть, что морской офицеръ захочетъ при васъ пострѣлять немного. „Послать комендора и прислугу къ пушкѣ!“—и человѣкъ четырнадцать матросовъ,—живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ, — подойдетъ къ пушкѣ и зарядитъ ее. Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей: въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго скулистаго лица, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обутыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти главныя черты, составляющія силу русскаго: простота и упрямство.

Вдругъ ужаснѣйшій гулъ поражаетъ васъ такъ, что вы вздрагиваете всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ затѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда, и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся матросовъ. По случаю этого нашего выстрѣла, вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевленіе и проявленіе чувства, котораго вы не ожидали видѣть; можетъ быть, это чувство злобы, мщенія врагу, которое таится въ душѣ каждаго. „Въ самую амбразуру попало: кажись, убило двухъ... вонъ понесли!“—услышите радостныя восклицанія.

„А вотъ *онъ* разсерчаетъ; сейчасъ пуститъ сюда“, скажетъ кто-нибудь—и, дѣйствительно, скоро вслѣдъ за этимъ вы увидите впереди себя молнію, дымъ; часовой, стоящій на брустверѣ, крикнетъ: „пу-у-шка!“ И вслѣдъ за этимъ мимо васъ взвизгнетъ ядро, шлепнется на землю и воронкой взброситъ вокругъ себя брызги и камни. Батарейный командиръ разсердится на это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудія; непріятель тоже станетъ отвѣчать намъ. Часовой опять закричитъ: „пушка!“—и вы услышите тѣ же звукъ и ударъ, тѣ же брызги,—или закричитъ „*маркела*!“—и вы услышите приближающееся къ вамъ и ускоряющееся посвистыванье, потомъ увидите черный шаръ, ударъ о землю, ощутительный, звенящій разрывъ бомбы. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршатъ въ воздухѣ камни и забрызгаетъ васъ грязью. Но вотъ еще часовой прокричалъ своимъ громкимъ, густымъ голосомъ: „маркела!“, еще посвистыванье, ударъ и разрывъ бомбы; но, вмѣстѣ съ этимъ звукомъ, васъ поражаетъ стонъ человѣка. Вы подходите къ раненому, который, въ крови и грязи, имѣетъ какой-то странный, нечеловѣческій видъ, въ одно время съ носилка-

ми. У матроса вырвана часть груди... И въ то время, когда его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки и съ трудомъ, дрожащимъ голосомъ, говоритъ товарищамъ: „простите, братцы!" еще хочетъ сказать что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ только еще разъ: „простите, братцы!" Въ это время товарищъ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненый, и спокойно, равнодушно, размахивая руками, возвращается къ своему орудію. „Это каждый день, этакъ человѣкъ семь или восемь", говоритъ вамъ морской офицеръ, отвѣчая на выраженіе ужаса на вашемъ лицѣ, зѣвая и свертывая папироску изъ желтой бумаги.

Графъ Л. Толстой.

103. Воля. (Изъ записокъ современника).

...Подъемъ духа былъ всеобщій; взоры всѣхъ съ упованіемъ обращались къ царскому Престолу, съ высоты котораго было уже произнесено великое слово объ уничтоженіи крѣпостного права. Ни для кого не было тайной, что Государь въ теченіе всего лѣта 1858 года — съ іюня по октябрь — нарочно объѣздилъ значительную часть Россіи, и вездѣ: въ Вологдѣ, Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Смоленскѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Ковнѣ, — говорилъ съ дворянами въ одномъ и томъ же духѣ: „Этотъ близкій сердцу Моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ Мои ожиданія; покончите его, при помощи Божіей, безъ обиды какъ для себя, такъ и для крестьянъ".

Самымъ настойчивымъ и безбоязненнымъ поборникомъ реформы выступилъ Царскій Братъ, Великій Князь Константинъ. Назначенный предсѣдателемъ главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ, онъ работалъ неустанно день и ночь и въ засѣданіяхъ комитета поражалъ всѣхъ изумительною памятью и необычайно яснымъ пониманіемъ самыхъ запутанныхъ дѣлъ. Государь цѣнилъ громадныя заслуги Своего Брата и въ послѣднемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта по крестьянскому вопросу, 28 января 1861 г., выразилъ ему горячую благодарность и цѣловалъ его нѣсколько разъ. 19 февраля 1861 г. состоялся Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Много лѣтъ спустя, я съ невольнымъ умиленіемъ разсматривалъ въ Московскомъ Историческомъ музеѣ перо, которымъ былъ подписанъ манифестъ. А что долженъ былъ испытывать Самъ Царь-Освободитель, скрѣпляя Своимъ именемъ этотъ важнѣйшій государственный актъ за все тысячелѣтіе существованія Россіи! Разсказывали, что передъ тѣмъ Государь долго молился одинъ въ своей образной, а подписавъ манифестъ, въ небывало радостномъ возбужденіи, прослезился и сталъ цѣловать своихъ дѣтей, обнимать окружающихъ...

Обнародовать манифестъ нельзя было тогда же, потому что онъ не былъ отпечатанъ, точно такъ же, какъ и самое Положеніе о крестьянахъ: ихъ надо было изготовить въ громаднѣйшемъ числѣ экземпляровъ, чтобы каждый желающій могъ получить ихъ. Манифестъ печатался не только на русскомъ языкѣ, но и на языкахъ разныхъ племенъ Имперіи: польскомъ, финскомъ, латышскомъ, шведскомъ, еврейскомъ, татарскомъ и армянскомъ.

Наступилъ наконецъ и великій день, когда народъ долженъ былъ узнать объ отмѣнѣ его многовѣковой неволи. Было то 5 марта 1861 г., которое пришлось какъ разъ на канунъ Великаго поста — „прощеное воскресенье". Я вышелъ на

улицу посмотрѣть, какъ поведетъ себя „освобожденный" народъ. Погода стояла ясная и мягкая; чувствовалось первое дуновеніе весны. На углахъ тамъ и сямъ толпились кучки любопытныхъ съ поднятыми кверху лицами: на стѣнахъ домовъ былъ расклеенъ манифестъ, и одинъ изъ толпы читалъ его вслухъ другимъ. Нѣсколько витіеватый слогъ манифеста, составленнаго митрополитомъ Филаретомъ, былъ большинству не вполнѣ доступенъ; но всѣ слушали его съ тѣмъ большимъ вниманіемъ и съ видимымъ благоговѣніемъ. Я отправился на Царицынъ лугъ, гдѣ происходило масляничное гулянье. Вся громадная площадь Марсова поля кишѣла праздично-разряженнымъ людомъ, сквозь который едва-едва можно было продраться. Какимъ искреннимъ довольствомъ, какою беззавѣтною радостью свѣтились кругомъ всѣ лица! Тутъ откуда-то издали донеслось „ура"! и, уже не умолкая, перекатывалось все ближе да ближе.—„Царь-батюшка ѣдетъ! Освободитель нашъ"! Вся необозримая масса народа ринулась Ему навстрѣчу. Меня подхватило, понесло неудержимо волною людей. Ногами почти не касаясь земли, мы очутились близъ той дороги, гдѣ долженъ былъ проѣхать царскій экипажъ. И вотъ, поверхъ моря обнаженныхъ головъ, показался, въ открытой коляскѣ, Самъ виновникъ всеобщаго восторга. Въ отвѣтъ на оглушительное ликованіе освобожденныхъ имъ подданныхъ, Государь непрерывно наклонялъ голову направо и налѣво, благородныя черты его сіяли такимъ безпредѣльнымъ счастьемъ, что казались окруженными ореоломъ. Лучи этого ореола изливались кругомъ на всѣхъ и каждаго, и мы всѣ, обуянные неудержимымъ энтузіазмомъ, восторженно кричали: ура-а-а! и бросали на воздухъ картузы и шапки.

Государь проѣхалъ далѣе; вмѣстѣ съ нимъ постепенно удалялись и сопровождавшіе его клики; но тысячеголовое Марсово поле все еще не могло успокоиться отъ радостнаго возбужденія; всѣ говорили въ одно время, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями: „И красавецъ-то вѣдь какой! подлинно, что царь"!—А доброта-то душевная на лицѣ такъ и написана! „Знамо, душа ангельская". —Кабы не Онъ, да не Братъ Его Константинъ,—вовѣкъ не видать бы намъ воли"!

Потолкавшись часа два на Марсовомъ полѣ, я завернулъ въ Лѣтній садъ, гдѣ гуляющихъ было также большое множество. Въ главной аллеѣ шли два гвардейца и также говорили о Государѣ: „А всѣхъ счастливѣе, кажется, все-таки Онъ самъ: ты слышалъ вѣдь, какъ Онъ давеча читалъ манифестъ въ манежѣ"?—Да, голосъ Его дрожалъ отъ глубокаго волненія. Послѣ же депутаціи отъ крестьянъ Онъ тотчасъ пришелъ къ Своей любимицѣ, Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ, и, цѣлуя, сказалъ ей, что сегодняшній день—лучшій въ Его жизни.

В. Авенаріусъ.

104. Смотръ.

Передъ Плоэшти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть Государь Императоръ Александръ II.

Мы проходили передъ нимъ, какъ были съ похода, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же безобразно-навьюченными ранцами, сухарными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго или геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простого мужика; только ружье да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну по четыре человѣка въ шеренгѣ. Я шелъ съ боку,

старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что если Государь съ своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти передъ его глазами и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мною Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось итти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому.

Люди шли быстрѣе и быстрѣе; шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное „ура!“. Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ, и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствія; что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ и все уничтожитъ. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды... „Ты ведешь насъ,—думалъ каждый,—тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри насъ и будь спокоенъ: мы готовы умереть“.

И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, людей, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, недвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, другой—махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ „ура!“

В. Гаршинъ.

105. Русская пѣсня.

Гой, красна земля Володиміра!
Много селъ въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешся,
Синимъ моремъ ты омываешься,
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнѣва Божія.

Гой, красна земля Володиміра!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули:
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ,—
Сослужили тебѣ службу крѣпкую!

А. Хомяковъ.

106. Пѣснь русскому царю.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную,
Ты помяни!

О Провидѣніе,
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная
Сердцу сіяй!

В. Жуковскій.

V. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РОМАНОВЪ.

107. Послѣ выздоровленія.

Послѣ моего выздоровленія я начинаю помнить себя уже дитятей не крѣпкимъ и рѣзвымъ, какимъ я сдѣлался впослѣдствіи, но тихимъ, кроткимъ, необыкновенно жалостливымъ, большимъ трусомъ и въ то же время безпрестанно, хотя медленно, уже читающимъ дѣтскую книжку съ картинками, подъ названіемъ: „Зеркало добродѣтели". Какъ и когда я выучился читать, кто меня училъ и по какой методѣ— рѣшительно не знаю; но писать я учился гораздо позднѣе и какъ-то очень медленно и долго.

Мы жили тогда въ губернскомъ городѣ Уфѣ и занимали огромный деревянный домъ. Домъ былъ обитъ тесомъ, но не выкрашенъ. Онъ потемнѣлъ отъ дождей. Двѣ дѣтскія комнаты, въ которыхъ я жилъ вмѣстѣ съ сестрой, выходили окошками въ садъ, и посаженная подъ ними малина росла такъ высоко, что на цѣлую четверть заглядывала къ намъ въ окна, что очень веселило меня и неразлучнаго моего товарища—маленькую сестрицу.

Садъ впрочемъ былъ хотя довольно великъ, но не красивъ; кое-гдѣ ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два-три тощихъ яблонь, круглые цвѣтники съ ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большого дерева, никакой тѣни. Но и этотъ садъ доставлялъ намъ удовольствіе, особенно моей сестрицѣ, которая не знала ни горъ, ни полей, ни лѣсовъ; я же изъѣздилъ, какъ говорили, болѣе пятисотъ верстъ. Не смотря на мое болѣзненное состояніе, величіе красотъ Божьяго міра незамѣтно ложилось на дѣтскую душу и жило безъ моего вѣдома въ моемъ воображеніи. Я не могъ удовольствоваться нашимъ бѣднымъ го-

родскимъ садомъ и безпрестанно разсказывалъ моей сестрѣ, какъ человѣкъ бывалый, о разныхъ чудесахъ, мною видѣнныхъ. Она слушала съ любопытствомъ, устремивъ на меня полные напряженнаго вниманія свои прекрасные глазки, въ которыхъ въ то же время ясно выражалось: „Братецъ, я ничего не понимаю". Да и что мудренаго: разсказчику только что пошелъ пятый годъ, а слушательницѣ—третій.

С. Аксаковъ.

108. Неожиданный благодѣтель.

Я всякій день читалъ свою единственную книжку—„Зеркало добродѣтели"—моей маленькой сестрицѣ, никакъ не догадываясь, что она еще ничего не понимала, кромѣ удовольствія смотрѣть картинки. Эту дѣтскую книжку я зналъ тогда наизусть всю. Наконецъ „Зеркало добродѣтели" перестало поглощать мое вниманіе и удовлетворять моему ребячьему любопытству; мнѣ захотѣлось почитать другихъ книжекъ, а взять ихъ рѣшительно было негдѣ.

Благодѣтельная судьба скоро послала мнѣ неожиданное новое наслажденіе, которое произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе и много расширило тогдашній кругъ моихъ понятій. Противъ нашего дома жилъ С. И. Аничковъ, старый, богатый холостякъ, слывшій очень умнымъ и даже ученымъ человѣкомъ. Онъ услышалъ какъ-то отъ моихъ родителей, что я мальчикъ прилежный и очень люблю читать книжки, но что читать нечего. На другой день вдругъ присылаетъ онъ человѣка за мною; меня повелъ самъ отецъ. Аничковъ, разспросивъ хорошенько, что я читалъ, какъ понимаю прочитанное и что помню, остался очень доволенъ, велѣлъ подать связку книгъ и подарилъ мнѣ... о счастіе!.. „Дѣтское чтеніе для сердца и разума", изданное Н. И. Новиковымъ. Я такъ обрадовался, что чуть не со слезами бросился на шею старику и, не помня себя, запрыгалъ и побѣжалъ домой, оставя своего отца бесѣдовать съ Аничковымъ.

Боясь, чтобы кто-нибудь не отнялъ моего сокровища, я пробѣжалъ прямо черезъ сѣни въ дѣтскую, легъ въ свою кроватку, закрылся пологомъ, развернулъ первую часть—и позабылъ все меня окружающее. Когда отецъ воротился и разсказалъ матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась, потому что и не знала о моемъ возвращеніи. Меня отыскали лежащаго съ книжкой. Мать разсказывала мнѣ потомъ, что я былъ точно какъ помѣшанный: ничего не говорилъ, не понималъ, что мнѣ говорятъ, и не хотѣлъ идти обѣдать. Должны были отнять книжку, не смотря на горькія мои слезы. Угроза, что книги отнимутъ совсѣмъ, заставила меня удержаться отъ слезъ, встать и даже обѣдать. Послѣ обѣда я опять схватилъ книжку и читалъ до вечера. Разумѣется, мать положила конецъ такому изступленному чтенію: книги заперла въ свой комодъ и выдавала мнѣ по одной части, и то въ извѣстные, назначенные ею часы.

Я читалъ свои книжки съ восторгомъ и, не смотря на разумную бережливость матери, прочелъ все съ небольшимъ въ мѣсяцъ. Для меня открылся новый міръ. Я узналъ въ „Разсужденіи о громѣ", что такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія въ природѣ, на которыя я смотрѣлъ безсмысленно, хотя и съ любопытствомъ, получили для меня смыслъ, значеніе и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы и особенно бабочки съ своими

превращеніями изъ яичекъ въ червяка, изъ червяка въ хризалиду, и наконецъ изъ хризалиды въ красивую бабочку—овладѣли моимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, и я получилъ непреодолимое желаніе все это наблюдать своими глазами.

С. Аксаковъ.

109. Отъѣздъ изъ Уфы.

Съ нѣкотораго времени сталъ я замѣчать, что мать моя не здорова. Она не лежала въ постели, но худѣла, блѣднѣла и теряла силы съ каждымъ днемъ. Нездоровье началось давно, но я этого сперва не видѣлъ и не понималъ причины, отъ чего оно происходило. Только впослѣдствіи узналъ изъ разговоровъ меня окружавшихъ людей, что мать сдѣлалась больна отъ тѣлеснаго истощенія и душевныхъ страданій во время моей болѣзни.

Не имѣя полной довѣренности къ искусству уфимскихъ докторовъ, мать рѣшилась ѣхать въ Оренбургъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ докторомъ Деобольдомъ, который славился во всемъ краѣ чудесными излѣченіями отчаянно-больныхъ. Она сама сказала мнѣ объ этомъ съ веселымъ видомъ и увѣрила, что возвратится здоровою. Дѣтей, т. е. насъ съ сестрой, рѣшились завезти въ Багрово и оставить у бабушки съ дѣдушкой. Я былъ очень доволенъ, узнавъ, что мы поѣдемъ на своихъ лошадяхъ и что будемъ въ полѣ кормить. Дѣдушку съ бабушкой мнѣ также хотѣлось видѣть.

Начались сборы. Я собрался прежде всѣхъ: уложилъ свои книжки, т. е. „Дѣтское чтеніе“ и „Зеркало добродѣтели“, въ которое однако я уже давно не заглядывалъ; не забылъ также и чурочки, чтобъ играть ими съ сестрицей. Двѣ книжки „Дѣтскаго чтенія“, которыя я перечитывалъ уже въ третій разъ, оставилъ на дорогу, и съ радостнымъ лицомъ прибѣжалъ сказать матери, что я готовъ ѣхать, и что мнѣ жаль только оставить Сурку.

Сборы продолжались еще нѣсколько дней. Наконецъ все было готово.

Въ жаркое лѣтнее утро—это было въ исходѣ іюля—разбудили насъ съ сестрой ранѣе обыкновеннаго; напоили чаемъ за маленькимъ нашимъ столикомъ; подали карету къ крыльцу, и, помолившись Богу, мы всѣ пошли садиться. Для матери было такъ устроено, что она могла лежать; рядомъ съ нею сѣлъ отецъ, а противъ него нянька съ моею сестрицей; я же стоялъ у каретнаго окна, придерживаемый отцомъ и помѣщаясь вездѣ, гдѣ открывалось мѣстечко. Спускъ къ рѣкѣ Бѣлой былъ такъ крутъ, что понадобилось подтормазить два колеса. Мы съ отцомъ и няня съ сестрицей шли съ горы пѣшкомъ.

С. Аксаковъ.

110. Переправа черезъ рѣку Бѣлую.

Здѣсь начинается рядъ еще неиспытанныхъ мною впечатлѣній. Я не одинъ уже разъ переправлялся черезъ Бѣлую, но по тогдашнему болѣзненному моему состоянію и почти младенческому возрасту, ничего этого не замѣтилъ и не почувствовалъ; теперь же я былъ пораженъ широкою и быстрою рѣкою, отлогими песчаными ея берегами и зеленою уремой на противоположномъ берегу. Нашу карету и повозку стали грузить на паромъ, а намъ подали большую лодку, на которую мы всѣ должны были перейти по двумъ доскамъ, положеннымъ съ берега на край

лодки. Перевозчики въ пестрыхъ мордовскихъ рубахахъ, бродя по колѣни въ водѣ, повели подъ руки мою мать и няньку съ сестрицей; вдругъ одинъ изъ перевозчиковъ, рослый и загорѣлый, схватилъ меня на руки и понесъ прямо по водѣ въ лодку, а отецъ пошелъ рядомъ по дощечкѣ, улыбаясь и ободряя меня, потому что я, по своей трусости, отъ которой еще не освободился, очень испугался такого неожиданнаго путешествія. Четверо гребцовъ сѣли въ весла, перенесшій меня человѣкъ взялся за кормовое весло, оттолкнулись отъ берега шестомъ, всѣ пятеро перевозчиковъ перекрестились, кормчій громко сказалъ: „Призывай Бога на помощь!“ —и лодка полетѣла поперекъ рѣки, скользя по вертящейся быстринѣ. Я былъ такъ пораженъ этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что совершенно онѣмѣлъ и не отвѣчалъ ни одного слова на вопросы отца и матери. Всѣ смѣялись, говоря, что отъ страха у меня языкъ отнялся; но это было не совсѣмъ справедливо: я былъ подавленъ не столько страхомъ, сколько новостью предметовъ и величіемъ картины, красоту которой я чувствовалъ, хотя объяснить, конечно, не умѣлъ.

Когда мы стали подплывать къ другому, отлогому, берегу и, по мелкому мѣсту, пошли на шестахъ къ пристани, я уже совершенно опомнился, и мнѣ стало такъ весело, какъ никогда не бывало. Бѣлые, чистые пески съ грядами разноцвѣтной гальки, т.-е. камешковъ, широко разстилались передъ нами. Одинъ изъ гребцовъ соскочилъ въ воду, подвелъ лодку за носовую веревку къ пристани и крѣпко привязалъ къ причалу; другой гребецъ сдѣлалъ то же съ кормою, и мы всѣ преспокойно вышли на пристань. Сколько новыхъ предметовъ, сколько новыхъ словъ! Тутъ мой языкъ уже развязался, и я съ большимъ любопытствомъ сталъ разспрашивать обо всемъ нашихъ перевозчиковъ. Я не могу забыть, какъ эти добрые люди ласково, просто и толково отвѣчали мнѣ на мои безчисленные вопросы, и какъ они были благодарны, когда отецъ далъ имъ что-то за труды.

Съ нами на лодкѣ былъ коверъ и подушки, мы разостлали ихъ на сухомъ пескѣ, подальше отъ воды, потому что мать боялась сырости,—и она прилегла на нихъ; меня же отецъ повелъ набирать галечки. Я не имѣлъ о нихъ понятія и пришелъ въ восхищеніе, когда отецъ отыскалъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ, гладкихъ, блестящихъ разными цвѣтами камешковъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли очень красивую, затѣйливую фигуру. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ нельзя отыскать такого разнообразія гальки, какъ на рѣкѣ Бѣлой; въ этомъ я убѣдился впослѣдствіи. Мы тутъ же нашли нѣсколько окаменѣлостей, которыя и послѣ долго у насъ хранились, и которыя можно назвать рѣдкостью: это былъ большой кусокъ пчелинаго сота и довольно большая лепешка или кучка рыбьей икры, совершенно превратившаяся въ камень. Переправа кареты, кибитки и девяти лошадей продолжалась довольно долго, и я успѣлъ набрать цѣлую кучу чудесныхъ, по моему мнѣнію, камешковъ; но я очень огорчился, когда отецъ не позволилъ мнѣ ихъ взять съ собою, а выбралъ только десятка полтора, сказавъ, что всѣ остальные дрянь; я доказывалъ противное, но меня не послушали, и я съ большимъ сожалѣніемъ оставилъ набранную мною кучку.

Мы сѣли въ карету и отправились въ дальнѣйшій путь. Мать какъ будто освѣжилась на открытомъ воздухѣ, и я съ жаромъ началъ ей показывать и разсказывать о найденныхъ мною драгоцѣнностяхъ, которыми были набиты мои карманы; камешки очень понравились моей сестрицѣ, и нѣкоторые изъ нихъ я пода-

рилъ ей. Въ нашей каретѣ было много дорожныхъ ящиковъ; одинъ изъ нихъ мать опростала и отдала въ мое распоряженіе, и я съ большимъ стараніемъ уложилъ въ него свои сокровища.

С. Аксаковъ.

111. Первый вечеръ въ Багровѣ.

Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цѣловались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецѣловали. Къ дѣдушкѣ сначала вошелъ отецъ, и потомъ мать, а насъ съ сестрицей оставили однихъ въ залѣ. Мать успѣла сказать намъ, чтобы мы были смирны, никуда по комнатамъ не ходили и не говорили громко. Такое приказаніе такъ насъ смутило, что мы оробѣли и молча сидѣли на стулѣ совершенно одни. Наконецъ вышла мать... Мать взяла насъ обоихъ за руки и ввела въ горницу дѣдушки. Онъ лежалъ въ постели. Сѣдая борода отросла у него чуть не на вершокъ, и онъ показался мнѣ очень страшенъ. „Здравствуйте, внучекъ и внучка!“ сказалъ онъ, протянувъ намъ руку. Мать шепнула, чтобъ мы ее поцѣловали. „Не разгляжу теперь“, продолжалъ дѣдушка, жмурясь и накрывъ глаза рукою: „на кого похожъ Сережа: когда я его видѣлъ, онъ еще ни на кого не походилъ. А Надежа, кажется, похожа на мать. Завтра, Богъ дастъ, не встану ли какъ-нибудь съ постели. Дѣти, чай, съ дороги кушать хотятъ; покормите же ихъ. Ну, ступайте, улаживайтесь на новомъ гнѣздѣ“. Мы всѣ вышли.

Бабушка предложила моей матери выбрать для своего помѣщенья одну изъ двухъ комнатъ: или залу, или гостиную. Мы заняли гостиную. Съ нами была желѣзная двойная кровать, которая вся развинчивалась и разбиралась. Ефремъ съ Ѳедоромъ сейчасъ ее собрали и поставили, а Параша повѣсила очень красивый занавѣсъ; на окошки повѣсили гардины—и комната вдругъ получила совсѣмъ другой видъ. Дорожные сундуки также притащили въ гостиную и покрыли ковромъ. Я не забылъ своего ящичка съ камешками, а также своихъ книгъ и все это разложилъ въ углу на столикѣ.

Передъ ужиномъ отецъ съ матерью ходили къ дѣдушкѣ и остались у него посидѣть. Насъ также хотѣли было сводить къ нему проститься, но бабушка сказала, что не надо его безпокоить, и что дѣтямъ пора спать. Оставшись одни въ новомъ своемъ гнѣздѣ, мы съ сестрицей принялись болтать. Я сообщилъ моей сестрицѣ, что мнѣ невесело въ Багровѣ, что я боюсь дѣдушки, что мнѣ хочется опять въ карету, опять въ дорогу, и много тому подобнаго; но сестрица, плохо понимая меня, уже дремала и говорила такой вздоръ, что я смѣялся. Наконецъ сонъ одолѣлъ ее, я позвалъ няню, и она уложила мою сестру спать на одной кровати съ матерью, гдѣ и мнѣ приготовлено было мѣстечко.

С. Аксаковъ.

112. Отъѣздъ отца и матери въ Оренбургъ.

Дѣдушка, увидя, какъ въ самомъ дѣлѣ больна моя мать, очень сожалѣлъ объ ней и совѣтовалъ ѣхать немедленно въ Оренбургъ.

Снова поразила меня мысль о разлукѣ съ матерью и отцомъ. Оставаться намъ однимъ съ сестрицей въ Багровѣ на цѣлый мѣсяцъ казалось мнѣ такъ страшно.

Скоро я замѣтилъ, что стали рѣшительно сбираться въ Оренбургъ, и что самъ дѣдушка торопилъ отъѣздомъ, потому что путь былъ не близкій. Моя мать просила и молила со слезами бабушку и тетушку не оставить насъ, присмотрѣть за нами, не кормить постнымъ кушаньемъ и, въ случаѣ нездоровья, не лѣчить обыкновенными ихъ лѣкарствами — „гарлемскими каплями“ и „эссенціей долгой жизни“, которыми онѣ лѣчили всѣхъ, и стариковъ и младенцевъ, отъ всѣхъ болѣзней. На всякій случай мать оставила нѣкоторыя лѣкарства изъ своей аптеки и даже написала, какъ и когда ихъ употреблять, если кто-нибудь изъ насъ захвораетъ.

Все это время, до отъѣзда матери, я находился въ тревожномъ состояніи и даже борьбѣ съ самимъ собою. Видя мать блѣдною, худою и слабою, я желалъ только одного—чтобъ она ѣхала поскорѣе къ доктору; но какъ только я или оставался одинъ, или хотя и съ другими, но не видалъ передъ собою матери, тоска отъ приближающейся разлуки и страхъ остаться съ дѣдушкой, бабушкой и тетушкой, которые не были такъ ласковы къ намъ, какъ мнѣ хотѣлось,—овладѣвали мной. Нѣсколько разъ готовъ я былъ броситься къ матери на шею и просить, чтобъ она не ѣздила, или взяла насъ съ собою; но больное ея лицо заставляло меня опомниться, и желаніе, чтобъ она ѣхала лѣчиться, всегда побѣждало мою тоску и страхъ.

Черезъ недѣлю отецъ и мать уѣхали. При прощаньи я уже не умѣлъ совладѣть съ собою, и мы оба съ сестрой плакали и рыдали; мать также. Когда карета съѣхала со двора и пропала изъ моихъ глазъ, я пришелъ въ изступленіе, бросился съ крыльца и побѣжалъ догонять карету съ крикомъ: „Маменька, воротись!“ Этого никто не ожидалъ, и потому не вдругъ могли меня остановить: я успѣлъ перебѣжать черезъ дворъ и выбѣжать на улицу. Евсеичъ первый догналъ меня, за нимъ бѣжало множество народа; онъ схватилъ меня и, крѣпко держа на рукахъ, принесъ домой. Дѣдушка съ бабушкой стояли на крыльцѣ, а тетушка шла къ намъ на встрѣчу. Она стала уговаривать и ласкать меня, но я ничего не слушалъ, кричалъ, плакалъ и старался вырваться изъ крѣпкихъ рукъ Евсеича. Когда онъ, взошедъ на крыльцо, поставилъ меня на ноги передъ дѣдушкой,—дѣдушка сердито крикнулъ: „Перестань ревѣть! о чемъ плачешь? мать воротится, не останется жить въ Оренбургѣ“. И я присмирѣлъ. Тетушка взяла меня за руку и повела въ гостиную, т.-е. въ нашу спальную комнату. Милая моя сестрица, держась за другую мою руку и сама обливаясь тихими слезами, говорила: „Не плачь, братецъ, не плачь“. Когда мы вошли въ гостиную, и я увидѣлъ кровать, на которой мы обыкновенно спали вмѣстѣ съ матерью, я бросился на постель и снова принялся громко рыдать. Тетушка, Евсеичъ и нянька Агаѳья употребляли всѣ усилія, чтобъ успокоить меня книжками, игрушками и разговорами. Евсеичъ пробовалъ остановить мои слезы разсказами о дорогѣ, о Демѣ, объ уженьи и о рыбкахъ; но все было напрасно; только утомившись отъ слезъ и рыданья, я наконецъ, самъ не знаю какъ, заснулъ.

С. Аксаковъ.

113. Пребываніе въ Багровѣ безъ отца и матери.

Первые дни послѣ отъѣзда отца и матери я провелъ въ безпрестанной тоскѣ и слезахъ; но мало-по-малу успокоился, осмотрѣлся вокругъ себя и устроился.

Всякій день я принимался учить читать маленькую сестрицу—и совершенно безъ пользы, потому что во все время пребыванія нашего въ Багровѣ она не выучила даже азбуки. Всякій день заставлялъ ее слушать „Дѣтское чтеніе“, читая съ ряду всѣ статьи безъ исключенія, хотя многихъ самъ не понималъ. Бѣдная слушательница моя часто зѣвала, напряженно устремивъ на меня свои прекрасные глазки, и засыпала иногда подъ мое чтеніе. Тогда я принимался съ ней играть, строя городки и церкви изъ чурочекъ или дома, въ которыхъ хозяевами были ея куклы. Самая любимая ея игра была игра „въ гости“: мы садились по разнымъ угламъ, я бралъ къ себѣ одну или двѣ изъ ея куколъ, съ которыми пріѣзжалъ въ гости къ сестрицѣ, т.-е. переходилъ изъ одного угла въ другой. У сестрицы всегда было нѣсколько куколъ, которыя всѣ назывались ея дочками или племянницами; тутъ было много разговоровъ и угощеній—полное передразниванье большихъ людей. Я очень помню, что пускался въ разныя выдумки и разсказывалъ разныя небывалыя со мной приключенія, нѣкоторымъ основаніемъ или образцомъ которыхъ были прочитанныя мною въ книжкахъ или слышанныя происшествія. Такъ, напримѣръ, я разсказывалъ, что у меня въ домѣ былъ пожаръ, что я выпрыгнулъ съ двумя дѣтьми изъ окошка (т.-е. съ двумя куклами, которыхъ держалъ въ рукахъ); или что на меня напали разбойники, и я всѣхъ ихъ побѣдилъ; наконецъ, что въ Багровскомъ саду есть пещера, въ которой живетъ Змѣй-Горынычъ о семи головахъ, и что я намѣренъ ихъ отрубить. Мнѣ очень было пріятно, что мои разсказы производили впечатлѣніе на мою сестрицу, и что мнѣ иногда удавалось даже напугать ее; одну ночь она худо спала, просыпалась, плакала и все видѣла во снѣ то разбойниковъ, то Змѣя-Горынича, и прибавляла, что это братецъ ее напугалъ. Няня погрозила мнѣ, что пожалуется дѣдушкѣ, и я укротилъ пламенные порывы моей дѣтской фантазіи.

Дѣдушка получилъ только одно письмо изъ Оренбурга съ приложеніемъ маленькой записочки ко мнѣ отъ матери, написанной крупными буквами, чтобъ я лучше могъ разобрать. Эта записочка доставила мнѣ великую радость. Тутъ примѣшивалась новость впечатлѣнія особаго рода: въ первый разъ услышалъ я рѣчь, обращенную ко мнѣ изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ, и отъ кого же? Отъ матери, которую я такъ горячо любилъ, о которой безпрестанно думалъ и часто тосковалъ. До сихъ поръ еще никто ко мнѣ не писалъ ни одного слова.

С. Аксаковъ.

114. Возвращеніе отца и матери изъ Оренбурга.

Въ одинъ изъ скучныхъ дней вбѣжала къ намъ въ комнату дѣвушка Ѳеклуша и громко закричала: „Молодые господа ѣдутъ!“ Сестрица моя начала прыгать и кричать: „Маменька пріѣхала, маменька пріѣхала!“ Нянька проворно оправила наше платье и волосы, взяла обоихъ насъ за руки и повела въ лакейскую. Двери были растворены настежь, въ сѣняхъ уже стояла бабушка, тетушка... Дождь лилъ, какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выйти. Подъѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери — и съ этой минуты я ничего не помню...

Я очнулся, или очувствовался уже на колѣняхъ матери, которая сидѣла на канапе, положивъ мою голову на свою грудь. Вотъ была радость, вотъ было счастье!

Какъ только я совсѣмъ оправился и началъ было разспрашивать и разсказывать,—моя мать торопливо встала и ушла къ дѣдушкѣ, съ которымъ она еще не успѣла поздороваться. Черезъ нѣсколько минутъ прислали Евсеичу сказать, чтобъ онъ меня привелъ къ старому барину. Дѣдушка сидѣлъ на кровати, а возлѣ него по одну сторону отецъ, по другую мать. Я не видѣлъ, или лучше сказать, не помнилъ, что видѣлъ отца, а потому, обрадовавшись, прямо бросился къ нему на шею и началъ его обнимать и цѣловать. — „А, такъ ты такъ же и отца любишь, какъ мать“, весело сказалъ дѣдушка: „а я думалъ, что ты только по ней соскучился“.

Отецъ съ матерью пріѣхали передъ обѣдомъ часа за два. Послѣ обѣда всѣ разошлись, по обыкновенію, отдыхать, а мы остались одни. Я разсказывалъ отцу и матери подробно все время нашего пребыванія безъ нихъ. Въ свою очередь разспросилъ также отца и мать о томъ, что случилось съ ними въ Оренбургѣ. Изъ разсказовъ ихъ и разговоровъ съ другими я узналъ къ большой моей радости, что докторъ Деобольдъ не нашелъ никакой чахотки у моей матери, но зато нашелъ другія важныя болѣзни, отъ которыхъ и началъ было лѣчить ее; что лѣкарства ей очень помогли сначала, но что потомъ она стала тосковать о дѣтяхъ, и докторъ принужденъ былъ ее отпустить; что онъ далъ ей лѣкарствъ на всю зиму, а весною приказалъ пить кумысъ, и что для этого мы поѣдемъ въ какую-то прекрасную деревню, и что мы съ отцомъ и Евсеичемъ будемъ тамъ удить рыбку. Все это меня успокоило и обрадовало, особенно потому, что другіе говорили, да я и самъ видѣлъ, что маменька стала здоровѣе и крѣпче.

С. Аксаковъ.

115. Въ Уфѣ.

1. Послѣ скучной, продолжительной и утомительной дороги я очень обрадовался нашему уфимскому просторному дому, большимъ и высокимъ комнатамъ, Суркѣ, который мнѣ также очень обрадовался, и—свободѣ бѣгать, играть и шумѣть, гдѣ угодно.

Въ домѣ насъ встрѣтили неожиданные гости, которымъ мать очень обрадовалась: это были ея родные братья — Сергѣй Николаичъ и Александръ Николаичъ. Они служили въ военной службѣ, въ какомъ-то драгунскомъ полку, и пріѣхали въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Съ перваго взгляда я полюбилъ обоихъ дядей: оба очень молодые, красивые, ласковые и веселые, особенно Александръ Николаичъ. Они воспитывались въ Москвѣ, въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ; любили читать книжки и умѣли наизусть читать стихи; это была для меня совершенная новость: я до тѣхъ поръ не зналъ, что такое стихи, и какъ ихъ читаютъ. Вдобавокъ ко всему, дядя Сергѣй Николаичъ очень любилъ рисовать—и хорошо рисовалъ; съ нимъ былъ ящичекъ съ соковыми красками и кисточки. Одно ужъ это привело меня въ восхищеніе.

2. Послѣ чтенія лучшимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть, какъ рисуетъ дядя Сергѣй Николаичъ. Онъ рисовалъ не только для меня маленькія картинки, но и для себя довольно большія картины. Я не могъ бывало дождаться того времени, когда дядя сядетъ за столъ у себя въ комнатѣ, на которомъ стоялъ уже стаканъ съ водой и чистая фаянсовая тарелка, заранѣе мною приготовленная. За

нѣсколько времени до назначеннаго часа я уже не отходилъ отъ дяди и все смотрѣлъ ему въ глаза; а если и это не помогало, то дергалъ его за рукавъ, говоря самымъ просительнымъ голосомъ: „Дяденька, пойдемте рисовать!" Наконецъ онъ садился за столъ, натиралъ на тарелку краски, обмакивалъ кисточку въ стаканъ — и глаза мои уже не отрывались отъ его руки, и каждое появленіе новаго листка на деревѣ, носа у птицы, ноги у собаки или какой-нибудь черты въ человѣческомъ лицѣ привѣтствовалъ я радостными восклицаніями.

Видя такую мою охоту, дядя вздумалъ учить меня рисовать. Онъ весьма тщательно приготовилъ мнѣ оригиналы, т.-е. мелкіе и большіе полукружочки и полные круги, безъ тушовки и оттушованные, помѣщенные въ квадратикахъ, заранѣе расчерченныхъ, потомъ глазки, бровки и проч. Дядя, какъ скоро садился самъ за свою картину, усаживалъ и меня рисовать на другомъ столѣ. Но ученіе сначала не имѣло никакого успѣха, потому что я безпрестанно вскакивалъ, чтобы посмотрѣть, какъ рисуетъ дядя; а когда онъ запретилъ мнѣ сходить съ мѣста, то я таращилъ свои глаза на него, или влѣзалъ на стулъ, надѣясь хоть что-нибудь увидѣть. Дядя догадался, что прока не будетъ, и началъ заставлять меня рисовать въ другіе часы. Онъ не ошибся: въ короткое время я сдѣлалъ блистательные успѣхи для своего возраста. Дядя былъ въ восторгѣ и пророчилъ, что изъ меня выйдетъ необыкновенный рисовальщикъ.

С. Аксаковъ.

116. Лѣтнія занятія.

Милая моя сестрица была вѣрною моей подругой и помощницей въ собираніи травъ и цвѣтовъ, въ наблюденьяхъ за гнѣздами маленькихъ птичекъ, которыхъ много водилось въ старыхъ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ, въ собираньи червячковъ, бабочекъ и разныхъ букашекъ.

Замѣтивъ гнѣздо какой-нибудь птички, мы всякій день ходили смотрѣть, какъ мать сидитъ на яйцахъ. Иногда по неосторожности мы спугивали ее съ гнѣзда — и тогда бережно раздвинувъ колючія вѣтви барбариса или крыжовника, разглядывали, какъ лежатъ въ гнѣздѣ маленькія, миленькія, пестренькія яички. Случалось иногда, что мать, наскучивъ нашимъ любопытствомъ, бросала гнѣздо; тогда мы, увидя, что уже нѣсколько дней птички въ гнѣздѣ нѣтъ, доставали яички или даже все гнѣздо, и уносили къ себѣ въ комнату, считая, что мы законные владѣльцы жилища, оставленнаго матерью. Когда же птичка благополучно, не смотря на наши помѣхи, высиживала свои яички, и мы вдругъ находили вмѣсто нихъ голенькихъ дѣтенышей, съ жалобнымъ тихимъ пискомъ безпрестанно разѣвающихъ огромные рты; видѣли, какъ мать прилетала и кормила ихъ мушками и червячками, — Боже мой, какая была у насъ радость! Мы не переставали слѣдить, какъ маленькія птички росли, перились и наконецъ покидали свое гнѣздо.

Сорванные травы и цвѣты мы раскладывали и сушили въ книгахъ; а чтобы листы въ книгахъ не портились отъ сырости и не раскрашивались разными красками, мы клали цвѣты между листочками писчей бумаги.

Свѣтящіеся червячки прельщали насъ своимъ фосфорическимъ блескомъ; мы ловили ихъ и держали въ ящикахъ или бумажныхъ коробочкахъ, положивъ туда разныхъ травъ и цвѣтовъ. То же дѣлали мы со всякими червяками, у которыхъ

[illegible]

было 16 ножекъ. Свѣтляки не долго жили и почти всегда на другой же день теряли способность разливать по временамъ свой плѣнительный блескъ, которымъ мы любовались въ темной комнатѣ. Другіе червячки жили долго и превращались иногда, къ великой нашей радости, въ хризалиды, или куколки. Я зналъ, что изъ хризалидъ должны были вывестись бабочки; но какъ въ то время я еще не умѣлъ ходить за этимъ дѣломъ, то превращенія хризалидъ въ бабочки у насъ не было, да и быть не могло, потому что мы ихъ безпрестанно смотрѣли, даже трогали, чтобъ узнать, живы ли онѣ. У насъ вывелась только одна найденная мною гдѣ-то подъ застрѣхой, вся золотистая куколка; изъ нея вышла самая обыкновенная крапивная бабочка, но радость была необыкновенная.

С. Аксаковъ

117. Я—будущій гимназистъ.

Въ серединѣ зимы 1799 года пріѣхали мы въ губернскій городъ Казань. Мнѣ было восемь лѣтъ. Морозы стояли трескучіе, и хотя заранѣе были наняты для насъ двѣ комнаты въ маленькомъ домѣ капитанши Аристовой, но мы не скоро отыскали свою квартиру, которая, впрочемъ, находилась на хорошей улицѣ, называющейся „Грузинскою“. Мы пріѣхали подъ вечеръ — и я помню, что озябъ ужасно, что квартира была холодна, что чай не согрѣлъ меня, и что я легъ спать, дрожа, какъ въ лихорадкѣ; еще болѣе помню, что страстно любившая меня мать также дрожала, но не отъ холода, а отъ страха, чтобъ не простудилось ея любимое дитя, ея Сереженька. Прижавшись къ материнскому сердцу и прикрытый сверхъ одѣяла лисьимъ салопомъ, я согрѣлся, уснулъ и проснулся на другой день здоровымъ, къ неописанной радости моей встревоженной матери.

Проснувшись, я былъ пораженъ движеніемъ на улицѣ: до сихъ поръ я ничего подобнаго не видывалъ. Впечатлѣніе было такъ сильно, что я не могъ оторваться отъ окошка. Не удовлетворяясь отвѣтами на мои разспросы пріѣхавшей съ нами женщины Параши, которая сама ничего не знала, я добился какой-то хозяйской дѣвушки и мучилъ ее нѣсколько часовъ сряду, задавая иногда такіе вопросы, на которые она отвѣчать не умѣла.

Отецъ и мать ѣздили въ соборъ помолиться и еще куда-то по своимъ дѣламъ, но меня съ собою не брали, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но вечеромъ опять уѣхали. Утомленный новыми впечатлѣніями, я заснулъ ранѣе обыкновеннаго, болтая и слушая болтовню Параши; но только что разоспался, какъ ласковая рука той же Параши бережно меня разбудила. Мнѣ сказали, что за мною прислали возокъ, что мнѣ надобно встать и ѣхать въ гости, гдѣ ожидали меня отецъ и мать. Меня одѣли въ праздничное платье, умыли и причесали, закутали и посадили въ возокъ вмѣстѣ съ тою же Парашей.

Вырванный изъ крѣпкаго ребячьяго сна, испуганный такимъ происшествіемъ, какого со мной никогда не бывало, застѣнчивый отъ природы, съ замирающимъ сердцемъ, съ предчувствіемъ чего-то страшнаго, ѣхалъ я по опустѣвшимъ городскимъ улицамъ. Наконецъ мы пріѣхали. Параша раздѣла меня въ лакейской, повторила мнѣ на ухо слова, нѣсколько разъ сказанныя дорогой, чтобъ я не робѣлъ, довела за руку до гостиной; лакей отворилъ дверь, и я вошелъ. Блескъ свѣчей и громкія рѣчи такъ меня смутили, что я остановился, какъ вкопаный, у двери.

Первый увидѣлъ меня отецъ и сказалъ: „А вотъ и рекрутъ". Я смѣшался еще болѣе: „Лобъ!" произнесъ чей-то громовой голосъ, и мужчина огромнаго роста поднялся съ креселъ и пошелъ ко мнѣ. Я такъ перепугался, ибо понималъ страшный смыслъ этого слова, что почти безъ памяти бросился бѣжать. Громкій хохотъ всѣхъ присутствующихъ остановилъ меня; но матери моей не понравилась эта шутка: материнское сердце возмутилось испугомъ своего дитяти; она бросилась ко мнѣ, обняла меня, ободрила словами и ласками, и, поплакавъ, я скоро успокоился.

Теперь надобно разсказать, куда привезли меня. Это былъ домъ старинныхъ друзей моего отца и матери, Максима Дмитріевича и Елизаветы Алексѣевны Княжевичей, которые прежде нѣсколько лѣтъ жили въ Уфѣ... Когда Княжевичи жили въ Уфѣ, то мы видались очень часто, и мы съ сестрой игрывали вмѣстѣ съ ихъ старшими сыновьями, Дмитріемъ и Александромъ, которые также были тутъ, и которыхъ я не скоро узналъ; но когда мать все это мнѣ напомнила и растолковала, то я вдругъ закричалъ: „Ахъ, маменька, такъ это тѣ Княжевичи, которые учили меня бить лбомъ грецкіе орѣхи!" Восклицаніе мое возбудило общій смѣхъ. Робость прошла, и я сдѣлался веселъ и вновь подружился съ старыми пріятелями; они были одѣты въ зеленые мундиры съ красными воротниками, и я узналъ, что они отданы въ казанскую гимназію, куда черезъ часъ ихъ увезли. Это случилось въ воскресенье; молодые Княжевичи были отпущены къ родителямъ съ утра до восьми часовъ вечера. Мнѣ стало скучно, и, слушая разговоры моего отца и матери съ хозяевами, я задремалъ, какъ вдругъ долетѣли до дѣтскаго моего слуха слѣдующія слова, которыя навели на меня ужасъ и далеко прогнали сонъ. „Да, мой любезный Тимоѳей Степанычъ и почтенная Марья Николаевна",— говорилъ твердымъ и рѣзкимъ голосомъ Максимъ Дмитріевичъ:—„примите мой дружескій совѣтъ, отдайте Сережу въ гимназію. Мальчика пора учить: въ Уфѣ никакихъ учителей не было, кромѣ Матвѣя Васильича въ народномъ училищѣ; а теперь вы переѣхали на житье въ деревню, гдѣ и Матвѣя Васильича не достанешь".

Мой отецъ безусловно соглашался съ этимъ мнѣніемъ, а мать, пораженная мыслію разлуки съ своимъ сокровищемъ, поблѣднѣла и встревоженнымъ голосомъ возражала, что я еще малъ, слабъ здоровьемъ и такъ привязанъ къ ней, что она не можетъ вдругъ на это рѣшиться. Я сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ ни мертвъ. Наконецъ тотъ же возокъ, который привезъ меня, отвезъ насъ опять на квартиру.

Послѣ я узналъ, что мой отецъ и Княжевичи продолжали уговаривать мою мать отдать меня немедленно на казенное содержаніе въ казанскую гимназію, но мать моя ни за что не согласилась и сказала рѣшительно, что ей надобно по крайней мѣрѣ годъ времени, чтобы совладѣть съ своимъ сердцемъ, чтобы самой привыкнуть и меня пріучить къ этой мысли.

С. Аксаковъ.

118. Приготовленіе къ поступленію въ гимназію.

Мы опять потащились на своихъ лошадяхъ, сначала въ Симбирскую губернію, гдѣ взяли сестру и брата, и потомъ пустились за Волгу, въ Новое Аксаково, гдѣ оставалась новорожденная сестра Аннушка.

Лѣто провелъ я въ такомъ же дѣтскомъ упоеніи и ничего не подозрѣвалъ; но осенью, когда я сталъ больше сидѣть дома, больше слушать и больше смотрѣть на мою мать, то сталъ примѣчать въ ней какую-то перемѣну: прекрасные

глаза ея устремлялись иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ тайной грусти; я подглядѣлъ даже слезы, старательно отъ меня скрываемыя. Встревоженный и огорченный, со всѣми ласками горячей любви, я приставалъ съ разспросами къ моей матери. Сначала она увѣряла меня, что это такъ, что это ничего не значитъ; но скоро въ ея разговорахъ со мной я началъ слышать, какъ сокрушается она о томъ, что мнѣ не у кого учиться, какъ необходимо ученье мальчику; что она лучше желаетъ умереть, нежели видѣть дѣтей своихъ, выростающихъ невѣждами; что мужчинѣ надобно служить, а для службы необходимо учиться... Я понялъ, къ чему клонится рѣчь. Мать подтвердила мою догадку и сказала, что она рѣшилась; а я зналъ, что ея рѣшенья тверды...

Меня стали приготовлять къ школьному ученью. Для своего возраста я читалъ, какъ нельзя лучше, но писалъ по-дѣтски. Отецъ еще прежде хотѣлъ мнѣ передать первыя четыре ариѳметическія правила, но я такъ непонятливо и лѣниво учился, что онъ бросилъ ученье. Тутъ все перемѣнилось: въ два мѣсяца я выучилъ эти четыре правила; въ остальное время до отъѣзда въ Казань отецъ только повторялъ со мной зады; въ списываніи прописей я достигъ также возможнаго совершенства. Все это я дѣлалъ на глазахъ у своей матери и единственно для нея. Она сказала мнѣ, что сгоритъ со стыда, если меня не похвалятъ на экзаменѣ, который надобно было выдержать именно въ этихъ предметахъ при вступленіи въ гимназію.

Я не отходилъ отъ матери ни на шагъ. Напрасно посылала она меня погулять или посмотрѣть на голубей и ястребовъ. Я никуда не ходилъ и всегда отвѣчалъ одно: „Мнѣ не хочется, маменька". Съ намѣреніемъ пріучить меня къ мысли о разлукѣ, мать безпрестанно говорила со мной о гимназіи, объ ученьѣ, непремѣнно хотѣла впослѣдствіи отвезти меня въ Москву и отдать въ Университетскій благородный пансіонъ, куда нѣкогда опредѣлила она, будучи еще семнадцатилѣтней дѣвушкой, прямо изъ Уфы, своихъ братьевъ. Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея пламенное желаніе, оправдать ея надежды, что я наконецъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань.

С. Аксаковъ.

119. Поступленіе въ гимназію.

Пришла опять зима, и въ декабрѣ мы отправились въ Казань. Чтобы не такъ было грустно матери моей возвращаться домой, по настоянію отца взяли съ собой мою любимую старшую сестрицу; брата и меньшую сестру оставили въ Аксаковѣ съ тетушкой Евгеніей Степановной. Въ Казани мы остановились на прошлогодней квартирѣ у капитанши Аристовой. Съ Максимомъ Дмитричемъ Княжевичемъ мы переписывались изъ деревни; заранѣе знали, что есть казенная ваканція въ гимназіи, и заранѣе приготовили всѣ бумаги, нужныя для моего опредѣленія. Итакъ недѣли черезъ двѣ, помолясь усердно Богу, отецъ мой подалъ просьбу директору.

Совѣтъ гимназіи предложилъ инспектору проэкзаменовать меня, а доктору Бенису освидѣтельствовать въ медицинскомъ отношеніи. Должность инспектора классовъ исправлялъ учитель россійской словесности Левъ Семенычъ Левитскій. Онъ

началъ съ того, что разласкалъ и расцѣловалъ меня, далъ мнѣ читать прозу Карамзина и стихи Дмитріева—и пришелъ въ восхищеніе, находя, что я читаю съ чувствомъ и пониманіемъ; заставилъ меня что-то написать—и опять пришелъ въ восхищеніе; въ четырехъ правилахъ ариѳметики я также отличился. По окончаніи экзамена Девитскій принялся меня хвалить; удивлялся, что мальчикъ моихъ лѣтъ, живя въ деревнѣ, могъ быть такъ хорошо приготовленъ. „Да кто же былъ его учителемъ въ калиграфіи?“—добродушно смѣясь, спросилъ Левъ Семенычъ у моего отца:—„вашъ собственный почеркъ не очень красивъ“. Отецъ мой, обрадованный и растроганный почти до слезъ похвалами своему сыну, простодушно отвѣчалъ, что я достигъ до всего своими трудами подъ руководствомъ матери, съ которою былъ почти неразлученъ, и что онъ только выучилъ меня ариѳметикѣ.

Мы уѣхали. Воротясь домой, я замѣтилъ, что мать моя много плакала. Отецъ мой съ жаромъ разсказалъ все случившееся съ нами. Мать устремила на меня взглядъ, выраженія котораго я не забуду, если проживу еще сто лѣтъ. Она обняла меня и сказала: „Ты мое счастье, ты моя гордость“. Чего мнѣ было больше? и я по-своему былъ счастливъ, гордъ и бодръ.

Наконецъ состоялось опредѣленіе совѣта—принять меня въ гимназію на казенное содержаніе; даже сняли съ меня мѣрку и сшили форменное платье. Поѣхали въ соборъ, отслужили молебны Гурію, Варсонофію и Герману, казанскимъ чудотворцамъ; прямо оттуда отецъ съ матерью отвезли меня въ гимназію и отдали съ рукъ на руки воспитателю Упадышевскому; дядька мой Ефремъ Евсеичъ также поступилъ туда въ должность комнатнаго служителя. Прощанье, разумѣется, сопровождалось слезами, благословеніями и наставленіями.

С. Аксаковъ.

120. Нашъ долгъ.

Было тихое лѣтнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистомъ небѣ, но поля еще блестѣли росой; изъ недавно проснувшихся долинъ вѣяло душистой свѣжестью, и въ лѣсу, еще сыромъ и нешумномъ, весело распѣвали раннія птички. На вершинѣ пологаго холма, сверху донизу покрытаго только что зацвѣтшею рожью, виднѣлась небольшая деревенька. Къ этой деревенькѣ, по узкой проселочной дорожкѣ, шла молодая женщина, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, круглой соломенной шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Казачокъ издали слѣдовалъ за ней.

Она шла не торопясь и какъ бы наслаждаясь прогулкой. Кругомъ, по высокой, зыбкой ржи, переливаясь то серебристо-зеленой, то красноватой рябью, съ мягкимъ шелестомъ бѣжали длинныя волны; въ вышинѣ звенѣли жаворонки. Молодая женщина шла изъ собственнаго своего села, отстоявшаго не болѣе версты отъ деревеньки, куда она направляла путь. Звали ее Александрой Павловной Липиной. Она была вдова, бездѣтна и довольно богата.

Александра Павловна дошла до деревеньки, остановилась у крайней избушки, весьма ветхой и низкой, и, подозвавъ своего казачка, велѣла ему войти въ нее и спросить о здоровьѣ хозяйки. Онъ скоро вернулся, въ сопровожденіи дряхлаго мужика съ бѣлой бородой.

— Ну, что? спросила Александра Павловна.

— Жива еще... проговорилъ старикъ.

— Можно войти?

— Отчего же? можно.

Александра Павловна вошла въ избу. Въ ней было тѣсно и душно и дымно... Кто-то закопошился и застоналъ на лежанкѣ. Александра Павловна оглянулась и увидѣла въ полумракѣ желтую и сморщенную голову старушки, повязанной клѣтчатымъ платкомъ. Покрытая по самую грудь тяжелымъ армякомъ, она дышала съ трудомъ, слабо разводя худыми руками.

Александра Павловна приблизилась къ старушкѣ и прикоснулась пальцами до ея лба; онъ такъ и пылалъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Матрена? спросила она, наклонившись надъ лежанкой.

— О-охъ! простонала старушка, всмотрѣвшись въ Александру Павловну.— Плохо, плохо, родная! Смертный часикъ пришелъ, голубушка!

— Богъ милостивъ, Матрена; можетъ быть, ты поправишься. Ты приняла лѣкарство, которое я тебѣ прислала?

Старушка тоскливо заохала и не отвѣчала. Она не разслышала вопроса.

— Приняла, проговорилъ старикъ, остановившійся у двери.

Александра Павловна обратилась къ нему.

— Кромѣ тебя, при ней никого нѣтъ? спросила она.

— Есть дѣвочка—ея внучка, да все вотъ отлучается. Не посидитъ: такая егозливая. Воды подать испить бабкѣ—и то лѣнь. А я самъ старъ: куда мнѣ!

— Не перевезти ли ее ко мнѣ въ больницу?

— Нѣтъ! зачѣмъ въ больницу! все одно помирать-то. Пожила довольно; видно, ужъ такъ Богу угодно. Съ лежанки не сходитъ. Гдѣ жъ ей въ больницу! Ее станутъ поднимать, она и помретъ.

— Охъ! застонала больная:—красавица-барыня, сироточку-то мою не оставь: наши господа далеко, а ты...

Старушка умолкла. Она говорила черезъ силу.

— Не безпокойся, промолвила Александра Павловна:—все будетъ сдѣлано. Вотъ я тебѣ чаю и сахару принесла. Если захочется, выпей... Вѣдь самоваръ у васъ есть? прибавила она, взглянувъ на старика.

— Самоваръ-то? Самовара у насъ нѣту, а достать можно.

— Такъ достань, а то я пришлю свой. Да прикажи внучкѣ, чтобы она не отлучалась. Скажи ей, что это стыдно.

Старикъ ничего не отвѣчалъ, а свертокъ съ чаемъ и сахаромъ взялъ въ обѣ руки.

— Ну, прощай, Матрена! проговорила Александра Павловна:—я къ тебѣ еще приду, а ты не унывай и лѣкарство принимай аккуратно...

Старуха приподняла голову и протянулась къ Александрѣ Павловнѣ.

— Дай, барыня, ручку, пролепетала она.

Александра Павловна не дала ей руки, нагнулась и поцѣловала ее въ лобъ.

— Смотрите же, сказала она, уходя, старику:—лѣкарство ей давайте непремѣнно, какъ написано... И чаемъ ее напойте...

И. Тургеневъ.

121. Смерть.

Мы пробирались на мѣсто рубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ навстрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? Куда ты бѣжишь?—спросилъ его Ардаліонъ Михайловичъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайловичъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?.. Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ-стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ да прямо на него. Мы ему кричимъ: бѣги, бѣги, бѣги!.. Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми да прямо и побѣги... заробѣлъ, знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился,—Господь его знаетъ... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ. Да что, ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лѣкаремъ.

Ардаліонъ Михайловичъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, на сѣчки... Я за нимъ. Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу; грудь поднималась неровно; онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу. Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайловича.

— Батюшка,—заговорилъ онъ едва внятно,—за попомъ... послать... прикажите... Господь... меня наказалъ... ноги, руки—все перебито... Сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ-то не распустилъ...

Онъ молчалъ. Дыханіе ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Анисимъ знаетъ... кому я... что долженъ...

— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ,—заговорилъ мой сосѣдъ.—Можетъ быть, ты еще не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ,—глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли.—Прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему, однако, тутъ умирать!—воскликнулъ Ардаліонъ Михайловичъ.—Ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесите его въ больницу.

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго...—залепеталъ умирающій,—лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожку... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ,—пробормотали мужики.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состояніе его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

И. Тургеневъ.

122. Бѣжинъ лугъ.

1. Сквозь едва прозрачный сумракъ ночи я увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Подъ самой кручью холма краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ противъ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина кудрявой маленькой головы...

Я узналъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славился въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина луга. Вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и въ обществѣ тѣхъ людей дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки съ злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два, три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Это были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная. Огоньки тихонько потрескивали. Мальчики сидѣли вокругъ нихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня (изъ ихъ разговоровъ узналъ я ихъ имена).

2. Вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!"... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое?—спросили мальчики.

— Ничего,—отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь,—такъ что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ, прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всею грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ на волка... „Что за славный мальчикъ“! думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то?—спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, отвѣчалъ Павелъ, да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

3. Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись бѣлый голубокъ—налетѣлъ прямо въ это отраженье, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, замѣтилъ Павелъ. Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, промолвилъ Костя, не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть,—проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, началъ Ѳедя, что у васъ тоже въ Шаламовѣ было предвидѣнье-то небесное?

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же!

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: кому теперь ѣсть, говоритъ, наступило свѣтопреставленіе. Такъ щи и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку увидятъ.

— Какого это Тришку?—спросилъ Костя.

— А ты не знаешь?—съ жаромъ подхватилъ Илюша,—ну, братъ, откелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни-же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ: а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне, выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, ну а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами

другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ,—онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладоши затрепещется,—они съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ христіанскій... ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да—продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ,—такой. Вотъ его-то и ожидали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да и въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то врагъ-душегубецъ пожалѣетъ“. Таково-то всѣ переполошились!.. А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ Вавила, жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ.

4. Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ; я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, предразсвѣтнымъ сномъ... Не долги лѣтнія ночи! Разговоръ мальчиковъ угасъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить при чуть брезжущемъ, слабо льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: утро зачиналось. Еще нигдѣ не зарумянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ... Отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня, по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана, полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы;

мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже облитые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ.

И. Тургеневъ.

123. Трудовая жизнь.

Въ субботу ступинскіе крестьяне сдѣлали зажинъ,—то есть положили начало жнитву,—той тяжелой работѣ, которая называется страдой...

Маша ходила на жнитво вмѣстѣ со всѣми ступинскими бабами. Каждое утро, послѣ того какъ обсохнетъ роса, она клала на плечо серпъ, брала на руки Сашу и шла на свою полосу, въ сопровожденіи Павлуши, который, также съ серпомъ на плечѣ, несъ въ рукахъ черный глиняный кувшинъ съ водою для питья. И съ перваго же дня, вооружившись маленькимъ серпомъ сестры, онъ пріучился жать; сначала дѣло у него шло плохо: онъ путалъ и рвалъ рожь, нѣсколько разъ обрѣзалъ себѣ пальцы,—но работалъ упорно и неутомимо. Бабы, жавшія по сосѣдству, съ улыбкой удовольствія посматривали на этихъ работавшихъ дѣтей, и, проходя мимо, каждая изъ нихъ считала долгомъ остановиться и сказать имъ ласковое, ободряющее слово.

— Ай да ребятишки, ай да работнички!.. говорила одна.—Поспѣшай, паренекъ, не отставай отъ сестры-то, не отставай!..

— Машутка, чай, устала дурочка?.. спрашивала другая.

— Нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ: мы посноснѣй тебя, да и то спинушка переломилась... Дай-ка, прихвачу я тебѣ-ка...

И то та, то другая, идя въ поле или уходя съ него, сжинали въ помощь Машѣ по три, по пяти сноповъ. А молоденькія дѣвушки, ровесницы и сверстницы Маши, каждый день, возвращаясь съ своей работы и находя Машу на своей полосѣ, помогали ей.

Наши сиротки не знали праздниковъ и зимою. Вотъ какъ проходилъ ихъ день. Рано утромъ, пока еще не начинало свѣтать сквозь замерзшія окна избы, прежде всѣхъ поднималась Маша, будила старшаго брата, и тотчасъ же оба, накинувши на плечи кафтанъ или шубенку, принимались за дѣло. Маша брала коромысло съ двумя ведрами и отправлялась къ колодцу, а Павлуша вооружался веревкой или корзиной и шелъ въ сарай за кормомъ для скота. При скрипѣ отворявшихся дверей и воротъ, они оба съ удовольствіемъ слышали ржаніе сивки, мычанье буренки, блеянье овцы, которыя привѣтствовали пробудившихся хозяевъ и напоминали имъ о себѣ. Хозяева привѣтливо откликивались каждый своему любимцу.

Самая тяжкая работа предстояла Машѣ. Колодезь стоялъ на серединѣ деревни, далеко отъ ихъ избы; за ночь вѣтромъ надуло сугробовъ, въ которые нога уходитъ выше колѣна; около колодца налитая вода обледенѣла, нога скользитъ по ней: того и смотри, упадешь, особенно подъ тяжестью двухъ налитыхъ водою ведеръ.

Пока наносили воды, натаскали корма, уже совсѣмъ разсвѣло; Павлуша раскладываетъ кормъ по яслямъ, по корытамъ; Маша доитъ буренку. Потомъ она торопится стряпать, чтобы поскорѣе управиться, пока не протопилась печь. Нужно было раза два въ недѣлю замѣсить хлѣбы,—опять работа тяжелая, требующая большихъ усилій. Управившись со стряпней и давши въ руки про-

снувшемуся Сашкѣ кусокъ хлѣба, Маша садилась за станъ, а Павлуша въ это время, подъ наблюденіемъ и по указанію сестры, кормилъ буренку. Его же дѣло было въ то время водиться съ Сашей.

Такъ проходили дни за днями, какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другой; праздники отличались только тѣмъ, что Маша не ткала и давала Павлушѣ больше времени и свободы баловаться на улицѣ съ ребятами.

А. Потѣхинъ.

124. На волю.

1. ...Вербный торгъ въ полномъ разгарѣ. Опять такъ же, какъ вчера, лучи солнца освѣщали пеструю толпу гулявшихъ. Тутъ и тамъ, въ разныхъ концахъ, слышались выстрѣлы изъ дѣтскихъ пистолетовъ, пискъ, крикъ, кудахтанье, и попрежнему высоко надъ головами, словно готовясь каждую минуту улетѣть въ небо, плавно колыхались воздушные шары.

Но сегодня Яша уже не глазѣлъ по сторонамъ. Крѣпко сжимая въ кулакѣ данный ему Анисьей Карповной гривенникъ, онъ неудержимо стремился къ тому мѣсту, гдѣ расположились торговцы птицами. Мальчикъ направился къ замѣченному имъ издали старику въ кацавейкѣ и картузѣ.

Очутившись подлѣ старика, Яша глазами сталъ искать своего пухляка и нашелъ его въ прежней клѣткѣ, попрежнему грустно сидѣвшимъ на жердочкѣ.

— Дяденька, а дяденька! заговорилъ мальчикъ, притрогиваясь къ рукаву кацавейки,—дяденька, что стоитъ птичка?

— Какая тебѣ птичка? сердито повелъ на него глазами старикъ:—дороги птички! Тебѣ не по карману! Ишь ты!...

— А вотъ эта, сѣренькая... пухлякъ?

— Пухлякъ?

Старикъ презрительно скосилъ глаза на сѣренькую птичку и мозолистыми пальцами освободилъ клѣтку изъ груды другихъ.

— Вотъ, вотъ, этотъ самый! воскликнулъ мальчикъ.

— Эта птичка дешева! Что же съ тебя!... Давай двугривенный.

— Дяденька, у меня двугривеннаго нѣтъ.

— А нѣтъ, такъ нечего зря лѣзть! Проваливай.

— Дяденька, я ее выпустить хочу.

— Выпустить. Ишь ты!... Ну, коли на выпускъ, давай пятиалтынный! Птичка хорошая, рѣзвая! сказалъ старикъ, потряхивая клѣткой...

— У меня только гривенникъ, дяденька! плаксивымъ тономъ сказалъ Яша.

— Гривенникъ невелики деньги! Ну да ужъ Богъ съ тобой! Бери птицу!

Сердце мальчика забилось отъ радости, когда старикъ засунулъ руку въ клѣтку и, поймавъ пухляка, передалъ его въ дрожавшія Яшины руки. Птичка была такъ мала и такъ худа, что мальчикъ каждую минуту боялся ее раздавить. Съ осторожностью пронеся ее нѣсколько шаговъ, Яша раскрылъ ладонь, давая возможность пухляку вспорхнуть и улетѣть. Но не тутъ-то было! Птичка и не думала улетать. Она преспокойно сидѣла на ладони, отогрѣваясь ея тепломъ. Мальчикъ сдѣлалъ: „шши",—птичка повернула головку, посмотрѣла на него и осталась сидѣть.

2. Что было дѣлать? Помня порученіе отнести записку на Петербургскую сторону, мальчикъ прикрылъ ладонь руки, на которой сидѣла птичка, другою ла-

донью и, свернувъ на Садовую, пошелъ по направленію къ Инженерному замку. Пухлякъ сидѣлъ, не шевелясь. По временамъ Яша осторожно приподнималъ ладонь, желая удостовѣриться, жива ли птичка, и каждый разъ видѣлъ, что пухлякъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— „Бѣдный, онъ озябъ“, думалъ мальчикъ:—„вотъ отогрѣется на рукѣ и полетитъ“.

Миновавъ Троицкій мостъ и разспросивъ городового, куда итти, Яша направился черезъ Александровскій паркъ. Снѣга нигдѣ не было. Теплый вѣтерокъ мягко шелестилъ гибкими сучьями деревьевъ, на которыхъ готовились развернуться разбухшія почки. По лужайкамъ, кое-гдѣ на пригрѣвѣ, сквозь сухую прошлогоднюю траву пробивалась новая, зеленая, среди которой уже кудрявилась крапива. Яша присѣлъ отдохнуть на скамейку. Кругомъ не было ни души, только въ отдаленіи мелькали немногіе прохожіе. Солнце ласково грѣло спину мальчика. Онъ вспомнилъ о деревнѣ, объ отцовскомъ домѣ, и ему стало грустно. „Вотъ бы теперь уѣхать туда! Какъ тамъ хорошо, привольно! Поди-ка, уже пахать начали, огороды раздѣлывать. А мальчишки, поди-ка, по цѣлымъ днямъ на рѣкѣ рыбу ловятъ. Въ полую воду много рыбы, только поспѣвай вытаскивать! И скворцы, поди, прилетѣли, хлопочутъ, гнѣзда вьютъ“.

Какая-то птичка чирикнула надъ головой Яши въ вѣтвяхъ старой липы, и мальчикъ почувствовалъ, что пухлякъ зашевелился на его ладони. „Вотъ теперь попробовать выпустить!“ подумалъ Яша и раскрылъ ладонь.

Сѣренькая птичка съ удивленіемъ озиралась вокругъ и вдругъ чирикнула въ отвѣтъ той, которая сидѣла на липѣ. Затѣмъ пухлякъ отряхнулся, вытянулъ маленькую головку и совершенно неожиданно спорхнулъ съ руки на ближайшую вѣтку. Яша поднялъ голову и слѣдилъ съ замираніемъ сердца. Сѣренькая птичка, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, поднималась все выше и выше, и все громче и громче становилось ея чириканье, словно она благодарила мальчика за дарованную ей свободу. Солнечный лучъ пронизалъ густые сучья дерева, откуда-то прилетѣлъ теплый вѣтерокъ, пахнулъ въ лицо Яши, и мальчикъ увидѣлъ, какъ сѣренькая птичка, достигнувъ верхушки дерева, взмахнула своими маленькими крылышками и потонула въ голубоватой дали неба. Яша съ восторгомъ и грустью смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— „На волю! Улетѣла на волю!“ шепталъ онъ, и ему казалось, что все вокругъ него шептало это чудное слово: на волю!...

Шептались между собой гибкія вѣтви деревьевъ и кустарниковъ, шептала ранняя травка, тоже вырвавшаяся на волю изъ-подъ зимней ледяной коры, чирикали объ этомъ же птицы, и даже маленькія бѣлыя облачка, весело догонявшія другъ дружку въ голубомъ безграничномъ небѣ, казалось, весело шептали тому, кто смотрѣлъ на нихъ:

— За нами, за нами, на волю.

К. Баранцевичъ.

125. Купецъ Залетовъ.

Въ Казани, не смотря на частые пожары, и до сихъ поръ чуть ли не цѣлъ небольшой каменный домъ старинной постройки, который принадлежалъ когда-то купцу третьей гильдіи Гаврилѣ Маркелычу Залетову. Не былъ Гаврила Маркелычъ въ числѣ первостатейныхъ купцовъ, не ворочалъ милліонами, но считался

весьма зажиточнымъ. Былъ у него мыловаренный заводъ, рядомъ съ нимъ китаечная фабрика. Заведены были не на широкую ногу, зато устроены исправно и держались въ хорошемъ порядкѣ. У Макарья Залетовъ торговалъ, тамъ у него были двѣ лавки; въ понизовыхъ городахъ дѣла велъ, въ степи да за Уралъ за сырьемъ ѣзжалъ. Опричь того двѣ росшивы у него возили по Волгѣ пшеницу. Въ это дѣло самъ онъ не вступался, предоставивъ его старшему женатому сыну, жившему съ отцомъ за одну семью.

Очень хотѣлось Гаврилѣ Маркелычу пароходъ завести. Изъ головы у него не выходилъ пароходъ; цѣлые часы бывало ходитъ взадъ и впередъ и думаетъ о немъ; спать ляжетъ, и во снѣ ему пароходъ грезится; раздумается иной разъ и слышится ему то свистокъ, то шумъ колесъ, то мѣрный стукъ паровой машины... Но не могъ Гаврила Маркелычъ исполнить завѣтной, долгіе годы занимавшей его мечты: денегъ не хватало на постройку, а онъ сроду ничего въ долгъ не дѣлывалъ и ни за какія блага не сталъ бы дѣлать займа... Зато ничего не пожалѣлъ бы, если бъ только можно было ему пароходъ свой доспѣть.

Ходила молва по купечеству, что у Залетова денегъ много, и хоть не пишется онъ въ первую гильдію, а будетъ богаче иныхъ первогильдейцевъ. Какъ сказано, долженъ онъ сроду никому не бывалъ, торговалъ всегда на наличныя. Выпадали случаи, столь обычные въ жизни торговаго человѣка, что Гаврилѣ Маркелычу деньги бывали крайне нужны; тогда всякій бы съ радостью готовъ былъ одолжить его, но Залетовъ ни за что на свѣтѣ копейки у чужихъ людей не бралъ. „Нѣтъ,—говорилъ онъ: возьмешь лычко, отдашь ремешокъ, займы та же кабала“.

Сынъ приставалъ иной разъ, уговаривалъ вести торговлю въ кредитъ.

— „Батюшка,—скажетъ бывало ему,—сами вы у себя деньги отнимаете,—иной разъ какой бы можно было оборотъ сдѣлать, а нѣтъ въ наличности денегъ—дѣло и пропустишь... На иномъ дѣлѣ можно бы такой барышъ взять, что пароходъ бы выстроили“.—„Не смущай ты меня, Антипъ! — отвѣчалъ обыкновенно на это Гаврила Маркелычъ.—Не поминай! Побольше тебя на свѣтѣ живемъ, побольше твоего и видали. Зачни-ка дѣлать долги,—втянешься такъ, что по уши завязнешь. Слыхалъ, какіе въ прежни годы въ нашемъ городѣ богатѣи были? А какъ пошли на пустышку дѣло вести—все прахомъ пошло. Нѣтъ, Антипъ, покамѣстъ на свѣтѣ живу, копейки ни у кого не возьму, да и тебѣ нѣтъ моего благословенья ни въ долги входить, ни людямъ давать... Будутъ у тебя залежныя, строй пароходъ,—дѣло выгодное, не чета твоимъ росшивамъ. А, построивши пароходъ, коли еще лишнихъ денегъ наживешь, другой выстрой, третій, а не то ужъ лучше по-старинному,—въ кубышку да въ подполье. Тамъ крѣпче деньгамъ лежать, за море не улетятъ... А пуще всего въ люди денегъ давать не моги, потому это баловство одно, какъ есть малодушіе и больше ничего. Коли видишь человѣка въ нуждѣ, а человѣкъ онъ добрый, стоющій,—дай ему только не въ долгъ, а безъ отдачи. Справится по времени, принесетъ деньги—прими, не принесетъ—не поминай. А давай не грошъ, не гривну, а чтобы справиться можно было человѣку. Помни это, Антипъ, во всю твою жизнь помни и дѣтямъ своимъ заповѣдай!“

А скрягой нельзя было назвать его. Никто честнѣй Залетова съ рабочими не раздѣлывался. Въ заводѣ не бывало того у Гаврилы Маркелыча, чтобы обсчи-

тать бѣднаго человѣка. Да если бы паче чаянія и случилось, чтобы сынъ его сдѣлалъ такое дѣло, гривну бы какую при расчетѣ утянулъ, Гаврила Маркелычъ ему голову бы, кажется, сорвалъ. У него было такъ: неладенъ работникъ, аль лѣнтяй какой, сейчасъ расчетъ; отдастъ ему, что слѣдуетъ до копейки, да тутъ же и на порогъ укажетъ, а хорошему рабочему сверхъ уговора что-нибудь дастъ, только накажетъ ему строго-на-строго о прибавкѣ никому не сказывать... А въ часовню кто больше всего жертвовалъ? Кто ризы на иконахъ золотилъ, кто свѣчи къ каждой Пасхѣ, къ каждому Рождеству передъ мѣстными образами ставилъ, кто сиротъ и странниковъ въ богадѣльнѣ всѣмъ удоволить старался?.. Гаврила Маркелычъ Залетовъ, даромъ, что другіе не въ примѣръ богаче были... У кого каждую субботу нищимъ ручная раздача милостыни? У Гаврилы Маркелыча... У кого на окнахъ снаружи приворотной свѣтелки каждую ночь хлѣбъ, пироги и другую, какая случится, пищу кладутъ, ради тайной милостыни? У Гаврилы Маркелыча...

П. Мельниковъ.

126. Прохожій.

1. Въ одинъ святочный вечеръ старикъ прохожій шелъ потихоньку небольшой проселочной дорогой. Много прошелъ онъ день-деньской, усталъ, прозябъ, проголодался и теперь торопился къ ночлегу, гдѣ бы можно было отдохнуть и обогрѣться. На бѣду его подулъ сильный вѣтеръ, поднялась вьюга и стала заметать дорогу. Бѣдному старику трудно становилось итти по заметенной дорогѣ; онъ усталъ не на шутку, ноги его начали подкашиваться, руки зябли отъ холоднаго вѣтра, вся его одежда покрылась снѣгомъ, и онъ съ трудомъ подавался впередъ, опираясь на свой костыль и ощупывая имъ дорогу. Чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ мятель становилась все сильнѣе и сильнѣе: вѣтеръ со свистомъ и шумомъ пролеталъ мимо старика и обдавалъ его поднятымъ съ земли снѣгомъ. Дороги уже совсѣмъ нельзя было отличить отъ поля—такъ ее занесло снѣгомъ, и онъ наугадъ, увязая по колѣна, продолжалъ подвигаться впередъ и надѣялся скоро добраться до какой-нибудь деревни; наконецъ онъ совсѣмъ выбился изъ силъ и сталъ звать къ себѣ кого-нибудь на помощь, но никто не отзывался. Бѣдный старикъ уже сѣлъ было на снѣгъ, перекрестился и сталъ ожидать, что будетъ, какъ вдругъ вьюга на минуту затихла, и ему послышался лай собаки; онъ подумалъ сначала, что это просто завываетъ вѣтеръ, но лай становился все слышнѣй и слышнѣй. Собравъ свои послѣднія силы, онъ направился въ ту сторону, откуда былъ слышенъ лай; немного погодя, ощупалъ онъ сарай, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ. Не думая долго, прохожій подошелъ къ одной изъ нихъ и стукнулъ въ окно.

— Кто тамъ? послышался голосъ изъ избы.

— Прохожій... отвѣчалъ, запинаясь, старикъ.

— Чего надыть? спросилъ его голосъ еще слышнѣе.

— Пусти ночевать... отвѣтилъ старикъ едва слышно: силы его совсѣмъ покидали; онъ едва стоялъ на ногахъ и не могъ ничего отвѣтить на сдѣланный вопросъ.

— Ступай! ступай, коли ты добрый человѣкъ, сердито отозвался изъ избы голосъ:—ступай по добру по здорову; много васъ ходитъ; проваливай, проваливай... здѣсь не мѣсто, ступай!..

Что было дѣлать бѣдному старику? Ему не давали пріюта—приходилось умирать среди деревни, подъ окномъ немилостиваго крестьянина!..

Въ этой же деревнѣ жилъ со своей матерью крестьянинъ Алексѣй. Избенка Алексѣя была крошечная; стѣны ея, покосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопченныя дымомъ, были такъ черны, что даже съ помощью лучины едва можно было различить что-нибудь въ углахъ. Несмотря на это, вездѣ, куда только проникалъ глазъ, виднѣлись слѣды заботливости и строгаго порядка; все показывало, что старушка, мать Алексѣя, была добрая, радѣтельная хозяйка. Ничто не валялось зря, гдѣ ни попало; все было прибрано къ мѣсту; земляной полъ былъ чисто-начисто выметенъ... Алексѣй только что воротился отъ сосѣдей.

— Алеша, погляди-ка-сь на меня... обратилась къ нему старушка-мать,—ты словно, касатикъ, невеселъ?

— Нѣтъ, матушка, право, ничего, отвѣчалъ, отходя къ печкѣ, Алексѣй.

— Полно, родной, я вижу... не тотъ ты былъ, какъ пошелъ изъ дому; не прилучилось ли чего? промолвила старушка.

— Взаправду ничего, сказалъ Алексѣй,—ходилъ съ ребятами по сосѣдямъ, вездѣ пиръ такой, веселье... съ чего, кажись, быть невеселу!..

Въ эту самую минуту кто-то постучался въ окно.

— Слышалъ, Алеша?.. спросила старуха, оглядываясь на сына.

— Никакъ стукнули въ окно, отвѣчалъ парень, приподнимаясь съ лавки.

— Погоди, Алёша... Охъ! съ нами святая сила!.. сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно-быть, изъ сосѣдей кто-нибудь; можетъ-статься, нужда какая: постой-ка, погляжу...

— Кто тамъ? крикнулъ онъ, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла.

Съ минуту продолжалось молчаніе, прерываемое визгомъ мятели, которая люто завывала вокругъ избушки.

— Кто тамъ? повторилъ Алексѣй.

— Прохожій... отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ:—пустите во имя Христово... прибавилъ голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобы внятно произносить слова.

— Слышь? сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери:—вѣрно, съ пути сбился, за мятелью; пущай его обогрѣется.

— Дядя! а дядя! ступай на дворъ, крикнулъ Алексѣй, стукнувъ въ окно.

— Погоди, матушка, я выйду на дворъ, провожу его, а то не найдетъ, пожалуй...

Алексѣй набросилъ на плечи овчину и вышелъ на крылечко.

— Дядя! гдѣ ты? сюда ступай! крикнулъ онъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Мятель ревѣла по-прежнему; снѣжные хлопья, валившіеся со всѣхъ сторонъ, усиливали темноту и безъ того уже темной ночи; на дворѣ нельзя даже было различить собственной руки.

— Сюда, дѣдушка! Ступай на голосъ! продолжалъ кричать Алексѣй.

Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ, и, минуту спустя, неровные шаги зазвучали на тонкихъ ступеняхъ крылечка.

— Сюда, дѣдушка, сюда!.. сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было, куда итти:—войди, отогрѣйся...

2. Прохожій вошелъ въ избу. Алексѣй взглянулъ на него при свѣтѣ лучины —и невольно отступилъ къ матери, которая попятилась къ образамъ и перекрестилась. Передъ ними стоялъ, едва держась на ногахъ, сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти. Онъ дрожалъ всѣми своими членами; зубы его щелкали; холщевая сума, висѣвшая за его спиною, и мерзлые лохмотья рубища, прикрывавшіе тощую его грудь, плечи и ноги, тряслись въ свою очередь, слѣдуя движеніямъ закутаннаго въ нихъ тѣла. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія свои руки, провелъ ими по головѣ, сдѣлалъ шагъ впередъ, хотѣлъ что-то сказать, но рѣчь его вышла нескладной. Онъ глубоко вздохнулъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавочку.

— Что? небось, озябъ, дѣдушка? спросилъ его Алексѣй.

— Поди поближе къ печкѣ, погрѣйся! прибавила Василиса.

Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было.

— Спасибо... проговорилъ онъ, переводя одышку и поднимая глаза на хозяйку,—спасибо вамъ... что пустили.

— И-и-и... касатикъ, Господь съ тобой!.. сиди, сиди, обогрѣйся... да ты бы, право, поснѣдалъ что: кашки, а не то и киселекъ есть у насъ...

— Нѣтъ... спасибо... охъ!.. вотъ кабы парень-то твой... пособилъ... силъ моихъ нѣтъ...

Онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но слова замерли въ его горлѣ; онъ ощупалъ вокругъ себя мѣсто, придвинулъ суму и медленно сталъ опускаться на лавку. Алексѣй подсобилъ старику растянуться на лавкѣ и подложилъ ему подъ голову суму.

Немного погодя, старушка затушила лучину, и въ избушкѣ стало темно. Василиса, утомленная дневными хлопотами и заботами, не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась, и сладкій сонъ сковалъ истомленные ея члены. Что же касается до Алексѣя, то онъ долго лежалъ, не смыкая глазъ.

Глухой стонъ, раздавшійся подъ образами, напомнилъ ему о присутствіи прохожаго.

Стонъ повторился еще протяжнѣе.

— Дѣдушка, что ты? спросилъ парень, приподнимаясь на локтѣ.

— Подь сюда...

Алексѣй соскочилъ съ печи, нащупалъ впотьмахъ сѣренку, зажегъ лучинку и подошелъ къ лавкѣ. Старикъ лежалъ по-прежнему врастяжку.

— Что съ тобой, дѣдушка? вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному лицу старика.

— Гдѣ старуха-то?.. Позови ее сюда... отвѣчалъ старикъ едва внятно.

Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и, минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки.

— Тетушка, сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ свой на Василису:— пришелъ, видно, мой часъ помирать... ты и парень твой... не отогнали меня... пустили, какъ роднаго... Богъ васъ не оставитъ.

Онъ замолчалъ на минуту и потомъ прибавилъ:

— Пошли... сына въ село... Аблезино... тамъ... за рощей... подлѣ громового колодца... дупло... зарыта кубышка, двадцать лѣтъ копилъ!.. никому только...

не сказывай... продолжалъ онъ слабѣющимъ голосомъ,—вы меня... призрѣли... возьмите за добро ваше... Господи! прости прегрѣшенія мои... охъ!...

— Касатикъ, дѣдушка! что ты? очнись! Христосъ съ тобой, кормилецъ! слышь, не сбѣгать ли за священникомъ? крикнули въ одно время Василиса и сынъ ея.

Старикъ скрестилъ руки на груди и закрылъ глаза. Василиса и сынъ ея бросились къ лучинѣ. Когда они вернулись къ лавкѣ и взглянули, при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины, въ лицо прохожему, онъ былъ мертвъ.

Весною, какъ только сошелъ снѣгъ, Алексѣй отправился въ село Аблезино: отыскалъ онъ тамъ, какъ говорилъ старикъ, кубышку съ деньгами. Алексѣй скоро выстроилъ новую избу, обзавелся хорошимъ хозяйствомъ и сталъ самымъ зажиточнымъ крестьяниномъ.

Д. Григоровичъ.

127. Спасеніе погибавшаго.

Зимою, около Крещенія, въ Петербургѣ была сильная оттепель; совсѣмъ какъ будто веснѣ быть: снѣгъ таялъ, съ крышъ падали днемъ капли, а ледъ на рѣкахъ посинѣлъ и взялся водой. На Невѣ, передъ самымъ Зимнимъ дворцомъ, стояли глубокія полыньи. Вѣтеръ дулъ теплый, западный, но очень сильный; со взморья нагоняло воду и стрѣляли пушки.

Караулъ во дворцѣ занимала рота измайловскаго полка. Отъ дворцоваго караула не требовалось ничего, кромѣ точнаго стоянія на постахъ. Часовой, солдатъ измайловскаго полка, по фамиліи Постниковъ, стоя на часахъ, услыхалъ, что въ полыньѣ, которою противъ этого мѣста покрылась Нева, заливается человѣкъ и отчаянно молитъ о помощи.

Солдатъ Постниковъ, изъ дворовыхъ господскихъ людей, былъ человѣкъ очень нервный и очень чувствительный. Онъ долго слушалъ отдаленные крики и стоны утопающаго и приходилъ отъ нихъ въ оцѣпенѣніе. Въ ужасѣ онъ оглядывался туда и сюда на все видимое ему пространство набережной и ни здѣсь, ни на Невѣ, какъ на зло, не усматривалъ ни одной живой души.

Подать помощь утопающему никто не можетъ, и онъ непремѣнно зальется... А между тѣмъ, тонувшій ужасно долго и упорно борется.

Ужъ одно бы ему, кажется,—не тратя силъ, спускаться на дно, такъ вѣдь нѣтъ! Его изнеможенные стоны и призывные крики то оборвутся и замолкнутъ, то опять начинаютъ раздаваться и притомъ все ближе и ближе къ дворцовой набережной. Видно, что человѣкъ еще не потерялся и держитъ путь вѣрно, прямо на свѣтъ фонарей; но только онъ, разумѣется, все-таки не спасется, потому что именно тутъ, на этомъ пути, онъ попадетъ въ прорубь. Тамъ ему нырокъ подъ ледъ—и конецъ... Вотъ и опять стихъ, а черезъ минуту снова полощется и стонетъ: „Спасите, спасите!“ И теперь уже такъ близко, что даже слышны всплески воды, какъ онъ полощется...

Солдатъ Постниковъ сталъ соображать, что спасти этого человѣка чрезвычайно легко. Если теперь сбѣжать на ледъ, то тонущій непремѣнно тутъ же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестикъ, или подать ружье, и онъ спасенъ. Онъ такъ близко, что можетъ схватиться рукой и выскочить. Но Постниковъ помнитъ и службу и присягу; онъ знаетъ, что онъ часовой, а часовой ни за что и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣетъ покинуть своей будки.

Съ другой же стороны, сердце у Постникова очень непокорное: такъ и ноетъ, такъ и стучитъ, такъ и замираетъ... Хоть вырви его да самъ себѣ подъ ноги брось — такъ безпокойно съ нимъ дѣлается отъ этихъ стоновъ и воплей... Страшно вѣдь слышать, какъ другой человѣкъ погибаетъ, и не подать этому погибающему помощи, когда, собственно говоря, къ тому есть полная возможность, потому что будка съ мѣста не убѣжитъ и ничто иное вредное не случится. „Иль сбѣжать? А?.. Не увидятъ?.. Ахъ, Господи, одинъ бы конецъ! Опять стонетъ“...

За одинъ получасъ пока это длилось, солдатъ Постниковъ совсѣмъ истерзался сердцемъ и сталъ ощущать „сомнѣнія разсудка“. А солдатъ онъ былъ умный и исправный, съ разсудкомъ яснымъ и отлично понималъ, что оставить свой постъ есть такая вина со стороны часового, за которую сейчасъ же послѣдуетъ военный судъ, а потомъ гонка сквозь строй шпицъ-рутенами и каторжная работа, а можетъ-быть, даже и „разстрѣлъ“.

Но со стороны вздувшейся рѣки опять наплываютъ все ближе и ближе стоны, и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье.

— Т-о-о-ну!.. Спасите, тону!

Тутъ вотъ сейчасъ и есть прорубь... Конецъ!

Постниковъ еще разъ оглянулся во всѣ стороны. Нигдѣ ни души нѣтъ, только фонари трясутся отъ вѣтра и мерцаютъ, да по вѣтру, прерываясь, долетаетъ этотъ крикъ... можетъ-быть, послѣдній крикъ... Вотъ еще всплескъ, еще однозвучный вопль, и въ водѣ забулькотало.

Часовой не выдержалъ, бросился къ сходнямъ, сбѣжалъ съ сильно бьющимся сердцемъ на ледъ, потомъ въ наплывшую воду полыньи и, скоро разсмотрѣвъ, гдѣ бьется заливающійся утопленникъ, протянулъ ему ложу своего ружья. Утопавшій схватился за прикладъ, а Постниковъ потянулъ его за штыкъ и вытащилъ на берегъ.

Н. Лѣсковъ.

128. Мужикъ Марей.

Мнѣ припомнился августъ мѣсяцъ въ нашей деревнѣ: день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтреный; лѣто на исходѣ и надо ѣхать въ Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мнѣ такъ жалко покидать деревню. Я пошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, поднялся въ Лоскъ, — такъ назывался у насъ густой кустарникъ по ту сторону оврага до самой рощи. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу, какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянкѣ, одиноко пашетъ мужикъ. Я знаю, что онъ пашетъ круто въ гору и лошадь идетъ трудно, и до меня изрѣдка долетаетъ его окрикъ: „Ну, ну!“ Я почти всѣхъ нашихъ мужиковъ знаю, но не знаю, который это теперь пашетъ, да мнѣ и все равно, я весь погруженъ въ мое дѣло, я тоже занятъ: я выламываю себѣ орѣховый хлыстъ, чтобъ стегать имъ лягушекъ; хлысты изъ орѣшника такъ красивы и такъ прочны, куда противъ березовыхъ. Занимаютъ меня тоже букашки и жучки, я ихъ собираю, есть очень нарядные; люблю я также маленькихъ, проворныхъ, красно-желтыхъ ящерицъ, съ черными пятнышками, но змѣекъ боюсь. Впрочемъ, змѣйки попадаются гораздо рѣже ящерицъ. Грибовъ тутъ мало; за грибами надо итти въ березнякъ, и я собираюсь отправиться. И ничего въ жизни я такъ не любилъ, какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами,

съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и послышался запахъ нашего деревенскаго березняка: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь. Вдругъ среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышалъ крикъ: „Волкъ бѣжитъ!“ Я вскрикнулъ и, внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пашущаго мужика.

Это былъ нашъ мужикъ Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его всѣ звали Мареемъ,—мужикъ лѣтъ пятидесяти, плотный, довольно рослый, съ сильною просѣдью въ темнорусой окладистой бородѣ. Я зналъ его, но до того никогда почти не случалось мнѣ заговорить съ нимъ. Онъ даже остановилъ кобыленку, заслышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другой за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжитъ!—прокричалъ я, задыхаясь.

Онъ вскинулъ голову и невольно оглядѣлся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ... Кто-то закричалъ сейчасъ: „Волкъ бѣжитъ“... пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ?.. Померещилось, вишь! Какому тутъ волку быть!—бормоталъ онъ, ободряя меня.

Но я весь трясся и еще крѣпче уцѣпился за его зипунъ и, должно-быть, былъ очень блѣденъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ безпокойною улыбкою, видимо, боясь и тревожась за меня.

— Ишь, вѣдь испужался, ай-ай!—качалъ онъ головой.—Полно, родной. Ишь, малецъ, ай!

Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно же, ну, Христосъ съ тобой, окстись.

Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой толстый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный въ землѣ палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивающихъ моихъ губъ.

— Ишь вѣдь, ай,—улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою и длинною улыбкой.—Господи, да что это, ишь вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ „волкъ бѣжитъ“ померещился. Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились.

— Ну, я пойду,—сказалъ я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я-те во слѣдъ посмотрю. Ужъ я тебя волку не дамъ! прибавилъ онъ, все такъ же матерински мнѣ улыбаясь. — Ну, Христосъ съ тобой; ну, ступай!

И онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ. Марей, пока я шелъ, все стоялъ съ своей кобыленкой и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, каждый разъ кивая мнѣ головой, когда я оглядывался. Мнѣ, признаться, было немножко предъ нимъ стыдно, что я такъ испугался, но шелъ я, все еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогоръ оврага, до первой риги; тутъ испугъ соскочилъ совсѣмъ и вдругъ, откуда ни возьмись, бросилась ко мнѣ наша дворовая собака, Волчокъ. Съ

Волчкомъ-то я ужъ вполнѣ ободрился и обернулся въ послѣдній разъ къ Марею, лица его я уже не могъ разглядѣть ясно, но чувствовалъ, что онъ все точно такъ же мнѣ ласково улыбается и киваетъ головой. Я махнулъ ему рукой, онъ махнулъ мнѣ тоже и тронулъ кобыленку.

— Ну, ну!—послышался опять отдаленный окрикъ его, и кобыленка потянула опять свою соху.

Я тогда, придя домой отъ Марея, никому не разсказалъ о моемъ „приключеніи“. Да и какое это было приключеніе? Да и о Мареѣ я тогда очень скоро забылъ. Встрѣчаясь съ нимъ потомъ изрѣдка, я никогда даже съ нимъ не заговаривалъ, не только про волка, да ни о чемъ, и вдругъ теперь, двадцать лѣтъ спустя, припомнилъ всю эту встрѣчу съ такою ясностью, до самой послѣдней черты. Значитъ, залегла же она въ душѣ моей непримѣтно, сама собой и безъ воли моей, и вдругъ припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нѣжная, материнская улыбка бѣднаго крѣпостного мужика, его кресты, его покачиваніе головой: „Ишь вѣдь испужался, малецъ!“ И особенно этотъ толстый его, запачканный въ землѣ палецъ, которымъ онъ тихо и съ робкою нѣжностью прикоснулся къ вздрагивавшимъ губамъ моимъ. Конечно, всякій бы ободрилъ ребенка, но тутъ, въ этой уединенной встрѣчѣ, случилось какъ бы что-то совсѣмъ другое, и если бъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ бы посмотрѣть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ. А кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все же его барчонокъ; никто бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня, и не наградилъ за то. Любилъ онъ, что ли, такъ ужъ очень маленькихъ дѣтей? Такіе бываютъ. Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ, и только Богъ, можетъ, видѣлъ сверху, какимъ глубокимъ просвѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ и какою тонкою, почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, невѣжественнаго крѣпостного русскаго мужика, еще и ждавшаго-негадавшаго тогда о своей свободѣ.

Ѳ. Достоевскій.

129. Сигналъ.

Идетъ разъ желѣзнодорожный сторожъ Семенъ лѣсомъ; солнце уже низко было; тишина мертвая; слышно только, какъ птицы чиликаютъ, да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семенъ немного еще; скоро и полотно; и чудится ему, что-то еще слышно, будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семенъ скорѣй. Ремонта въ то время на ихъ участкѣ не было. „Что бы это значило?“—думаетъ. Выходитъ онъ на опушку—передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подниматься Семенъ потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ, и человѣкъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ— не можетъ. Видитъ онъ Василія, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а человѣкъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится. „Василій Степановичъ. Отецъ родной, голубчикъ, воротись! Дай ломъ, поставимъ рельсъ, никто не узнаетъ! Воротись, спаси душу отъ грѣха!“ Не обернулся Василій, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семенъ надъ отвороченнымъ рельсомъ, палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановить его ничѣмъ: флага нѣтъ. Рельса

на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непремѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжитъ Семенъ къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ, вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу—до будки сто саженъ, не больше, осталось; слышитъ, на фабрикѣ гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи, спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семенъ: хватитъ паровозъ лѣвымъ колесомъ о рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и вдребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться-то внизъ одиннадцать саженъ, а там, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя. Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми Ты меня!.. Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во-время вернуться не поспѣешь...

Не добѣжалъ Семенъ до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти, самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки кучей лежатъ. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ зачѣмъ, дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ, рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту: остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженяхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища, перекрестился, Господи, благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку, повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженяхъ не остановитъ тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семенъ рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума,—одна мысль въ головѣ: не устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... Помоги, Господи!.. Пошли смѣну!..

И стало черно въ глазахъ его и пусто въ душѣ его, и онъ выронилъ флагъ. Но не упало кровавое знамя: чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду,—машинистъ уже увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти, а другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ. Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову. „Вяжите меня, говоритъ, я рельсъ отворотилъ“.

В. Гаршинъ.

130. Тоска.

Кому повѣмъ печаль мою?..

Вечернія сумерки. Крупный, мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только что зажженныхъ фонарей и тонкимъ, мягкимъ пластомъ ложится на крыши, лошадиныя спины, плечи, шапки. Извозчикъ Іона Потаповъ весь бѣлъ, какъ привидѣніе. Онъ

согнулся, насколько только возможно согнуться живому тѣлу, сидитъ на козлахъ и не шевелится. Упади на него цѣлый сугробъ, то и тогда бы, кажется, онъ не нашелъ нужнымъ стряхивать съ себя снѣгъ... Его лошаденка тоже бѣла и неподвижна.

Іона и его лошаденка не двигаются съ мѣста уже давно. Выѣхали они со двора еще до обѣда, а почина все нѣтъ и нѣтъ.

— Извозчикъ, на Выборгскую!—слышитъ Іона.—Извозчикъ!

Іона вздрагиваетъ и сквозь рѣсницы, облѣпленныя снѣгомъ, видитъ военнаго въ шинели съ капюшономъ.

— На Выборгскую! повторяетъ военный. Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

Въ знакъ согласія Іона дергаетъ вожжи, отчего со спины лошади и съ его плечъ сыплются пласты снѣга... Военный садится въ сани.

Извозчикъ чмокаетъ губами, вытягиваетъ по-лебединому шею, поднимается и больше по привычкѣ, чѣмъ по нуждѣ, машетъ кнутомъ. Лошаденка тоже вытягиваетъ шею, кривитъ свои палкообразныя ноги и нерѣшительно двигается съ мѣста.

Іона оглядывается на сѣдока и шевелитъ губами... Хочетъ онъ, повидимому, что-то сказать, но изъ горла не выходитъ ничего, кромѣ сипѣнья.

— Что?—спрашиваетъ военный.

Іона кривитъ улыбкой ротъ, напрягаетъ свое горло и сипитъ:

— А у меня, баринъ, тово... сынъ на этой недѣлѣ померъ.

— Г-мъ... Отчего же онъ умеръ?

Іона оборачивается всѣмъ туловищемъ къ сѣдоку и говоритъ:

— А кто жъ его знаетъ! Должно, отъ горячки... Три дня полежалъ въ больницѣ и померъ... Божья воля.

— Поѣзжай, поѣзжай!..—говоритъ сѣдокъ. — Этакъ мы до завтра не доѣдемъ... Погони-ка!

Извозчикъ опять вытягиваетъ шею, приподнимается и съ тяжелой граціей взмахиваетъ кнутомъ. Нѣсколько разъ потомъ оглядывается онъ на сѣдока, но тотъ закрылъ глаза и, повидимому, не расположенъ слушать... Высадивъ его на Выборгской, онъ останавливается у трактира, сгибается на козлахъ и опять не шевельнется... Мокрый снѣгъ опять краситъ набѣло его и лошаденку... Проходитъ часъ, другой. По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходятъ трое молодыхъ людей: двое изъ нихъ высоки и тонки, третій малъ и горбатъ.

— Извозчикъ, къ Полицейскому мосту! — кричитъ дребезжащимъ голосомъ горбачъ.—Троихъ... двугривенный!

Іона дергаетъ вожжами и чмокаетъ. Двугривенный—цѣна несходная, но ему не до цѣны... Что рубль, что пятакъ—для него теперь все равно, были бы только сѣдоки...

— Ну, погоняй!—дребезжитъ горбачъ, останавливаясь и дыша въ затылокъ Іоны.—Лупи! Да и шапка же у тебя, братецъ! Хуже во всемъ Петербургѣ не найти...

— Гы-ы... гы-ы...—хохочетъ Іона.—Какая есть...

— Ну ты, какая есть, погоняй! Этакъ ты всю дорогу будешь ѣхать? Да?

Іона чувствуетъ за своей спиной вертящееся тѣло и голосовую дрожь горбача. Онъ слышитъ обращенную къ нему ругань, видитъ людей, и чувство одиночества начинаетъ мало-по-малу отлегать отъ груди. Іона оглядывается на нихъ. Дождавшись короткой паузы, онъ оглядывается еще разъ и бормочетъ:

— А у меня на этой недѣлѣ... тово... сынъ померъ!

— Всѣ помремъ... — вздыхаетъ горбачъ, вытирая послѣ кашля губы.— Ну, погоняй, погоняй! Господа, я рѣшительно не могу дальше такъ ѣхать! Когда онъ насъ довезетъ?

— А ты его легонько подбодри... въ шею!

— Гы-ы...—смѣется Іона.—Веселые господа... Дай Богъ здоровья!

— Извозчикъ, ты женатъ?—спрашиваетъ длинный.

— Я-то? Гы-ы... Ве-еселые господа! Таперя у меня одна жена — сырая земля... Хи-хо-хо... Могила то есть... Сынъ-то вотъ померъ, а я живъ... Чудное дѣло, смерть дверью обозналась... Замѣсто того, чтобъ ко мнѣ иттить, она къ сыну...

И Іона оборачивается, чтобы разсказать, какъ умеръ его сынъ, но тутъ горбачъ легко вздыхаетъ и заявляетъ, что, слава Богу, они, наконецъ пріѣхали...

Получивъ двугривенный, Іона долго глядитъ вслѣдъ сѣдокамъ, исчезающимъ въ темномъ подъѣздѣ. Опять онъ одинокъ и опять наступаетъ для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распираетъ грудь еще съ большей силой. Глаза Іоны тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы: не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который выслушалъ бы его? Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски. Тоска громадная, незнающая границъ. Лопни грудь Іоны и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе ея не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупу, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ.

Іона видитъ дворника съ кулькомъ и рѣшается заговорить съ нимъ.

— Милый, который теперь часъ будетъ?—спрашиваетъ онъ.

— Десятый... Чего же сталъ здѣсь? Проѣзжай!

Іона отъѣзжаетъ на нѣсколько шаговъ, изгибается и отдается тоскѣ. Обращаться къ людямъ онъ считаетъ уже безполезнымъ. Но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ выпрямляется, встряхиваетъ головой, словно почувствовалъ острую боль, и дергаетъ вожжи... Ему не въ моготу. „Ко двору... думаетъ онъ. Ко двору!"

И лошаденка, точно понявъ его мысль, начинаетъ бѣжать рысцой... Спустя часа полтора, Іона сидитъ уже около большой, грязной печи... На печи, на полу, на скамьяхъ храпитъ народъ...

„И на овесъ не выѣздилъ...—думаетъ онъ.—Оттого-то вотъ и тоска. Человѣкъ, который знающій свое дѣло... который и самъ сытъ, и лошадь сыта, завсегда покоенъ..."

Въ одномъ изъ угловъ поднимается молодой извозчикъ, сонно крякаетъ и тянется къ ведру съ водой...

— Пить захотѣлъ?—спрашиваетъ Іона.

— Стало-быть, пить!

— Такъ... На здоровье... А у меня, братъ, сынъ померъ... Слыхалъ? На этой недѣлѣ, въ больницѣ... Исторія!

Іона смотритъ, какой эффектъ произвели его слова, но не видитъ ничего. Молодой укрылся съ головой и уже спитъ... Старикъ вздыхаетъ и чешется... Какъ молодому хотѣлось пить, такъ ему хочется говорить. Скоро будетъ недѣля, какъ умеръ сынъ, а онъ еще путемъ не говорилъ ни съ кѣмъ... Нужно поговорить съ толкомъ, съ разстановкой... Надо разсказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что говорилъ передъ смертію, какъ умеръ... Нужно описать похороны и

поѣздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чемъ онъ можетъ теперь поговорить? Слушатель долженъ охать, вздыхать, причитывать... „Пойти, лошадь поглядѣть,—думаетъ Іона.—Спать всегда успѣешь... Небось, выспишься...“

Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ... Про сына, когда онъ одинъ, думать онъ не можетъ... Поговорить съ кѣмъ-нибудь о немъ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко...

— Жуешь?—спрашиваетъ Іона свою лошадь, видя ея блестящіе глаза.— Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... Старъ ужъ я сталъ ѣздить... Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только...—Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:—Такъ-то, братъ, кобылочка... Нѣту Кузьмы Іоныча. Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь жалко?

Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина.

Іона увлекается и разсказываетъ ей все...

А. Чеховъ.

131. „Человѣкъ за бортомъ!“

1. Дневная жара начинала спадать. Солнце уже стояло низко. Подгоняемый вѣтеркомъ, корабль спокойно плылъ по морю. Пусто кругомъ: куда ни взглянешь, все та же безбрежная водная равнина, окруженная со всѣхъ сторонъ прозрачной синевой безоблачнаго купола. Море да небо, небо да море и только...

— Дозвольте, ваше благородіе, пѣсенникамъ пѣсни пѣть?—спросилъ унтеръ-офицеръ, подходя къ офицеру.

Офицеръ далъ свое согласіе, и черезъ минуту стройные звуки деревенской пѣсни разнеслись по синему морю.

Пѣсня лилась за пѣсней и напоминала матросамъ далекую родину съ ея снѣгами и морозами, полями и лѣсами и черными избами, съ ея близкими сердцу бездольемъ и убожествомъ. Хорошо поютъ пѣсенники! Голоса подобрались все молодые, свѣжіе и чистые и спѣлись отлично. Особенно всѣмъ нравился чудесный голосъ матроса Шутикова. Наконецъ, пѣніе и пляска кончились. Когда Шутиковъ, сухощавый, стройный чернявый матросъ, вышелъ изъ круга и пошелъ курить, его провожали одобрительными замѣчаніями. Шутиковъ улыбался, скаля свои бѣлые, ровные зубы изъ-подъ добродушныхъ пухлыхъ губъ. Шутиковъ пользовался общей пріязнью. Всѣ любили его, и онъ всѣхъ, казалось, любилъ.

Послѣ того, какъ Шутиковъ ушелъ, вдругъ торопливо выскочилъ на палубу плотный пожилой матросъ Игнатовъ. Блѣдный и растерянный, съ непокрытой, коротко остриженной, круглой головой, онъ сообщилъ злобнымъ и взволнованнымъ голосомъ, что у него украли золотой. Игнатовъ былъ рулевымъ, служилъ исправно, стараясь ладить со всѣми, былъ грамотенъ и старательно скрывалъ, что у него водятся деньжонки.

— Это безпремѣнно Прошка! Никто, какъ онъ!—злобно говорилъ Игнатовъ.—Даве онъ все вертѣлся на палубѣ, когда я ходилъ въ сундукъ... Что жъ

теперь дѣлать, братцы?—спрашивалъ онъ стариковъ.—Неужто я такъ и рѣшусь денегъ... Вѣдь деньги-то у меня кровныя... Сами знаете, братцы, какія у матроса деньги... По грошамъ собиралъ...

Прохоръ Житинъ былъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, мягкотѣлый, неуклюжій, съ несоразмѣрнымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ. Прошка съ самаго начала плаванія не полюбился товарищамъ. Всѣ имъ помыкали: унтеръ-офицеры походя, и за дѣло, и такъ, здорово живешь, ругали и били Прошку, приговаривая: „У, лодырь!“ И онъ никогда не сердился за это, а съ какой-то привычной, тупой покорностью забитаго животнаго переносилъ побои. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ кражъ, въ которыхъ онъ былъ уличенъ, съ нимъ почти не разговаривали и обращались съ пренебреженіемъ. Всякій, кому не лѣнь, могъ безнаказанно обругать его, ударить, послать куда-нибудь, поглумиться надъ нимъ, словно бы иначе и нельзя было обращаться съ Прошкой. И Прошка такъ, казалось, привыкъ къ этому положенію загнанной собаки, что и не ждалъ иного обращенія и переносилъ свою каторжную жизнь, повидимому, безъ особенной тягости.

Когда, вслѣдъ за Игнатовымъ, Прошка подошелъ, всѣ разговоры смолкли. Матросы тѣснѣе сомкнулись, и глаза всѣхъ устремились на вора.

— Признавайся, ты у меня золотой изъ сундука укралъ? закричалъ Игнатовъ.

— Я денегъ твоихъ не бралъ!—тихо отвѣчалъ Прошка.

Игнатовъ пришелъ въ ярость.

— Ой, смотри... До смерти изобью, коли ты добромъ не отдашь денегъ!—сказалъ Игнатовъ и сказалъ такъ злобно и серьезно, что Прошка подался назадъ.

И со всѣхъ сторонъ послышались непріязненные голоса.

Тогда Игнатовъ пожелалъ испробовать послѣднее средство и вдругъ мягко заговорилъ. Теперь онъ не угрожалъ, а просилъ Прошку отдать деньги.

— Тебѣ ничего не будетъ... Слышишь?.. Отдай только мои деньги... Тебѣ вѣдь пропить, а у меня семейство... Отдай же!—почти молилъ Игнатовъ.

— Обыщите меня... Не бралъ я твоихъ денегъ!

— Такъ ты не бралъ? Не бралъ?—воскликнулъ Игнатовъ съ побѣлѣвшимъ отъ злобы лицомъ.—Не бралъ?!

И съ этими словами онъ, какъ ястребъ, налетѣлъ на Прошку.

— А, можетъ, это и не онъ,—вдругъ тихо сказалъ Шутиковъ.

То же, казалось, подумалось и другимъ матросамъ.

— Не онъ! впервые ему, что ли? Это безпремѣнно его дѣло... Воръ извѣстный.

Игнатовъ, взявъ двухъ человѣкъ, ушелъ обыскивать Прошкины вещи.

2. Ночь быстро спустилась надъ моремъ. Матросы спали на палубѣ: внизу было душно... Въ эту ночь, съ полуночи до шести, на караулѣ довелось быть той смѣнѣ, въ которой были Шутиковъ и Прошка. Шутиковъ отправился покурить. Выкуривъ трубку, онъ пошелъ, осторожно ступая между спящими, и, разглядѣвъ въ темнотѣ Прошку, одиноко притулившагося у борта и поклевывавшаго носомъ, тихо окликнулъ его.

— Это ты, Прошка?

— Я!—встрепенулся Прошка.

— Что я тебѣ скажу,—сказалъ ему Шутиковъ тихимъ, ласковымъ голосомъ:—вѣдь Игнатовъ, самъ знаешь, человѣкъ какой... Онъ тебя вовсе изобьетъ

на берегу... безо всякой жалости. Я, братецъ, вѣрю, что ты не бралъ... Слышь, вѣрю, и пожалѣлъ, что тебя занапрасно давеча били, и Игнатовъ еще грозится бить... А ты вотъ чего, Прошка: возьми ты у меня десять рублей и отдай ихъ Игнатову... Богъ съ нимъ! Пусть радуется на деньги! А мнѣ когда-нибудь отдашь,—приневоливать не стану... Такъ-то оно будетъ аккуратнѣй... Да, слышь, никому не сказывай!—сказалъ Шутиковъ.

Прошка былъ рѣшительно озадаченъ и не находилъ въ первую минуту словъ. Если бъ Шутиковъ могъ разглядѣть Прошкино лицо, то увидалъ бы, что оно смущено и необыкновенно взволновано. Еще бы! Прошку жалѣютъ и мало того, что жалѣютъ, еще предлагаютъ деньги, чтобы избавить его отъ битья. Все это Прошкѣ было въ диковину. Молча стоялъ онъ, опустивъ голову.

— Спасибо тебѣ, добрая твоя душа!—отвѣчалъ Прошка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ и вдругъ рѣшительно прибавилъ:—Только твоихъ денегъ, Шутиковъ, не нужно... Я все же чувствую и не хочу передъ тобою быть подлецомъ... Не желаю... Я самъ ужо отдамъ Игнатову его золотой.

— Такъ, значитъ, ты...

— То-то я!—чуть слышно промолвилъ Прошка.—Никто бы и не дознался... Деньги-то въ пушкѣ запрятаны...

— Эхъ, Прохоръ, Прохоръ!—упрекнулъ только Шутиковъ грустнымъ голосомъ и покачалъ головой.

Утромъ, послѣ смѣны, Прохоръ принесъ Игнатову золотой.

Съ той памятной ночи Прошка беззавѣтно привязался къ Шутикову и былъ преданъ ему, какъ вѣрная собака. И лодырничать сталъ Прошка меньше, работая безъ прежняго лукавства. Бить его стали рѣже, но отношеніе къ нему оставалось попрежнему пренебрежительное.

3. Утро стояло солнечное, блестящее, но прохладное. Дулъ свѣжій, ровный вѣтеръ, и по небу проносились бѣлоснѣжныя облака. Плавно раскачиваясь, корабль тихо плылъ по синему морю.

Вдругъ раздался отчаянный крикъ: „Человѣкъ за бортомъ!“ Не прошло послѣ этого нѣсколькихъ секундъ, какъ снова пронесся зловѣщій крикъ: „Еще человѣкъ за бортомъ!“ На мгновеніе все замерло на кораблѣ. Многіе въ ужасѣ крестились.

Съ первымъ окрикомъ всѣ офицеры выскочили наверхъ. Капитанъ и старшій офицеръ, оба взволнованные, уже были на мостикѣ.

— Онъ, кажется, схватился за буекъ!—проговорилъ капитанъ.—Сигнальщикъ, не спускай ихъ съ глазъ!..

— Есть... Вижу!

— Скорѣй... скорѣй ложитесь, спускайте баркасъ!—нервно, отрывисто торопилъ капитанъ.

Но торопить было нечего. Понимая, что каждая секунда дорога, матросы рвались, какъ бѣшеные. Черезъ восемь минутъ корабль остановился, и баркасъ съ людьми, подъ начальствомъ офицера, тихо спускался въ воду.

— Съ Богомъ!—напутствовалъ капитанъ.—Ищите людей!.. Да не заходите далеко!—прибавилъ онъ.

Упавшихъ въ море уже не было видно даже и въ трубу. Въ эти восемь минутъ корабль убѣжалъ уже далеко.

— Кто это упалъ?—спросилъ капитанъ старшаго офицера.

— Шутиковъ.

— А другой?

— Житинъ! Бросился за Шутиковымъ.

— Житинъ? Этотъ трусъ и рохля!—удивился капитанъ.

— Я самъ не могу понять!—отвѣчалъ офицеръ.

Между тѣмъ всѣ смотрѣли на баркасъ, который медленно удалялся отъ корабля, то скрываясь, то показываясь среди волнъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ скрылся отъ глазъ, и кругомъ было видно одно волнующееся море. На кораблѣ царила угрюмая тишина. Изрѣдка лишь матросы перекидывались словами вполголоса. Капитанъ смотрѣлъ на море. Старшій штурманъ и два сигнальщика также смотрѣли въ подзорныя трубы. Такъ прошло долгихъ полчаса.

— Баркасъ идетъ назадъ!—доложилъ сигнальщикъ.

И снова всѣ взглянули на море. Баркасъ подходилъ все ближе и ближе.

— Оба въ баркасѣ!—весело крикнулъ сигнальщикъ.

Радостный вздохъ вырвался у всѣхъ. Многіе матросы крестились. Корабль словно ожилъ. Снова пошли разговоры.

— Счастливо отдѣлались!—проговорилъ капитанъ, и на его серьезномъ лицѣ появилась радостная, хорошая улыбка. Улыбался въ отвѣтъ и офицеръ.

— А Житинъ-то... трусъ, трусъ, а вотъ, подите!—продолжалъ капитанъ.

— Удивительно! И матросъ-то лодырь, а бросился за товарищемъ... Шутиковъ заступался за него!—сказалъ офицеръ въ поясненіе.

И всѣ дивились Прошкѣ.

Черезъ десять минутъ баркасъ подошелъ къ борту и благополучно былъ поднятъ на корабль. Мокрые, вспотѣвшіе и красные, тяжело дыша отъ усталости, выходили гребцы изъ баркаса. Вышли Шутиковъ и Прошка, отряхиваясь, словно утки, отъ воды, оба блѣдные, взволнованные и счастливые. Всѣ съ уваженіемъ смотрѣли теперь на Прошку, стоявшаго передъ подошедшимъ капитаномъ.

— Молодецъ, Житинъ!—сказалъ капитанъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого неуклюжаго, невзрачнаго матроса, не пожалѣвшаго жизни для спасенія товарища.

Съ этого дня Прошка пересталъ быть прежнимъ загнаннымъ Прошкой и обратился въ Прохора.

К. Станюковичъ.

132. Стучитъ.

(Изъ „Записокъ охотника“).

Я не могъ заснуть, не потому, что не усталъ отъ охоты—и не потому, что испытанная мною тревога разогнала мой сонъ,—а ужъ очень красивыми мѣстами намъ приходилось ѣхать. То были раздольные, пространные, поемные, травянистые луга, со множествомъ небольшихъ лужаекъ, озерецъ, ручейковъ, заводей, заросшихъ по концамъ ивнякомъ и лозами, прямо русскія, русскимъ людомъ любимыя мѣста, подобныя тѣмъ, куда ѣзживали богатыри нашихъ древнихъ былинъ стрѣлять бѣлыхъ лебедей и сѣрыхъ утицъ. Желтоватой лентой вилась наѣзжаная дорога, лошади бѣжали легко—и я не могъ сомкнуть глаза,—любовался! И все это такъ мягко и стройно плыло мимо, подъ дружелюбной луной. Ямщика Филоѳея—и того проняло.

— Эти у насъ луга Святоегорьевскими прозываются,—обратился онъ ко мнѣ.—А за ними—такъ Великокняжескіе пойдутъ; другихъ такихъ луговъ по всей Россіи нѣту... Ужъ на что красиво!—Коренникъ фыркнулъ и встряхнулся...— Господь съ тобою!.. промолвилъ Филоѳей степенно и вполголоса.—На что красиво! повторилъ онъ вздохнувъ, а потомъ протяжно крякнулъ.—Вотъ скоро сѣнокосы начнутся, и что тутъ этого самаго сѣна нагребутъ—бѣда! А въ заводяхъ рыбы тоже много. Лещи такіе... прибавилъ онъ нараспѣвъ.—Одно слово: умирать не надо.

Онъ вдругъ поднялъ руку.

— Эва! глянь-ка! надъ озеромъ-то... аль чапля стоитъ? неужели она и ночью рыбу ловитъ? Эхъ-ма! сукъ это—не чапля. Вотъ маху-то далъ, а все мѣсяцъ обманываетъ.

Такъ мы ѣхали, ѣхали... Но вотъ уже и конецъ подошелъ лугамъ, показались лѣсочки, распаханныя поля; деревушка въ сторонѣ мигнула двумя-тремя огоньками,—до большой дороги осталось всего верстъ пять. Я заснулъ.

Снова я не самъ собой проснулся. На этотъ разъ меня разбудилъ голосъ Филоѳея.

— Баринъ... а баринъ!

Я приподнялся. Тарантасъ стоялъ на ровномъ мѣстѣ по самой срединѣ большой дороги; обернувшись съ козелъ ко мнѣ лицомъ, широко раскрывъ глаза (я даже удивился, я не воображалъ, что они у него такіе большіе)—Филоѳей значительно и таинственно шепталъ:

— Стучитъ!.. Стучитъ!..

— Что ты говоришь?

— Я говорю: стучитъ! Нагнитесь-ка и послушайте... Слышите?

Я высунулъ голову изъ тарантаса, притаилъ дыханіе—и дѣйствительно услышалъ гдѣ-то далеко-далеко за нами слабый прерывистый стукъ, какъ бы отъ катившихся колесъ.

— Слышите? повторилъ Филоѳей.

— Ну, да,—отвѣтилъ я.—Ѣдетъ какой-то экипажъ.

— А не слышите... чу! Во... бубенцы... и свистъ тоже... Слышите? Да шапку-то снимите... слышнѣй будетъ.

Я шапки не снялъ, но приникъ ухомъ.—Ну, да... можетъ быть. Да что-жъ изъ этого?

Филоѳей повернулся лицомъ къ лошадямъ.

— Телѣга катитъ... налегкѣ, колеса кованыя,—промолвилъ онъ и подобралъ вожжи.—Это, баринъ, недобрые люди ѣдутъ; здѣсь вѣдь, подъ Тулой, шалятъ... много.

— Какой вздоръ! Почему ты полагаешь, что это непремѣнно недобрые люди?

— Вѣрно говорю. Съ бубенцами... да въ пустой телѣгѣ... Кому быть?

— А что, до Тулы еще далеко?

— Да верстъ еще пятнадцать будетъ, и жилья тутъ никакого нѣту!

— Ну, такъ ступай живѣе, нечего мѣшкать-то.

Филоѳей взмахнулъ кнутомъ, и тарантасъ опять покатился.

Хотя я не далъ вѣры Филоѳею, однако заснуть не могъ.—А что, если въ самомъ дѣлѣ?—Непріятное чувство пошевельнулось во мнѣ. Я сѣлъ въ таран-

тасѣ—до тѣхъ поръ я лежалъ,—и сталъ глядѣть по сторонамъ. Пока я спалъ, тонкій туманъ набѣжалъ,—не на землю, на небо; онъ стоялъ высоко, мѣсяцъ въ немъ повисъ бѣловатымъ пятномъ, какъ бы въ дымѣ. Все потускнѣло и смѣшалось, хотя книзу было виднѣе. Кругомъ—плоскія унылыя мѣста: поля, все поля, кое-гдѣ кустики, овраги—и опять поля и больше все паръ, съ рѣдкой, сорной травою. Пусто... мертво! Хоть бы перепелъ гдѣ крикнулъ.

Ѣхали мы съ полчаса. Филоѳей то-и-дѣло помахивалъ кнутомъ и чмокалъ губами, но ни онъ, ни я, мы не говорили ни слова. Вотъ взобрались мы на пригорокъ... Филоѳей остановилъ тройку и тотчасъ же промолвилъ:

— Стучитъ... Стучитъ, баринъ!..

Я опять высунулся изъ тарантаса; но я бы могъ остаться подъ навѣсомъ балчука, до того теперь явственно, хотя еще издалека, доносился до слуха моего стукъ телѣжныхъ колесъ, людской посвистъ, брянцанье бубенчиковъ и даже топотъ конскихъ ногъ; даже пѣнье и смѣхъ почудились мнѣ. Вѣтеръ, правда, тянулъ оттуда, но не было сомнѣнья въ томъ, что незнакомые проѣзжіе на цѣлую версту,—а можетъ, и на двѣ стали къ намъ ближе.

Мы съ Филоѳеемъ переглянулись,—онъ только шапку сдвинулъ съ затылка на лобъ и тотчасъ же, нагнувшись надъ вожжами, принялся стегать лошадей. Онѣ пустились вскачь, но долго скакать не могли и опять побѣжали рысью. Филоѳей продолжалъ стегать ихъ. Надо жъ было уходить! Я не могъ себѣ дать отчета, почему въ этотъ разъ я, сначала не раздѣлявшій подозрѣній Филоѳея, вдругъ получилъ убѣжденіе, что слѣдомъ за нами ѣхали точно недобрые люди... Ничего новаго не услыхалъ я: тѣ же бубенцы, тотъ же стукъ ненагруженной телѣги, то же посвистываніе, тотъ же смутный гамъ... Но я теперь уже не сомнѣвался. Филоѳей не могъ ошибиться! И вотъ, опять прошло минутъ двадцать... Въ теченіе послѣднихъ изъ этихъ двадцати минутъ сквозь стукъ и грохотъ собственнаго экипажа намъ уже слышался другой стукъ и другой грохотъ...

— Остановись, Филоѳей, сказалъ я: все равно—одинъ конецъ.

Филоѳей трусливо тпрукнулъ. Лошади мгновенно стали, какъ бы обрадовавшись возможности отдохнуть. Батюшки! бубенцы просто ревутъ за самой нашей спиною, телѣга гремитъ съ дребезгомъ, люди свистятъ, кричатъ и поютъ, лошади фыркаютъ и бьютъ копытомъ землю... Нагнали!

— Би-и-да,—съ разстановкой вполголоса промолвилъ Филоѳей и, нерѣшительно чмокнувъ, сталъ понукать лошадей. Но въ это самое мгновеніе что-то вдругъ словно сорвалось, рявкнуло, ухнуло,—и большущая развалистая телѣга, запряженная тройкой поджарыхъ лошадей, круто, вихремъ обогнула насъ, заскакала впередъ и тотчасъ пошла шагомъ, загораживая дорогу.

— Самая разбойничья повадка,—прошепталъ Филоѳей.

Признаться,—у меня на сердцѣ захолонуло... Принялся я глядѣть, съ напряженіемъ,—въ полумракѣ луннаго, парами застланнаго свѣта. Въ телѣгѣ передъ нами не то сидѣло, не то лежало человѣкъ шесть въ рубахахъ, въ армякахъ на распашку; у двоихъ на головахъ не было шапокъ; большія ноги въ сапогахъ болтались, свѣсившись черезъ грядку, руки поднимались, падали, тѣла тряслись... Явное дѣло: пьяный народъ. Иные горланили—такъ, что ни попало; одинъ свисталъ; на облучкѣ сидѣлъ какой-то великанъ въ полушубкѣ и правилъ. Ѣхали

они шагомъ, какъ будто не обращая на насъ вниманія. Что дѣлать? Мы ѣхали за ними тоже шагомъ... поневолѣ. Съ четверть версты двигались мы такимъ манеромъ. Ожиданіе мучительное... Спасаться, защищаться... гдѣ ужъ тутъ! Ихъ шестеро, а у меня хоть бы палка! Повернуть оглоблями назадъ? но они тотчасъ догонятъ. Эхъ, скверно! А они попрежнему ѣдутъ шагомъ и не обращаютъ на насъ вниманія.

— Филоѳей!— шепнулъ я,—попробуй-ка, возьми правѣе, ступай будто мимо.

Филоѳей попробовалъ, взялъ вправо... но тѣ тотчасъ тоже взяли вправо... проѣхать стало невозможно. Филоѳей пытался еще: взялъ налѣво... Но и тутъ ему не дали миновать телѣгу. Даже засмѣялись. Значитъ, не пропускаютъ.

Но вдругъ раздалось рѣзкое гиканье, тройка передъ нами словно взвилась, понеслась и, доскакавъ до мостика, разомъ остановилась, какъ вкопаная, немного съ боку дороги. Сердце во мнѣ такъ и упало.

Стали мы приближаться къ мостику,—къ той неподвижной грозной телѣгѣ... На ней, какъ нарочно, все затихло. Ни гу-гу! Такъ затихаетъ щука, ястребъ, всякій хищный звѣрь, когда приближается добыча. Вотъ поровнялись мы съ телѣгой... вдругъ великанъ въ полушубкѣ прыгъ съ нея долой—и прямо къ намъ.

Ничего-то онъ не сказалъ Филоѳею, но тотъ самъ тотчасъ натянулъ вожжи... Тарантасъ остановился. Великанъ положилъ обѣ руки на дверцы и, наклонивъ впередъ свою мохнатую голову, произнесъ тихимъ, ровнымъ голосомъ и фабричнымъ говоркомъ слѣдующее:

— Господинъ почтенный, ѣдемъ мы съ честного пирка, со свадебки; нашего молодца, значитъ, женили; какъ есть, уложили; ребята у насъ все молодые, головы удалыя, выпито было много, а опохмелиться нечѣмъ; то не будетъ ли ваша такая милость, не пожалуйте ли намъ деньжонокъ самую чуточку, а не будетъ вашей къ намъ милости—ну, просимъ не осерчать!...

„Что это такое?“—подумалось мнѣ...—„Насмѣшка?.. Глумленіе?“...

Великанъ продолжалъ стоять, понуривъ голову. Въ самый этотъ мигъ мѣсяцъ выбрался изъ тумана и освѣтилъ ему лицо. Оно улыбалось, это лицо—и глазами, и губами. А угрозы на немъ не видать...

— Я съ удовольствіемъ... возьмите...—поспѣшно проговорилъ я,—и, доставъ кошелекъ изъ кармана, вынулъ оттуда два цѣлковыхъ;—въ то время серебряныя деньги еще водились на Руси.—Вотъ, коли этого довольно.

— Много благодарны!—гаркнулъ по-солдатски великанъ,—и мигомъ выхватилъ у меня, не весь кошелекъ, а только тѣ два рубля.—Много благодарны.— Онъ встряхнулъ волосами, подбѣжалъ къ телѣгѣ.

— Ребята!—крикнулъ онъ,—два цѣлковыхъ жалуетъ намъ господинъ проѣзжій!—Тѣ всѣ вдругъ какъ загогочутъ... Великанъ вспрыгнулъ на облучокъ...— Счастливо оставаться!

И только мы ихъ и видѣли! Лошади подхватили, телѣга загремѣла въ гору,—вотъ еще разъ мелькнула она на темной чертѣ, отдѣлявшей землю отъ неба, и пропала. Вотъ ужъ и стука, и крика, и бубенцовъ не слыхать... Стала мертвая тишина.

И. Тургеневъ.

133. ИЗЪ ПОВѢСТИ Н. ГОГОЛЯ: „СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМѢЩИКИ.“

1. Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ—увы!—теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ— и ничего болѣе. Грустно мнѣ, заранѣе грустно!

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ—пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась, но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку ужъ черезчуръ приторною для ея добраго лица. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу „ты“, но всегда „вы“: вы, Аѳанасій Ивановичъ, вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“—„Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я“.

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержался съ такою опрятностью, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками, и сундучочками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами цвѣточными, огородными, арбузными висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе прежде, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ было поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли; перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ, но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь, ведшая въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „батюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится сей звукъ, но я его очень люблю; и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно, соловьемъ, обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается

старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и нынѣ садятся архіереи. Треугольные столики по угламъ, четыреугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями; коверъ передъ диваномъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицы,—вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

2. Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и какъ только двери заводили свой разноголосый концертъ, они уже сидѣли за столомъ и пили кофе. Накушавшись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платкомъ, говорилъ: „Кишь, кишь! пошли, гуси, съ крыльца!“ На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ; онъ по обыкновенію вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ:—А что, Пульхерія Ивановна? можетъ быть, пора закусить намъ чего-нибудь?

— Что же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ?

— Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ,—и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣлье старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— Мнѣ кажется, какъ будто эта каша,—говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ,—немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.

— Пожалуй,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку,—попробуемъ, какъ оно будетъ.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила:—вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.

Арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ ко двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночовкахъ и прочихъ фрукто-хранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ:—Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?

— Чего же бы такого?—говорила Пульхерія Ивановна,—развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?

— И то добре,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселька?

— И то хорошо,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ; послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-что закусывалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна,—говорилъ онъ,—если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже, сохрани!—говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну, да положимъ, что нашъ домъ сгорѣлъ; куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а если бы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которая занимаетъ ключница.

— А если бы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли. Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А если бы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

3. Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

— Какъ можно такою позднею порой отправляться въ такую дальнюю дорогу!—всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ).

— Конечно,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,—неравно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.

— Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!—говорила Пульхерія Ивановна,— и къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники, не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя. Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну.

— Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу итти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ!—прерывала Пульхерія Ивановна.—Вы не вѣрьте ему, говорила она, обращаясь къ гостю: гдѣ ему, старому, итти на войну! его первый солдатъ застрѣлитъ; ей Богу, застрѣлитъ! вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.

— Что жъ?—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,—и я его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!—подхватывала Пульхерія Ивановна:—куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!

— Что жъ?—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,—я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику.

— Это все выдумки; такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову, и начнетъ разсказывать!—подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою.—Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать, да и страшно станетъ.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Н. Гоголь.

134. ИЗЪ ПОВѢСТИ А. ПУШКИНА: „КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА".

I.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, и вышелъ въ отставку премьеръ-майоромъ въ 17 . . году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли во младенчествѣ... Я былъ записанъ въ семеновскій полкъ сержантомъ, по милости майора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по нынѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году, выучился я русской грамотѣ.

Въ это время батюшка нанялъ для меня француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла. Пріѣздъ его сильно не понравился Савельичу. „Слава Богу“, ворчалъ онъ про себя: „кажется, дитя умытъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!“...

Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ „Придворный календарь“, ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ея безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знавшая наизусть всѣ его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ „Придворный календарь“ не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Зато когда онъ случайно его находилъ, то бывало по цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужъ изъ своихъ рукъ.

Итакъ батюшка читалъ „Придворный календарь“, изрѣдка пожимая плечами и повторяя вполголоса: „Генералъ-поручикъ!.. Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!... Обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ!... А давно ли мы?...“ Наконецъ батюшка швырнулъ „Календарь“ на диванъ и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ: „Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?“

— Да вотъ пошелъ семнадцатый годокъ, — отвѣчала матушка. — Петруша родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

— „Добро“, прервалъ батюшка: „пора его въ службу“.

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку въ кастрюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того, трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что, по мнѣнію моему, было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

— „Не забудь, Андрей Петровичъ“, сказала матушка: „поклониться и отъ меня князю Б.: я дескать надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своими милостями“.

— Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка нахмурясь. — Къ какой стати стану я писать къ князю Б.?

— „Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петруши“.

— Ну, а тамъ что?

— „Да вѣдь начальникъ Петрушинъ князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ семеновскій полкъ“.

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло, что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать.

Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи! Гдѣ его пашпортъ? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ его передъ собою на столъ и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда жъ отправляютъ меня, если ужъ не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшки, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки и, подозвавъ меня, сказалъ: „Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ служить подъ его начальствомъ“.

Итакъ всѣ мои блестящія надежды рушились! Вмѣсто веселой петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ, показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: „Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся, и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду“. Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дитятей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

II.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— „Баринъ, не прикажешь ли воротиться?“

— Это зачѣмъ?

— „Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу“.

— Что жъ за бѣда!

— „А видишь тамъ что? (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— „А вонъ... вонъ: это облачко“.

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

„Ну, баринъ“, закричалъ ямщикъ: „бѣда: буранъ!..“

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

— „Что же ты не ѣдешь?“ спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка:—невѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: „И охота было не слушаться“, говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра; буря бъ утихла—отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!“ Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія мятели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

„Эй, ямщикъ!“ закричалъ я: „смотри: что тамъ такое чернѣется?“

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто:—возъ—не возъ, дерево—не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ.

— „Гей, добрый человѣкъ!“ закричалъ ему ямщикъ: „скажи: не знаешь ли, гдѣ дорога?“

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный:—да что толку?

— „Послушай, мужичокъ“, сказалъ я ему: „знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?“

— Сторона мнѣ знакомая, отвѣчалъ дорожный:—слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь, какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться да переждать, авось, буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поѣзжай.

— „А почему ѣхать мнѣ вправо?“ спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. „Гдѣ ты видишь дорогу? Небось, лошади чужія, хомутъ не свой—погоняй, не стой“.

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

— „Въ самомъ дѣлѣ“, сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило недалече?“

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ, отвѣчалъ дорожный: — и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды...

Я проснулся. Лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

— „Выходи, сударь: пріѣхали“.

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.

— „На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй да обогрѣйся“.

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? спросилъ я у Савельича.

— „Здѣсь, ваше благородіе“, отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

— „Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да — что грѣха таить — заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ“.

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскія шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. „Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина: чай не наше казацкое питье“. Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ. Вожатый взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился на полати.

Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ, какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться, по своему обыкновенію. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. „Полтину

на водку!" сказалъ онъ: „за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь! нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать". Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, сказалъ я хладнокровно:—если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

„Помилуй, батюшка Петръ Андреичъ!" сказалъ Савельичъ: „зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ".

— „Это старинушка, ужъ не твоя печаль", сказалъ мой бродяга: „пропью ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться".

„Бога ты не боишься, разбойникъ!" отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. „Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища".

— Прошу не умничать, сказалъ я своему дядькѣ: сейчасъ неси сюда тулупъ.

„Господи Владыко!" простоналъ мой Савельичъ. „Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!"

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко и для меня узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: „Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей". Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

III.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. „Далече ли до крѣпости?" спросилъ я у своего ямщика.—„Недалече", отвѣчалъ онъ: „вонъ ужъ видна". Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой —скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. „Гдѣ же

крѣпость?“ спросилъ я съ удивленіемъ.—„Да вотъ она“, отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. „Войди, батюшка!“ отвѣчалъ инвалидъ: „наши дома“. Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представлявшія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичокъ въ офицерскомъ мундирѣ. „Что вамъ угодно, батюшка?“ спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. „Ивана Кузьмича дома нѣтъ“, сказала она: „онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка!“ Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. „Смѣю спросить“, сказалъ онъ: „вы въ какомъ полку изволили служить?“ Я удовлетворилъ его любопытству. „А смѣю спросить“, продолжалъ онъ: „зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?“ Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. „Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки!“ продолжалъ неутомимый вопрошатель.—„Полно врать пустяки“, сказала ему капитанша: „ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе... А ты, мой батюшка“, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: „не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится,—слюбится. Швабринъ, Алексѣй Иванычъ, вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ“.

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ. „Максимычъ!“ сказала ему капитанша: „отведи г. офицеру квартиру, да почище“.

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ.

Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы, довольно опрятной, раздѣленной на двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя

на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: „Господи Владыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ“?

На другой день поутру я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ, невысокаго роста, съ лицомъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. „Извините меня“, сказалъ онъ по-французски: „что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть, наконецъ, человѣческое лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени“. Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень неглупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большою веселостію описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня обѣдать. Швабринъ вызвался итти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фронтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученіе; но онъ просилъ насъ итти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. „А здѣсь“, прибавилъ онъ: „нечего вамъ смотрѣть“. Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно и обошлась со мною, какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ. „Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился?“ сказала комендантша: „Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?“ Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у нея такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою.

Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. „Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ, успѣетъ накричаться“.

Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ. „Что это, мой батюшка“, сказала ему жена: „кушанье давнымъ давно подано, а тебя не дозовешься“.—А слышь ты, Василиса Егоровна, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: я былъ занятъ службой, солдатушекъ училъ. „И, полно!“ возразила капитанша: „только слава, что солдатъ учишь; ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ“. Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ жи-

вутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ,— „Легко ли!" сказала она: „вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка, да, слава Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ! а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчною невѣстою". Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла, и даже слеза капнула на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. „Я слышалъ", сказалъ я довольно некстати: „что на вашу крѣпость собираются напасть башкирцы?"—Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать? спросилъ Иванъ Кузьмичъ. „Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ", отвѣчалъ я.—Пустяки! сказалъ комендантъ: у насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы—народъ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся, а сунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню. „И вамъ не страшно", продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: „оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?"—Привычка, мой батюшка, отвѣчала она: тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей. Какъ завижу, бывало, рысьи шапки да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ. А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.—Василиса Егоровна прехрабрая дама, замѣтилъ важно Швабринъ: Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.—Да, слышь ты, сказалъ Иванъ Кузьмичъ: баба-то не робкаго десятка. „А Марья Ивановна? спросилъ я: „такъ же ли смѣла, какъ и вы?"—Смѣла ли Маша? отвѣчала ея мать: нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья; такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои именины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страху на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ уже и не палимъ изъ проклятой пушки.—Мы встали изъ-за стола. Я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ, какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузьмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностью. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла, какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостію такъ точно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству.

IV.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ октября 1772 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени коменданта. Я тотчасъ отправился. У коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкаго урядника. Въ комнатѣ не

было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: „Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишетъ генералъ“. Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

„Господину коменданту Бѣлогорской крѣпости капитану Миронову.

Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачовъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени покойнаго императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ яицкихъ селеніяхъ и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, производя вездѣ грабежи и смертоубійства. Того ради, съ полученіемъ сего, имѣете вы, господинъ капитанъ, немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно, и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію“.

Однажды, когда мы разсуждали о нашемъ положеніи, вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ. „Что это съ тобою сдѣлалось“? спросилъ изумленный комендантъ.—Батюшка, бѣда! отвѣчала Василиса Егоровна: Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.—Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачова.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ коменданту. Ужъ разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился. „Куда вы?“ сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня: „Иванъ Кузьмичъ на валу и послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ“.—Уѣхала ли Марья Ивановна? спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ. „Не успѣла“, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: „дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичъ!“ Мы пошли на валъ,—возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхами. Они были, казалось, казаки, но между ними находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: „Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!“ Солдаты громко изъявили усердіе.

Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжавшіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучу и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда... Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла. Тутъ явились на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, не хотѣвшая отстать отъ нея. „Ну что?“ сказала комендантша: „каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?“—Непріятель недалече, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?—Нѣтъ, папенька, отвѣчала Марья Ивановна: дома одной страшнѣе.—Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними на бѣломъ конѣ ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачовъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги. Измѣнники кричали: „Не стрѣляйте; выходите вонъ къ государю. Государь здѣсь!“—Вотъ я васъ! закричалъ Иванъ Кузьмичъ: ребята, стрѣляй! Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ уздцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники, видимо, приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. „Василиса Егоровна!“ сказалъ комендантъ: „здѣсь не бабье дѣло; уведи Машу: видишь, дѣвка ни жива, ни мертва“. Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе, потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: „Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу“. Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды, потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ: „Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе“. Маша кинулась ему на шею и зарыдала.—Поцѣлуемся жъ и мы, сказала, заплакавъ, комендантша: прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила! „Прощай, прощай, матушка!“ сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху: „ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ“. Комендантша съ дочерью удалилась. Я глядѣлъ вслѣдъ Марьѣ Ивановнѣ; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля.

Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. „Теперь стойте крѣпко“, сказалъ комендантъ: „будетъ приступъ“... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ

крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. „Ну, ребята", сказалъ комендантъ: „теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!" Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ, но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. „Что жъ вы, дѣтушки, стоите?" закричалъ Иванъ Кузьмичъ: „умирать, такъ умирать, дѣло служивое". Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь; нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: „вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!"

V.

Не стану описывать нашего похода и окончанія пугачовской войны. Пугачовъ бѣжалъ, преслѣдуемый генераломъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ, Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителямъ! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну, о которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ, какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ, пожимая плечами: „Нѣтъ, тебѣ не сдобровать! Женишься—ни за что пропадешь!" Зуринъ далъ мнѣ отпускъ. Чрезъ нѣсколько дней долженъ я былъ опять очутиться посреди моего семейства. Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то кольнуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не зная чего. Онъ выслалъ моего денщика и объявилъ, что имѣетъ до меня дѣло. „Что такое?" спросилъ я съ безпокойствомъ.—Маленькая непріятность, отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу: прочитай, что сейчасъ я получилъ. Я сталъ ее читать; это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ бы я имъ ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Казань, въ слѣдственную комиссію, учрежденную по дѣлу Пугачова. Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ.—Дѣлать нечего! сказалъ Зуринъ: долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачовымъ какъ-нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправдаешься передъ комиссіей. Не унывай и отправляйся.—Совѣсть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкаго свиданія, можетъ-быть, на нѣсколько еще мѣсяцевъ—устрашала меня. Телѣжка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ телѣжку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо, и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться; я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи. Но пріятельскія сношенія мои съ Пугачовымъ могли быть показаны множествомъ свидѣтелей и должны были казаться, по крайней мѣрѣ, весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлялъ я о допросахъ, меня ожидающихъ, обдумывалъ свои отвѣты и рѣшился передъ судомъ объявить сущую правду, полагая сей способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ. Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и погорѣлую. По улицамъ, намѣсто домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугачовымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую посреди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпь и заковали ее наглухо. Потомъ отвели меня въ тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной конуркѣ, съ однѣми голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою. Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однакожъ я не терялъ ни бодрости, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ и, впервые вкусивъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что со мною будетъ. На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ съ объявленіемъ, что меня требуютъ въ комиссію. Два солдата повели меня черезъ дворъ въ комендантскій домъ, остановились въ передней и впустили одного во внутреннія комнаты. Я вошелъ въ залу довольно обширную. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣли два человѣка: пожилой генералъ, виду строгаго и холоднаго, и молодой гвардейскій капитанъ, лѣтъ двадцати осьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка, за особымъ столомъ, сидѣлъ секретарь съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ ли я Андрея Петровича Гринева, и на отвѣтъ мой возразилъ сурово: „Жаль, что такой почтенный человѣкъ имѣетъ такого недостойнаго сына!“ Я спокойно отвѣчалъ, что, каковы бы ни были обвиненія, тяготѣющія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины. Увѣренность моя ему не понравилась. „Ты, братъ, востеръ“, сказалъ онъ мнѣ, нахмурясь: „но видали мы и не такихъ!“ Тогда молодой человѣкъ спросилъ меня, по какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачову и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребленъ. Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу къ Пугачову вступать не могъ и никакихъ порученій отъ него принять не могъ. „Какимъ же образомъ“, возразилъ мой допросчикъ: „дворянинъ и офицеръ, одинъ пощаженъ самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки: шубу, лошадь и полтину денегъ? Отчего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, на гнусномъ и преступномъ малодушіи?“ Я былъ глубоко оскорбленъ словами гвардейскаго офицера и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я разсказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачовымъ въ степи, во время бурана, какъ, при взятіи Бѣлогорской крѣпости, онъ меня узналъ и по-

щадилъ. Я сказалъ, что тулупъ и лошадь, правда, не посовѣстился я принять отъ самозванца, но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я противъ злодѣя до послѣдней крайности. Я хотѣлъ было продолжать, какъ началъ, и объяснить мои отношенія къ Марьѣ Ивановнѣ такъ же искренно, какъ и все прочее, но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то комиссія потребуетъ ее къ отвѣту, и мысль впутать имя ея между гнусными извѣтами злодѣевъ и ее самое привести на очную съ ними ставку—эта ужасная мысль меня такъ поразила, что я замялся и спутался. Судьи мои, начинавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благосклонностью, были снова предубѣждены противъ меня при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобы меня поставили на очную ставку съ главнымъ доносителемъ. Генералъ велѣлъ кликнуть „вчерашняго злодѣя". Я съ живостію обратился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волосы его, недавно черные, какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но смѣлымъ голосомъ. По его словамъ, я отряженъ былъ отъ Пугачова въ Оренбургъ шпіономъ; ежедневно выѣзжалъ на перестрѣлки, дабы передавать письменныя извѣстія о всемъ, что дѣлалось въ городѣ; что, наконецъ, явно передался самозванцу, разъѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищей-измѣнниковъ, дабы занимать ихъ мѣста и пользоваться наградами, раздаваемыми отъ самозванца. Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ. Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи, и, когда судьи спросили, чѣмъ могу опровергнуть показанія Швабрина, я отвѣчалъ, что держусь перваго своего объясненія и ничего другого въ оправданіе себѣ сказать не могу. Генералъ велѣлъ насъ вывести. Мы вышли вмѣстѣ. Я спокойно взглянулъ на Швабрина, но не сказалъ ему ни слова. Онъ усмѣхнулся злобною усмѣшкой. Меня опять отвели въ тюрьму и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали.

VI.

Марья Ивановна принята была моими родителями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ, которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божію въ томъ, что имѣли случай пріютить и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что ее нельзя было знать и не полюбить. Матушка только того и желала, чтобъ ея Петруша женился на милой капитанской дочкѣ. Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто разсказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачовымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобъ я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачова и что-де злодѣй его таки жаловалъ; но клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностью и осторожностью.

Прошло нѣсколько недѣль. Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя Б. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе. Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. „Какъ!“ повторялъ онъ, выходя изъ себя: „сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачова! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна; но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!...“ Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людского мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ. Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти. Однажды, вечеромъ, батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы „Придворнаго календаря“, но мысли его были далеко, чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. „Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?“ сказала она: „неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?“ Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія и что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность. Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. „Поѣзжай, матушка!“ сказалъ онъ ей со вздохомъ: „мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника“. Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и чрезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрною Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію и, узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя (почтовой станціи) тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣ-

скольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Оне пошли в сад. Анна Власьевна разсказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, оне возвратились на станцию, очень довольные друг другом. На другой день, рано утром, Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное; солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: „Не бойтесь: она не укусит“. Марья Ивановна увидала даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны, бросив несколько косвенных взглядов, успела разсмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание. „Вы, верно, не здешняя?“ сказала она.—Точно так-с; я вчера только приехала из провинции. „Вы приехали с вашими родными?“—Никак нет-с; я приехала одна. „Одна! Но вы так еще молоды?“—У меня нет ни отца, ни матери. „Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?“—Точно так-с; я приехала подать просьбу Государыне. „Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?“—Никак нет-с; я приехала просить милости, а не правосудия. „Позвольте спросить, кто вы таковы?“—Я дочь капитана Миронова. „Капитана Миронова? того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?“—Точно так-с.—Дама, казалось, была тронута. „Извините меня“, сказала она голосом еще более ласковым: „если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при Дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может-быть, мне удастся вам помочь“. Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя. Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ея переменилось, и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ея движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному. „Вы просите за Гринева?“ сказала дама с холодным видом: „Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй“.—Ах, неправда! вскрикнула Марья Ивановна. „Как неправда?“ возразила дама, вся вспыхнув.—Неправда ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вам разскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня.—Тут она с жаром разсказала все, что уже известно читателю. Дама выслушала

ее со вниманіемъ. „Гдѣ вы остановились?“ спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою: „А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы недолго будете ждать отвѣта на ваше письмо“. Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чая только что принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову. Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. „Ахти, Господи!“ закричала она: „Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ“? Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно, чтобы Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны. Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ о ней доложитъ, и оставилъ ее одну. Мысль увидѣть Императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни. Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которою такъ откровенно объяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: „Я рада, что могла сдержать свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру“. Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. „Знаю, что вы небогаты“, сказала она: „но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе“. Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала его провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

А. Пушкинъ.

135. ИЗЪ РОМАНА Н. ГОГОЛЯ: „МЕРТВЫЯ ДУШИ".

I. Помѣщикъ—скряга.

Чичиковъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ, и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе жолобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ. По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами, въ треугольныхъ шляпахъ, и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева, съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ.

Пока Чичиковъ разсматривалъ все странное убранство комнаты, отворилась боковая дверь и взошла та самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не бреетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко.—„Что жъ баринъ? у себя, что ли?" рѣшился спросить Чичиковъ.—„Здѣсь хозяинъ",—сказалъ ключникъ.—„Гдѣ же?" повторилъ Чичиковъ.—„Что, батюшка, слѣпы-то, что ли?" сказалъ ключникъ.—„Эхва! А вѣдь хозяинъ-то я!"

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ далеко впередъ; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя было докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ.

Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ.

У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда неупотреблявшейся, ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на Щепной дворъ, гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное; бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій. Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще всякій день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ вышелъ на охоту!“ говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору,—шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна: антресоли были заняты квартирою учителя француза. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешли къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобъ узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ не получилъ ничего. Наконецъ, дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, остались только два, изъ которыхъ одно было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида болѣе и болѣе главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ сдѣлалъ отмѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть му-

жикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ, могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду?—Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ; еслибы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ,—не подымете потомъ!

II. Хлѣбосолъ-помѣщикъ.

— Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку сказано, не полагаться: Петрушка бревно, Петрушка глупъ...

— Вѣдь тутъ не мудрость какая! сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса.—Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ...— Коляска стала между тѣмъ спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами. Быстро пролетали мимо нихъ кусты лозъ, тонкихъ ольхъ, серебристыхъ тополей, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который посадилъ его, но привязать картузъ или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что это въ послѣдній разъ и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединились—осина, береза, ель. Лѣсъ затемнѣлъ и, казалось, готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, проблески становились больше... и вотъ передъ ними озеро—водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводы...

Въ это время баринъ, наблюдавшій за рыбной ловлей своихъ людей, увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали? закричалъ баринъ, входя съ поймланною рыбой на берегъ...

— Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ, приподнимая картузъ и продолжая раскланиваться изъ коляски.

— Ну, такъ благодарите же Бога!

— А что? спросилъ Чичиковъ съ любопытствомъ, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ что? Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподними осетра изъ лоханки! Телепень Кузьма, ступай, помоги!—Двое рыбаковъ приподняли изъ лоханки голову какого-то чудовища.—Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ! кричалъ круглый баринъ.—Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже, черезъ

огородъ! Побѣги, телепень Ѳома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ...

„Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ“, подумалъ про себя Чичиковъ. Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ. Баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Незнакомъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ же это? Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Слава Богу, вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ! подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. „Какъ же вы?“ сказалъ онъ, оборотясь къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски: „Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву! А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...“

— Ребята сдѣлали отлично! Ступайте въ кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки, сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.—Откладывайте коней и ступайте сейчасъ же въ людскую!

— Я совѣщусь: такая нежданная ошибка... говорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажите: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руки и вводя его во внутренніе покои. Изъ покоевъ вышли къ нимъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,—тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники... Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною.—Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить.

„Понимаю“, подумалъ Чичиковъ: „кончится дѣло кондитерскими да бульварами“.—А что? спросилъ онъ вслухъ,—въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?

— Заложено, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной,—заложено.

„Плохо“, подумалъ Чичиковъ. „Этакъ скоро не останется ни одного имѣнія“. —Напрасно, однакоже, сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья,—поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, сказалъ Пѣтухъ.—Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь: дай-ка еще по-

пробую пожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенія столичнаго.

„Дуракъ, дуракъ!“ думалъ Чичиковъ: „промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотами. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ!“

— А вѣдь я знаю, что вы думаете? сказалъ Пѣтухъ.

— Что? спросилъ Чичиковъ смутившись.

— Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! Зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ“. Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженая дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ. Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобъ поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ, со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ, для поощренья. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ кличекъ не можетъ обойтись.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ—подкладывалъ ему тутъ же другой приговаривая: „Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не можетъ жить на свѣтѣ“. У кого два—подкладывалъ ему третій приговаривая: „Что жъ за число два? Богъ любитъ троицу“. Съѣдалъ гость три—онъ ему: „Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?“ На четыре у него была тоже поговорка, на пять—опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: „Ну, теперь, ничего не приберетъ хозяинъ больше“. Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

—Два года воспитывалъ на молокѣ, сказалъ хозяинъ: ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу, сказалъ Чичиковъ.—Вы попробуйте, да потомъ скажите: не могу.—Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.—Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій—нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ—дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго. Нашлось ему мѣсто, а казалось, ничего нельзя помѣстить.

„Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!“ думалъ Чичиковъ. Съ винами была та же исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего же не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой. Съ гостьми было не то: въ силу, въ силу перетащились они на балконъ и въ силу помѣстились на креслахъ. Хозяинъ какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ.

Н. Гоголь.

136. ИЗЪ РОМАНА И. ГОНЧАРОВА: „ОБЛОМОВЪ.“

Сонъ Обломова.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару, потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лились въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какія-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное—не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покрививпшимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ ша-

тающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страсть хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ“, а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она посиѣвала дойти до сѣновала, какъ ужъ надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и—чего Боже сохрани!—въ оврагъ.

— Ахъ ты, Господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день, и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки или смутной тоской за отдаленную его будущность; этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзовъ однакожъ ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще невысоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи—отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, а по землѣ рядомъ съ нимъ шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

„У! баловень!“ тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина

домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спроситъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно:—молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ:—да смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ:—вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку; сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать, и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался, или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! Какая птица воспитывалась! сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею!

Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитій. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ перересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, если бъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами

съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, не смотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость; потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галлерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобъ вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ; но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. „Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею“, думала она почти сквозь сонъ: „или еще... какъ бы въ оврагъ...“ Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось и въ березнякъ; онъ такъ близко, кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ; слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки; онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго.

Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья

сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы—тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.

— Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять! отвѣчаетъ она: сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока наконецъ сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повиснувшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили Обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:—прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ. Слава Тебѣ, Господи! слава Тебѣ, Господи!

И. Гончаровъ.

VI. БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.

137. Туча.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ее не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась
И щедростью своей хвалилась предъ горою.
„Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?“
Сказала ей гора:
„И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты бъ область цѣлую отъ голода спасла,
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно“.

138. Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ,
Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своей:
„Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей!
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?“—Лѣчиться,
Смиренно прожурчалъ ручей.

139. Волкъ и кукушка.

„Прощай, сосѣдка!“ волкъ кукушкѣ говорилъ:
„Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ.
Все тѣ жъ у васъ и люди, и собаки:
Одинъ другого злѣй; и хоть ты ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки“.
— „А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,

Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?“
— „О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль, даже и во снѣ
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ“.
— „Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой“!
Кукушка говоритъ: „а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь иль возьмешь съ собой?“
— „Ужъ кинуть, вздоръ какой!“
— „Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.“

140. Лисица и оселъ.

„Отколѣ умная бредешь ты голова?“
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
— „Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ, и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.
И поплатился онъ стариными долгами.
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами...“
— „Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?“
Лиса осла перерываетъ.
— „Вотъ-на!“ оселъ ей отвѣчаетъ:
„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!“

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды;
Но упади лишь съ высоты —
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

141. Мельникъ.

У мельника вода плотину прососала;
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
„Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хвататься!“
А мельникъ говоритъ: далеко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата“.
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ, у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.

„Негодныя!“ кричитъ: „хохлатки, дуры,
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать“.
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

142. Орелъ и кротъ.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали на вѣкъ остаться въ немъ
И, выбравши вѣтвистый дубъ высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится:
Такъ чтобъ орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ крота! А гдѣ же похвала,
Что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,—
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но что жъ?—Однажды какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
„Несчастный!“ онъ сказалъ:
„За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?“
— „Когда бы ты не презрѣлъ мною“,
Изъ норки кротъ сказалъ: „то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй“.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

143. Пустынникъ и медвѣдь.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
— „Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова“.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего, снимаетъ шляпу,

И милому соседушке поклонъ.
Соседъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И целые проводятъ вместе дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль прибаутокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ беседа шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ,
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ друге кладъ.
Везде за Мишей онъ, безъ Мишеньки
тоскуется,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ,
по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ, человекъ медведя послабее,
То и пустынникъ нашъ скорее,
Чемъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка
другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу".
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ,
зевнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ
дела:
У друга на носъ муха села:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щеке; согналъ, а муха снова
У друга на носу
И неотвязчивей часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присёлъ на корточки, не переводитъ
духу,
Самъ думаетъ: „молчи жъ, ужъ я тебя,
воструху!"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ
въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ
врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ
остался!

Хотя услуга намъ при нужде дорога,
Но за нее не всякъ умеетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснее врага.

144. Левъ и мышь.

У льва просила мышь смиренно позволенья
По близости его въ дупле завесть селенье
И такъ промолвила: „Хотя де здесь
въ лесахъ
Ты и могучъ, и славенъ,
Хоть въ силе льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всехъ наводитъ
страхъ;
Но будущее кто угадывать возьмется?
Какъ знать, кому въ комъ нужда
доведется?
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ-быть, подчасъ тебе и пригожусь".
— „Ты?" вскрикнулъ левъ: „ты жалкое
созданье?
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива,
Иль твоего не будетъ праху!"
Тутъ мышка бедная, не вспомнясь отъ
страху,
Со всехъ пустилась ногъ — простылъ ея
и следъ:
Льву даромъ не прошла однакожъ
гордость эта:
Отправяся искать добычи на обедъ,

Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ
ревъ и стонъ;
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался
И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.
Про мышку бѣдную тутъ поздно
вспомнилъ онъ:
Что бы помочь она ему сумѣла,
Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла
И что его своя кичливость съѣла.

—

Читатель! истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я,—и то не отъ
себя,—
Не попусту въ народѣ говорится:
„Не плюй въ колодецъ—пригодится
Воды напиться“.

145. Орелъ и пчела.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ
цвѣтка,
Сказалъ орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
„Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ;
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть
въ виду?...
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ!
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ
стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться“.
Пчела отвѣтствуетъ: „Тебѣ хвала и честь!
Да прóдлитъ надъ тобой Зевесъ свои
щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

146. Волкъ и ягненокъ.

Ягнёнокъ въ жаркій день зашелъ къ
ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ
волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на дóбычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: „Какъ смѣешь ты, наглецъ,
нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!“
— Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью,
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу.
„Поэтому я лгу?
Негодный! слыхана ль такая дерзость
въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ за-
прошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ;
Я этого, пріятель, не забылъ!“
—Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,
Ягненокъ говоритъ. „Такъ это былъ
твой братъ“.
— Нѣтъ братьевъ у меня. „Такъ это
кумъ иль сватъ,
И, словомъ, кто-нибудь изъ вашего
же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;

Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи".
— Ахъ, я чѣмъ виноватъ? „Молчи!
усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется
мнѣ кушать".
Сказалъ—и въ темный лѣсъ ягненка
поволокъ.

147. Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ
лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: объ ихъ собачьей
службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
„Что можетъ—говоритъ Полканъ,—
пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить,
Во всемъ оказывать взаимную услугу,
Не спить безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ
другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство
ставить!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась,
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы
летѣло".
— А что же? это дѣло!—
Барбосъ отвѣтствуетъ ему.—
Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой
собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ
давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто
межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно.
— „Явимъ же въ ней примѣръ мы въ
наши времена!—
Вскричалъ Полканъ.—Дай лапу!"—
Вотъ она!
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и
приравняться:
„Орестъ мой!"—Мой Пиладъ! Прочь
свары, зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни
кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски
несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ;
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

148. Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ
гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному
онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ
достается).
Я мужика и не виню;

Но гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гу-
сей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ
тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ
спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь
учреждены!“
— А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ. „Да наши
предки...“ — Знаю
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?
„Да наши предки Римъ спасли!“
— Все такъ, да вы что сдѣлали такое?
„Мы? Ничего!“ — Такъ что жъ и доб-
раго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить —
Да чтобъ гусей не раздразнить.

149. Василекъ.

Въ глуши расцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до по-
ловины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
— „Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило:
Быть-можетъ, и меня оно бы оживило!“
— „Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!“
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
„Неужли солнышку лишь только и
заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ
бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля
и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и
счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ жалѣя коситъ;
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не
броситъ,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!“
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно,
Былинкѣ ль, кедру ли, благотворитъ
равно,
И радость по себѣ, и счастье оста-
вляетъ;
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ серд-
цахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хру-
сталяхъ,
И все его благословляетъ.

150. Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а, можетъ-быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ,—говоритъ,—что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ жарко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ;
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!...
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ...
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору“.
—Что за диковина!—пріятель отвѣчалъ;
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду;
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли, черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ,—
До половины не дойдетъ—
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.
„А какова у васъ рѣка?“
—Да не мелка.
Такъ, видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ...
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?
„Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ“.
— Повѣрить трудно!
Однако жъ, какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной,
Диковинка, коль это справедливо...
„Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть.
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!“
—Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жъ, мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...
„Послушай-ка,—тутъ перервалъ мой лжецъ:—
Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду“.

VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.

151. Слава Богу на небѣ.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла;
Слава!
Чтобъ царева золота казна,
Слава!
Была вѣкъ полнымъ-полна;
Слава!
Чтобъ большимъ-то рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе,
Слава!

Народн.

152. Не шуми, мати-зеленая дубровушка.

Не шуми, мати-зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ итти
Передъ грознаго судью—самого царя.
Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?“
—Я скажу тебѣ, надежа, православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ,
Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа, православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною“.

Народн.

153. Ужъ какъ палъ туманъ на сине море.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковый коверъ;
На коврикѣ лежитъ удалъ-добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горячую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру-землю,

Будто слово хочетъ вымолвить своему
хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ-добрый
молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму
сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду-
племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ-добрый
молодецъ;
Подымалась у удалого его крѣпка грудь,
Опустилися у молодого бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая.
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ
своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Народн.

154. Сяду я за столъ.

Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.
Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны, сохи,
Коня-пахаря...
Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую.
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала.
Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому.

А. Кольцовъ.

155. Верба.

Ходитъ вѣтеръ, ходитъ буйный,
По полю гуляетъ,
На краю дороги вербу
Тонкую сгибаетъ.
Гнется, гнется, сиротинка,
Нѣтъ для ней подпоры:
Всюду поле, точно море,—
Не окинуть взоры.
Солнце жжетъ ее лучами,
Дождикъ поливаетъ,
Буйный вѣтеръ съ горемыки
Листья обрываетъ.
Гнется, гнется сиротинка,
Нѣтъ для ней защиты:
Всюду поле, точно море,—
Ковылемъ покрыто.
Кто же вербу сиротинку
Въ полѣ, на просторѣ,
Посадилъ здѣсь при дорогѣ
На бѣду, на горе?
Гнется, гнется сиротинка,
Нѣтъ для ней привѣта;
Всюду поле,—точно море,
Море безъ отвѣта.
Такъ и ты, моя сиротка,
Какъ та верба въ полѣ,
Выростаешь безъ привѣта,
Въ горемычной долѣ.

И. Суриковъ.

156. Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что, Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль было—
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя ль было—
Въ дни роскошества
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя ль было—
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ—
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около!..“
Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается...
Встрепенувшися,
Разбушуешься—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ—
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные—
Такъ подрѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Понахлынули
Силы вражія..
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломинкой...

А. Кольцовъ.

157. Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.
Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки
Убирать возы.
А вторая ихъ
Была думушка—
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали,—
Богу—Господу
Помолилися,
Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...
Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ?
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается.
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери!

А. Кольцовъ.

158. Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится и плачется,
И такъ легко, легко...

М. Лермонтовъ.

159. Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

160. Подражаніе псалму XIV.

Кому, о, Господи, доступны
Твои Сіонски высоты!
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата,
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о, Боже, Твой избранникъ!
Мечомъ ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ.
Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего.

Н. Языковъ.

161. Родина.

Вчера мы ландышей нарвали,
Ихъ много на полѣ цвѣло;
Лучи заката догорали,
И было такъ тепло, тепло!
Обыкновенная картина:
Кой-гдѣ березовый лѣсокъ,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песокъ.
Пускай все это и уныло,
И некрасиво, и бѣдно;
Пусть хорошо все это было
Знакомо намъ давнымъ-давно,—
Налюбоваться не могли мы
На эти ровныя поля...
О сѣверъ, сѣверъ мой родимый,
О сѣверъ, родина моя!

К. Р.

162. Опять на родинѣ.

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною

Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ,
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, подъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно синѣя стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ..
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
Попрежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

А. Пушкинъ.

163. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ,—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

М. Лермонтовъ.

164. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклонясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!... О, какъ прилечь отрадно

Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки.
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...
О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

А. Майковъ.

165. Возвращеніе рыбака.

Домикъ надъ рѣкою;
Въ окнахъ огонекъ;
Свѣтлой полосою
На воду онъ легъ.
Въ домѣ не дождутся
Съ ловли рыбака:
Обѣщалъ вернуться
Черезъ два денька.
Но прошелъ и третій,
А его все нѣтъ.
Ждутъ напрасно дѣти,
Ждетъ и старый дѣдъ.
Всѣхъ нетерпѣливѣй
Ждетъ его жена.
Ночи молчаливѣй
И, какъ холстъ, блѣдна.
Вотъ за ужинъ сѣли;
Ей не до ѣды:
„Какъ бы въ самомъ дѣлѣ
Не было бѣды".
Вдоль рѣки несется
Лодочка... На ней
Пѣсня раздается
Все слышнѣй, слышнѣй...
Звуки той знакомой
Пѣсни услыхавъ,
Дѣти вонъ изъ дому
Бросилися стремглавъ,
Весело вскочила
Изъ-за прялки мать,
И у дѣда сила
Вдругъ нашлась бѣжать.
Пѣсню заглушаетъ
Звонкій крикъ ребятъ;
Тщетно унимаетъ
Старый дѣдъ внучатъ.
Вотъ и воротился —
Веселъ и здоровъ!
Въ розсказни пустился
Тотчасъ про уловъ.
Въ морды онъ и въ сѣти
Наловилъ всего;
Съ любопытствомъ дѣти
Слушаютъ его.
Смотритъ дѣдъ на щуку—
„Больно велика!"
Мать сынишкѣ въ руку
Суетъ окунька.
Дѣвочка присѣла
Около сѣтей
И взяла несмѣло
Парочку ершей.
Прыгаютъ, смѣются
Дѣтки, если вдругъ
Рыбки встрепенутся,
Выскользнутъ изъ рукъ.
Долго раздавался
Смѣхъ ихъ надъ рѣкой;
Ими любовался
Мѣсяцъ золотой.
Ласково мерцали
Звѣзды съ вышины,
Дѣтямъ обѣщали
Радостные сны.

А. Плещеевъ.

166. Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,—
А нынче погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но, знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запрячь?
Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

А. Пушкинъ.

167. Морозъ-воевода.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи:
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ—хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли;
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ;
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ.
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Взобравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:
— Мятели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда;
Пойду на моря-океаны,
Построю дворцы изо льда.
Задумаю—рѣки большія
Надолго упрячу подъ гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построитъ народъ.
Гдѣ быстрыя, шумныя воды
Недавно свободно текли,—
Сегодня прошли пѣшеходы,
Обозы съ товаромъ прошли.
Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро;
Я царство мое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

Н. Некрасовъ.

168. Слезы матери.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы!—утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна,—
Она до гроба помнить будетъ!..
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Н. Некрасовъ.

169. Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

А. Пушкинъ.

170. Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
„Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!"

М. Лермонтовъ.

171. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. Пушкинъ.

172. Лѣсной царь.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
—Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
„Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой".
— О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.
—„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои".
„Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ".
—О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.
— „Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей;
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять".
„Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей."
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.
—„Дитя! я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой".
„Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать".

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ—летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

В. Жуковскій.

173. Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана.
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:
Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ;
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

М. Лермонтовъ.

---

174. ИЗЪ ПОЭМЫ А. ПУШКИНА: „ПОЛТАВА."

Кочубей въ темницѣ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ

И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему?—желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый!
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя молча пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья;
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: „Вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!"
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного:
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
„Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?"

Орликъ.

Допросъ не конченъ; отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Кочубей.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли: показанья
Мои всѣ ложны; я лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ—не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой.

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть.
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.

Съ собой возьмите дочь мою:
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но, ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги, укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ!
Палачъ вошелъ...
О, ночь мученій!..

А. Пушкинъ.

VIII. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

175. ИЗЪ ТРАГЕДІИ А. ПУШКИНА: „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“.

Сцена V.

Ночь въ Чудовомъ монастырѣ (1603 г.). Отецъ Піменъ. Григорій спящій.

Піменъ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно послѣднее сказанье. (*Пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ.

Піменъ.

Проснулся братъ.

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Піменъ.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И падая стремглавъ я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ:
Смиряй себя молитвой и постомъ—
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ!.. А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ.
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ),—здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши".
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ страдающей и бурной...

А сынъ его Өеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Өеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Занѐ святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили;
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича. Въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ,

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ... Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И—чудо!—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!“ народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою: съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови Господь

Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій! (*Уходитъ*).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все передъ тобой трепещетъ;
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірского
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

А. Пушкинъ.

176. ИЗЪ КОМЕДІИ Н. ГОГОЛЯ: „РЕВИЗОРЪ".

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Амосъ Өеодоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Гор. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Ам. Өеод. Вотъ-те на!

Арт. Фил. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаніемъ!

Гор. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель" (*бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами*)... „и увѣдомить тебя". А! вотъ: „Спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. (*Значительно поднимаетъ палецъ вверхъ.*) Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки..." (*Остановясь.*) Ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня..." Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кирриловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ..." и прочее и прочее... Такъ вотъ какое обстоятельство!

Ам. Өеод. Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лук. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Гор. (*испуская вздохъ*). Зачѣмъ! такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ.*) До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Ам. Ѳеод. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и болѣе политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Гор. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Ам. Ѳеод. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Гор. Мотаетъ или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Арт. Фил. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Гор. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Арт. Фил. О! насчетъ врачеванія мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше, — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и *и нѣсколько на* е.

Гор. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Амосъ Ѳеодоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его; только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Ам. Ѳеод. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Гор. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно

объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христ. Ив. *издаетъ тотъ же звукъ.*

Ам. Ѳеод. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Гор. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, оно еще ничего, можетъ-быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого Богъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лук. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Гор. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ случилось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лук. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: „Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу“.

Гор. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ—или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лук. Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Гор. Это бы еще ничего,—инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: „А, вы здѣсь, голубчики! А кто“, скажетъ, „здѣсь судья?“—„Ляпкинъ-Тяпкинъ!“—„А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?“—„Земляника“. „А подать сюда Землянику!“ Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтм. Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Гор. А вы развѣ не слышали?

Почтм. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Гор. Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтм. А что думаю?—война съ турками будетъ.

Ам. Өеод. Въ одно слово! Я самъ то же думалъ.

Гор. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтм. Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Гор. Какая война съ турками! просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтм. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Гор. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Козьмичъ?

Почтм. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Гор. Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я вотъ, ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю *(беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Козьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтм. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь—такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая!..

Гор. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтм. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: „Жизнь моя, милый другъ, течетъ“, говоритъ, „въ эмпиреяхъ: барышенъ много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...“ съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Гор. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Козьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтм. Съ большимъ удовольствіемъ.

Ам. Өеод. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтм. Ахъ, батюшки!

Гор. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Ам. Өеод. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчевать васъ собачонкою. Род-

ная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Гор. Батюшки, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь—и шасть...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Почтмейстеръ *(впопыхахъ, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ).*

Почтм. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ не ревизоръ?

Почтм. Совсѣмъ не ревизоръ,—я узналъ это изъ письма.

Гор. Что вы, что? изъ какого письма?

Почтм. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ—вижу: „въ Почтамтскую улицу". Я такъ и обомлѣлъ. „Ну", думаю себѣ, „вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство". Взялъ, да и распечаталъ.

Гор. Какъ же вы?

Почтм. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобъ отправить его съ эстафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица"; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: „Распечатай, распечатай, распечатай!" И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей Богу морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Гор. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтм. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Гор. Что жъ онъ по-вашему такое?

Почтм. Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Гор. (*запальчиво*). Какъ ни се, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтм. Кто? вы?

Гор. Да, я!

Почтм. Коротки руки!

Гор. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу!

Почтм. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь—далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтм. (*читаетъ*). „Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губер-

натора. И я теперь живу у городничаго, и жуирую... Помнишь, какъ мы съ тобою бѣдствовали, обѣдали на широмыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый меринъ"...

Гор. Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

Почтм. (*показываетъ письмо*). Читайте сами.

Гор. (*читаетъ*). „Какъ сивый меринъ". Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтм. Какъ же бы я сталъ писать?

Арт. Фил. Читайте!

Лука Лук. Читайте!

Почтм. (*продолжая читать*). „Городничій—глупъ, какъ сивый меринъ"...

Гор. О, нужно еще повторять!

Почтм. (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... „сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ..." (*Оставляя читать*). Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Гор. Нѣтъ, читайте!

Почтм. Да къ чему жъ?..

Гор. Нѣтъ, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Арт. Фил. Позвольте, я прочитаю. (*Надѣваетъ очки и читаетъ*): „Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, такъ же пьетъ горькую".

Почтм. (*къ зрителямъ*). Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Арт. Фил. (*продолжая читать*). „Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и... и"... (*Заикается*).

Коробкинъ. А что жъ вы остановились?

Арт. Фил. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Кор. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (*Беретъ письмо*).

Арт. Фил. (*не давая письма*). Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Кор. Да позвольте, ужъ я знаю.

Арт. Фил. Прочитать я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтм. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (*Коробкину*). Читайте.

Арт. Фил. Сейчасъ. (*Отдаетъ письмо*). Вотъ позвольте... (*Закрываетъ пальцемъ*). Вотъ отсюда читайте. (*Всѣ приступаютъ къ нему*).

Почтм. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Кор. (*читая*). „Надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ Земляника—совершенная свинья въ ермолкѣ".

Арт. Фил. (*къ зрителямъ*). И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Кор. (*продолжаетъ читать*). „Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ“.

Лука Лук. (*къ зрителямъ*). Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

Ам. Ѳеод. (*въ сторону*). Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Кор. (*читаетъ*). „Судья“...

Ам. Ѳеод. Вотъ тебѣ на!.. (*Вслухъ*). Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и что въ немъ: дрянь этакую читать!

Почтм. Нѣтъ, читайте!

Арт. Фил. Нѣтъ, ужъ читайте!

Кор. (*продолжаетъ*). „Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ“... (*Останавливается*). Должно быть, французское слово.

Ам. Ѳеод. А кто его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть и того еще хуже.

Кор. (*продолжая читать*). „А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу: точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. (*Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ*). Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ номеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо“.

Гор. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Воротить, воротить его! (*Машетъ рукою*).

Почтм. Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Ам. Ѳеод. Однакожъ, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Арт. Фил. У меня тоже триста рублей.

Почтм. (*вздыхаетъ*). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобч. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять, да-съ.

Ам. Ѳеод. (*въ недоумѣніи разставляетъ руки*). Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Гор. (*бьетъ по лбу*). Какъ я,—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! (*махнувъ рукой*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андр. Но это не можетъ быть, Антоша; онъ обручился съ Машенькой...

Гор. (*всердцахъ*). Обручился! — вотъ тебѣ и обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (*Въ изступленіи*). Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ*). Эхъ, ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка. Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище,—найдется щел-

коперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). До сихъ поръ не могу прійти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Арт. Фил. (*разставляя руки*). Ужъ какъ это случилось, хоть убей не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ.

Ам. Θеод. Да кто выпустилъ,—вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (*Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*).

Бобч. Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добч. Я ничего, совсѣмъ ничего.

Арт. Фил. Конечно, вы.

Лука Лук. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ“... Нашли важную птицу!

Гор. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны! Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя!

Бобч. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добч. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобч. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жанд. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ.

(*Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ*).

IX. РАЗСУЖДЕНІЯ.

177. О пользѣ исторіи.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Н. Карамзинъ.

178. Любовь матери.

Не измѣняетъ и не охладѣваетъ любовь матери: ея ни уменьшить, ни подкупить ничѣмъ нельзя,—вѣкъ свой одна и та же; мать любитъ безъ толку и безъ разбору.

Велики вы, славны, красивы, переходитъ имя ваше изъ устъ въ уста, гремятъ ваши дѣла по свѣту—голова старушки трясется отъ радости, она плачетъ, смѣется и шепчетъ: „Это мой!..“ А тамъ затеплитъ лампадку передъ образомъ Спасителя и молится долго и жарко... А сынокъ, большею частью, и не думаетъ подѣлиться славою съ родительницею.

Нищи ли вы духомъ и умомъ, отмѣтила ли васъ природа клеймомъ безобразія, точитъ ли жало недуга ваше сердце или тѣло,—наконецъ, тяготѣетъ ли надъ вами общее презрѣніе, отталкиваютъ васъ отъ себя люди, и нѣтъ вамъ мѣста между ними,—тѣмъ больше мѣста въ сердцѣ матери. Она сильнѣе прежняго прижимаетъ къ груди уродливое, неудавшееся чадо и молится еще долѣе и жарче.

И. Гончаровъ.

179. Дѣло.

Смотри и вдумывайся, какое дѣло ты, ты именно, можешь дѣлать: первая задача для каждаго человѣка—найти для себя, какое дѣло можетъ онъ дѣлать въ мірѣ. Для этого самаго рождается всякій человѣкъ—и сегодня, и во всѣ времена. Онъ рождается для того, чтобы всю силу, какую далъ ему Всевышній Богъ, употребить на то дѣло, на которое онъ способенъ, и стоять на немъ до послѣдняго издыханія и дѣлать его какъ можно лучше. Всѣ мы къ этому призваны и за то всѣмъ намъ вѣрная награда, если заслужимъ,—награда въ томъ, что мы сдѣлали свое дѣло или, по крайней мѣрѣ,—всячески старались сдѣлать. Это само по себѣ великое благо, и, можно сказать,—лучшей награды нечего намъ ждать на этомъ свѣтѣ.

К. Побѣдоносцевъ.

180. Чѣмъ пріобрѣтается общая любовь.

Для того, чтобы внушать любовь, необходимѣе всего теплое сердце. Тотъ, кто самъ не согрѣтъ благоволеніемъ, чувствомъ участія и доброжелательства къ другимъ, тотъ, отъ кого вѣетъ холодомъ и равнодушіемъ, не можетъ быть предметомъ горячей любви.

Теплое сердце выражается во всемъ существѣ человѣка и невольно обнаруживается въ ежедневномъ его обращеніи съ другими. Если при такой сердечности онъ держитъ себя естественно и непринужденно, то каждое слово его, каждое движеніе дышитъ привѣтливостью. О, какъ привѣтливость пристала каждому человѣку, какъ она краситъ сильнаго и высокопоставленнаго! Но въ особенности – какъ она къ лицу юношѣ! Какъ прискорбно видѣть, когда человѣкъ, въ возрастѣ пылкихъ и благородныхъ порывовъ, надѣваетъ на себя маску разсчитанной холодности и даже въ выраженіи своихъ чувствъ къ самымъ близкимъ лицамъ сдерживается соображеніемъ разныхъ внѣшнихъ отношеній, а не слѣдуетъ прямо собственному своему влеченію, основанному на привязанности, довѣріи или благодарности. Итакъ, любовь снискивается прежде всего теплотою сердечною, благоволеніемъ, которыя извнѣ проявляются не только въ добрыхъ дѣлахъ, но и въ самомъ обращеніи съ людьми, въ привѣтливости.

Другое необходимое условіе для пріобрѣтенія любви есть чистота намѣреній и прямодушіе дѣйствій. Нужно, чтобы все, что исходитъ отъ насъ, было внушаемо одной справедливостью, однимъ желаніемъ истиннаго блага. Если же въ поступкахъ нашихъ будутъ выражаться мелкіе расчеты самолюбія или другихъ личныхъ побужденій, то неминуемо поколеблется уваженіе и довѣріе къ намъ. Чтобы сдѣлаться въ полной мѣрѣ любимымъ, не довольно быть добрымъ и любящимъ: надо быть сверхъ того въ высшей степени благомыслящимъ и искренно великодушнымъ.

Я. Гротъ.

181. О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе—а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ, нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію; онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ душѣ его, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!—Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываютъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться воздухомъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется.—Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная, что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни, что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій, что слава его есть наша слава; если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству.

Н. Карамзинъ.

Приложенія.

I. Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей *).

I. Н. М. Карамзинъ (1766—1826 г.).

Николай Михайловичъ Карамзинъ, сынъ небогатаго помѣщика, родился въ 1766 г. въ деревнѣ, на Волгѣ, близъ Симбирска. Мать его отличалась тихимъ, кроткимъ нравомъ и чувствительностью,—качества, которыя перешли къ сыну. Матери своей онъ лишился рано и воспитывался подъ надзоромъ отца. Выучившись грамотѣ у сельскаго дьячка, онъ предался чтенію книгъ, въ особенности романовъ, которые еще болѣе развили въ немъ его природную чувствительность. Онъ учился также нѣмецкому языку у одного врача-нѣмца, человѣка очень кроткаго и добраго, имѣвшаго значительное вліяніе на своего воспріимчиваго ученика. На двѣнадцатомъ году Карамзинъ былъ отвезенъ отцомъ въ Москву и отданъ въ пансіонъ профессора Московскаго университета Шадена, гдѣ, кромѣ древнихъ языковъ (латинскаго и греческаго), основательно изучилъ четыре новыхъ языка, въ особенности нѣмецкій и французскій. Обучаясь въ пансіонѣ, онъ перечиталъ множество сочиненій на иностранныхъ языкахъ и въ то же время слушалъ лекціи въ университетѣ.

По обычаю того времени, Карамзинъ еще съ дѣтства былъ записанъ въ Преображенскій полкъ и потому по выходѣ изъ пансіона, на 16 году жизни, переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ военную службу. Здѣсь онъ сблизился со своимъ землякомъ Дмитріевымъ, впослѣдствіи знаменитымъ баснописцемъ, и подъ его руководствомъ сталъ заниматься переводами съ нѣмецкаго языка и печаталъ ихъ. Въ службѣ онъ оставался недолго. По смерти отца Карамзинъ вышелъ въ отставку и поселился въ Симбирскѣ, гдѣ, среди развлеченій свѣтской жизни, не забывалъ и серьезнаго труда, много читалъ и занимался переводами.

Вскорѣ Карамзинъ познакомился съ однимъ изъ членовъ „Дружескаго общества", которое состояло изъ образованнѣйшихъ людей того времени и имѣло цѣлью распространеніе просвѣщенія въ Россіи путемъ изданія полезныхъ книгъ, подготовленія знающихъ учителей и открытія школъ. По совѣту своего новаго знакомаго, Карамзинъ отправился въ Москву, близко сошелся съ основателемъ „Дружескаго общества", писателемъ Новиковымъ, и сталъ принимать дѣятельное участіе въ литературныхъ трудахъ этого общества, особенно въ первомъ русскомъ дѣтскомъ журналѣ „Дѣтское чтеніе". Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу, побывалъ въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи и въ теченіе 18 мѣсяцевъ знакомился съ природой этихъ странъ, жизнью и бытомъ образованныхъ европейскихъ народовъ. По возвращеніи изъ-за границы, Карамзинъ предался исключительно литературнымъ занятіямъ, которыхъ не покидалъ до конца жизни: онъ былъ первый изъ русскихъ писателей, который смотрѣлъ на литературныя занятія не какъ на досугъ между дѣломъ и отдыхъ отъ служебныхъ трудовъ, а какъ на серьезную государственную и общественную службу, на пользу царю и отечеству. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать „Московскій журналъ", гдѣ и напечаталъ свои знаменитыя „Письма русскаго путешественника" и первую русскую повѣсть „Бѣдная Лиза". Въ „Письмахъ" Карамзинъ яркими красками, въ чудной увлекательной формѣ описываетъ красоты европейской природы и знакомитъ русскихъ людей съ нравами, обычаями и образомъ жизни просвѣщенныхъ народовъ Западной Европы. Въ „Бѣдной Лизѣ" молодой писатель изображаетъ жизнь людей простыхъ, ихъ горе и радости; повѣсть написана такъ трогательно и съ такимъ сочувствіемъ къ участи несчастной Лизы, что ее читали со слезами на глазахъ. Съ 1802 г. Карамзинъ сталъ издавать новый журналъ „Вѣстникъ Европы". Здѣсь онъ въ цѣломъ рядѣ разсужденій старается возбудить въ русскихъ любовь къ своему отечеству, а въ историческихъ статьяхъ знакомитъ съ прошлымъ Россіи.

Не смотря на необыкновенный для того времени крупный успѣхъ новаго журнала, Карамзинъ уже черезъ годъ оставилъ его и посвятилъ себя всецѣло новому труду, обезсмер-

*) Біографіи Ломоносова, Пушкина и Крылова помѣщены въ 3-ей части „Русской Школы".

тившему его имя. Трудъ этотъ—„Исторія Государства Россійскаго". Императоръ Александръ Павловичъ дозволилъ Карамзину пользоваться для своихъ изслѣдованій всѣми историческими документами, находившимися въ казенныхъ учрежденіяхъ и монастыряхъ, даровалъ ему ежегодную пенсію въ 2000 руб. и званіе „историографа". Горячо принялся Карамзинъ за свой трудъ и въ 1818 году были отпечатаны первые 8 томовъ его исторіи. „Появленіе этой книги, разсказываетъ Пушкинъ, надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Всѣ бросились читать исторію своего отечества. Древняя Россія, казалось. была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ". До самой смерти трудился Карамзинъ надъ своей исторіей, написалъ еще 4 тома и довелъ обзоръ русской старины почти до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. „Исторія Государства Россійскаго" есть первое полное художественное и научное изображеніе прошедшей жизни Россіи. Вся она проникнута горячей любовью къ отечеству и искреннимъ желаніемъ ему славы и благоденствія. Языкъ исторіи отличается ясностью, точностью, силою, картинностью и благородствомъ. Вообще, Карамзину, по справедливости, принадлежитъ слава преобразователя русскаго языка: онъ упростилъ литературный языкъ, сблизилъ его съ разговорнымъ, освободилъ его отъ многихъ тяжелыхъ церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ, ввелъ въ употребленіе много новыхъ словъ и создалъ образцовый пріятный и легкій слогъ.

Усиленные труды подорвали здоровье Карамзина. Въ 1826 году Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ снарядить особую императорскую яхту, чтобы перевезти больного писателя въ южную Францію, въ Марсель, для лѣченія и приказалъ выдавать ему по 50 тысячъ рублей ежегодной пенсіи; но въ маѣ того же года Карамзинъ тихо скончался въ кругу своей семьи и былъ похороненъ съ великими почестями въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ. На гробницѣ его вырѣзаны слова: *„Блажени чистіи сердцемъ"*, характеризующія его какъ благороднаго писателя, честнаго гражданина и добраго человѣка.

II. В. А. Жуковскій (1783—1852 г.).

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ 1783 году въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, въ богатой дворянской семьѣ. Отецъ его скончался, когда мальчику едва минуло восемь лѣтъ. Жуковскій былъ взятъ въ домъ старшей сестры своей Варвары Аѳанасьевой Юшковой, гдѣ и воспитывался вмѣстѣ съ ея дочерьми и съ ними же учился нѣмецкому и французскому языкамъ и музыкѣ. Здѣсь. окруженный нѣжными женскими заботами, среди прекрасной природы, счастливо протекло дѣтство мальчика и въ немъ развились мягкость характера, доброта, набожность, стремленіе къ изящному, любовь къ природѣ, музыкѣ и поэзіи. 14 лѣтъ Жуковскій былъ отданъ въ Московскій „благородный университетскій пансіонъ", гдѣ и пробылъ три года. Тутъ онъ продолжалъ изученіе иностранныхъ языковъ, читалъ много книгъ. русскихъ и иностранныхъ, и пріобрѣлъ немало научныхъ свѣдѣній; въ пансіонѣ же онъ написалъ нѣсколько стихотвореній и статеекъ, которыя были напечатаны въ журналахъ.

Блестяще окончивъ курсъ, 18-лѣтній Жуковскій поступилъ на службу въ главную соляную контору, но, не прослуживъ и года, вышелъ въ отставку и вернулся на родину. Здѣсь онъ перевелъ съ англійскаго стихотвореніе грустнаго характера (элегію) „Сельское кладбище", которое было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы" Карамзина. Это стихотвореніе сразу доставило Жуковскому литературную извѣстность: такихъ звучныхъ, задушевныхъ и простыхъ стиховъ у насъ никто еще не писалъ. Успѣхъ ободрилъ Жуковскаго, и новыя его произведенія одно за другимъ стали появляться въ печати.

Между тѣмъ подоспѣла война 1812 г., и молодой поэтъ поступилъ въ Московское ополченіе. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, подъ вліяніемъ высокаго патріотическаго чувства, онъ написалъ большое хвалебное стихотвореніе (оду) „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ", которое быстро распространилось по всей Россіи, и имя автора стало извѣстнымъ при дворѣ Государя. Послѣ взятія Парижа, по возвращеніи Государя въ Россію, Жуковскій написалъ восторженное „Посланіе Императору Александру I", которое имѣло еще большій успѣхъ при дворѣ. Жуковскій былъ представленъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, обласканъ ею, а затѣмъ назначенъ къ ней придворнымъ чтецомъ. Въ 1817 г. онъ былъ избранъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а въ 1821 г. вмѣстѣ съ

дворомъ путешествовалъ по Европѣ. Тогда же онъ перевелъ нѣсколько произведеній знаменитыхъ иностранныхъ поэтовъ Шиллера и Байрона. По вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, Жуковскій былъ назначенъ наставникомъ къ наслѣднику престола, будущему Царю-Освободителю. Сознавая важность возложенной на него задачи, Жуковскій въ 1826 году отправился въ Германію, чтобы достойнымъ образомъ подготовиться къ предстоявшей ему высокой педагогической дѣятельности. Горячо преданный занятіямъ съ царственнымъ отрокомъ, Жуковскій не забывалъ и поэзіи. Онъ написалъ за это время много стихотвореній и нѣсколько прекрасныхъ сказокъ, какъ „Спящая царевна“, „Война мышей и лягушекъ“ и др., а также и русскій народный гимнъ „Боже, Царя храни“, переложенный потомъ на музыку Львовымъ. Въ 1801 году Жуковскій закончилъ воспитаніе Наслѣдника и, осыпанный царскими милостями, уѣхалъ за границу, въ Германію, гдѣ и провелъ всю остальную жизнь. Умеръ Жуковскій въ 1852 году въ Баденъ-Баденѣ (въ Германіи). Тѣло его было привезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ его другомъ Карамзинымъ.

Значеніе Жуковскаго въ нашей литературѣ весьма велико. Онъ познакомилъ насъ въ прекраснѣйшихъ переводахъ со многими лучшими произведеніями знаменитыхъ иностранныхъ писателей; такъ, имъ переведены на русскій языкъ: драма Шиллера—„Орлеанская дѣва“, поэма Байрона—„Шильонскій узникъ“, „Одиссея“ Гомера, отрывки изъ Иліады и мн. др. Какъ переводчикъ, Жуковскій почти не имѣлъ себѣ равнаго: онъ умѣлъ сохранять всѣ достоинства подлинника, а если измѣнялъ произведенія, то они нерѣдко дѣлались даже лучше своего оригинала. Жуковскій усовершенствовалъ русскій стихъ, придалъ ему плавность, мягкость и необыкновенную благозвучность. Своими чудными стихами и великолѣпными образами онъ, можно сказать, воспиталъ своего любимца—величайшаго русскаго поэта Пушкина. Недаромъ Пушкинъ называлъ Жуковскаго своимъ учителемъ и съ высокой похвалой отозвался о его поэзіи въ слѣдующемъ пятистишіи:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость“.

III. М. Ю. Лермонтовъ (1814—1841 г.).

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ Москвѣ въ 1814 году. Матери своей онъ лишился еще на третьемъ году и ребенокъ всецѣло перешелъ на попеченіе своей бабушки (со стороны матери), богатой помѣщицы Арсеньевой, которая всей душой привязалась къ внуку. Отецъ его, бѣдный отставной капитанъ, думая, что сыну будетъ лучше у богатой бабушки, не помѣшалъ ей отвезти внука въ ея имѣніе Тарханы, Пензенской губ. Здѣсь, среди природы и деревенскаго простора, мальчикъ росъ, окруженный роскошью и баловствомъ. Онъ рано научился грамотѣ и языкамъ подъ руководствомъ гувернеровъ и обнаружилъ необыкновенныя способности. Десяти лѣтъ Лермонтовъ ѣздилъ съ бабушкой въ Пятигорскъ на воды. Величавая природа Кавказа, которую Лермонтовъ позднѣе изобразилъ въ своихъ сочиненіяхъ, плѣнила его душу еще въ дѣтствѣ. На тринадцатомъ году Лермонтовъ былъ отданъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Вмѣстѣ съ нимъ переселилась въ Москву и бабушка, которая не пожелала разстаться съ любимымъ внукомъ. Учился онъ весьма прилежно, оказывалъ большіе успѣхи въ русской словесности, музыкѣ и рисованіи, выучился хорошо по-англійски, много читалъ и на публичномъ экзаменѣ получилъ первую награду. Очень рано проявился у Лермонтова писательскій талантъ: уже въ первый годъ своего пребыванія въ пансіонѣ, онъ началъ писать стихи, подражая своимъ любимымъ поэтамъ Пушкину и Байрону (знаменитому англійскому поэту). Шестнадцати лѣтъ Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетъ, но, не пробывъ тамъ и двухъ лѣтъ, уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ юнкерскую кавалерійскую школу. Черезъ 2 года онъ кончилъ курсъ и былъ выпущенъ корнетомъ въ гусарскій полкъ. Окруженный, благодаря бабушкѣ, роскошью, Лермонтовъ повелъ свѣтскую разсѣянную жизнь, но въ то же время занимался и литературой. Безвременная кончина Пушкина глубоко поразила Лермонтова, и онъ излилъ свои чувства въ стихотвореніи

„На смерть Пушкина", съ котораго и начинается громкая извѣстность молодого поэта. Слава его еще болѣе увеличилась послѣ того, какъ онъ (въ томъ же году) написалъ прекрасныя стихотворенія: „Вѣтка Палестины", „Бородино", „Когда волнуется желтѣющая нива" и въ особенности „Пѣснь про купца Калашникова". Въ 1840 г. Лермонтовъ былъ высланъ на Кавказъ, гдѣ онъ участвовалъ въ самыхъ отчаянныхъ схваткахъ на войнѣ съ горцами. Уже безъ него вышелъ въ Петербургѣ его романъ „Герой нашего времени" и первое отдѣльное изданіе его стихотвореній, въ составъ которыхъ вошли такіе перлы искусства, какъ „Ангелъ", „Поэтъ", „Пророкъ", „Казачья колыбельная пѣсня", „Воздушный корабль" и др.; вся Россія увидѣла въ поэтѣ достойнаго преемника Пушкина. Къ несчастію, жизнь поэта скоро пресѣклась: въ 1841 году онъ былъ убитъ на поединкѣ въ Пятигорскѣ, у подошвы горы Машука. Тѣло его, по желанію бабушки, было перевезено въ Тарханы, гдѣ прошло дѣтство поэта.

Лермонтовъ умеръ на 27 году жизни въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта. Какъ и Пушкинъ, онъ поэтъ геніальный. Яркими красками рисовалъ онъ картины природы, изображалъ жизнь современнаго ему общества, безпощадно бичевалъ его пороки и недостатки. Съ необыкновенной нѣжностью и глубоко трогательнымъ чувствомъ говоритъ онъ объ истинной дружбѣ, о сердечной любви, и обнаруживаетъ самое теплое религіозное чувство. Въ лучшихъ его произведеніяхъ выдается любовь къ родинѣ, русскому народу, народнымъ сказкамъ, родной старинѣ. Стихъ Лермонтова разнообразенъ, какъ разнообразно содержаніе его поэзіи; стихъ этотъ, то блещетъ необыкновенной силой и сарказмомъ, или, какъ выразился самъ поэтъ, является „желѣзнымъ, облитымъ горечью и злостью", то полонъ грусти, мягкости и задушевности, художественно передавая тончайшія душевныя движенія.

IV. А. В. Кольцовъ (1808—1842 г.).

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ въ 1808 году. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, велъ торговлю мясомъ, промышлялъ скотомъ и снималъ луга. Человѣкъ простой, онъ видѣлъ въ мальчикѣ будущаго помощника по торговымъ дѣламъ. Девяти дѣтъ Кольцовъ обучился грамотѣ и ариѳметикѣ у одного семинариста; грамота далась мальчику и его отдали въ уѣздное училище. Но отецъ не дозволилъ сыну кончить курса училища и пристроилъ его къ своей торговлѣ. Кольцовъ ѣздилъ съ отцомъ по базарамъ, сидѣлъ въ лавкѣ, бѣгалъ на посылкахъ. Лѣтомъ отецъ бралъ его съ собою въ степь, гдѣ паслись гурты закупленнаго скота. Кольцовъ полюбилъ степь, ему нравился вечерній огонь въ степи, ночлегъ на зеленой травѣ, подъ чистымъ небомъ, по цѣлымъ днямъ не слѣзалъ онъ иногда съ коня, перегоняя стада съ мѣста на мѣсто. У Кольцова еще въ раннемъ дѣтствѣ развилась большая охота къ чтенію, и всѣ получаемыя отъ отца деньги на лакомства онъ употреблялъ на покупку книгъ: у одного изъ его школьныхъ товарищей была небольшая библіотека, и Кольцовъ съ жадностью набросился на книги и читалъ все безъ разбору, но стиховъ онъ еще не читалъ вовсе. Пятнадцати лѣтъ Кольцовъ сталъ брать книги у книготорговца Кашкина; совершенно случайно попалась ему въ руки книжка стихотвореній Дмитріева. Кольцовъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ, сталъ ихъ распѣвать у себя въ саду и попробовалъ самъ сложить по ихъ образцу стихотвореніе. Это стихотвореніе онъ показалъ Кашкину, который нашелъ стихи неудачными, подарилъ ему книжку, въ которой излагаются правила стихосложенія, и посовѣтовалъ ему читать Ломоносова, Державина, Пушкина, Жуковскаго. Съ особымъ жаромъ предался Кольцовъ чтенію этихъ писателей и продолжалъ самъ сочинять стихи. Сначала дѣло шло плохо, однако онъ не унывалъ. Свои стихи Кольцовъ показывалъ только младшей сестрѣ, которую очень любилъ, и своему другу, семинаристу Серебрянскому, очень умному и начитанному человѣку. Серебрянскій ввелъ его въ кругъ своихъ товарищей, сообщалъ ему не мало научныхъ свѣдѣній, выслушивалъ и исправлялъ его стихи и руководилъ его чтеніемъ. Серебрянскій скоро уѣхалъ въ Москву, но судьба послала Кольцову новаго руководителя. Это былъ студентъ Московскаго университета Станкевичъ, сынъ богатаго воронежскаго помѣщика. Онъ познакомился съ Кольцовымъ на каникулахъ, прочелъ его стихи и заинтересовался ими. Изъ объемистой тетради стихотвореній Кольцова онъ выбралъ 18 лучшихъ пьесъ и издалъ ихъ отдѣльной книжкой. Стихи эти очень понравились всѣмъ, въ

нихъ было что-то родное, близкое, задушевное: о Кольцовѣ заговорили не только въ Воронежѣ, но и въ Петербургѣ и Москвѣ. Когда въ слѣдующемъ 1836 году Кольцову пришлось по дѣламъ отца побывать въ обѣихъ столицахъ, его всюду приняли радушно; онъ познакомился со многими знаменитыми писателями: Жуковскимъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и др., и встрѣтилъ съ ихъ стороны теплое къ себѣ участіе и руководительство. Цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, совсѣмъ другую жизнь увидалъ онъ, другихъ людей встрѣтилъ, услыхалъ новыя рѣчи. Потянуло его къ этимъ людямъ, захотѣлось остаться здѣсь, учиться, но отецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ и требовалъ, чтобы сынъ жилъ съ нимъ и хлопоталъ по его дѣламъ. По пріѣздѣ въ Воронежъ, Кольцову опять пришлось взяться за торговыя дѣла и онъ сильно загрустилъ. Правда, отецъ теперь уже не препятствовалъ сыну заниматься стихотворствомъ, такъ какъ видѣлъ, какъ цѣнятъ его знаменитые и знатные люди. Особенно онъ былъ польщенъ вниманіемъ къ сыну Жуковскаго. Въ 1837 году, когда Жуковскій вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ, наслѣдникомъ престола Александромъ Николаевичемъ, прибылъ въ Воронежъ, онъ навѣстилъ Кольцова, повезъ его въ коляскѣ къ себѣ и представилъ своему высокому питомцу. Но все же Кольцовъ долженъ былъ все свое время отдавать на хлопоты по дѣламъ отца, ѣздить въ степь, распутывать тяжбы съ крестьянами и только изрѣдка онъ могъ заниматься своимъ любимымъ дѣломъ. Между тѣмъ, дѣла отца стали приходить въ разстройство; отецъ роптатъ на сына, начались семейныя дрязги, непріятности. Кольцовъ сталъ часто хворать и иногда подолгу не покидалъ постели. Болѣзнь все болѣе и болѣе усиливалась и осенью 1842 года поэта не стало: онъ умеръ 33 лѣтъ отъ роду и былъ похороненъ въ родномъ Воронежѣ.

Кольцовъ—народный поэтъ. Вышедши самъ изъ среды народа, Кольцовъ зналъ его нужды, заботы, труды, думы и чувства и все это выразилъ въ своихъ чудныхъ пѣсняхъ. Это пѣсни о степной и лѣсной природѣ, о пахотѣ, урожаѣ, о горѣ и радостяхъ крестьянина, о горькой долѣ бездомнаго, одинокаго человѣка, о порывахъ къ счастью, къ свѣту, къ образованію. Кольцовъ первый въ своихъ произведеніяхъ познакомилъ русское образованное общество съ жизнью русскаго поселянина и возбудилъ къ нему сочувствіе. Языкъ Кольцова близокъ къ языку народныхъ пѣсенъ, отличается простотой и безыскуственностью. Не много пѣсенъ написалъ Кольцовъ, но и ими онъ создалъ себѣ славу одного изъ лучшихъ русскихъ писателей.

V. Н. В. Гоголь (1809—1852 г.).

Николай Васильевичъ Гоголь родился въ Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Отъ своего дѣда, бывшаго полкового писаря въ запорожскомъ казацкомъ войскѣ, мальчикъ наслушался не мало разсказовъ и преданій о славномъ казачествѣ. „Дѣдъ мой, писалъ впослѣдствіи Гоголь, умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь, цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста и все бы слушалъ“. Отецъ Гоголя, небогатый помѣщикъ, былъ человѣкъ умный, начитанный и весьма гостепріимный. Сосѣди съ удовольствіемъ пріѣзжали къ хлѣбосольному помѣщику, который забавлялъ ихъ домашнимъ театромъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими пьесами, разыгрывались и комедіи самого хозяина. Эти представленія очень нравились маленькому Гоголю и развили въ немъ страсть къ театру. До 12 лѣтъ мальчикъ воспитывался дома подъ руководствомъ семинариста, а затѣмъ поступилъ въ Нѣжинскій лицей. Учился онъ въ лицеѣ не особенно успѣшно, но много читалъ, познакомился съ произведеніями русскихъ поэтовъ и особенно полюбилъ Жуковскаго и Пушкина. Въ лицеѣ Гоголь отличался веселостью, шутливостью и остроуміемъ. Онъ являлся душою всѣхъ школьныхъ развлеченій: издавалъ рукописный журналъ, въ которомъ помѣщались его стихи, устраивалъ театры и самъ игралъ лучше всѣхъ. Въ 1828 г. Гоголь, кончивъ курсъ, отправился въ Петербургъ съ желаніемъ поступить на службу или въ театръ. И то и другое ему не удавалось, и Гоголь сильно бѣдствовалъ. Послѣ двухлѣтнихъ ожиданій ему удалось получить мѣсто канцелярскаго чиновника въ Департаментѣ удѣловъ съ небольшимъ жалованьемъ.

Мучимый тоской по родной Украйнѣ, Гоголь обращается къ дѣтскимъ воспоминаніямъ и въ 1831 г. печатаетъ разсказы „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, въ которыхъ рисуется малороссійская природа, картины изъ жизни казаковъ, ихъ нравы, обычаи, развлеченія. „Вечера“ были встрѣчены съ восторгомъ; Пушкинъ первый оцѣнилъ талантъ молодого писа-

теля, лично познакомился съ нимъ и поощрялъ его къ дальнѣйшимъ трудамъ. Благодаря Пушкину и Жуковскому, Гоголь получилъ мѣсто учителя словесности въ женскомъ Патріотическомъ институтѣ, а вскорѣ былъ назначенъ профессоромъ исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. Но уже черезъ годъ Гоголь оставилъ службу въ университетѣ и предался всецѣло литературной дѣятельности. Одно за другимъ стали появляться въ свѣтъ новыя произведенія Гоголя: „Старосвѣтскіе помѣщики", „Тарасъ Бульба", „Шинель", „Носъ", „Записки сумасшедшаго" и др., а въ 1836 г., съ соизволенія Императора Николая I, была поставлена на сценѣ Александринскаго театра и его знаменитая комедія „Ревизоръ". Наиболѣе образованная часть публики встрѣтила комедію съ восторгомъ, но многіе не поняли ея и осудили автора за выведенную правду. Глубоко опечаленный такимъ непониманіемъ, Гоголь уѣхалъ за границу и поселился въ Римѣ. Здѣсь онъ написалъ свое величайшее произведеніе—романъ „Мертвыя души". Первая часть этого романа была напечатана въ 1842 году и имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Несмотря на успѣхъ романа, Гоголь, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, находился въ весьма угнетенномъ душевномъ настроеніи и сдѣлался мрачнымъ, угрюмымъ. Весьма медленно подвигалось у него продолженіе „Мертвыхъ душъ", и однажды въ припадкѣ болѣзни онъ сжегъ рукопись второй части романа. Въ 1848 г. Гоголь совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ для поклоненія святынямъ; изъ Святой земли онъ, нѣсколько успокоенный, возвратился въ Россію. Жилъ онъ то въ деревнѣ у старушки-матери, которая души въ немъ не слышала, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, посѣщалъ Кіевъ, Одессу и вообще любилъ переѣзды, которые дѣйствовали на него успокоительно. Въ минуты просвѣтленія, Гоголь снова писалъ 2-ую часть „Мертвыхъ душъ" и нерѣдко читалъ ее друзьямъ. Но въ послѣдній свой пріѣздъ въ Москву, незадолго до кончины, онъ однажды ночью, въ припадкѣ болѣзни, въ присутствіи своего плачущаго слуги, вторично самъ сжегъ рукопись, такъ что изъ второй части напечатаны, уже послѣ смерти Гоголя, лишь случайно уцѣлѣвшіе у друзей отрывки. Скончался Гоголь въ 1852 году, въ Москвѣ, сорока трехъ лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ. На могильномъ памятникѣ вырѣзаны слова изъ пророка Іереміи: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся".

Гоголь, какъ и Пушкинъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей. Въ своихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и романѣ онъ изображаетъ яркими красками обыденную русскую жизнь: предъ нами проходитъ безконечный рядъ лицъ — помѣщики, чиновники, купцы, офицеры, крестьяне, прислуга, мастеровые,—картины городовъ, городковъ, деревень, дорогъ и пр.

Его родная Украйна нашла въ немъ достойнаго искуснаго пѣвца: точно въ зеркалѣ, отразились въ его сочиненіяхъ чудная малороссійская природа, широкій Днѣпръ, раздольныя степи, благоуханная звѣздная ночь, соловьиныя трели, пѣсни кобзаря, удаль прежняго казачества и картины мирной жизни современныхъ автору малороссовъ: ихъ пѣсни, хороводы, наряды, занятія, семейныя отношенія, различныя стороны характера и проч.

Вездѣ и во всемъ Гоголь умѣетъ подмѣчать и выставлять на показъ дурныя стороны нашей жизни, пороки и пошлости людскіе. Сквозь постоянный смѣхъ, съ которымъ авторъ разсказываетъ о своихъ герояхъ, слышатся всюду слезы и скорбь надъ нашими несовершенствами. Смѣхъ Гоголя не злой и не веселый, а грустный,—онъ смѣялся, по его собственному выраженію, „сквозь невидимыя міру слезы". Гоголь горячо любилъ свою родину, и желалъ видѣть ея счастливой, а если и выставляетъ ея недостатки, то только потому, что указаніемъ на нихъ онъ хочетъ насъ исправить, сдѣлать лучше.

Значеніе Гоголя въ русской литературѣ весьма велико: онъ положилъ начало *всестороннему* изображенію русской жизни, и всѣ послѣдующіе крупнѣйшіе русскіе писатели (Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Достоевскій, Островскій, Толстой и др.) считаютъ себя учениками и послѣдователями не только Пушкина, но и Гоголя.

VI. И. С. Тургеневъ (1818—1883 г.).

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился въ 1818 году въ городѣ Орлѣ. Отецъ его, богатый помѣщикъ и кавалерійскій офицеръ, вскорѣ послѣ рожденія сына вышелъ въ отставку и поселился съ семьей въ имѣніи жены Спасскомъ-Лутовиновѣ, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи. Здѣсь-то, въ богатомъ барскомъ домѣ, посреди привольной русской природы, луговъ,

полей и лѣсовъ, прошло дѣтство Тургенева. Съ пяти лѣтъ къ нему приставили гувернеровъ-иностранцевъ, выучившихъ его бойко говорить и читать по-французски и по-нѣмецки; русскій языкъ мальчикъ слышалъ только отъ крестьянъ и дворовыхъ. Одинъ изъ дворовыхъ, большой любитель чтенія, ознакомилъ мальчика съ нѣкоторыми произведеніями русской литературы: онъ уводилъ его въ садъ, усаживалъ въ укромномъ мѣстечкѣ и здѣсь съ большимъ воодушевленіемъ читалъ ему стихи Ломоносова, Державина, Хераскова, которые ребенокъ слушалъ съ восторгомъ.

Когда Тургеневъ и его братья подросли, родители переселились въ Москву и принялись серьезно за воспитаніе дѣтей. На одиннадцатомъ году Тургеневъ былъ отданъ въ пансіонъ, гдѣ еще болѣе утвердился въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, изучалъ англійскій языкъ и познакомился съ сочиненіями Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова. Спустя четыре года, Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ, а черезъ годъ перешелъ въ Петербургскій университетъ. Будучи въ университетѣ, Тургеневъ сталъ писать стихи и нѣкоторые изъ нихъ показалъ извѣстному знатоку литературы, профессору русской словесности Плетневу. Хотя Плетневъ и не одобрилъ стиховъ Тургенева, тѣмъ не менѣе онъ провидѣлъ въ немъ будущій талантъ, обласкалъ его и пригласилъ къ себѣ въ домъ на литературные вечера, гдѣ молодой человѣкъ познакомился со многими извѣстными писателями.

На 19 году Тургеневъ кончилъ университетъ и поѣхалъ заграницу для завершенія образованія. Онъ поступилъ въ знаменитый тогда Берлинскій университетъ, прилежно занимался, слушалъ лучшихъ профессоровъ и изучалъ произведенія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей. Пробывъ 2 года въ Берлинѣ, онъ вернулся въ Петербургъ широко образованнымъ и весьма развитымъ человѣкомъ и поступилъ на гражданскую службу, въ которой состоялъ всего годъ. Одновременно со службой Тургеневъ сталъ усердно заниматься и литературой. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стихотвореній и разсказовъ Тургеневъ въ 1847 г. напечаталъ въ журналѣ „Современникъ“ разсказъ „Хорь и Калинычъ“, обратившій на себя общее вниманіе. Ободренный успѣхомъ, Тургеневъ сталъ писать другіе очерки изъ крѣпостной крестьянской жизни и въ 1852 г. выпустилъ ихъ отдѣльной книгой подъ общимъ названіемъ: „Записки охотника“. Книга эта, въ которой художественно-правдиво и съ сердечной любовью къ крестьянину показанъ весь вредъ господствовавшаго въ то время крѣпостного строя, доставила автору громкую извѣстность и содѣйствовала распространенію въ русскомъ обществѣ болѣе справедливыхъ взглядовъ на положеніе крестьянъ. Императоръ-Освободитель, тогда еще наслѣдникъ престола, считалъ „Записки охотника“ своей любимой книгой и, какъ самъ говорилъ писателю, прочтя ее, положилъ даровать Россіи желанную свободу.

Между тѣмъ мать Тургенева скончалась, и онъ сталъ наслѣдникомъ богатаго имѣнія. Онъ немедленно отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю, крестьянъ перевелъ съ тяжелой барщины на легкій оброкъ и всячески заботился объ улучшеніи ихъ жизни. Тургеневъ поселился въ Спасскомъ и здѣсь, на досугѣ и деревенскомъ привольѣ, написалъ нѣсколько повѣстей и романъ „Рудинъ“. Въ 1856 г. Тургеневъ уѣхалъ за границу, гдѣ и прожилъ до самой своей смерти, только по временамъ наѣзжая въ Россію. Скоро начинаютъ появляться одно за другимъ его лучшія сочиненія, повѣсти и романы: „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“, „Отцы и дѣти“, „Дымъ“, „Новь“, доставившія ему славу знаменитаго писателя не только въ Россіи, но и заграницей. Несмотря на долговременное пребываніе заграницей, Тургеневъ горячо любилъ Россію и не прерывалъ связи съ нею. Онъ часто пріѣзжалъ въ Москву и Петербургъ, велъ обширную переписку съ русскими друзьями и принималъ близко къ сердцу всѣ событія, происходившія въ Россіи. Въ 1880 г., когда въ Москвѣ праздновали открытіе памятника Пушкину, Тургеневъ, пріѣхавшій на этотъ праздникъ, былъ встрѣченъ восторженнымъ пріемомъ и горячими привѣтствіями, какъ любимѣйшій русскій писатель. Не только на родинѣ, но и всюду заграницей Тургеневъ пользовался славой знаменитаго писателя, и произведенія его переводились почти на всѣ европейскіе языки.

Въ послѣдній разъ Тургеневъ пріѣхалъ на родину въ 1881 г. уже старикомъ. Весну и лѣто онъ прожилъ въ тѣсномъ кругу друзей въ Спасскомъ, гдѣ уже находились тогда устроенныя имъ школа, больница, богадѣльня и часовня въ память освобожденія крестьянъ. Съ грустью Тургеневъ покинулъ родное Спасское, какъ бы предчувствуя, что навсегда его оставляетъ, и снова уѣхалъ за границу. За нѣсколько лѣтъ до кончины великій писатель

сталъ хворать, а 23 августа 1883 г. его не стало. Передъ самой смертью Тургеневъ, прощаясь со своими русскими пріятелями, сказалъ: „въ послѣдній разъ прощайте. Живите и любите людей, какъ я ихъ любилъ“. Скончался Тургеневъ въ Парижѣ, гдѣ ему воздаыы были рѣдкія посмертныя почести: надъ гробомъ его говорили рѣчи знаменитѣйшіе французскіе писатели, и масса народа провожала его прахъ до вокзала. Гробъ съ тѣломъ знаменитаго писателя былъ перевезенъ изъ Парижа въ Петербургъ. Около трехъ тысячъ депутатовъ и нѣсколько десятковъ тысячъ народу сопровождали величественное похоронное шествіе. Тургеневъ похороненъ въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. Въ честь покойнаго писателя учредилось много школъ, названныхъ именемъ Тургенева.

Тургеневъ одинъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ и художественностью онъ рисовалъ все прекрасное въ русской природѣ и русскомъ человѣкѣ. Во всѣхъ его произведеніяхъ видны горячая любовь и сочувствіе къ человѣку, къ родинѣ, твердая вѣра въ ея будущность, въ правду и добро. Различные моменты русской жизни нашли себѣ яркое изображеніе въ сочиненіяхъ Тургенева. Жизнь крѣпостныхъ крестьянъ представлена въ его знаменитыхъ „Запискахъ охотника“, имѣвшихъ важное значеніе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Великія преобразованія Императора Александра II вызвали появленіе новыхъ людей, съ новыми убѣжденіями и взглядами на жизнь; чуткій Тургеневъ первый ярко изобразилъ намъ этихъ людей. Съ особенной теплотой и сочувствіемъ Тургеневъ въ своихъ повѣстяхъ рисуетъ русскую хорошую женщину, ея стремленіе къ свѣту, къ образованію. Благодаря своему необыкновенному таланту, Тургеневъ первый изъ русскихъ писателей получилъ широкую извѣстность во всемъ образованномъ мірѣ. Иностранцы, знакомясь съ его сочиненіями, стали интересоваться Россіей, уважать ее и переводить на свои языки другихъ нашихъ авторовъ.

VII. Графъ Л. Н. Толстой (род. 28 августа 1828 г.)

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа 1828 года въ имѣніи Ясная Поляна, въ пятнадцати верстахъ отъ г. Тулы. Матери своей онъ лишился на второмъ году жизни и воспитывался сначала въ деревнѣ, подъ руководствомъ дальней родственницы, а потомъ въ Москвѣ. Въ 1837 году скончался и отецъ Толстого, и воспитаніе мальчика перешло къ теткѣ его графинѣ Остенъ-Сакенъ, а послѣ ея смерти къ другой теткѣ Юшковой, перевезшей его вмѣстѣ съ братьями въ Казань. Съ самаго ранняго дѣтства Левъ Николаевичъ былъ окруженъ гувернерами и гувернантками изъ иностранцевъ. Эта пора жизни графа прекрасно описана имъ же въ повѣстяхъ „Дѣтство и Отрочество“. Въ домѣ Юшковой Толстой приготовился къ университетскому экзамену и въ 1843 г. пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ Казанскій университетъ сначала на факультетъ восточныхъ языковъ, а чрезъ годъ на юридическій. Пробывъ на этомъ факультетѣ 2 года, Толстой совершенно оставилъ университетъ и поселился въ Ясной Полянѣ, изрѣдка наѣзжая въ Москву и Петербургъ. Въ 1851 году Толстого посѣтилъ его старшій братъ, служившій артиллерійскимъ офицеромъ на Кавказѣ, и уговорилъ его отправиться въ путешествіе по Кавказу. Величественная природа Кавказскихъ горъ, своеобразные нравы горцевъ, жизнь казаковъ и офицеровъ очень полюбились Толстому и дали обильную пищу его наблюдательности. Толстой поступилъ на службу въ артиллерію и, живя въ казачьей станицѣ, написалъ (въ 1852 г.) повѣсть „Дѣтство и Отрочество“. Въ 1853 году, когда началась Крымская война, Толстой былъ переведенъ въ Дунайскую армію, а затѣмъ въ Севастополь, гдѣ принималъ участіе въ сраженіяхъ при Черной рѣчкѣ и при общемъ штурмѣ Севастополя. Подъ живымъ впечатлѣніемъ безпримѣрной защиты Севастополя, Толстой написалъ свои знаменитые „Севастопольскіе разсказы“, въ которыхъ съ необыкновенной яркостью и талантомъ изображены сцены и картины изъ обороны многострадальнаго города. Разсказы произвели сильное впечатлѣніе. Передаютъ, что императрица Александра Θеодоровна плакала, читая ихъ, а Императоръ Николай I повелѣлъ слѣдить за жизнью молодого писателя и даже перевести его въ безопасное мѣсто.

По окончаніи войны Толстой вышелъ въ отставку и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Здѣсь онъ познакомился съ лучшими русскими писателями и за это время имъ написаны разсказы: „Юность“, „Два гусара“, „Поликушка“ и др. Въ 1861 г. Тол-

стой окончательно поселился въ Ясной Полянѣ. Здѣсь онъ устроилъ народную школу, въ которой самъ состоялъ учителемъ, сталъ издавать педагогическій журналъ „Ясная Поляна“, гдѣ, между прочимъ, помѣщалъ разсказы для дѣтей. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ появился его знаменитый романъ „Война и миръ“, въ которомъ съ замѣчательнымъ талантомъ описаны великія событія 1812 года и дана широкая картина жизни и быта всѣхъ слоевъ населенія Россіи въ началѣ 19 столѣтія. Въ семидесятыхъ годахъ вышелъ другой его большой романъ „Анна Каренина“, гдѣ изображены преимущественно высшіе слои современнаго русскаго общества. За исключеніемъ разсказа „Смерть Ивана Ильича“, появившагося въ 1885 году, Толстой на продолжительное время совершенно оставляетъ художественную дѣятельность, доставившую ему славу одного изъ лучшихъ всемірныхъ писателей, и пишетъ педагогическія статьи, разсказы для дѣтскаго и народнаго чтенія и статьи философскаго содержанія. При всѣхъ достоинствахъ этихъ работъ, новый характеръ дѣятельности знаменитаго писателя вызвалъ глубокое сожалѣніе многочисленныхъ поклонниковъ его великаго художественнаго таланта. „Другъ мой!—писалъ Толстому Тургеневъ на смертномъ одрѣ:—вернитесь къ литературной дѣятельности! Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ могъ подумать, что просьба моя на Васъ подѣйствуетъ! Другъ мой, великій писатель русской земли,—внемлите моей просьбѣ“.

Въ послѣдніе годы графъ Толстой написалъ замѣчательный разсказъ „Хозяинъ и работникъ“, комедію „Плоды просвѣщенія“, драму изъ народной жизни „Власть тьмы“ и нѣкоторыя другія произведенія.

II. Письменныя упражненія.

I. ИЗЛОЖЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ СТАТЕЙ ПО ДАННОМУ ПЛАНУ.

1. Сивка-Бурка (ст. 2). 1) Старикъ и его трое сыновей. 2) Просьба старика. 3) Дежурства первыхъ двухъ сыновей. 4) Дежурство Иванушки и встрѣча съ конемъ. 5) Возвращеніе Иванушки домой и насмѣшка надъ нимъ братьевъ. 6) Приглашеніе на праздникъ къ царю. 7) Отправленіе Иванушки на праздникъ. 8) Иванушка на площади передъ дворцомъ. 9) Возвращеніе его домой. 10) Второй день царскаго праздника. 11) Третій день. 12) Иванушка дома послѣ праздника. 13) Пиръ у царя. 14) Женитьба Иванушки на царевнѣ.

2. Морозъ-Ивановичъ (ст. 5). 1) Занятія рукодѣльницы и бездѣлье лѣнивицы. 2) Несчастье съ ведромъ. 3) Строгость матери. 4) Чудеса въ колодцѣ: печка съ пирожкомъ и дерево съ золотыми яблочками. 5) Встрѣча съ Морозомъ Ивановичемъ. 6) Его жилище. 7) Вопросы рукодѣльницы и отвѣты Мороза Ивановича. 8) Награжденіе рукодѣльницы и возвращеніе ея домой. 9) Судьба лѣнивицы.

3. Емеля охотникъ (ст. 11). 1) Неудачныя поиски Емели. 2) Выслѣживаніе добычи. 3) Нахожденіе слѣда оленя съ теленкомъ. 4) Охота на оленя. 5) Самопожертвованіе матки. 6) Охота на желтенькаго олененка. 7) Жалость Емели къ олененку. 8) Возвращеніе Емели домой и его разсказъ о своей охотѣ.

4. Буранъ въ Оренбургскихъ степяхъ (ст. 61). 1) Обозъ въ степи. 2) Приближеніе бурана. 3) Распоряженіе старика. 4) Ужасы бурана. 5) Мученія обоза. 6) Совѣтъ старика. 7) Непослушаніе молодыхъ. 8) Прекращеніе бурана. 9) Спасеніе старика и троихъ его товарищей. 10) Судьба молодыхъ, не послушавшихся совѣта старика.

5. Три пальмы (ст. 80). 1) Три пальмы и родникъ въ Аравійской пустынѣ. 2) Безполезная жизнь пальмъ. 3) Ихъ ропотъ. 4) Приближеніе каравана. 5) Караванъ у родника. 6) Гибель пальмъ. 7) Уходъ каравана. 8) Видъ мѣста, гдѣ прежде росли пальмы.

6 Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (ст. 84). 1) Отправленіе Олега въ походъ на хозаръ. 2) Встрѣча съ кудесникомъ. 3) Обращеніе Олега къ кудеснику. 4) Отвѣтъ кудесника и его предсказаніе. 5) Разставаніе Олега съ конемъ, приказъ отрокамъ. 6) Пиръ Олега, вопросъ о конѣ, отвѣтъ дружины. 7) Сомнѣнія князя въ вѣрности предсказанія кудесника. 8) Олегъ у праха коня. 9) Обращеніе Олега къ костямъ коня и насмѣшка надъ кудесникомъ. 10) Гибель Олега. 11) Тризна по Олегѣ.

7. Осада и взятіе Кіева татарами (ст. 87). 1) Сила Батыя. 2) Безстрашіе воеводы Димитрія. 3) Осада Кіева. 4) Мужественная защита его. 5) Плѣненіе Димитрія. 6) Ужасы разрушенія Кіева. 7) Печальное состояніе Россіи послѣ татарскаго нашествія.

8. Отъѣздъ въ сѣчь (ст. 92). 1) Характеръ Бульбы. 2) Приготовленія Бульбы къ отъѣзду. 3) Сонъ. 4) Горе матери. 5) Наступленіе утра. 6) Послѣднія распоряженія Бульбы. 7) Перемѣна, происшедшая съ сыновьями Бульбы. 8) Благословеніе матери. 9) Отчаяніе матери. 10) Отъѣздъ.

9. Пріѣздъ Александра I въ Москву (ст. 96). 1) На Красной площади. 2) Восторгъ народа и умиленіе царя. 3) Въ Успенскомъ соборѣ. 4) Собраніе дворянъ и купцовъ въ Слободскомъ дворцѣ. 5) Призывъ Царя къ дворянамъ и другимъ сословіямъ. 6) Отвѣтъ на сей призывъ.

10. Обозъ (ст. 98). 1) Осторожность хозяина и его добраго коня при спускѣ съ горы. 2) Упреки молодой лошади и ея хвастовство. 3) Неосторожность молодой лошади. 4) Конецъ хозяйскимъ горшкамъ.

11. На войну (ст. 101). 1) Прибытіе эстафеты. 2) Бабушка Лукерья и ея семья. 3) Письмо Микиты. 4) Готовность Мити итти на войну. 5) Благословеніе бабушки.

12. Отъѣздъ изъ Уфы (ст. 109). 1) Болѣзнь матери. 2) Рѣшеніе ея ѣхать въ Оренбургъ. 3) Сборы въ путь. 4) Отъѣздъ.

13. Лѣтнія занятія (ст. 116). 1) Наблюденія брата и сестры надъ гнѣздами птичекъ. 2) Собираніе травъ и цвѣтовъ. 3) Собираніе насѣкомыхъ.

14. Приготовленіе къ поступленію въ гимназію (ст. 118). 1) Переѣздъ въ Новое Аксаково 2) Сокрушеніе по поводу того, что сынъ остается безъ ученія. 3) Приготовленіе къ поступленію въ гимназію. 4) Прилежаніе мальчика. 5) Вліяніе матери на сына.

15. Поступленіе въ гимназію (ст. 119). 1) Пріѣздъ въ Казань, подача прошенія директору. 2) Пріемный экзаменъ. 3) Похвалы Левитскаго. 4) Разсказъ отца объ экзаменѣ и радость матери. 5) Поступленіе въ гимназію и прощаніе съ родителями.

16. Сигналъ (ст. 129). 1) Преступленіе Василія. 2) Отчаяніе сторожа Семена. 3) Самопожертвованіе Семена. 4) Спасеніе поѣзда. 5) Раскаяніе Василія.

17. Мельникъ (ст. 141). 1) Порча плотины. 2) Безпечность мельника. 3) Остановка дѣятельности мельницы. 4) Позднія заботы мельника. 5) Приходъ куръ къ рѣкѣ. 6) Безсмысленная злоба мельника. 7) Наказаніе его.

18. Орелъ и кротъ (ст. 142). 1) Намѣреніе орла и начало постройки гнѣзда. 2) Совѣтъ крота. 3) Пренебреженіе къ совѣту крота. 4) Счастливая жизнь орлиной семьи. 5) Несчастье семьи. 6) Раскаяніе орла. 7) Замѣчаніе крота.

19. Пустынникъ и медвѣдь (ст. 143). 1) Одинокая жизнь пустынника въ глуши. 2) Знакомство съ медвѣдемъ. 3) Ихъ дружба. 4) Прогулка друзей. 5) Усталость пустынника. 6) Предложеніе медвѣдя. 7) Сонъ пустынника. 8) Медвѣжья услуга.

20. Орелъ и пчела (ст. 145). 1) Презрѣніе орла къ пчелѣ. 2) Хвастовство орла. 3) Отвѣтъ пчелы.

II. ИЗВЛЕЧЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ СТАТЕЙ СЪ ИЗМѢНЕНІЕМЪ ИХЪ ФОРМЫ.

21. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ (ст. 6). Написать разсказы на темы:

а) **Пребываніе царевны у семи богатырей. Планъ:** 1) Теремъ богатырей. 2) Пріѣздъ богатырей. 3) Знакомство ихъ съ царевной. 4) Занятія богатырей и царевны. 5) Предложеніе богатырей и отвѣтъ царевны.

б) **Царевичъ Елисѣй въ поискахъ за невѣстой. Планъ:** 1) Отправленіе царевича въ путь. 2) Обращеніе его къ солнцу. 3) Обращеніе къ мѣсяцу. 4) Обращеніе къ вѣтру. 5) Указаніе вѣтра. 6) Нахожденіе царевны.

22. Савраска (ст. 9). Написать на темы: а) Какъ былъ проданъ Савраска въ первый разъ. б) Какъ былъ проданъ Савраска во второй разъ.

23. Именинникъ (ст. 15). Написать объ обрядѣ, который бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по окончаніи жатвы. **Планъ:** 1) Приготовленіе снопа именинника. 2) Возка снопа именинника. 3) Общее веселье.

24. Охота на утокъ (ст. 29). Написать о непріятномъ происшествіи съ охотниками. **Планъ:** 1) Охотники на дощаникѣ. 2) Несчастье съ дощаникомъ. 3) Положеніе охотниковъ. 4) Поиски брода. 5) Спасеніе охотниковъ.

25. Исторія капельки воды (ст. 32). Написать вкратцѣ о послѣдовательныхъ превращеніяхъ капельки воды. **Планъ:** 1) Превращеніе въ паръ. 2) Роса. 3) Вторичное превращеніе въ паръ. 4) Дождь. 5) Новое превращеніе въ паръ. 6) Снѣгъ. 7) Ручейки, рѣчка, море.

26. Зимовка на Ледовитомъ морѣ (ст. 42). Написать о зимовкѣ промышленниковъ на Новой Землѣ. **Планъ**: 1) Жилище. 2) Полярная зима. 3) Времяпрепровожденіе промышленниковъ. 4) Цынга. 5) Смерть товарищей. 6) Приближеніе весны.

27. Подъ экваторомъ (ст. 77). Написать, какъ проводили день на кораблѣ. **Планъ**: 1) Утро на кораблѣ. 2) Послѣобѣденныя занятія матросовъ. 3) Развлеченія.

28. Куликовская битва (ст. 88). Написать, какое участіе принималъ Димитрій Донской въ Куликовской битвѣ: что дѣлалъ великій князь передъ битвой, во время битвы и послѣ битвы.

29. Императоръ Петръ I (ст. 93). Написать вкратцѣ, какъ Петръ Великій проводилъ день во время пребыванія своего въ Петербургѣ.

30. Послѣ выздоровленія (ст. 107). Передать содержаніе статьи отъ третьяго лица: „Авторъ начинаетъ помнить себя и т. д.".

31. Пребываніе въ Багровѣ безъ отца и матери (ст. 113). Передать вкратцѣ содержаніе статьи отъ третьяго лица.

32. Бѣжинъ лугъ (ст. 122). Передать разказъ мальчиковъ о Тришкѣ.

33. Прохожій (ст. 126). Написать вкратцѣ, какъ Алексѣй и его мать отнеслись къ прохожему и какъ они были за это награждены.

34. Изъ повѣсти „Капитанская дочка" (ст. 134). Написать разсказы на темы:

а) Отправленіе молодого Гринева на службу.

б) Взятіе Пугачовымъ Бѣлогорской крѣпости.

в) Великодушіе Императрицы Екатерины Великой.

35. Сонъ Обломова (ст. 136). Какъ проводилъ день маленькій Обломовъ. **Планъ**: 1) Утро. 2) Ребенокъ на дворѣ. 3) Его наблюденія и любознательность. 4) Послѣобѣденныя развлеченія ребенка. 5) Вечеръ.

36. Сонъ Обломова (ст. 136). Какъ взрослые проводили день въ Обломовкѣ. **Планъ**: 1) Утренній чай. 2) Предобѣденныя занятія господъ и дворни. 3) Послѣобѣденный сонъ. 4) Борьба съ жаждою. 5) Времяпрепровожденіе обломовцевъ до отхода ко сну.

37. Левъ и мышь (ст. 141). Передать содержаніе басни безъ вносныхъ предложеній.

38. Волкъ и ягненокъ (ст. 146). Изложить содержаніе басни безъ вносныхъ предложеній.

39. Лжецъ (ст. 150). Изложить содержаніе басни безъ вносныхъ предложеній.

40. Не шуми, мати-зеленая дубровушка (ст. 152). Передать содержаніе этого стихотворенія. **Планъ**: 1) Обращеніе молодца къ дубровушкѣ. 2) Допросъ царя. 3) Отвѣты молодца. 4) Рѣшеніе царя.

41. Урожай (ст. 157). По этому стихотворенію написать о полевыхъ работахъ крестьянина.

42. Подражаніе псалму XIV (ст. 160). Написать, какими душевными качествами долженъ обладать Божій избранникъ.

43. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ (ст. 171). Передать содержаніе элегіи и выяснить, въ чемъ поэтъ находитъ для себя успокоеніе и примиреніе.

44. Изъ поэмы: „Полтава" (ст. 174). Написать на тему: Мысли и чувствованія Кочубея наканунѣ казни.

III. ОПИСАНІЯ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И СРАВНЕНІЯ.

45. Конь Чертопханова (ст. 8). Описать коня Чертопханова. **Планъ**: 1) Наружность. 2) Выносливость. 3) Ловкость движеній. 4) Нравъ. 5) Отношеніе къ хозяину.

46. Садъ Плюшкина (ст. 13). Описать садъ Плюшкина. **Планъ**: а) *Вступленіе*—общій видъ сада. б) *Изложеніе*—подробное описаніе сада. в) *Заключеніе*—выводъ автора.

47. Береза (ст. 21). Составить описаніе березы. **Планъ**: а) *Вступленіе*—общій видъ березы. б) *Изложеніе*—подробное описаніе березы. в) *Заключеніе*—польза березы.

48. Осень (ст. 24). Составить описаніе осени. **Планъ**: 1) Небо. 2) Сады, рощи и лѣса. 3) Птицы. 4) Рѣка.

49. Зайцы (ст. 26). Составить описаніе зайца. **Планъ**: 1) Устройство ногъ. 2) Трусость зайца. 3) Глаза его. 4) Враги зайца.

50. Лисица (ст. 27). Составить описаніе лисицы. **Планъ:** 1) Гдѣ водится лиса. 2) Наружность. 3) Голосъ. 4) Движенія и пріемы. 5) Жилище. 6) Образъ жизни. 7) Пища. 8) Воспитаніе дѣтенышей. 9) Охота на лисицъ. 10) Хитрость лисы.

51. Щука (ст. 34). Составить описаніе щуки. **Планъ:** 1) Наружность и устройство тѣла. 2) Долговѣчность и величина. 3) Пища. 4) Размноженіе щукъ. 5) Уженье щукъ. 6) Одинъ изъ видовъ охоты щукъ на рыбъ.

52. Финляндія (ст. 44). По этой статьѣ составить описаніе зимы, весны и лѣта въ Финляндіи.

53. Днѣпръ (ст. 52). Описать Днѣпръ: а) въ тихую погоду; б) въ теплую лѣтнюю ночь; в) во время грозы.

54. Рейнскій водопадъ (ст. 69). Составить описаніе Рейнскаго водопада: а) съ галлереи у водопада, б) съ Цюрихскаго берега.

55. Три пальмы (ст. 80). По этому стихотворенію описать картину каравана въ его постепенномъ приближеніи къ оазису.

56. Кулачный бой (ст. 90). Описать кулачный бой между молодымъ опричникомъ Кирибѣевичемъ и удалымъ купцомъ Калашниковымъ. **Планъ:** 1) Площадь у Москвы-рѣки. 2) Приготовленія къ бою. 3) Самый бой.

57. Старосвѣтскіе помѣщики (ст. 133). Составить описаніе жилища старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

58. Капитанская дочка (ст. 134). По этой статьѣ составить описаніе бурана въ степи; (имѣть также въ виду и статью „Буранъ въ Оренбургскихъ степяхъ", № 61).

59. Помѣщикъ-скряга (ст. 135). Составить описаніе жилища Плюшкина.

60. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (ст. 84). По этому стихотворенію указать характеристическія черты Олега и кудесника.

61. Изъ „Поученія дѣтямъ" Владиміра Мономаха (ст. 86).

а) Указать отличительныя черты Владиміра Мономаха.

б) Написать, какими качествами долженъ обладать хорошій человѣкъ.

62. Императоръ Петръ I (ст. 93). По этой статьѣ дать характеристику Императора Петра I. **Планъ:** 1) Наружность Петра. 2) Сила его. 3) Скромность царя въ одеждѣ и въ пищѣ. 4) Бережливость. 5) Простота въ обращеніи 6) Правдивость. 7) Трудолюбіе. 8) Любовь къ морю, наукамъ и физическому труду.

63. Изъ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики" (ст. 133). Указать характеристическія черты Аѳанасія Ивановича.
Планъ: 1) Наружность. 2) Времяпрепровожденіе. 3) Гостепріимство. 4) Добродушіе.

64. Изъ повѣсти „Капитанская дочка" (ст. 134). Указать характеристическія черты Императрицы Екатерины II. **Планъ:** 1) Наружность и одежда императрицы. 2) Привѣтливость, снисходительность и доброта ея. 3) Искренность и благородство чувствъ. 4) Строгое правосудіе. 5) Справедливое отношеніе къ заслугамъ.

65. Помѣщикъ-скряга (ст. 135). Дать характеристику Плюшкина. **Планъ:** 1) Наружность. 2) Нарядъ. 3) Жадность и скупость. 4) Отношеніе къ дѣтямъ. 5) Отношеніе къ людямъ. 6) Условія, способствовавшія развитію отрицательныхъ сторонъ въ характерѣ Плюшкина.

66. Изъ трагедіи „Борисъ Годуновъ" (ст. 175). Указать характеристическія черты русскаго лѣтописца.

67. Осень (ст. 24). Сравнить осень съ весною.
Планъ: 1) Продолжительность дня и ночи. 2) Погода. 3) Растенія и животныя. 4) Работы въ полѣ, саду и огородѣ. 5) Душевное настроеніе человѣка осенью и весною.

68. Югъ и сѣверъ (ст. 82). Сравнить югъ съ сѣверомъ.
Планъ: 1) Климатъ. 2) Роскошь и скудость природы. 3) Живописныя картины юга и однообразныя картины сѣвера. 4) Безпечность жизни на югѣ и безпрестанные труды и заботы сѣверянина. 5) Почему авторъ любитъ больше сѣверъ?

IV. РАЗСУЖДЕНІЯ.

69. Польза лѣсовъ (статьи 18, 20, 21, 22 и 156). **Планъ:** 1) Лѣсъ—украшеніе природы. 2) Вліяніе лѣса на климатъ и орошеніе. 3) Охота. 4) Лѣсные промыслы. 5) Плоды, ягоды, грибы и проч. 6) Вліяніе лѣса на здоровье человѣка.

70. Польза рѣкъ (статьи 32, 33 и 141). **Планъ:** 1) Орошеніе береговъ. 2) Вліяніе на климатъ, растительность и животныхъ. 3) Рыбные промыслы. 4) Рѣка—путь сообщенія и сплава. 5) Рѣка—двигательная сила (мельницы, фабрики). 6) Значеніе рѣки въ домашней жизни. 7) Рѣка—украшеніе мѣстности, источникъ удовольствій.

71. Горы, ихъ красота и польза (ст. 60, 62, 63, 67, 70). **Планъ:** 1) Общій видъ, высота и разновидности горъ. 2) Горныя долины, ущелья. 3) Смѣна растительности отъ подошвы до вершины. 4) Вліяніе на климатъ и орошеніе (примѣръ—южный берегъ Крыма). 5) Горы даютъ начало рѣкамъ. 6) Красота горъ. 7) Польза горъ: растительность, металлы и минералы, защита отъ внѣшнихъ враговъ.

72. Желѣзо (ст. 39, 64). **Планъ:** 1) Мѣстонахожденіе желѣза. 2) Руда и ея добываніе. 3) Обстановка работы въ рудникахъ. 4) Свойства желѣза. 5) Различные виды желѣза. 6) Издѣлія изъ желѣза, ихъ разнообразіе, необходимость, распространенность въ разныхъ отрасляхъ человѣческаго труда.

73. Вода и ея значеніе (ст. 32, 40). **Планъ:** 1) Мѣстонахожденіе воды. 2) Количество ея на землѣ. 3) Какая бываетъ вода. 4) Вліяніе воды на климатъ, растенія и животныхъ. 5) Значеніе воды для человѣка: а) питье, лѣченіе, соблюденіе чистоты; б) продукты, добываемые изъ воды: рыба, соль, растенія, драгоцѣнности; в) вода, какъ рабочая сила, въ первоначальномъ видѣ и въ видѣ пара. 5) Вода, какъ путь сообщенія.

74. Значеніе Волги для Россіи (ст. 47 и 48).

75. Въ какіе моменты исторіи особенно проявился патріотизмъ русскихъ? (ст. 87, 88, 91, 96, 97, 99, 100, 101, 102 и 104).

76. Любовь матери къ дѣтямъ (ст. 92, 168, 178).

77. Чѣмъ человѣкъ можетъ пріобрѣсть общую любовь (ст. 120, 126, 129, 149, 180).

78. О любви къ отечеству (ст. 181).

V. ТЕМЫ СОЧИНЕНІЙ.

79. Какъ я поступилъ въ училище. *Планъ:* 1) Первоначальныя домашнія занятія. 2) Передъ экзаменами. 3) День экзамена. 4) Училище, его обстановка и новыя впечатлѣнія. 5) Послѣ экзамена.

80. Мой учебный день. *Планъ:* 1) Сборы и отправленіе въ училище. 2) Дорога къ училищу (улицы, зданія, встрѣчи). 3) Въ училищѣ (сборъ учащихся, молитва, уроки, перемѣны). 4) Послѣ уроковъ. 5) Занятія на дому.

81. Наше училище. *Планъ:* 1) Улица. 2) Дворъ и домъ. 3) Училищное помѣщеніе. 4) Обстановка. 5) Учебныя пособія. 6) Училищные порядки.

82. Вокзалъ желѣзной дороги. *Планъ:* 1) Мѣстонахожденіе вокзала. 2) Внѣшній видъ его. 3) Внутри вокзала (распредѣленіе комнатъ, обстановка, освѣщеніе). 4) Платформа. 5) Служащіе и пассажиры. 6) Вокзалъ во время прибытія и отхода поѣзда.

83. Нашъ городъ. *Планъ:* 1) Мѣстонахожденіе города, его величина. 2) Рѣка, озеро или море, при которыхъ лежитъ городъ. 3) Улицы, площади, бульвары, сады, освѣщеніе. 4) Замѣчательныя зданія, памятники, сооруженія, учебныя заведенія. 5) Торговля и промыслы. 6) Значеніе города въ историческомъ и географическомъ отношеніи.

84. Весна и лѣто въ деревнѣ. *Планъ:* 1) Описаніе природы. 2) Растенія и животныя. 3) Сельскія работы. 4) Развлеченія.

85. Осень и зима въ городѣ. *Планъ:* 1) Осеннее ненастье и зимніе холода. 2) Общій видъ города осенью и зимою. 3) Занятія горожанъ. 4) Учебныя занятія дѣтей. 5) Развлеченія дѣтей и взрослыхъ.

86. Садъ и огородъ (сравненіе). *Планъ:* 1) Мѣстоположеніе. 2) Уходъ. 3) Общій видъ сада и огорода въ разныя времена года. 4) Друзья и враги сада и огорода. 5) Польза и удовольствія отъ обоихъ. 6) Сравнительныя выгоды и трудности садоводства и огородничества.

87. Лошадь и корова (сравненіе). *Планъ:* 1) Наружность. 2) Образъ жизни. 3) Пища и пищеварительные органы. 4) Уходъ. 5) Польза.

88. Домашнія и дикія животныя (сравненіе). *Планъ:* 1) Раздѣленіе животныхъ на домашнихъ и дикихъ, представители тѣхъ и другихъ. 2) Различіе въ образѣ жизни: жилье, пища, взаимныя отношенія, самозащита и пр. 3) Польза и вредъ домашнихъ и дикихъ животныхъ. 4) Отношеніе человѣка къ тѣмъ и другимъ.

89. Лиственные и хвойные лѣса (сравненіе). *Планъ:* 1) Отличительные признаки. 2) Породы деревьевъ. 3) Почва, влажность, климатическія условія. 4) Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи преобладаетъ хвойный и въ какихъ лиственный лѣсъ. 5) Растительность въ томъ и другомъ: трава, мохъ, ягоды, грибы, плоды. 6) Населеніе: звѣри, птицы, насѣкомыя. 7) Польза. 8) Видъ и красота въ разныя времена года.

90. Море и пустыня (сравненіе). *Планъ:* 1) Видъ моря и пустыни. 2) Острова и оазисы. 3) Явленія на морѣ и въ пустынѣ: бури, смерчи, миражи и пр. 4) Животныя и птицы. 5) Передвиженіе по морю и пустынѣ, его опасности. 6) Значеніе моря и пустыни для человѣка.

91. Польза домашнихъ птицъ. *Планъ:* 1) Мясо. 2) Яйца. 3) Пухъ и перья.

92. Животныя для ѣзды. *Планъ:* 1) Зависимость употребленія для ѣзды того или иного животнаго отъ условій климата, мѣстности и образа жизни человѣка и животнаго. 2) Лошадь, быкъ, оселъ, сѣверный олень, собака, верблюдъ, слонъ. 3) Способъ употребленія ихъ для ѣзды. 4) Уходъ за животными. 5) Замѣна животныхъ другими силами (паръ, электричество) и выгоды отъ этого.

93. Значеніе желѣзныхъ дорогъ. *Планъ:* 1) Желѣзнодорожный путь, его устройство и уходъ. 2) Движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, его преимущества и опасности. 3) Польза: почта, торговля, промышленность, личныя сношенія, путешествія.

94. Польза растеній. *Планъ:* 1) Необходимость растеній. 2) Какія части растенія человѣкъ употребляетъ въ свою пользу. 3) Злаки, корнеплоды и волокнистыя растенія. 4) Продукты ихъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ. 5) Уходъ за растеніями.

95. Друзья и враги человѣка среди животнаго царства. *Планъ:* 1) Друзья и враги человѣка на землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ. 2) Помощь человѣка друзьямъ и борьба съ врагами. 3) Взаимныя отношенія друзей и враговъ человѣка. 4) Результаты отношеній человѣка къ тѣмъ и другимъ.

96. Огонь. *Планъ:* 1) Способы добыванія огня прежде и теперь. 2) Огонь, какъ источникъ тепла: отопленіе, приготовленіе пищи, приготовленіе различныхъ предметовъ и издѣлій, источникъ рабочей силы. 3) Огонь, какъ источникъ свѣта: разные виды искусственнаго освѣщенія. 4) Вредъ огня и средства предупрежденія и борьбы съ нимъ.

97. Значеніе путешествій. *Планъ:* 1) Польза путешествій для здоровья: перемѣна климата, движеніе, новыя впечатлѣнія, пользованіе цѣлебными средствами той или иной мѣстности (минеральные источники, морскія купанья, лѣченіе виноградомъ и пр.). 2) Путешествія, какъ средство для обогащенія ума: непосредственное знакомство съ природой различныхъ мѣстностей, наблюденія въ области жизни, науки и искусства, пополненіе книжныхъ знаній живыми впечатлѣніями видѣннаго. 3) Удовольствія, доставляемыя путешествіями: новыя разнообразныя впечатлѣнія, новыя развлеченія.

98. Что спасло Россію въ 1612 и 1812 годахъ? *Планъ:* 1) Бѣдственное положеніе Россіи въ смутное время и во время нашествія Наполеона. 2) Самоотверженіе, стойкость и единодушіе русскаго народа. 3) Выдающіеся герои той и другой эпохи.

99. Значеніе дѣятельности Императора Петра Великаго для Россіи. *Планъ:* 1) Устройство арміи и флота. 2) Усиленіе могущества Россіи. 3) Просвѣтительная дѣятельность Петра. 4) Значеніе внутреннихъ преобразованій. 5) Развитіе торговли и промышленности. 6) Сближеніе съ Западной Европой. 7) Личный примѣръ Петра.

100. Терпѣніе и трудъ все перетрутъ. *Планъ:* 1) Препятствія, которыя человѣкъ часто встрѣчаетъ на пути къ достиженію благополучія: недостатокъ дарованій, недостатокъ средствъ, несчастные случаи и пр. 2) Важнѣйшія условія, способствующія преодолѣнію препятствій: а) трудъ постоянный и непрерывный во всѣхъ возможныхъ видахъ его, б) терпѣливость въ трудѣ, пренебреженіе неудачами и настойчивость въ достиженіи разъ намѣченной цѣли. 3) Выяснить роль указанныхъ условій въ дѣятельности нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ людей, напр. Петра Великаго, Суворова, Ломоносова.

III. СЛОВАРЬ.

А.

Абрекъ—кавказскій горецъ, давшій обѣтъ драться, не щадя головы своей.
Адмиралъ — высшій чинъ въ морской службѣ.
Акація—кустарникъ.
Актеръ—представляющій на театрѣ какое-либо лицо.
Аллахъ—названіе бога у магометанъ.
Альковъ—большая ниша.
Амальгама—сплавъ металла со ртутью.
Амбиція—самолюбіе.
Амбра—благовонное вещество.
Амбразура—отверстіе въ насыпи или стѣнѣ для помѣщенія дула пушки.
Амфитеатръ—зданіе въ видѣ круга или полукружія съ уступами для помѣщенія зрителей.
Арапъ—негръ.
Арена—мѣсто для представленій въ циркахъ; поприще.
Аркадія—страна въ Греціи, воспѣтая поэтами, какъ мѣсто счастливой, мирной жизни.
Арканъ—веревка съ петлей на концѣ для ловли пасущихся лошадей.
Археологъ—изучающій древности.
Архитектура—строительное искусство.
Астра—садовое растеніе.
Асфальтъ—твердая темнобурая смола, употребляемая для мощенія улицъ, тротуаровъ; идетъ на лаки и краски.
Ась—(простонародное)—что?
Аудіенція—пріемъ у высокопоставленнаго лица для выслушанія доклада, просьбы.
Аулъ—деревня на Кавказѣ.
Аще (церковное)—если, ежели.

Б.

Багоръ—длинный шестъ съ желѣзнымъ крюкомъ и остріемъ на концѣ.
Багрянецъ — пурпуровый, темнокрасный цвѣтъ.
Баклуши бить—повѣсничать, шататься безъ дѣла. Баклуша—деревяшка, изъ которой дѣлаютъ деревянную посуду.
Бакъ—помостъ на судахъ для рабочихъ.
Балчукъ—выдающійся задокъ тарантаса.
Бамбукъ—растеніе.
Баркасъ—большое гребное судно для перевоза тяжестей.
Барометръ—приборъ для измѣренія давленія атмосферы (воздуха); по барометру узнаютъ объ измѣненіяхъ погоды.
Барсъ—хищный звѣрь.
Бастіонъ—военное укрѣпленіе.
Баталія—битва, сраженіе.
Батальонъ—часть пѣхотнаго полка.
Батарея—часть артиллеріи при 8 пушкахъ.
Башка—голова.
Бегемотъ—млекопитающее животное изъ отряда толстокожихъ.
Беллини—италіанскій композиторъ.
Бешметъ—татарское полукафтанье.
Бирюза — драгоцѣнный камень голубого цвѣта.
Бирючъ — вѣстникъ, всенародный чтецъ царскихъ указовъ.
Благимъ матомъ — отчаянно, изо всѣхъ силъ.
Благоговѣйный—полный уваженія, смиренія, покорности.
Бова-силачъ—сказочный богатырь.
Бокалъ—сосудъ, подобный рюмкѣ, но большаго размѣра.
Бомбардированіе — обстрѣливаніе непріятельскаго города или крѣпости бомбами.
Бонитъ—морская хищная рыба.
Боръ—крупный сосновый лѣсъ.
Бортъ—бокъ корабля.
Ботъ—одномачтовое судно, большая лодка, шлюпка.
Браная скатерть—сдѣланная изъ бранины.
Бранина—узорочная ткань.
Бредень—рыболовная сѣть.
Бренный—непрочный, легко разрушаемый.
Броня—древній военный снарядъ для защиты тѣла отъ ранъ.
Брустверъ—ограда для прикрытія стоящихъ за ней солдатъ отъ выстрѣловъ.
Буекъ—1) спасательныя кольца, подушки и пр. изъ пробки и резины, бросаемыя утопающимъ; 2) небольшой якорный поплавокъ, знакъ при промѣрахъ.
Буза—кавказскій напитокъ.
Буксирный (пароходъ)—назначается для тяги лодокъ, барокъ и др. судовъ.
Булава—палица; служила знакомъ власти малороссійскихъ гетмановъ.
Булатъ—1) мечъ; 2) сталь самаго высокаго качества.
Бурка—родъ плаща изъ шерсти.
Бурлакъ—работникъ, тянущій судно бечевою противъ теченія.
Буръ—орудіе для сверленія земли, камня.
Бурьянъ—степная трава.
Бурсакъ—воспитанникъ бурсы, т. е. общежитія при духовныхъ училищахъ (въ прежнее время).
Буйволъ—млекопитающее животное, напоминающее быка.
Былина—пѣсни-разсказы русскаго народа.
Бюро—конторка, наклонный письменный столъ на высокихъ ножкахъ.
Бюстъ—изваяніе человѣка почти до пояса, но безъ рукъ.

В.

Важа—особаго рода дорожные чемоданы, приламенные къ кузову экипажа.
Валансьенъ—1) городъ въ сѣв. Франціи, извѣстный своими кружевами; 2) высокій сортъ французскихъ кружевъ.
Валежникъ—деревья и сучья, поваленные вѣтромъ или упавшіе отъ какой - либо другой причины.
Варваръ—1) въ старину: иноземецъ, иноплеменникъ; 2) грубый, свирѣпый человѣкъ.
Варега—шерстяная вязаная перчатка или рукавица.
Ватага—толпа, сборище, шайка.
Вахта—дежурство на суднѣ.
Вдохновеніе — внушеніе отъ Бога, воодушевленіе.
Вельможа—знатный сановникъ.
Верди—италіанскій композиторъ.
Вереница—расположеніе чего-либо рядомъ, одного за другимъ, гуськомъ.
Верещать—плакать, кричать съ визгомъ.
Вертелъ—желѣзный прутъ, на которомъ жарятъ мясо.
Вертепъ—пещера, притонъ.
Вертопрахъ — вѣтренникъ, неосновательный человѣкъ.
Верфь—мѣсто для строенія и починки судовъ.
Ветла—верба, ива.
Взводъ—четвертая часть роты или эскадрона.
Взморье—морское прибрежье.
Винтовка—особаго устройства ружье.
Витязь—храбрый, мужественный воинъ.
Власяница—черная одежда изъ грубой матеріи, монашеское одѣяніе.
Вождь—предводитель войска.
Волошка—растеніе.
Воспрянуть—внезапно подняться, встать.
Веструха—непосѣда, егоза.
Вотчина—родовое недвижимое имѣніе.
Выводокъ—семья птицъ: самецъ, самка и дѣтеныши.
Выкорчевать—вырывать съ корнемъ.
Вѣстовой—посыльный, подающій вѣсть.
Вѣщій—1) предсказывающій; 2) мудрый.

Г.

Гавань—приморское мѣсто, удобное для стоянки кораблей и съ приспособленіями для выгрузки и нагрузки судовъ.
Гагара—водяная птица.
Галунъ—золотая, серебряная или мишурная тесьма.
Гардина—занавѣска.
Гармоничный—благозвучный, стройный.
Гарнизонъ—войско, расположенное въ крѣпости или въ городѣ.
Гарь—1) мѣсто въ лѣсу, выжженное для пашни; 2) запахъ отъ горѣлаго вещества.
Гать—настилка изъ бревенъ или хвороста черезъ болотистое, топкое мѣсто.
Гайдукъ—такъ называли въ прежнее время служителя, имѣвшаго высокій ростъ и ѣздившаго на запяткахъ или верхомъ около экипажа.
Гайка—металлическая пластинка съ круглымъ отверстіемъ и винтовыми нарѣзами для закрѣпленія болтовъ, стержней и пр.
Гвардія—отборное войско.
Геній—высокая природная способность, творческій умъ, великій человѣкъ.
Геркулесовскій—чрезвычайной силы.
Геркулесовы столпы — крайній предѣлъ. (Древніе знали свѣтъ только до Геркулесовыхъ столповъ, т. е. до двухъ мысовъ, образующихъ Гибралтарскій проливъ).
Герцогство — владѣнія герцога; *Герцогъ*—титулъ владѣтельныхъ особъ въ иностранныхъ земляхъ.
Гигантскій—необыкновенной величины.
Гіена—хищное животное, величиною съ волка.
Гладіаторъ—въ древнемъ Римѣ бойцы, боровшіеся другъ съ другомъ въ циркѣ передъ зрителями.
Глазетъ—особаго рода парча.
Глушь—глухое, пустынное мѣсто.
Гололѣдица—тонкій слой льда, покрывающій землю послѣ мелкаго дождя или густого тумана.
Гондола—венеціанская лодка.
Грація—привлекательное изящество въ обращеніи и тѣлодвиженіяхъ.
Гренадеръ—солдатъ высокаго роста.
Гречневикъ—1) небольшой хлѣбецъ изъ гречневой муки; 2) крестьянская шляпа, имѣющая форму гречневика.
Гродетуръ—плотная шелковая матерія.
Гротъ—1) пещера въ горѣ; 2) большой прямой парусъ на парусныхъ судахъ.
Гротъ-мачта—средняя и большая мачта на судахъ.
Гувернеръ—воспитатель.
Гужикъ—петля изъ толстаго ремня или веревки, въ которую утверждаются оглобли и дуга.
Гужомъ—вмѣстѣ, гуськомъ, вереницей.
Гуторить—разговаривать, шутить.
Гяуръ—невѣрный; такъ магометане называютъ всѣхъ немагометанъ.

Д.

Давеча (нар.)—недавно, но въ тотъ же день.
Дамасская сабля—изъ дамасской стали. Дамасская сталь—особый родъ стали, выдѣлываемой у народовъ Востока.
Дебри—долины, густо заросшія лѣсомъ.
Декорація—видъ, или изображеніе мѣста, соотвѣтствующее драматическому дѣйствію.
Дельфинъ—морское животное, похожее на маленькаго кита.
Деньга—полкопейки, двѣ полушки.
Депутація — представители отдѣльныхъ лицъ, общества или народа.
Дергачъ—коростель, болотная птица.
Десница (церков.)—правая рука.
Джигитовка — гарцованіе, наѣздничанье.
Джигитъ—наѣздникъ.
Дипломъ — грамота, патентъ, свидѣтельство.

Діалектъ—нарѣчіе или племенное видоизмѣненіе какого-нибудь языка.
Діаметръ—линія, раздѣляющая кругъ пополамъ.
Длань—ладонь, рука.
Днесь (церковн.)—нынѣ, сегодня.
Дощаникъ—большая плоскодонная лодка.
Древесина — растительная ткань: самая твердая часть дерева, лежащая подъ корою и извѣстная въ общежитіи собственно подъ именемъ дерева.
Дрокъ—растеніе.
Дротикъ—короткая пика для метанія въ непріятеля.
Дуброва и *дубрава*—дремучій лѣсъ.
Духанъ (на Кавказѣ) — мелочная лавка, трактиръ.
Дѣвичникъ—вечеръ у невѣсты наканунѣ свадьбы: подруги невѣсты собираются въ ея домѣ и поютъ свадебныя пѣсни.
Дьякъ (въ старину)—письмоводитель, секретарь.

Е.

Егозливый—вертлявый, непосѣда.
Единоборство—поединокъ; борьба одинъ на одинъ.
Есаулъ—въ казачьемъ войскѣ чинъ, соотвѣтствующій капитанскому

Ж.

Желе—студень, приготовляемый изъ вина, ягодъ или плодовъ.
Желчь—жидкость, выдѣляемая печенью.
Жемчугъ—зерна, встрѣчающіяся въ видѣ нароста на внутренней поверхности раковинъ жемчужницъ — особой породы животныхъ, живущихъ въ моряхъ жаркихъ странъ.
Жимолость — лѣсное деревцо съ душистыми цвѣтами.
Журналистъ — пишущій въ газетахъ и журналахъ.

З.

Завалинка — земляная насыпь вокругъ стѣнъ избы.
Заводь—рѣчной заливъ.
Завѣтный—1) дорогой, святой; 2) завѣщанный, заповѣдный.
Загонъ—участокъ пахотной земли.
Заколдованный—завороженный, очарованный.
Задворки—мѣсто за дворами у крестьянскихъ домовъ.
Зажора—скопленіе воды подъ снѣгомъ.
Залежь—1) оставленное безъ обработки земля; 2) пластъ каменнаго угля, торфа и пр.
Залпъ—одновременный выстрѣлъ изъ многихъ пушекъ или ружей.
Зане—ибо, потому что.
Запятки — мѣсто позади экипажа, гдѣ стоитъ или сидитъ слуга.
Заросль—кустарникъ и побѣги, которыми заросло запущенное мѣсто.
Застава—заграда или ворота на дорогахъ при въѣздѣ въ городъ для взиманія пошлинъ.
Звѣробой—лѣсная трава.
Зевесъ—главный богъ у древнихъ грековъ: у римлянъ—Юпитеръ.
Зефиръ—легкій западный вѣтеръ.
Зипунъ—верхняя одежда крестьянина, короткая, сшитая изъ грубаго домашняго сукна или сермяги.
Злачный—обилующій злаками.
Зобъ—у зерноядныхъ птицъ нижняя часть горла, въ видѣ мѣшочка, въ которомъ проглоченныя зерна остаются нѣкоторое время.
Зодчество—строительное искусство, архитектура.
Зракъ—1) видъ, образъ; 2) изображеніе.
Зря—безтолково, опрометчиво, безъ цѣли и надобности.
Зубоскалъ—насмѣшникъ, смѣшливый.
Зыбка—колыбель, люлька.
Зыбунъ—зыбучая почва, трясина.
Зыбучій—колеблющійся, зыбкій.
Зыбь—1) движеніе волнъ, бывающее передъ бурей; 2) зыбкое, колеблющееся на землѣ мѣсто.
Зѣница—зрачокъ (въ глазу).

И.

Игуменъ—настоятель, начальникъ монастыря.
Идолъ — 1) изображеніе языческаго бога изъ камня, дерева, металла; 2) божество.
Излучина—уклоненіе отъ прямой черты; изгибина.
Изумрудъ—драгоцѣнный камень зеленаго цвѣта.
Илъ—глинистая, вязкая земля на днѣ водъ.
Иллюминація—освѣщеніе зданій, сада и вообще мѣстностей множествомъ огней по случаю праздненства.
Именитый—извѣстный, знаменитый.
Импровизировать — говорить рѣчи безъ приготовленія.
Инвалидъ—старый воинъ, неспособный къ военной службѣ.
Инда—такъ что, что даже.
Индѣ—кое-гдѣ, мѣстами.
Инженеръ—искусный въ постройкѣ мостовъ, машинъ, дорогъ и пр., а также умѣющій строить крѣпости и защищать ихъ.
Инкогнито—подъ чужимъ именемъ.
Инкрустированный—украшенный инкрустаціей. *Инкрустація*—нарѣзка по дереву съ прокладкой перламутра или металла.
Инокъ—монахъ, чернецъ.
Инстинктъ—безотчетное побужденіе, по которому дѣйствуютъ животныя.
Инструкція—наставленіе, наказъ.
Искони—(нар.) сначала, сперва.
Испоконъ—издавна, изстари.
Исполать—хвала, слава, спасибо.
Исполинъ—великанъ, богатырь.
Истово — надлежащимъ образомъ, какъ слѣдуетъ.

К.

Кабала—неволя, безусловная зависимость.
Кабарда—страна въ Терской области, въ Закавказьи.

Кавалеръ (ордена)—имѣющій знакъ какого-либо ордена, т. е. получившій въ награду крестъ.
*Каданс*ъ—1) благозвучіе въ стихахъ; 2) паузы и послѣдовательность звуковъ въ музыкальной пьесѣ.
Кадило—церковный сосудъ, курильница на цѣпочкахъ,въ которой на горящіе уголья кладется ладанъ.
Казакинъ—короткое мужское платье, родъ полукафтана.
Кактусъ—растеніе.
Каланча—высокая башня для наблюденія за пожаромъ въ городѣ.
Каллиграфъ — пишущій хорошо, чисто, красиво.
Камеръ-лакей—придворный лакей.
Камзолъ—часть одежды въ родѣ длиннаго жилета, нынѣ не употребляемая.
Камка—шелковая ткань, украшенная рисунками.
Камлотъ — плотная ткань изъ шерсти, иногда съ шелкомъ или бумагою.
Камышъ—болотное растеніе.
Канитель—спирально скрученныя тонкія проволоки, употребляемыя для вышиванія по сукну, бархату или для приготовленія эполетъ и др. офицерскихъ украшеній.
Канифасъ—1) бумажная легкая съ продольными полосами ткань; 2) хорошая парусина на паруса.
Капитель—украшеніе на верху колонны.
Капралъ — унтеръ-офицеръ (въ прежнее время).
Караванъ—1) въ Азіи: собраніе путешественниковъ вмѣстѣ идущихъ или ѣдущихъ; 2) нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ товарами; 3) собраніе рѣчныхъ судовъ, плывущихъ по одному пути.
Карагачъ—дерево.
Карликъ (*карла*)—мужчина необыкновенно малаго роста.
Картечь—выбрасываемая изъ пушки цилиндрическая жестянка, наполненная пулями.
Картузъ—фуражка съ козырькомъ.
Касатикъ—ласкательное названіе.
Каузъ—мельничный деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колеса.
Кацавейка—короткая женская одежда съ рукавами.
Кашка—трава, клеверъ.
Каютъ-компанія—общая комната на кораблѣ, служащая столовой и гостиной.
Каѳедра—возвышенное мѣсто, съ котораго говоритъ проповѣдникъ или учитель въ классѣ.
Кайло—землекопное орудіе въ родѣ молотка.
Кедръ—хвойное дерево.
Келья—комната монаха.
Кивотъ—родъ шкафа за стекломъ для святыхъ иконъ.
Кирка—орудіе для земляныхъ работъ.
Кислородъ—безцвѣтный газъ, входящій въ составъ воздуха.
Китайка—бумажная ткань.
Китель—лѣтній холщевый форменный сюртукъ.
Клевъ—хватаніе рыбой приманки на удѣ
Клеперъ—лошадь, употребляющаяся только для бѣга.
Клиръ—собраніе священно и церковнослужителей, весь причтъ церковный.
Клобукъ—головной уборъ монаха.
Клумба—грядка, засаженная цвѣтами.
Клюка — палка съ загнутымъ верхнимъ концомъ.
Ковыль—высокая степная трава.
Ковъ—заговоръ; умыселъ, предпринимаемый ко вреду другого.
Колдобина (или колдобоина) —яма съ водой.
Колдунъ—чародѣй, волшебникъ.
Коллегія—совѣщательное присутственное мѣсто.
Коллекція—собраніе однородныхъ предметовъ, напр., картинъ, насѣкомыхъ и пр.
Колодникъ—узникъ, арестантъ.
Колокъ—небольшой участокъ лѣса.
Колонія—поселеніе, основываемое государствомъ или его жителями въ другой странѣ.
Колонна—1) столбъ, поддерживающій или украшающій какую-либо часть зданія; 2) особое расположеніе войска.
Колоссальный—имѣющій огромные размѣры.
Колчанъ—сумка для стрѣлъ.
Колымага—громоздкая старинная карета.
Кольчуга—броня съ рукавами, сдѣланная изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ.
Комендантъ—начальникъ крѣпости.
Комендоръ—старшій изъ прислуги у артиллерійскихъ орудій.
Комиссаръ—приставъ, которому поручено что-либо въ завѣдываніе.
Коновязь—веревка для привязыванія лошади или для спутыванія ей переднихъ ногъ.
Контрастъ—противоположность.
Концертъ—публичное исполненіе музыкальныхъ произведеній.
Коранъ—священная книга магометанъ, содержащая ученіе Магомета.
Коржикъ—лепешка.
Корма—задняя часть судна.
Кормчій—правящій судномъ.
Корневище—подземный стебель растеній.
Коростель—птица.
Корректура — исправленіе погрѣшностей печатнаго набора.
Кортикъ—родъ коротной шпаги.
Кортома—аренда, откупъ, оброкъ.
Косма—клокъ волосъ.
Косогоръ—отлогая сторона горы.
Косынка — небольшой треугольный платокъ.
Котловина—углубленіе на земной поверхности.
Коты—обувь на подобіе башмаковъ съ высокими передками.
Коурка—лошадь коурой (свѣтло-коричневой) шерсти.
Кочка—кучка земли, обросшая травою или мохомъ.

Кошма—войлокъ.
Краснобай—говорящій красно, но не всегда основательно.
Кратеръ — жерло вулкановъ; отверстіе, изъ котораго происходятъ вулканическія изверженія.
Крезъ—древній царь, владѣвшій несмѣтными богатствами, почему его имя сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія весьма богатаго человѣка.
Крестецъ—часть спины, ниже поясницы, у тазовыхъ костей.
Кромѣшникъ—опричникъ.
Круча—обрывъ, утесъ, скала.
Кубарь—волчокъ; пустой шаръ, вертящійся на ножкѣ.
Кубышка—глиняный узкогорлый сосудъ съ выпуклими боками.
Куколь—колпакъ, пришитый къ воротнику шубы.
Кулишъ—похлебка изъ воды, муки и сала
Кумиръ—идолъ.
Кумысъ—напитокъ, приготовляемый изъ кобыльяго молока.
Кунакъ—пріятель (у черкесовъ).
Купа—собраніе многихъ предметовъ въ одномъ мѣстѣ; груда, куча.
Курганъ—могильный холмъ (у древнихъ).
Кургузый — короткохвостый, безхвостый.
Куцый—короткохвостый, безхвостый.
Куща—сѣнь, наметъ.

Л.

Лабиринтъ — древнія зданія со множествомъ комнатъ, галлерей и запутанныхъ переходовъ, вообще, всякая запутанность.
Лавръ—дерево.
Лазоревый—свѣтлосиній.
Лазурь—синева неба.
Лампасъ—широкая нашивка вдоль брюкъ.
Ландшафтъ—видъ мѣстности.
Латы—стальная одежда, броня.
Лебеда—трава.
Легіонъ — отрядъ воиновъ,—вообще, множество.
Лепестокъ—листочекъ цвѣточнаго вѣнчика.
Летикъ—отверстіе въ пчелиномъ ульѣ, для входа и выхода пчеламъ.
Лещина—лѣсной орѣшникъ.
Ливрея—служительское платье особаго покроя.
Линейка—экипажъ.
Лихорадка—болѣзнь, сопровождаемая ознобомъ и жаромъ.
Лишай—1) наростъ на деревѣ; 2) растеніе, близкое къ мхамъ; 3) накожная болѣзнь.
Лобное мѣсто—1) возвышеніе на площади, съ котораго въ прежнее время читались царскіе указы; 2) мѣсто, гдѣ производилась казнь.
Логъ, ложбина, лощина — низменное пространство между двумя возвышеніями.
Логово—мѣсто, гдѣ укрывается дикій звѣрь.
Лодырь—бездѣльникъ.
Ложа—деревянная часть ружья, въ которой лежитъ его стволъ.
Ломбардъ—ссудное учрежденіе, гдѣ выдаются въ заемъ деньги подъ залогъ.
Лопухъ—сорная трава.
Лоскъ—блескъ.
Лось—жвачное животное изъ сем. оленей.
Лоцманъ—проводникъ судовъ черезъ опасныя мѣста.
Лубочныя (картины)—самаго низкаго достоинства картины.
Лука—изгибъ какой-либо вещи: сѣдла, рѣки и пр.
Лукоморье—морской берегъ, идущій дугообразно, какъ лукъ.
Лукъ — металлическій или деревянный прутъ, согнутый въ дугу и стянутый тетивой для пусканія стрѣлъ.
Лѣтопись — перечисленіе или описаніе историческихъ событій, изложенное по годамъ.
Лѣшій—по народнымъ повѣрьямъ лѣсной духъ, хозяинъ лѣса.

М.

Макушка—верхняя часть головы у человѣка, верхушка зданія.
Малахай—мѣховая шапка съ наушниками.
Малица—одежда въ видѣ рубахи изъ оленьей шкуры, шерстью къ тѣлу.
Мальвазія—нѣжное, сладкое виноградное вино.
Мамонтъ — допотопный слонъ, иногда находимый въ землѣ.
Мантія—длинная, широкая одежда безъ рукавовъ, надѣваемая сверхъ обыкновеннаго платья.
Маркиза — наружный занавѣсъ передъ окнами.
Марсъ—дощатая или рѣшотчатая площадка у вершины мачты.
Маршалъ — высшее военное званіе во Франціи.
Маститый—глубокій старикъ, сохранившій бодрость, свѣжесть.
Матерой—большой, огромный, толстый.
Махровый—цвѣтокъ, у котораго тычинки наполняютъ всю чашечку или который состоитъ изъ множества лепестковъ.
Мачта—бревно, стоймя укрѣпленное посреди судна для подниманія парусовъ.
Маштакъ—малорослая лошадь.
Медикаментъ—лѣкарство.
Межа—узенькая полоса земли, отдѣляющая одно поле отъ другого.
Мелодическій — сладкозвучный, пріятный для слуха.
Мель—мелкое мѣсто въ водѣ; подводное возвышеніе дна, опасное для судовъ.
Менуэтъ—старинный танецъ.
Меринъ—лошадь.
Метлякъ—мотылекъ.
Метода (методъ)—порядокъ, способъ изложенія или ученія.
Механика—наука о движеніи; искусство строить машины.
Мечта—вообще всякая картина воображенія и игра мыслей; пустая несбыточная выдумка, призракъ.
Микроскопическій—очень маленькій, видимый только черезъ увеличительное стекло.

Мина—подкопъ подъ скалу или зданіе для произведенія пороховаго взрыва.
Миріады—безчисленное множество.
Міpянинъ—непринадлежащій къ духовному званію.
Миртъ—деревцо.
Мишура—поддѣльное швейное и ткацкое золото и серебро.
Модель—образецъ въ маломъ видѣ или въ уменьшенномъ размѣрѣ.
Мокредь—грязь, слякоть, дождливое сырое время.
Морда—сѣть изъ тонкихъ прутьевъ для ловли рыбы.
Москиты—вообще названіе мелкихъ насѣкомыхъ, мучащихъ человѣка и животныхъ.
Мосье (Французское)—господинъ.
Мотивъ—напѣвъ.
Моціонъ—движеніе, прогулка.
Мочь—сила, мощь.
Мощи—нетлѣнныя тѣла святыхъ.
Музей—мѣсто, заключающее въ себѣ собраніе рѣдкостей.
Мулла — магометанскій (татарскій) священникъ.
Мускусъ—жирное пахучее вещество.
Мышца—мускулъ; пучки мяса животнаго, прикрѣпленные въ большинствѣ къ костямъ.
Мѣшкать—медлить.
Мякоть—вообще все мягкое, пухлое.
Мята—растеніе.

Н.

Набатъ—звонъ въ колокола, бой въ барабанъ, въ доски и пр. въ знакъ тревоги для сбора людей.
Надежа (нар.)—надежда.
Надыть (народная форма)—надо.
Нареченный—объявленный, названный.
Нахохлиться — подымать перья, надуваться.
Низина—низменность.
Новоселье—новое мѣсто жительства.
Нѣдро—внутренность, глубь, нутръ.

О.

Обагрить—сдѣлать багровымъ, краснымъ.
Обезматочившій — улей безъ матки (царицы).
Обжи—1) сошныя оглобли; 2) мѣра земли, подъ пашнею.
Обитель—монастырь.
Обряды — дѣйствія, обычно исполняемыя при разныхъ случаяхъ (обряды церковные, свадебные и проч.).
Обѣдня—церковная служба послѣ утренней; литургія.
Одеколонъ—пахучая жидкость, изобрѣтенная въ Кельнѣ (въ Германіи).
Одноколка—повозка о двухъ колесахъ.
Одноствольный — сдѣланный объ одномъ стволѣ.
Одръ—ложе, кровать.
Ожерелье—украшеніе, носимое на шеѣ.
Оказія—1) случай; 2) приключеніе, неудача.
Окаянный—проклятый, нечестивый.
Околица—1) мѣстность вокругъ деревни до полей; 2) окольная, не прямая дорога.
Окстись—перекрестись (начало окститься).
Олеандръ—растеніе.
Омутъ—яма, глубокое мѣсто подъ водою.
Омешики (начало омешь)—сошникъ, ральникъ.
Опала—немилость, гнѣвъ, преимущественно царскій.
Опричникъ — принадлежавшій къ опричинѣ.
Опричина—тѣлохранители Іоанна Грознаго.
Оптическій—относящійся къ ученію о свѣтѣ и законахъ зрѣнія.
Опушка—край лѣса, поросшій мелкими деревьями или кустами.
Оранжерея—зданіе, въ которомъ сохраняются и растутъ зимою деревья и цвѣты.
Оратай—пахарь.
Орестъ и Пиладъ—два греческихъ мужа, соединенныхъ узами тѣсной дружбы, почему имена ихъ сдѣлались нарицательнымъ названіемъ истинныхъ друзей.
Осетины—одна изъ кавказскихъ народностей.
Осока—болотная колосистая трава.
Отдушина—отверстіе, черезъ которое входитъ и выходитъ воздухъ.
Отмель—прибрежная часть рѣки, гдѣ мелко.
Отрокъ—1) дитя отъ 7 до 15 лѣтъ; 2) въ древней Руси младшіе слуги князей.
Отъѣзжее поле—поле, отдаленное отъ селеній, гдѣ производится охота.
Очагъ—подъ изъ кирпичей, на которомъ разводятъ огонь для кухонной стряпни; въ перен. смыслѣ: своя семья, свой домъ.
Очкуръ—шнурокъ, которымъ стягиваютъ шаровары.

П.

Пажить—лугъ или поле, гдѣ пасется скотъ; пастбище.
Пажъ—молодой человѣкъ, служащій въ семъ званіи при владѣтельной особѣ.
Палица—палка.
Палуба—помостъ (полъ) на кораблѣ.
Панель—1) обшивка или окраска нижней части стѣнъ; 2) тротуаръ.
Паникадило—свѣтильникъ о многихъ свѣчахъ.
Панорама—1) большія картины, показываемыя публикѣ при особой обстановкѣ; 2) вообще, всякій красивый природный ландшафтъ, видимый со всѣхъ сторонъ.
Панцырь—металлическая рубаха, кольчуга, броня.
Паперть—притворъ, предхраміе, крыльцо; площадка передъ входомъ въ храмъ.
Паразитъ—низшіе животные или растительные организмы, живущіе на поверхности или внутри другого организма и питающіеся исключительно на счетъ этого послѣдняго.
Паркетъ—штучный полъ.
Паркъ—большой садъ для прогулки, роща съ аллеями.
Партизанъ—принадлежащій къ партизанскому отряду, т. е. къ легкому неболь-

шому летучему отряду, вредящему непріятелю внезапными нападеніями.

Партикулярный—частный, неформенный.

Пассажъ—случай, происшествіе.

Патріархъ—1) высшій начальникъ духовенства въ государствѣ, области (въ Россіи—Митрополитъ); 2) родоначальникъ, маститый, уважаемый глава семейства.

Патріотъ—любящій отечество.

Патронъ—зарядъ для ружья, состоящій изъ трубки съ порохомъ, иногда и съ пулею.

Пауза—перерывъ, временная пріостановка.

Пеликанъ—водяная птица съ большимъ мѣшкомъ подъ клювомъ.

Перекатъ—1) продолжительный, повторяющійся гулъ или стукъ; 2) мель на рѣкѣ, затрудняющая плаваніе судовъ.

Перелѣсокъ—небольшое пространство, поросшее молодымъ лѣсомъ.

Перепутье—перекрестокъ, гдѣ сходятся дороги, идущія въ разныя стороны.

Періодическій—бывающій или являющійся черезъ извѣстные промежутки времени.

Перламутръ—внутренняя оболочка нѣкоторыхъ раковинъ, жемчужнаго блеска.

Перлъ—жемчужное зерно.

Персона—важное лицо, особа.

Перстъ—палецъ.

Пестъ—орудіе для толченія или растиранія чего-либо въ ступѣ или толчеѣ.

Пешня—желѣзный ломъ съ трубкою, въ которую вставляется деревянная рукоять.

Пика—копье, насаженное на длинное древко (казацкая пика).

Пирамида—геометрическое тѣло, ограниченное съ боковъ треугольниками, которые вверху сходятся въ одну точку.

Питомникъ—разсадникъ растеній, гдѣ ихъ сѣютъ, разводятъ и затѣмъ пересаживаютъ куда нужно.

Пищаль—старинное огнестрѣльное оружіе, вдвое длиннѣе обыкновеннаго ружья.

Пластунъ—такъ назыв. черноморскіе казаки, искусники подползать къ непріятелю пластомъ.

Платформа—настилка, помостъ.

Плаха—1) отрубокъ толстаго бревна, надвое расколотый; 2) мѣсто казни, эшафотъ.

Пледъ—большой шерстяной платокъ.

Плесо—1) колѣно рѣки между двухъ изгибовъ; 2) длинный и мелкій заливъ у рѣки или озера, затонъ.

Плесъ—рыбій хвостъ.

Плита—плоско вытесанный камень.

Плотина — запруда поперекъ рѣки для удержанія воды.

Плющъ—вьющееся растеніе.

Побрякушка—игрушка издающая бряцаніе.

Повинная—самъ признавшійся въ винѣ и кающійся.

Подбористый—хорошо, красиво сложенный.

Подворье—дворъ.

Поднизи—привѣски изъ бусъ или изъ жемчугу къ кокошнику.

Подожокъ—палка, трость.

Поединокъ—бой, при которомъ бойцы выходятъ одинъ на одинъ.

Позументъ—золотая, серебряная или мишурная тесьма.

Полба—родъ пшеницы.

Полнощная—сѣверная.

Пологъ—занавѣсъ у кровати.

Полонъ—плѣнъ.

Полымя—пламя.

Полынь—трава.

Полынья—незамерзающее мѣсто на рѣкѣ, покрытой льдомъ.

Помазокъ—кисть для смазки дегтемъ колесъ и осей.

Понява—холстинная или шерстяная юбка у крестьянокъ.

Попона—покрывало для лошади.

Поросль—1) мѣсто поросшее лѣсомъ Побѣги отъ корня, отъ сѣмянъ.

Пороша—недавно выпавшій снѣгъ, легко сметаемый вѣтромъ.

Портупея—перевязь, на которой носятъ шпагу, саблю.

Поручень—родъ перилъ на судахъ, на лѣстницахъ.

Посадъ — мѣстечко, слобода, предмѣстье города.

Поселокъ—небольшое селеніе.

Поснѣдать (народная форма)—поѣсть.

Початокъ—начало чего либо.

Поэзія—искусство изображать въ словѣ прекрасное.

Поярокъ — шерсть съ овцы или барана, которыхъ стригутъ первый разъ въ жизни.

Пращъ—ручное орудіе для бросанія камней.

Преніе—споръ, состязаніе.

Престольный (городъ)—столица.

Прибасенка—острота, красное словцо.

Прибаутка — смѣшной разсказецъ, анекдотъ, забавная или веселая поговорка.

Приватный— частный, отдѣльный.

Привидѣніе—призраки умершихъ, являющіеся живымъ,—продуктъ болѣзненнаго состоянія видящихъ.

Прикорнуть — прилечь свернувшись или прислонясь къ чему-либо.

Присно—всегда, вѣчно.

Приступъ—(въ сочиненіи)—вступительная часть, начало, введеніе.

Притолока—части дверного косяка.

Притча—поучительный разсказъ.

Причалъ—1) колъ, свая, крюкъ для привязки судна; 2) веревка, которою привязываютъ судно.

Провіантъ—хлѣбные запасы для войска.

Прогалина - 1) небольшая узкая поляна въ лѣсу, просѣка; 2) мѣсто на водѣ, очистившееся отъ льда; полынья.

Продушина — щель, отверстіе для пропущенія воздуха.

Промоина—мѣсто, промытое водою; оврагъ, рытвина.

Проталина—мѣсто, гдѣ растаялъ снѣгъ и показалась первая травка.

Процедура—1) рядъ сложныхъ дѣйствій и формальностей; 2) судебное производство.

Процессія—торжественное шествіе.

Пуншъ—напитокъ изъ рома или виноградной водки съ горячей водой и сахаромъ.

Пурпуровый—красный съ фіолетовымъ оттѣнкомъ.
Пухлякъ—синица.
Пучина—глубина, морской водоворотъ.
Пяльцы—деревянная рама для рукодѣльныхъ работъ.
Пьедесталъ—подставка, подножіе, основаніе.

Р.

Развилистый—расшедшійся въ стороны.
Раздобрѣть—растолстѣть.
Разсѣлина—щель, трещина, оврагъ.
Ракита—разные виды вербы, ивы.
Растегай—пирожокъ съ начинкой.
Ратификація—утвержденіе договора двухъ государствъ.
Реверансъ—поклонъ.
Регуляторъ—приборъ, служащій для обезпеченія равномѣрнаго дѣйствія машины.
Редисъ—растеніе.
Резервуаръ—вмѣстилище для запаса воды.
Репертуаръ—собраніе музыкальныхъ или драматическихъ сочиненій, которыя играются въ теченіе извѣстнаго времени въ театрѣ, или которыя можетъ играть извѣстный музыкантъ или актеръ.
Репутація—общественное мнѣніе о человѣкѣ.
Рескриптъ—грамота, или письмо государя на имя подданнаго.
Рессора—упругая пружина въ экипажахъ, вагонахъ и т. п. для уменьшенія тряски.
Рейка—поперечина на мачтѣ судовъ; къ рейкѣ привязываются паруса.
Риза—священническое верхнее облаченіе, употребляемое во время богослуженія.
Роба—платье.
Роброндъ—верхнее дамское платье, употреблявшееся въ старину.
Рогатка — брусъ, закрывающій проѣздъ по дорогамъ.
Рокъ—судьба.
Романъ—большая повѣсть, изображающая дѣйствительную жизнь въ настоящемъ или прошедшемъ.
Ромашка—растеніе.
Роспуски—длинныя дроги на четырехъ колесахъ, употребляемыя для возки тяжестей.
Росшива—барка особаго устройства.
Рохля—непроворный, неповоротливый человѣкъ.
Рояль—музыкальный инструментъ.
Рукопись—все, что изложено на письмѣ рукою, а не печатью.
Руль—орудіе, привѣшиваемое къ кормѣ судна для поворачиванія его въ желаемую сторону.
Русалка—богиня водъ и лѣсовъ.
Рытвина—канава отъ дождей, водомоина.
Рычагъ—шестъ для подъема или переворачиванія тяжестей.
Рьяный—горячій, вспыльчивый, усердный.
Рѣдинка—рѣдкая ткань изъ пеньковыхъ нитокъ.
Рѣять—плавно нестись, быстро летѣть.
Рясный—крупный, частый, яркій, обильный.

С.

Саванъ—родъ длинной рубахи, въ которой иногда хоронятъ умершихъ.
Саврасый—свѣтло-гнѣдой съ желтизною.
Сага—сказаніе.
Сажалка—загороженное въ рѣкѣ мѣсто, куда сажаютъ рыбу; рыбья клѣтка, садокъ.
Сакля—хижина, землянка (у горцевъ).
Сакъ—у рыбаковъ: сѣтяной мѣшокъ, привязанный къ деревянному обручу съ шестомъ.
Салопъ—верхняя женская одежда.
Салотопня—мѣсто, гдѣ топятъ сало.
Салютовать—привѣтствовать (у военныхъ).
Сановникъ—имѣющій высокій санъ; вельможа.
Сапъ—заразительная болѣзнь у лошадей.
Сафьянъ—выдѣланная козловая кожа, различно окрашенная.
Сайдакъ—лукъ и стрѣлы къ нему.
Свая—заостренное бревно, вколачиваемое въ землю.
Свита—лица, находящіяся при государѣ или при важномъ сановникѣ.
Свѣтлѣйшій—титулъ нѣкоторыхъ княжескихъ родовъ.
Свѣтецъ—родъ шандала для лучины.
Свѣтопреставленіе—мысль о концѣ нынѣшняго міра, встрѣчаемая во многихъ религіяхъ.
Святки—время отъ Рожд. Христова до Богоявленія; сопровождается ряженіемъ, гаданьемъ и пр.
Сгибъ—мѣсто, въ которомъ что-либо согнуто.
Серафимъ—названіе одного изъ высшихъ ангеловъ, представляемаго шестикрылымъ.
Сервизъ—столовый или чайный приборъ.
Серенада—пѣніе или музыка, исполняемая вечеромъ на улицѣ или подъ окнами.
Сивка—сивая лошадь, т. е. имѣющая темную шерсть съ просѣдью.
Сидень—человѣкъ безъ ногъ, паралычный; рѣдко выходящій изъ дому.
Символъ—выраженіе отвлеченнаго понятія посредствомъ изображенія видимаго предмета, напр. левъ есть символъ храбрости.
Симптомъ—признакъ, по которому распознаютъ какое-нибудь явленіе, въ частности—признакъ болѣзни.
Скарбъ — всякая домашняя рухлядь, пожитки
Скопъ—скопленіе чего-либо въ хозяйствѣ: молока, масла и пр.
Скульптура—ваяніе, или искусство приготовленія статуй.
Снѣдь—пища.
Солимъ—Іерусалимъ.
Соловая—лошадь, имѣющая шерсть свѣтложелтую, хвостъ и гриву бѣлые.
Сонмъ—собраніе, толпа, куча народа.
Соратникъ—сотоварищъ въ войнѣ.
Сочельникъ — день наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія.

Спазма—болѣзненныя сокращенія мышцъ, судороги.
Сподвижникъ—соучастникъ въ какомъ-либо подвигѣ.
Сполохъ—сѣверное сіяніе.
Сѣчки—вырубленный лѣсъ или часть его.
Ставецъ—судокъ, приборъ съ разными напитками или приправами.
Статуя—изваянное изображеніе преимущественно человѣка, истуканъ.
Становище—мѣсто временнаго пріюта, привала, ночлега кочевниковъ.
Стелька—въ обуви: внутренняя подошва, прикасающаяся къ чулку.
Стихія—у древнихъ: основныя вещества всѣхъ тѣлъ — земля, вода, воздухъ и огонь.
Стольный—столичный.
Стремнина—утесъ, крутизна.
Стремянной—конюхъ или псовый охотникъ, сопровождающій ѣдущаго верхомъ господина.
Стрекануть — въ просторѣчіи—побѣжать со всѣхъ ногъ.
Стремглавъ—головой внизъ.
Стреножить—путать три ноги у лошади.
Студенецъ—колодецъ.
Студень—застуженный говяжій или рыбій взваръ.
Ступа — 1) сосудъ, въ которомъ толкутъ что-либо; 2) тяжелая, неповоротливая женщина.
Суженый—назначенный судьбой; женихъ.
Сурчина—сурочья нора (сурка).
Схима—монашескій чинъ, налагающій самыя строгія правила.
Сходни (сходня, употребительнѣе во множ. числѣ),—доска съ набитыми брусками для схода съ судна на берегъ, сверху внизъ и проч.
Сьеста—отдыхъ послѣ обѣда.
Сѣнная дѣвушка—горничная.
Сѣренка—сѣрная спичка,
Сѣчь Запорожская — собраніе казацкой вольницы, казаковъ запорожскихъ, жившихъ на островахъ за порогами Днѣпра.

Т.

Таборъ—станъ, лагерь, цыганское становище.
Талантъ—природный даръ, особенное дарованіе.
Тафтяной—сдѣланный изъ тафты: легкой шелковой матеріи.
Тафья—шапочка.
Температура—степень тепла или холода.
Тентъ — парусинная покрышка, растягиваемая на судахъ для защиты отъ солнечнаго зноя.
Теорія — изложенія правилъ науки или искусства.
Терраса—1) земляная насыпь или открытая площадка; 2) выходъ изъ дома на подобіе балкона.
Типунъ—хрящеватый наростъ на кончикѣ языка.
Тиранъ—жестокій деспотъ, злой мучитель.
Толока—потрава.
Толочить—вытаптывать растущій хлѣбъ или траву.
Толчея—орудіе, служащее для толченія. Толчеями на мельницахъ разбиваютъ ленъ и пеньку, чтобы волокна отдѣлялись.
Тоня—1) рыбная ловля; 2) мѣсто, гдѣ ловятъ рыбу неводами.
Тормазъ—приспособленіе для остановки на ходу экипажа или вагона.
Траншея—небольшой сухой ровъ, съ насыпью впереди его, служащій для защиты отъ выстрѣловъ.
Трапеза—1) столъ съ кушаньями; 2) въ монастыряхъ: комната, гдѣ монахи ѣдятъ.
Трапъ—лѣстница на кораблѣ.
Тризна—поминки по умершемъ.
Трутъ—то, что кладется подъ кремень, когда по немъ ударяютъ огнивомъ для добыванія огня (безъ спичекъ).
Туръ—дикій быкъ.

У.

Увалень—человѣкъ неповоротливый.
Увалъ—откосъ, отлогость, ухабина.
Угодье—всякая поземельная собственность: поле, лугъ, лѣсъ и т. п.
Узорочье—вообще вещи и ткани съ литыми, рѣзными, шитыми или ткаными узорами, служащими къ украшенію.
Уметъ—постоялый дворъ.
Ураганъ — сильная разрушительная буря, преимущественно въ жаркихъ странахъ.
Урема—лѣсъ и кусты, растущіе по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются весенней водой.
Утлый—старый, плохо построенный.
Ухорскій—хватскій, бойкій, молодецкій.
Ущелье—тѣсное мѣсто между горами.

Ф.

Фантазія—1) сильное воображеніе, способность придумывать образы и картины; 2) затѣйливыя, несбыточныя мечты.
Фантастическій — не существующій въ дѣйствительности, мечтательный.
Фарисъ—наѣздникъ, удалецъ.
Феноменъ—всякое вообще рѣдкое, необычайное явленіе.
Ферязь — русское старинное мужское платье съ длинными рукавами.
Фижмы—юбка на обручикахъ изъ китоваго уса, какъ носили ее въ прошломъ вѣкѣ.
Физіономія—обликъ, видъ,выраженіе лица.
Философствовать—мудрствовать, разсуждать.
Фитиль—свѣтильня, пропитанная чѣмънибудь горючимъ; служитъ для поджиганія пороха въ пушкѣ.
Флегматикъ—хладнокровный, вялый, тяжелый человѣкъ.
Флора—1) у древнихъримлянъ:богиня цвѣтовъ и весны; 2) растительное царство.
Флотъ—совокупность военныхъ и торговыхъ судовъ какого-либо государства.
Флюгеръ—значокъ на мачтахъ, шестахъ,

башняхъ и пр. для показанія, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ.
Фольга—тонкій листъ мѣди, свинца, олова, серебра, золота и пр.
Фрегатъ—военное судно.

Х.

Ханъ—азіатскій владѣтель, государь.
Хартія—старинная рукопись.
Хлюпать—шлепать, бродить по грязи.
Хоботье—мякина, отдѣляемая при вѣйкѣ хлѣба.
Хозары (Хазары)—дикій кочевой народъ, жившій въ южнорусскихъ степяхъ около 1000 лѣтъ тому назадъ.
Хоругвь—священное изображеніе на древкѣ, носимое при крестныхъ ходахъ.
Храмина—хоромы, жилой домъ.
Хризалида—куколка насѣкомаго.
Хроника—лѣтопись, записки современника.
Хрусталь—самый чистый сортъ безцвѣтнаго стекла.
Хрычъ—уничижительное названіе старика.
Художникъ—1) живописецъ; 2) человѣкъ, занимающійся какимъ либо искусствомъ: живописецъ, музыкантъ, ваятель, архитекторъ, поэтъ.

Ц.

Циркъ—круглое закрытое помѣщеніе для конныхъ представленій и другихъ зрѣлищъ.
Цѣвка—зубцы въ шестернѣ.
Цыновка—чистая рогожа хорошей работы.

Ч.

Чалый — сѣрый съ примѣсью другой шерсти.
Чапыжникъ—кустарникъ.
Чеканный — съ выбитыми или выдавленными буквами, фигурами, узорами.
Чекмень — верхняя долгополая казацкая одежда.
Челядь—дворовые слуги.
Чепракъ (чапракъ)—покрывало, которое кладутъ подъ сѣдло.
Чернецъ—монахъ, инокъ.
Чертогъ—дворецъ.
Чешуя—роговыя или костяныя пластинки, образующія наружный покровъ рыбъ и земноводныхъ.
Чинаръ—дерево, платанъ.
Чихирь—красное грузинское вино.
Чищоба—новь; мѣсто, расчищенное изъ-подъ лѣса.
Чурка—1) обрубокъ жерди; 2) улей изъ колоды.
Чухна (чухонцы) — особый народъ финскаго племени, живущій въ Петербургской губерніи.
Чуйка — длинный суконный кафтанъ.

Ш.

Шабала—болтунъ, пустомеля.
Шафранъ—растеніе; идетъ на краску и, какъ пряность, въ печенье.
Шайтанъ—бѣсъ, дьяволъ, лѣшій.
Шекспиръ — величайшій англійскій писатель-драматургъ.
Шеломъ—шлемъ.
Шестерня — два круга, соединенные цѣвками и приводящіе въ движеніе колесо.
Шестигранный — имѣющій шесть граней.
Шиповникъ—дикая роза.
Шкиперъ — 1) управляющій купеческимъ кораблемъ; 2) завѣдывающій принадлежностями корабля.
Шлемъ — металлическій головной уборъ; употреблялся въ старину для защиты головы во время сраженія.
Шмара—тина на водѣ.
Шпиль — вертикальный воротъ, служащій для подъема якорей и другихъ тяжестей на кораблѣ.
Штандартъ—знамя коннаго полка.
Штейгеръ—мастеръ, завѣдывающій работами въ рудникѣ.
Штольня — длинный подземный ходъ, устраиваемый для добыванія руды.
Штуцеръ—охотничье ружье, обыкновенно двухствольное.

Э.

Эволюціи — разнообразныя движенія (корабля, арміи).
Экспедиція—1) путешествіе, предпринятое съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью; 2) походъ.
Эластическій—гибкій, упругій.
Эмпиреи — по понятію древнихъ: высшее изъ всѣхъ небесъ, окружающихъ землю; высшія удовольствія, наслажденія.
Энергія—сила, постоянство, стойкость.
Эпизодъ—случай.
Эпопея—поэтическое повѣствованіе.
Эскадра—нѣсколько кораблей плавающихъ вмѣстѣ подъ командой одного начальника.
Эстафета — извѣстіе посланное съ нарочнымъ.
Этюдъ—упражненіе.
Эфемерный — скоропреходящій, бренный.
Эфенди (турецкое)—господинъ.
Эффектъ—дѣйствіе или впечатлѣніе, производимое кѣмъ-либо или чѣмъ-либо.
Эѳиръ—упругое, наполняющее вселенную, вещество незначительной плотности, колебаніями котораго ученые объясняютъ явленія свѣта, теплоты, электричества.

Ю.

Юла—волчокъ, дѣтская игрушка.
Юрта (юртъ)—шалашъ.
Ютъ—помость въ кормовой части корабля

Я.

Ягдташъ—охотничья сумка, куда кладутъ застрѣленныхъ птицъ.
Ямской—относящійся до ямщиковъ.
Янтарь—окаменѣвшая смола нѣкоторыхъ деревьевъ.
Яръ—обрывъ, подмытый берегъ.
Яхонтъ—драгоцѣнный камень.
Яхта—мореходное небольшое судно.
Яшма—камень.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Сказки.

а) Народныя.

б) Искусственныя.

II. Изъ природы и быта.

III. Дома и на чужбинѣ.

IV. Изъ прошлаго Россіи.

V. Изъ разсказовъ, повѣстей и романовъ.

VI. Басни И. А. Крылова.

VII. Стихотворенія.

А.

Б.

В.

Г.

VIII. Драматическія произведенія.

IX. Разсужденія.

Приложенія:

Школы"), цѣна 15 коп. **Выпускъ второй** (ко второй части „Русской Школы"), цѣна 20 коп. **Выпускъ третій** (къ третьей части „Русской Школы"), цѣна 25 коп.

Содержаніе: 1) *объясненіе* словъ, фразъ и оборотовъ рѣчи. 2) *Вопросы для повторенія, планы* съ цѣлью постепеннаго пріученія учащихся къ связной передачѣ прочитаннаго. 3) *Выводъ* основной мысли статей повѣствовательнаго характера. 4) *Письменныя задачи*, въ связи со статьями, для упражненія учащихся въ орѳографіи. 5) *Объяснительный текстъ* къ рисункамъ.

П. Д. Брянцевъ. Очерки древней Литвы и Западной Россіи. Цѣна 60 коп.

М. Бубликовъ. КРЫЛОВЪ. Всѣ его басни и подробный разборъ ихъ: объясненіе трудныхъ словъ, выраженій и оборотовъ рѣчи, планы басенъ, основная мысль каждой и историко-библіографическія примѣчанія. Съ приложеніемъ біографіи и критическаго обзора басенъ И. А. Крылова, портретовъ его и вида памятника въ Лѣтнемъ саду. Для школы и семьи. Цѣна 60 коп.

Его же. Спутникъ басенъ Крылова. Подробный разборъ всѣхъ басенъ И. А. Крылова: объясненіе трудныхъ словъ, выраженій и оборотовъ рѣчи, планы басенъ, основная мысль каждой и историко-библіографическія примѣчанія. Со статьей о значеніи басенъ И. А. Крылова. Цѣна 30 коп.

А. А. Виноградовъ. „Значеніе царствованія Екатерины II для Сѣверо-Западнаго края". Краткій историческій очеркъ. Ц. 25 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Н. Гольдбергъ и Ю. Солечникъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ, въ двухъ частяхъ:

Часть первая: (первый и второй годы обученія). Первая сотня. Первая тысяча. 2-е изданіе. Цѣна 20 коп.

Часть вторая: (третій годъ обученія). Числа любой величины. Составныя именованныя числа. Дроби. 2-е изданіе. Цѣна 15 коп.

Л. Гольдманъ. „Русское пѣніе". Сборникъ гимновъ, русскихъ народныхъ и военныхъ пѣсенъ и отрывковъ изъ произведеній русскихъ композиторовъ съ нотами для трехголоснаго хора. Цѣна 1 руб.

Отдѣльно отъ нотъ подъ тѣмъ же заглавіемъ продается книжка, содержащая текстъ пѣсенъ. Цѣна 10 коп.

Сборникъ стихотвореній и прозаическихъ статей для заучиванія учениками гимназій и прогимназій; составленъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Нар. Просв. 20 Іюля 1890 г. Изд. 11-ое, цѣна въ папкѣ 35 к.

Каганъ В. Л. Справочная книжка французскихъ неправильныхъ глаголовъ, изд. 5-е.

К-скій Е. Пособія при изученіи русск. яз. и слов. Курсъ пригот., I, II III и IV кл. гимназій и прогимн. Стихотворенія и прозаическія статьи для заучиванія наизусть, согласно примѣрному списку, помѣщ. при объяснит. запискѣ къ учебному плану русск. яз. и слов., съ приложеніемъ примѣчаній, руководящихъ вопросовъ, плановъ, темъ для упражненій, а также статей о сочиненіи вообще, повѣствованіи, описаніи и періодѣ; изд. 2-е. Ц. 45 к.

М. Ѳ. Кузнецовъ. „О школьномъ преподаваніи исторіи" (Методическія замѣтки и наблюденія). Цѣна 35 коп.

Пирожниковъ И. О. Нотная азбука въ пѣсняхъ для двухъ голосовъ. Сист. собр. шк. пѣсенъ для постеп. усвоенія на практикѣ главн. правилъ нотной грамоты. (Для каждаго правила нотной грамоты подобрана отдѣльная пѣсня). Необходимое пособіе ко всякому учебнику по элемент. теоріи музыки. Цѣна 20 к.

Его же. Нотная грамота для школъ и самообученія. Общедост. излож. правилъ элем. теоріи музыки, знаніе которыхъ необходимо для пониманія нотнаго письма, съ подробными пояснит. примѣрами, задачами для письменныхъ работъ и вопросами для экзамена. Изд. 2-ое. Печат. безъ измѣненія съ перваго изданія, одобреннаго Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для учит. библіот. низш. учил. Ц. 60 к.

Его же. Сокращенная нотная грамота въ объемѣ курса школьнаго пѣнія, съ прилож. пояснит. нотн. примѣровъ, ц. въ папкѣ 30 к.

Его же. Элементарный курсъ школьнаго пѣнія по нотамъ. Систематическій подборъ упражненій и пѣсенъ для постепеннаго усвоенія на практикѣ полнаго курса нотной грамоты. 2-е, вновь переработанное изданіе, цѣна въ папкѣ 35 коп.

Его же. Этюды во всѣхъ мажорныхъ и минорныхъ тонахъ для развитія техники и изящества игры на англійскомъ концертино (въ 2 тетрадяхъ): 1-я тетрадь (діезы) Цѣна 1 р. 50 к.; 2-я тетрадь (бемоли) ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Первые уроки школьнаго пѣнія и нотной грамоты въ 10-ти стѣнныхъ таблицахъ. *Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущено къ употребленію въ начальныхъ школахъ.* Ц. 1 р. 50 к.

А. Ривесманъ. Живая русская рѣчь. Систематическій сборникъ устныхъ и письменныхъ упражненій по русскому языку для школъ, гдѣ учащіеся при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Цѣна 30 коп.

Его же. *Руководящія замѣтки* къ книгѣ „Живая русская рѣчь", цѣна 15 коп.

Садоковъ и Крачковскій. Сборникъ русскихъ народныхъ гимновъ и пѣсенъ для народныхъ училищъ, съ нотами, 3-е изданіе Ц. 50 коп., въ корешкѣ 60 коп.

М. Соколовъ и Л. Гольдманъ. „ЖУКОВСКІЙ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ". Съ портретомъ и біографіей поэта. Для школъ и народа. Ц. 45 коп.

Тѣхъ же авторовъ. **„ПУШКИНЪ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ".** Съ портретомъ и біографіей поэта. Для школъ и народа. Ц. 40 коп.

Ступель А. Собраніе правилъ на всѣ ариѳметическія дѣйствія. Ц. 10 к.

Его-же. Собраніе ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ на числа первой сотни и на простѣйшія дроби. Выпускъ I. Цѣна 15 коп.

Турцевичъ А. Русская исторія (въ связи съ исторіей Великаго Княжества Литовскаго). Курсъ III кл. гимназій и реальныхъ училищъ. 7-ое изд. безъ перемѣнъ. 6-е изд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущена въ качествѣ учебн. руков. для среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Ц. 55 к.

Его же. Краткій учебникъ Русской исторіи. Вильна. 1903 г. Цѣна 25 коп.

голосовъ.
правилъ
отдѣль-
. теоріи

г. излож.
ониманія
ля пись-
ит. безъ
Минист.

кольнаго

Система-
оенія на
изданіе,

я разви-
2 тетра-
1 р. 50 к.

зъ 10-ти
щено къ

сборникъ
олъ, гдѣ
30 коп.

я рѣчь",

иновъ и
коп., въ

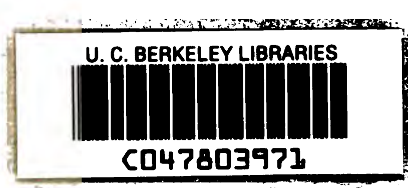
и музы-
школъ и

льныхъ
народа.

Ц. 10 к.
примѣ-
I. Цѣна

яжества
зд. безъ
качествѣ
одскихъ

г. Цѣна

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C047803971

